

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ФОРУМ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

НА ЭМБЛЕМЕ ФОРУМА ИЗОБРАЖЕН АТТРАКТОР ЛОРЕНЦА – ФИГУРА, ВОГЛОЩАЮЩАЯ
ВАРИАНТНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ ПОТОКОВ ЧАСТИЦ В НЕРАВНОВЕСНЫХ СИСТЕМАХ

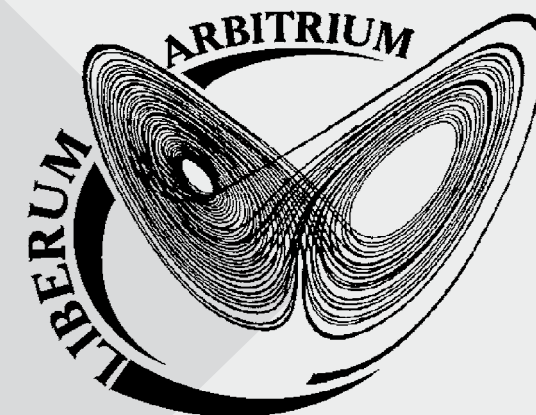
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ ЯНВАРЬ-МАРТ / 2023

INTERNATIONAL TRENDS
Journal of International Relations Theory and World Politics

ISSN 1728-2756 (PRINT)
ISSN 1811-2773 (ONLINE)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Том 21. Номер 1 (72). ЯНВАРЬ-МАРТ / 2023
Volume 21. No. 1 (72). JANUARY-MARCH / 2023

НЕОТВРАТИМОСТЬ КОНФЛИКТА МЕГАТРЕНДЫ

Алексей
Фененко	▶	История порядков
Екатерина
Степанова	▶	Стратегия перемирий
Валерий
Юнгблюд
Дмитрий
Ильин	▶	Политика торговли

Научно-образовательный **ФОРУМ** по международным отношениям

неправительственная некоммерческая организация
для содействия научно-образовательным
и просветительским программам, нацеленным
на формирование в России современного
профессионального сообщества международных
и политологов

Под нынешним названием Форум работает с 2000 г.

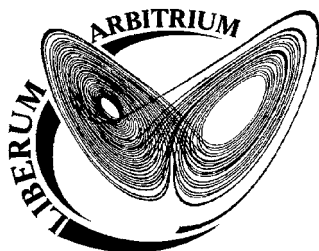
Президент Форума
Алексей Богатуров

Исполнительный директор
Андрей Байков

Сайт Форума:
<http://www.obraforum.ru>

INTERNATIONAL TRENDS

Journal of International Relations Theory and World Politics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Том 21. Номер 1 (72)
ЯНВАРЬ-МАРТ **2023**

Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)

The Journal of International Relations Theory and World Politics

Editor-in-Chief

Andrey Baykov
MGIMO University

Executive Editor

Igor Istomin
MGIMO University

Editorial Board

Chairman

Alexei Bogaturov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Sergey Afontsev, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Tatiana Alekseyeva, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Vladimir Baranovsky, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Andrey Baykov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Irina Bolgova, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Alexander Bulatov, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Timothy J. Colton, *Harvard University, USA*

Christine Inglis, *University of Sydney, Australia*

Igor Istomin, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Alexey Fenenko, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Maksim Kharkevich, *Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation*

Nikolai Kosolapov, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

S. Neil MacFarlane, *Oxford University, UK, Geneva Centre for Security Policy, Switzerland*

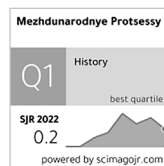
Tatiana Shakleina, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Valery Tishkov, *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Pavel Tsygankov, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Alexei Voskressensky, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

William C. Wohlforth, *Dartmouth College, USA*

ISSN 1728-2756 (PRINT)

ISSN 1811-2773 (ONLINE)

*The opinions expressed in **International Trends** are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editors, the editorial board, Academic Educational Forum on International Relations, or the organizations to which the authors are affiliated.*

«International Trends» (*Mezhdunarodnye protsessy*) is the first Russian academic journal of international relations theory and the methodology of world-political studies. It is independently published and managed by the Academic Educational Journal on International Relations, a Moscow-based Russian NGO established in 2000. Having no direct affiliation with any state or private institution, the journal aims to facilitate communication among scholars and educators in Eurasia and to foster their concerted effort in developing theoretical approaches to international relations and world politics. Our journal's priorities include new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics, migrations, and international political economy. Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. The journal circulates in 1,100 copies and also exists in an open-access format at: <http://www.intertrends.ru>. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts, and university faculty, it is distributed among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Administration of the President of the Russian Federation.

© Academic Educational Forum on International Relations

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Editorial Board.

Редакционная коллегия

Председатель

Алексей Богатуров

Татьяна Алексеева, Сергей Афонцев, Андрей Байков, Владимир Барановский,
Ирина Болгова, Александр Булатов, Алексей Воскресенский,
Кристин Инглис (Австралия), Игорь Истомин, Тимоти Колтон (США),
Николай Косолапов, Нил Макфарлейн (Великобритания), Валерий Тишков,
Уильям Уолфорт (США), Алексей Фененко, Максим Харкевич,
Павел Цыганков, Татьяна Шаклеина

Главный редактор

Андрей Байков

Шеф-редактор – первый заместитель главного редактора

Игорь Истомин

Ответственный секретарь – заместитель главного редактора

Ирина Болгова

Редакционно-корректорская группа

Даниил Менчиков, Ирина Николаева, Иван Хлудов

Журнал издаётся Научно-образовательным форумом
по международным отношениям

*Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах,
могут не совпадать с позицией Редакционной коллегии и НОФМО*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещанию и средствам массовой коммуникации
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–13727 от 14 октября 2002 г.

Журнал основан в 2002 году.

Журнал индексируется в библиометрических системах научной информации **Scopus**
и Russian Science Citation Index (**RSCI**) на платформе **Web of Science**.

ISSN 1728–2756 (печатная версия)

ISSN 1811–2773 (интернет-версия)

ООО Издательство «Аспект Пресс», 111141, Москва, Зелёный проспект, д. 3/10, стр. 15
Отпечатано: АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел. 8 (495) 221–89–80

© Журнал «Международные процессы», 2022

© А.Д. Богатуров, А.А. Байков, О.О. Гуляева (эмблема), 2022

**Никакая часть настоящего журнала не может быть воспроизведена в печатном,
электронном или ином виде без письменного разрешения редакции**

CONTENTS

RESEARCH ARTICLES

REALITY AND THEORY

- Alexey Fenenko International Order as a Category of International Studies:
Theoretical Foundations 6
- Ekaterina Stepanova Ceasefires as a Part of War, Peace Process,
or a “No Peace, No War” Format 43

CHRONICLE

People and events

- Valery Yungblyud Debate around U.S. Foreign Trade Legislation as an Element
Dmitriy Ilyin of Détente in Soviet-American Relations
(1969–1979) 75

CATCHING A TREND

- Alexey Bogdanov Legitimizing Power Projection in the US Foreign Policy 100
- Philipp Trunov NATO Development by the Early 2020s 118
- Elena Arlyapova Post-Conflict Economic Recovery in Kosovo 146
- Elena Ponomareva
- Miroslav Mladenovic

SCHOLARLY REVIEWS

ANALYTICAL PRISMS

Digest of Foreign Publications

- Ekaterina Kosevich Theoretical Foundations of the Foreign Policy
of Latin American Nations 162

LETTER TO THE EDITORS

- Yury Borovsky What Drives the West in Its Energy Policy? 189

SCRIPTA MANENT

Book Reviews

- Artyom Sokolov Leaders Against the Backdrop of an Era 212

Our authors 216

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ

Алексей Фененко	Мировой порядок как теоретико-методологическая категория	6
Екатерина Степанова	Перемирие как компонент войны, этап мирного процесса или формат «ни мира, ни войны»	43

ЛЕТОПИСЬ

События и люди

Валерий Юнгблуд Дмитрий Ильин	Дебаты вокруг законодательства о внешней торговле США как элемент разрядки в советско-американских отношениях (1969–1979)	75
----------------------------------	---	----

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

Алексей Богданов	Легитимация проецирования влияния во внешней политике США	100
Филипп Трунов	НАТО в начале 2020-х: многосторонние военные группировки в зоне ответственности Альянса	118
Elena Arlyarova Elena Ponomareva Miroslav Mladenovic	Post-Conflict Economic Recovery in Kosovo	146

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЗМЫ

Обзор зарубежных публикаций

Екатерина Косевич	Теоретические основания внешней политики стран Латинской Америки	162
-------------------	--	-----

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Юрий Боровский	Чем движим Запад в своей энергетической политике?	189
----------------	---	-----

SCRIPTA MANENT

Рукописи не горят. Рецензии

Артём Соколов	Лидер на фоне эпохи	212
---------------	---------------------------	-----

Наши авторы	215
-------------------	-----

Our authors	216
-------------------	-----

МИРОВОЙ ПОРЯДОК КАК ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

АЛЕКСЕЙ ФЕНЕНКО

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Резюме

Данная статья посвящена изучению мирового порядка в современной политической теории. Автор показывает, что современной англо-американской и российской политической науке присущи общие проблемы, связанные с изучением данной категории. *Во-первых*, современные международники зачастую неоправданно вырывают современный мировой порядок из контекста исторического развития, противопоставляя его всей мировой истории. *Во-вторых*, современным теориям мирового порядка присуща высокая степень нормативности: оценки политических процессов с морально-этических или откровенно идеологических (как правило, либеральных) позиций. *В-третьих*, исследователи часто преувеличивают оригинальность современного мирового порядка, хотя многие свойственные ему характеристики были присущи и другим порядкам. В современной политической литературе также часто путают или отождествляют понятия «порядок» и «система». Невывявленным остаётся механизм смены мировых порядков, их качественное отличие друг от друга и даже само их количество и наименование. В связи с этим автор сконцентрировал внимание на двух взаимосвязанных задачах: 1) определить взаимоотношение терминов «система» и «порядок международных отношений»; 2) обозначить системные характеристики мировых порядков, которые позволят выявить их количество, механизм их смены и качественное отличие. В рамках статьи автор уточняет терминологию по проблемам мировых порядков и предлагает рассматривать их как завершение политических систем, которые прошли свой цикл развития — от зарождения до распада. В основе порядка лежат определение соотношения сил между великими державами и установленные на его основе базовые ценности и правила взаимодействия. Мировой порядок возникает по результатам тотальной войны и ликвидируется тотальной войной; ограниченные войны регулируют отношения внутри мирового порядка. Два типа мировых порядков — гегемонистский порядок и порядок баланса сил — выступают как два равноположенных типа порядка. Их распад обусловлен объективными причинами (изменением соотношения сил и деградацией правовых норм), которые приводят к появлению антисистемных ревизионистов. Автор полагает, что Ялтинско-Потсдамский порядок, по-видимому, повторит полный цикл эволюции предшественников.

Ключевые слова:

мировой порядок; международный порядок; Вестфальская система; суверенитет; тотальная война; ограниченная война; статус-кво; ревизионизм; гегемонизм; баланс сил.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.01.2022

Дата принятия к публикации: 01.02.2023

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: afenenko@gmail.com

В современной политической науке проблематика мирового порядка остаётся не до конца определённой. Литература по данному вопросу настолько обширна, что заслуживает отдельного справочного издания [Кортунов 2019; Lascurettes, Poznansky 2021]. Вместе с тем в указанной проблематике сохраняются содержательные и терминологические лакуны, которые блокируют её дальнейшее развитие. Остаётся непрямым соотношением понятий «порядок» и «система»: на этот пункт указывает синонимичность употребления Венской системы и Венского порядка, Версальской системы и Версальского порядка и др. Невыявленным представляется механизм смены мировых порядков, их качественное отличие друг от друга, даже само их количество и наименование. В связи с изложенным в настоящей статье целесообразно сконцентрировать внимание на двух взаимосвязанных задачах: 1) определить взаимоотношение терминов «система» и «порядок международных отношений»; 2) обозначить системные характеристики мировых порядков, которые позволят выявить их количество, механизм их смены и качественное отличие.

Теория мирового порядка в англо-американской политической науке

Теория мирового порядка возникла вследствие развития системного подхода к международным отношениям. Ещё классик теории международных отношений и один из отцов-основателей политического реализма британский историк Эдвард Халлетт Карр ставил вопрос о том, как сохранить стабильность при неизбежном, с его точки зрения, переходе от одной конфигурации соотношения сил к другой, то есть от одного международного порядка к другому [Carр 1964: 16–18]. Тем самым он предвосхитил две основные проблемы изучения мировых порядков. Первая – порядок как отражение конфигурации соотношения между ведущими государствами в конкретную историческую эпоху. Вторая – порядок как некая стабильность в межгосударственных отношениях на протяжении некоего исторического периода.

Школа политического реализма, окончательно оформившаяся к середине XX века, оказалась в сложном положении. Американский политолог Ганс Моргентау утверждал, что его теория национального интереса действует только применительно к взаимодействию национальных государств, существование которых начинается после окончания Тридцатилетней войны (1618–1648) [Morgenthau 1948: 341–365]. Именно он подчёркивал «анархический» характер международных отношений. Государства в его концепции руководствуются только собственным интересом, а международные отношения – это прежде всего отношения, основным регулятором которых выступает сила [Morgenthau 1985: 37].

Похожего взгляда придерживался в конце 1950-х годов и ведущий представитель неореализма, американский исследователь Кеннет Нил Уолтц, утверждавший, что в основе международных отношений лежит «анархическое» начало. Это означало, что в международных отношениях нет единой законодательной системы, способной принуждать все государства к исполнению единых правовых норм [Waltz 1959: 51]. Вопросы, связанные с необходимостью его существования и его авторством, были вынесены учёным за скобки. Иначе говоря, оставалось не ясно, кто должен вводить подобные законы и на каком основании все государства мира должны им следовать.

В то же время британский историк Алан Джон Персиваль Тэйлор описал в своей работе «Борьба за господство в Европе» соперничество великих держав как международно-политическую систему, ограниченную периодом с 1848 по 1918 год [Тэйлор 1958: 32]. Как результат, Тэйлор во многом предвосхитил ту перспективу развития неореализма, на которую позднее ориентировался и Уолтц. Международные отношения анализировались как система взаимодействия национальных государств. При этом под «государством» понимался узкий слой элиты, который в данный период времени определяет внешнюю политику

государства, хотя он может не соответствовать интересам других социальных или национальных групп данного государства.

Выходом из методологического затруднения стала разработка теории политических систем. Последняя развивалась в рамках общего конструирования западной социологией теории систем, включая их сложные виды. Эта тенденция была связана с так называемой «бихевиористской революцией» в политической науке: термин, пришедший из биологии и означающий моделирование систем на основе устойчивых констант поведения их участников. Политические системы состоят из множества взаимодействующих составляющих (подсистем), вследствие чего приобретают новые свойства, которые отсутствуют на подсистемном уровне. В теории американско-канадского политолога Дэвида Истона политическая система находилась в постоянной динамике и непрерывном функционировании благодаря своей структуре [Алексеева 2019: 432].

Следующий шаг сделал американский политолог Мортон Каплан, предложивший шесть типов международных систем в зависимости от конфигурации центров силы. Речь идёт о 1) системе баланса сил (*balance of power system*), 2) гибкой биполярной системе (*loose bipolar system*), 3) жёсткой биполярной системе (*tight bipolar system*), 4) универсальной системе (*universal international system*), 5) иерархической системе (*hierarchical international system*) и 6) системе единичного вето (*unit veto international system*) [Kaplan 2005: 21; 151–161]. Классификацию М. Каплана можно было распространить на всю достоверно известную историю межгосударственных отношений с конца IV тысячелетия до н.э. Тем не менее в этом случае терялась специфика взаимодействия между национальными государствами Нового времени. Они, по сути, уравнивались с системами Древнего Востока, Античности и Средних веков.

Именно по этой причине американский политолог Дэвид Сингер в 1960-х годах предпринял попытку рассматривать [Singer

1969: 32] систему международных отношений, уделяя повышенное внимание национальному государству. Представленные им уровни анализа включали в себя глобальную систему МО, национальное государство и внутриэлитные субъекты, формирующие внешнюю политику конкретного государства. Модели М. Каплана и Д. Сингера подводили исследователей к логичному решению, что системе национальных государств требовалось придать пространственно-временную локализацию, то есть поместить её в исторический контекст.

Прообразом для будущей теории Вестфальской системы стали построения американского юриста Лео Гросса: ещё в 1948 г. он проанализировал Вестфальский мир 1648 г. как комплекс международных соглашений, положивший начало существованию системы национальных государств [Gross 1948: 20–41]. Следующий шаг сделал в том же 1948 г. уже упомянутый американский международник Ганс Моргентау в работе «Политические отношения между народами» [Morgenthau 1948]. Вестфальский мир, по его мнению, сделал национальное государство краеугольным камнем современной системы международных отношений. Окончательно построения Гросса и Моргентау утвердил известный американский учёный и политик Генри Киссинджер, который утвердил два базовых понятия для международных отношений: Вестфальская система («Вестфалия») и международный порядок (*international order*). Становление современной системы международных отношений, в которой ведущую роль играют национальные государства, бывший государственный секретарь США связал с окончанием Тридцатилетней войны и заключением Вестфальского мира. «Этот мир опирается на сосуществование независимых государств, которые воздерживаются от вмешательства во внутренние дела друг друга и сопоставляют собственные амбиции и амбиции прочих с принципом общего равновесия власти» [Киссинджер 2015: 3]. Таким образом, с середины XVII века до настоящего времени существует единая

Вестфальская система национальных государств, которая, возникнув в Европе, приобрела постепенно глобальный характер [Нефёдов 2022].

Однозначного определения порядка Г. Киссинджер не дал, ограничившись указанием, что любой порядок базируется на двух компонентах: 1) совокупности общепринятых правил, регулирующих пределы допустимых действий; 2) балансе сил, необходимом для сдерживания нарушителей политических правил. Тем не менее основой этого комплекса правил должна была выступать их легитимность, то есть согласие ведущих государств признать их в качестве законных и приемлемых. Заслуженный практик и теоретик при этом выделял три уровня порядков [Киссинджер 2015: 3], необходимых для анализа Вестфальской системы:

- мировой порядок как состояние конкретного региона или цивилизации, где действует комплекс договорённостей и существует распределение власти, которое считается приложением к миру в целом;

- международный порядок как практическое приложение указанной системы взглядов на значительную часть Земли, достаточную для того, чтобы сформировать глобальные правила взаимодействия;

- региональный порядок как применение базовых принципов мирового порядка на региональном уровне.

После Г. Киссинджера исследования категорий системы и порядка в западной, прежде всего американской, политической науке разошлись. Возникло два автономных кластера, в рамках которых изучались отдельные компоненты теории порядков.

Одна группа исследователей вслед за К. Уолтцем пошла по пути абстрактного моделирования международно-политической структуры без исторического контекста. Уолтц указывал, что в основе любой системы лежат правила, сформулированные в своё время великими державами, и созданные на их основе институты, которые затем стали жить самостоятельной жизнью, формируя параметры поведения всех государств, в том числе великих дер-

жав [Waltz 1979: 43–47]. Государства оказываются перед необходимостью выстраивать отношения по определённым правилам, что само по себе ограничивает их свободу при формировании внешнеполитической стратегии. Последняя, по мнению учёного, зависит от двух базовых компонентов: мотивов поведения государства и его места в международной системе [Waltz 1998: 44–79].

Другая группа международных исследователей нормативные основы порядков. Прорывом на этом направлении стали работы Хэдли Булла. В его концепции присутствовало разделение на международную систему и международное общество [Bull 2002: 3–21]. К первому он относил все государства мира, ко вторым – страны, создавшие некий кодекс поведения как основу будущего мирового порядка. Под международным порядком исследователь понимал «состояние или направление внешней активности, обеспечивающей незыблемость тех целей сообщества государств, которые являются для него, с одной стороны, элементарно необходимыми, с другой – жизненно важными, с третьей – общими для всех» [Bull 2002: 20]. Мировой порядок, в свою очередь, рассматривался как будущий всемирный порядок, построенный на основе некоего общемирового кодекса поведения, выработанного мировым обществом. По мнению Х. Булла, иерархия целей современного мирового порядка включала в себя:

- сохранение самой системы и сообщества управляющих ею государств;

- обеспечение независимости и суверенитета каждого государства;

- сохранение мира, понимаемого как возможность ведения войн лишь при особых обстоятельствах и в соответствии с принципами, разделяемыми мировым сообществом;

- наличие и функционирование общих установок для всей социально-политической сферы.

Теория иерархичности порядка дополнилась дискуссией о его нормативных основах. В начале 1980-х годов американ-

ский политолог-неореалист Роберт Гилпин отмечал, что стабильность системы напрямую зависит от способности ведущих держав-гарантов контролировать поведение других субъектов [Gilpin 1981]. Американский международник Линн Миллер полагал, что основой порядка выступает присутствие в мировой системе разрешительной нормы — права других стран на совершение некоторых действий в рамках данного порядка [Miller 1985: 50]. Его критик британский исследователь Роберт Купер, напротив, акцентировал внимание на запретительных нормах порядка: в чём данные правила ограничивают поведение конкретных государств [Cooper 1993]. Основой порядка исследователь считал гарантии определённого типа стабильности и правила, позволяющие управлять системой и поддерживающие её в состоянии свободы.

Исторические исследования отставали в развитии от политической теории систем. Попытки проанализировать отношения великих держав в рамках конкретных «систем» охватывали небольшой период времени и не выходили на уровень обобщений о характере порядка [Jarrett 2013; Black 2003]. Историко-политическая литература о международных отношениях XX века была сосредоточена в большей степени либо на борьбе держав, либо на юридических основах современного мирового порядка и их возникновении в ходе мировых войн. В этой связи закономерно, что американские исследователи не смогли даже договориться между собой о количестве порядков в рамках Вестфальской системы. Если, например, Г. Киссинджер выделял Вестфальские, Венские, Версальские и Ялтинские «правила», то Л. Миллер — Вестфальский и Вильсонианский порядки, а политолог Ричард Хаас говорил о Вестфальском (до конца Первой мировой войны), межвоенном и Ялтинском порядках [Haas 2020]¹. Британский исследователь Джордж Лоусон и вовсе их не разделяет, говоря в туманной форме о суще-

ствовании в прошлом Вестфалии [The Globalization of World Politics... 2008: 37–51], которая переросла в современный мировой порядок.

С середины 1990-х годов в теории мировых порядков утвердилось эклектическое направление, сочетающее положения неореалистской и неолиберальной школ. В её основе лежала точка зрения американского неореалиста Джона Миршаймера, определявшего мировой порядок как «организованную группу международных институтов, которые помогают регулировать взаимодействие между государствами, участвующими в их деятельности» [Mearsheimer 2019: 9]. Американский политолог Джон Айкенберри трактовал это понятие как «совокупность общепризнанных правил и принципов, которыми субъекты международных отношений должны руководствоваться в отношениях друг с другом» [Ikenberry 2019: 17]. Другой американский исследователь конструктивистского направления, Майкл Барнетт, и вовсе считал, что международный порядок представляет собой «модель взаимоотношений и действий, которые вытекают из правил, институтов, законов и норм, а также поддерживаются ими» [Barnett 2021: 1–22]. В его определении конкретная политика фактически исчезает, уступая место неким установленным державами моделям взаимодействия, имеющим при этом нормативную природу.

Лишаясь пространственно-временного контекста, порядок превращается из категории международно-политической в социологическую. Наибольшую роль в этом повороте сыграли, однако, не Уолтц и Айкенберри, а так называемая английская школа. Продолжая традиции Х. Булла, её представители сделали упор на систему норм и правил, утверждавшихся через ряд институтов. К ним относятся правила, регулирующие конфликты и войны, устанавливающие параметры суверенитета и определяющие, какие субъекты считаются законными членами порядка [Philpott 2010;

¹ Рец. на эту работу см.: [Мельникова 2020].

Phillips 2010]. Современные британские исследователи Кайл Ласкуреттс и Майкл Познански выделяют четыре типа порядков в зависимости от поведения субъектов: централизованный, гегемонистский, децентрализованный и переговорный. Часть из них носит умозрительный характер [Lascurettes, Poznansky 2021], то есть пока не существовала в реальности (например, история ещё не знала примера переговорных порядков, в которых бы отсутствовало применение силы).

Постепенно британский нормативизм стал вытеснять структурный анализ из американской традиции. Крупнейшая конструктивистская исследовательница Марта Финнемор с присущим ей морализмом ставила во главу порядка легитимность как обобщённое представление о том, какие действия политических элит желательны, правильны или уместны [Finnemore 2009: 58–85]. Последнее предполагает наличие у порядка карательного механизма и державы-гаранта, обладающей силой для наказания других субъектов за неправильные и неуместные, с точки зрения гаранта, действия. Такие исследователи, как Дэвид Лейк, Лиза Мартин и Томас Риссе, определяют порядок как «упорядоченные или структурированные отношения между подразделениями системы» [Lake, Martin, Risse 2021: 225–257]. В результате он превращается в нормативную, а не исследовательскую категорию, которую следует оценивать на основе её эффективности, а также согласия (или наоборот) с некоторыми ценностями. *Исследовательский вопрос «как функционирует мировой порядок?» был заменён на нормативный вариант «как должен функционировать мировой порядок?».*

Большинство этих определений фокусируют внимание исключительно на современном мировом порядке. Главные выводы, ради которых, собственно, и проводятся исследования, сводятся к двум результатам: 1) однополярность — наиболее предпочтительная форма порядка для сохранения стабильности; 2) в том или ином виде американская гегемония должна сохра-

няться на перспективу, несмотря на неудачи США в отдалённых регионах. Эти выводы имели в какой-то степени важное значение для международных отношений, которое, с другой стороны, в свете последующих событий оказалось сомнительным. Тем не менее для теории мировых порядков они создали, как минимум, три серьёзные методологические лакуны.

Во-первых, современный мировой порядок отделяется от всей остальной истории международных отношений, что создаёт иллюзию его уникальности и неповторимости. Вопросы, касающиеся исключительности нашего мирового порядка и его принадлежности к Вестфальской системе в качестве его последней модификации, выведены за скобки как не самые желательные.

Во-вторых, возникает психологический парадокс, согласно которому вся мировая история осталась за границей 1990 года. После него наступает набор то ли политических процессов, то ли политических институтов, то есть внеисторического пространства. Такая ситуация невозможна, к слову, даже по исключительно «поколенческим» расчётам. Поколение, родившееся около 1990 года, пока не вступило в активную политическую жизнь, и мы не знаем, насколько проводимая им политика будет отличаться от их предшественников.

В-третьих, подобный подход к определению мирового порядка следует постулату о необходимости управления международными процессами. Между тем сама идея управления является спорной. Для некоторых групп государств может быть выгоднее распад порядка и возобновление жёсткой междержавной конкуренции, чтобы переписать правила взаимодействия в свою пользу.

Таким образом, создаётся концептуальная диспропорция, когда проработанный терминологический аппарат оказывается оторванным от историко-политических процессов. Возможно, этот терминологический аппарат следует более чётко привязать к конкретным историческим периодам, то есть к разным мировым порядкам.

Теория мирового порядка в российской политической науке

В российскую политическую литературу понятие «мировой порядок» было введено ещё в эпоху «перестройки». Несмотря на господство марксистско-ленинской идеологии, в рамках ИМЭМО примерно в 1969 г. произошла своеобразная легализация теории международных отношений. В СССР во время правления Л. И. Брежнева под видом критики «буржуазных теорий» выходили работы, знакомящие читателя с новейшими достижениями западной политической науки [Система, структура и процесс развития... 1984]. В 1975 г. при МГИМО была создана Проблемная научно-исследовательская лаборатория системного анализа международных отношений (ПНИЛСАМО).

Тем не менее в Советском Союзе легитимизировал использование понятия «мировой порядок» помощник по международным делам Генерального секретаря ЦК КПСС Г.Х. Шахназаров, опубликовав 15 января 1988 г. статью в газете «Правда» под названием «Мировое сообщество управляемо»². В ней он отстаивал необходимость создания нового мирового порядка и мирового правительства, которое исходило бы из признания целостности мира и учитывало баланс всех сил. Фактически под мировым порядком в Москве тогда понималось гипотетическое советско-американское управление мировыми процессами ради построения глобального сообщества. Вопросы о том, нужно ли этими процессами управлять и могут ли СССР и США ими управлять, выносились за скобки³.

Либеральное понимание этого понятия оказалось комплементарным по отношению к позднесоветской марксистской школе. Напомним, что марксизм с его упо-

ром на социально-классовую природу государств был склонен рассматривать мир как единую систему или набор систем: формации, мир капитализма — мир социализма, мир труда — мир капитала и прочее. Для этого течения были характерны взгляд на государство как на вторичное отражение классовой системы социума и, главное, представление о глубокой взаимосвязанности государств через механизмы социального взаимодействия.

Советскому марксизму был присущ также и существенный моральный компонент: рассуждения о необходимости построения мира будущего в интересах большинства, социально уязвимых слоев, международного рабочего движения. После Второй мировой войны к этому перечню добавился и внешнеполитический компонент — борьба за мир, то есть понятие, само по себе ограничивающее интеллектуальный поиск [Шаклеина 2012: 26]. Нормативно-ценностный компонент проявлялся как в делении войн на справедливые и несправедливые, так и в рассуждениях о неприемлемости чего-либо: от новой мировой войны до экономического давления, определённого поведения государств и других факторов.

После распада СССР в российской политической науке стало закрепляться неолиберальное понимание мирового порядка [Шаклеина 2012: 14–55]. Тем не менее в России дискуссия вокруг этого феномена приобрела острое политическое измерение из-за популяризации Е.М. Примаковым концепции «многополярного мира» (изначально — многополюсного) [Примаков 1996: 3–15], то есть по факту миропорядка баланса сил. Такой проект, утверждённый на официальном уровне через систему российско-китайских соглашений⁴, однозначно шёл вразрез с планами по достижению

² Шахназаров Г. Мировое сообщество управляемо // Правда. 1988. 15 января.

³ Российский политолог А.В. Картунов с какой-то грустной иронией пишет об этом времени: «Да и вообще, кто из нас не был наивным романтиком в 1989 году?» [Картунов А.В. Несколько слов в защиту Френсиса Фукуямы // РСМД. 19 июня 2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neskolko-slov-v-zashchitu-frensisa-fukuyamy/?sphrase_id=34328280].

⁴ Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. 23 апреля 1997. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902155>.

американского лидерства. Как следствие, в нашей стране проблематика мирового порядка расколола научное сообщество на сторонников и противников лидерства США в мире. Не то чтобы это противостояние препятствовало исследованиям, но оно имплицитно присутствовало во всех теоретических спорах учёных-международников по данной проблематике.

В либеральном подходе, тесно связанном со школой Института США и Канады (ИСК) РАН, делался упор на глобализацию и якобы формирующуюся мироцелостность, что предполагало принятие англосаксонских концепций либерального порядка. Здесь произошёл синтез либерализма и позднесоветской версии марксизма. Уже американист Ю.П. Давыдов видел в мировом порядке «состояние системы международных отношений, соответствующим образом запрограммированное на её безопасность, стабильность и развитие и регулируемое на основе критериев, отвечающих нынешним потребностям прежде всего самых влиятельных субъектов данного мирового сообщества» [Давыдов 2002: 39]. Иерархичность казалась этому автору естественной, коль скоро она выражает потребности регулирования и развития на либеральной основе.

Похожий синтез либерализма и марксизма осуществил другой российский исследователь, Э.Я. Баталов. Он усматривал в мировом порядке интегральный концепт, отражающий обширный комплекс измерений системы отношений, которые складываются между субъектами мировой политики на том или ином этапе развития общества [Баталов 2003: 25–37]. Он выделял три типа порядков: социальный, политический и международный. По мнению учёного, любой порядок должен быть установлен «ради людей»: желательно [так! — А.Ф.], чтобы его целью стало обеспечение блага как можно большего числа людей.

Э.Я. Баталов симпатизировал либеральному направлению в англосаксонской политической теории. «Гуманистический настрой англо-американского теоретика заслуживает всяческой поддержки», — писал он о Хэдли Булле [Баталов 2003: 28].

Представители либерального подхода скептически относились к самой концепции многополярности. Международник В.М. Кулагин указывал, что возрождение *Realpolitik* XIX века не соответствует реалиям современного мира. В то же время многополярный мир, склеенный по лекалам того же столетия, не будет прочным [Кулагин 2006: 74]. Ещё скептичнее выражался В.Л. Иноземцев: «Главный урок европейской истории состоит в том, что многополярная система всегда стремилась через войны и конфликты превратиться в более простую, биполярную, версию»⁵. Более жёсткую позицию занял президент Института стратегических оценок А.А. Коновалов: «Стремление к многополярному миру в современных условиях было бы прыжком в XIX век, когда каждое государство выступало только за себя и против всех (...) Такая модель проведения политики категорически неприемлема в современном глобализирующемся мире»⁶. Вопросы о том, для кого она неприемлема, почему неприемлема и кто будет определять, что приемлемо, а что нет, фактически выносятся за скобки.

Критичным по отношению к многополярному миру был и научный руководитель Российского совета по международным делам (РСМД) А.В. Кортунوف. «И если вчитаться в современные российские нарративы, описывающие “новую” многополярность XXI столетия, то за пыльным многополярным фасадом очень часто вырисовывается всё та же железобетонная биполярная конструкция мировой политики, отражающая до конца не преодоленную советскую ментальность», — отмечал

⁵ Иноземцев В.Л. Мечты о многополюсном мире // Независимая газета. 18 сентября 2008. URL: https://www.ng.ru/ideas/2008-09-18/10_realpolitik.html

⁶ Коновалов А.А. Мир не должен быть многополярным // Независимая газета. 16 сентября 2008. URL: https://www.ng.ru/ng_politics/2008-09-16/16_peace.html

он в статье с программным названием «Почему мир не становится однополярным?»⁷. Вся эта аргументация, впрочем, повторяла тезисы бывшего государственного секретаря США Кондолизы Райс, которая ещё в 2003 г. доказывала превосходство однополярного мира при условии, что в нём отстаиваются ценности «свободы и справедливости» [Райс 2003].

Сторонники условно формально-нейтрального направления пытались проанализировать мировой порядок как некую объективно заданную структуру в международных отношениях. Фактически они наследовали К. Уолтцу, рассматривая это явление как некую систему, основанную на взаимодействии элементов. Такой системный подход, лишённый по возможности ценностной нагрузки, пытался утвердить в нашей стране профессор МГИМО М.А. Хрусталёв [Хрусталёв 1984]. Его подход предполагал создание тринарного теоретического синтеза (философской теории познания, системного подхода и теории международных отношений) и построение на его основе формализованной теоретической модели системы международных отношений.

Одновременно М.А. Хрусталёв доказывал приоритет американских ценностей и моделей при анализе международных отношений. «Американские политологические работы “задают сетку научных координат” исследователям всего мира. В этом их преимущество. Непрерывный поток публикаций нацелен на поддержание этой сетки, воспроизводство функционирующей картины мира, которую они построили, а мы усваиваем», — утверждал он в 2006 году [Хрусталёв 2006]. Иначе говоря, ценностное ядро даже в абстрактном, казалось бы, моделировании международных отношений всё же существует.

Профессор МГУ им. М.В. Ломоносова П.А. Цыганков понимал под международным порядком [Цыганков 2018: 194] совокупность принципов, регулирующих взаи-

модействие участников международных отношений:

- существование центров власти или силы, количество которых формирует ту или иную его конфигурацию;

- наличие правил и норм поведения, вокруг которых имеется уровень согласия всех участников международных взаимодействий;

- функционирование организаций и институтов для поддержания и совершенствования существующих правил и нормативных установлений, а также в качестве площадок обсуждения и принятия согласованных решений по ключевым вопросам международных отношений;

- определённый набор ценностей, разделяемых всеми системными игроками.

Более нюансированную позицию занимал в этом вопросе отечественный международник А.Д. Богатуров. В работе «Великие державы на Тихом океане» он исходил из системного определения порядка: «Под “порядком” в дальнейшем изложении будет пониматься система межгосударственных отношений, регулируемых совокупностью принципов внешнеполитического поведения [1]; согласованных на их основе конкретных установлений [2]; набора признаваемых моральными и допустимыми санкций за их нарушения [3]; потенциала уполномоченных стран или институтов эти санкции осуществить [4]; политической воли стран-участниц этим потенциалом воспользоваться [5]» [Богатуров 1997]. Тем не менее уже в статье 1999 г. «Синдром поглощения в международной политике» он обратился к концепции Х. Булла, выделяя политику государств, которые управляют порядком [Богатуров 1999: 28–48]. В 2003 г. А.Д. Богатуров провёл грань между международным порядком (отношения между всеми странами мира) и мировым порядком (отношения между ведущими государствами мирового порядка) [Богатуров 2003: 6]. По сути, учёный соглашался принять нормативную логику

⁷ Картунов А.В. Почему мир не становится однополярным? // РСМД. 27 июня 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolynym/>

Х. Булла. А.Д. Богатуров разработал на его основе теорию «плюралистической однополярности»: системы, при которой одно государство-лидер превосходит любого другого члена международного сообщества по совокупности своих возможностей, но действует в тесной координации со своими союзниками [Богатуров, Косолапов, Хрусталёв 2002: 283–296]. Впрочем, в 2008 г. исследователь пришёл к выводу о начале её распада [Богатуров, Фененко 2008].

Приоритет тем не менее здесь отдавался либеральным ценностям, точнее, некой их версии. П.А. Цыганков и А.П. Цыганков назвали это явление «просвещённым державничеством» [Цыганков, Цыганков 2017: 175–185], что само по себе показательно: по всей видимости, существует ещё державничество непросвещённое. Возникает вопрос: с чьей точки зрения оно выступает «просвещённым» или «непросвещённым»? Авторы отвечают на него следующим образом. Если западные реалисты всегда исходили из центральности положения Запада в международной системе, то российские просвещённые державники всегда учитывали важность решения задач внутреннего развития для России. Они стремились соединить идеалы сильного независимого государства с правами личности, проявляя при этом готовность учиться у других. Видимо, речь идёт о наличии у неких внешних субъектов права определять, насколько успешно учится у них Россия и, соответственно, насколько просвещённым (или непросвещённым) выступает её державничество.

На наличие ценностной основы обращал внимание А.Д. Богатуров: «войны следует делить на справедливые и несправедливые. Первые — направлены на отстаивание с оружием в руках суверенитета и права общности на свою независимость. Вторые — на приращение своих “прав” в новых сферах» [Богатуров 2016: 36]. Ещё глубже ценностную природу мирового порядка показали А.Д. Богатуров и А.А. Байков в своей работе 2018 года. «Работа системы международного регулирования осложняется положением внутри ООН», — отмеча-

ют они [Введение в прикладной анализ... 2018: 33]. Однако система международного регулирования в условиях 2018 года — это фактически консервация итогов перемен на международной арене, произошедших в 1991 году. Если некто считает, что итоги 1991 г. должны быть пересмотрены (а почему, собственно, их надо считать ценностью?), то работа международного регулирования будет такому субъекту скорее вредна. *Иначе говоря, ценностно-нейтральной структуры, по К. Уолцу, всё-таки не получилось: в основе мирового порядка лежат какие-то ценности, и автор не может быть к ним нейтральным, то есть описывать современность в формально-аналитическом ключе.*

Особняком здесь стояли работы представителя ИМЭМО Н.А. Косолапова, хотя эволюция его взглядов была похожей. В начале 2000-х годов он предполагал, что мировые порядки национальных государств — только одна из форм эволюции человеческого социума [Богатуров, Косолапов, Хрусталёв 2002: 297–334]. Ялтинский порядок, считал он, из одного мирового перерастает в систему глобальных отношений, построенных на качественно иной основе, которая напоминает иерархическую структуру социума. Логика Н.А. Косолапова означала социологизацию анализа, когда мировой порядок рассматривается по аналогии с порядком внутри общества. Тем не менее в 2008 г. исследователь предсказывал начало нового этапа военных конфликтов между национальными государствами, включая возможную прямую войну между Россией и США [Косолапов 2008]. Похоже, Н.А. Косолапов признал то ли несостоятельность, то ли преждевременность идей глобализации. Он пришёл к выводу, что мы продолжаем жить в мире национальных государств, хотя и с глобальными пространствами взаимодействия.

Реалистское (точнее, социально-реалистское) направление оказалось наиболее восприимчиво к идеям многополярного мира. Оно не стало слишком популярным в российской политической науке:

здесь господствовал позаимствованный из англосаксонской теории постулат о стабилизирующей роли какого-либо вида однополярности. Поддержку теории классической многополярности высказали только немногие учёные, прежде всего К.К. Гаджиев [Гаджиев 2007: 3–23] и В.А. Никонов [Никонов 2002: 78–90].

В более мягкой форме концепция многополярности была оценена российским политологом М. М. Лебедевой. Она вписала современный мировой порядок в логику саморазвития Вестфальской системы национальных государств [Лебедева 2020: 24–35]. Вместе с тем был сделан упор на современную систему либеральных ценностей для мирового порядка. «По всей видимости, принципы, выработанные в рамках либерального мирового порядка, такие как рациональность и соблюдение норм, вполне могут быть использованы. Важно иметь в виду, что нормы вырабатываются в процессе взаимодействия через переговорные механизмы» [Лебедева 2020: 32]. Этот порядок, таким образом, может и не быть диктатом США и их ближайших союзников, но всё равно усвоит либеральные нормы.

В начале XXI века центр разработки этой концепции сместился в сторону Совета по внешней и оборонной политике (СВОП). Мировой порядок С.А. Караганов понимал как некий тип социально-политического устройства какой-либо системы государств. «После войны существовало два мировых порядка. Один — либерально-демократический и капиталистический, ведомый США. Второй — социалистический, ведомый СССР. После развала СССР на короткий момент был объявлен “либеральный мировой порядок”, к разрушению которого Россия действительно приложила

руку — самостоятельностью, действиями на Украине и в Сирии», — отмечал он⁸. Впрочем, С.А. Караганов не рассматривал многополярный мир как абсолютный приоритет. «Я не считаю, что многополярный мир — это идеальный мир. Концепция многополярного мира возникла в качестве противодействия миру однополярному, который якобы существовал в 90-е и в начале 2000-х годов, — обратил он внимание в 2017 году. — Поэтому я думаю, что он когда-нибудь должен прийти к более устойчивому новому состоянию. Например, к двум центрам, о которых я говорил выше. Многополярность не цель. Это переходный период»⁹. Последний пассаж делал поддержку концепции многополярного мира не абсолютной.

Всплеск дискуссии по проблемам многополярного порядка пришёлся в России на вторую половину 2010-х годов, что было связано с выходом в свет работы А.Г. Дугина «Теория многополярного мира» [Дугин 2015]. Будущее системы международных отношений он вслед за немецким философом О. Шпенглером и американским политологом С. Хантингтоном рассматривал как баланс цивилизаций. Эта работа вызвала серию критических публикаций с показательными возражениями. Например, российский исследователь Д.А. Дегтерёв указывал¹⁰, что теория Дугина возникла «за пределами конвенциональности»: большая часть российского академического сообщества приняла в той или иной форме англосаксонскую концепцию либерального порядка¹¹.

Ещё интереснее критика многополярности, предложенная И.А. Истоминным. Упрекая Дугина в излишней «нормативности» (восприятии многополярного

⁸ Сергей Караганов — о будущем миропорядке. 8 сентября 2017. URL: <https://www.rubaltic.ru/blogpost/08092017-budushchiy-miroporyadok/?ysclid=I9fnzs1cq841675579>

⁹ Караганов С.А. Холодная война: прогноз на завтра // С. Караганов. Персональный сайт. 22.10.2017. URL: <http://www.karaganov.ru/publications/462?ysclid=I9vnke9h80283207009>

¹⁰ Дегтерёв Д.А. Многополярность или новая биполярность? // РСМД. 16 января 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/>

¹¹ Аргумент интересный, если вспомнить, сколько научных открытий было сделано «за пределами конвенциональности», а главное, Д.А. Дегтерёв открыто говорит о том, что российское академическое сообщество полностью приняло не научную, а идеологическую концепцию либерального порядка.

порядка как справедливого), он сам критикует его с нормативных позиций [Истомин 2016]. *Во-первых*, в основе либерального подхода к пониманию мирового порядка лежит признание за группой стран права принуждать другие политии к соблюдению ценностных норм. Если мы отрицаем за ними такое право или сами постулируемые ими нормы, то вся концепция мирового порядка оказывается под сомнением. *Во-вторых*, расчёт экономических потенциалов, на который ссылается исследователь, выполнен прежде всего для миролюбивой цивилизации. Экономика войны строится на совершенно иных основах и параметрах.

В российской политической науке, таким образом, были воспроизведены тенденции американской политической науки. В стране утвердился взгляд на современный мировой порядок как на нечто качественно отличное от всей мировой истории. Между тем тезис о том, что и гегемонистский порядок, и порядок баланса сил не оригинальны, а имели свои аналоги в истории, может изменить формат отношений.

«Мировой» и «международный» порядки

Отделение от категории порядка ее конкретно-исторического содержания породило схоластический спор о «мировом» (*world*) и «международном» (*international*) порядке. В реалистской школе Г. Моргентау и К.Н. Уолтца (при всём различии реализма и неореализма) категория порядка рассматривалась как объективно заданное состояние в международных отношениях в определённый момент времени. Вместе с тем примерно с 1970-х годов пошла критика этого направления представителями либеральной школы. Взяв за основу уже упомянутую теорию Х. Булла [Миронов 2011], они утверждали, что «мировое сообщество» (читай: США и их ближайшие союзники) строит свои отношения на основе международно-правовых норм и институтов, согласовывая свои интересы в рамках единого квазиправового пространства. Только когда отношения между

всеми национальными государствами во всём мире будут построены на общей правовой основе, можно якобы будет говорить о построении мирового порядка.

Тем не менее, строго говоря, все международные порядки и были мировыми, поскольку имели глобальный охват благодаря проведению европейскими державами колониальной экспансии и наличию у них «морской мощи». К Вестфальскому в Европе были подключены Северная и Южная Америка (как колониальные владения европейских держав), Южная, Юго-Восточная Азия, Австралия и приантарктические территории (сначала через англо-голландское, а затем англо-французское соперничество). К Венскому в Европе органично подключились Центральная и Восточная Азия (через русско-британскую «большую игру»), Западное полушарие (через отношения европейских держав с США и латиноамериканскими странами), Африка и Океания (через колониальное соперничество европейских метрополий) и даже приполярные территории, за которые к исходу XIX века развернулась борьба между великими и средними державами. Версальско-Вашингтонский порядок, образованный по итогам Первой мировой войны, уже создал единую правовую систему для всех суверенных государств при помощи Лиги Наций.

Идея «международного сообщества» как группы ведущих стран, отношения между которыми регулируются неким кодексом поведения и моральными ценностями, существовала и в прошлом. Попыткой её воплощения была Лига Наций как основной институт Версальско-Вашингтонского порядка. В ней выделялись два компонента: 1) государства-гаранты, объединённые в Совет Лиги Наций; 2) основные участники, принимаемые в организацию по мере соответствия её критериям. Фактически это и была структура международных отношений по Х. Буллу: «международное сообщество» (державы-победители в Первой мировой войне и близкая им группа стран) и «мировая система» (все современные им суверенные государства мира).

Британский историк А.Дж. Тэйлор, словно заочно полемизируя с Х. Буллом, выделил два периода «долгого мира» в Венском порядке: 1) период Священного союза, 1815–1848 годы; 2) период «Европейского концерта», 1871–1914 годы [Тэйлор 1958: 50–52]. В первом случае великие державы Старого Света не просто не вели между собой войн: их монархи и аристократия ощущали общность друг с другом в рамках идеологии легитимизма. Во втором случае принципы «монархической солидарности» также сохранялись, хотя и в меньшей степени, чем в первом. Не следует забывать, что оба периода «долгого мира» были временем колониальной экспансии, когда европейские государства, не воюя друг с другом, делили между собой остальной мир. Иерархическая система «международного сообщества» против «международной системы» была в Венском порядке даже более иерархичной, чем её описал Х. Булл для периода 1970-х годов.

Вместе с тем и в предшествующем Вестфальском порядке существовало «международное сообщество» как клуб великих держав, определявший ход истории. Он не был институционализирован, но негласно был очерчен и понятим всеми. По итогам Тридцатилетней войны к ним относились Франция, Англия (впоследствии Великобритания с 1707 года), Испания, Голландия, Швеция, Священная Римская империя. В начале XVIII века в этот клуб добавились Россия и Пруссия. Отношения между ними, несмотря на перманентные ограниченные войны, строились (по крайней мере, декларативно) на основе норм христианской морали: не случайно ряд историков называют Вестфаль «последним изданием христианского мира» [Croxtop 2013]. Эта группа стран, проводившая колониальную экспансию почти во все части известного мира, резко отделяла себя от остальных, неевропейских, государств и народов. За пределами данной иерархической системы оставались только Китай и

Япония, осуществлявшие политику самоизоляции, ставшей во многом ответом на колониальную политику Европы.

Государства делились в предшествующих (как и в начале XXI века) итерациях мирового порядка не по их географическому положению, а по степени включённости в институты (шире — систему) мирового порядка. «Но самоизолированный субъект по определению не взаимодействует с другими субъектами, а, значит, его политика не относится к предмету науки о международных отношениях, — пишет об этом российский политолог Т.А. Алексеева¹². — Крах политики самоизоляции произошёл в Китае и Японии только в середине XIX века, когда они вступили во взаимодействие с другими государствами. Именно поэтому Китай и Япония “вырываются” в историю международных отношений только в середине XIX в., когда вступили в широкое взаимодействие с другими государствами. Возможно, историк сочтет это “европоцентризмом”; но для политолога-международника субъект без связей не является участником мирового порядка».

Мировые порядки прошлого не были и «правовой дикостью», как их любят изображать представители английской школы [Bull 2002: 8–10]. Популярный у них термин «анархия» (*anarchic*) отнюдь не означает «дикое поле» вроде Запорожской Сечи или Патагонии: такой анархии в межгосударственных отношениях не существовало, как минимум, со II тысячелетия до н.э. Колониальные владения включались в правовые системы метрополий, и в результате их отделения от последних создавались новые государства. Абсолютное большинство современных стран были образованы благодаря распаду колониальных империй, то есть существуют в нынешнем качестве через «колониальную сборку». Страны Восточной Азии подключались к мировым порядкам через систему (пусть и неравноправных) договоров с европейскими державами, а не захвата.

¹² Алексеева Т.А. Как примирить историков и политологов? // РСМД. 31 мая 2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kak-primirit-istorikov-i-politologov/>

Уже в XIX веке мир (а не Европа) регулировался комплексом европейских правовых систем, которые и стали формировать международное право ещё до Первой мировой войны. Последняя только закрепила этот процесс: в 1920 г. лидерам ведущих держав стало понятно, что для построения нового мирового порядка одной общеевропейской конференции будет мало: необходим «Версаль плюс», то есть Версаль с его дополнениями для Восточной Азии, Ближнего Востока и, возможно, для Советской России [Miller 1956: 13–38].

Другое дело, что право предшествующих порядков не было полностью кодифицированным. Оно вбирало в себя совокупность правовых актов, регулирующих отношения между отдельными государствами или внутри колониальных систем. В начале XIX века появились первые проекты создания единой международно-правовой системы (не только для Европы), что нашло своё воплощение в решениях Венского конгресса и создании «Венской системы». Версальский порядок уже создавался как оформленная интернациональная система, представляющая собой двуединство международно-правовых норм и созданных на их основе международных институтов. Эта логика была положена и в основу Ялтинского порядка, сочетающего в себе систему международного права и созданных на его основе международных институтов.

Иерархия государств в Вестфальском порядке изначально носила неформальный характер: она формировалась стихийно по ходу развития колониальной экспансии. По мере превращения порядков в по-настоящему мировые правовая иерархия стала всё больше формализовываться [Clark 2005]. Уставные документы Лиги Наций уже фиксировали особые права держав-победительниц как членов Совета Лиги Наций. Эту логику воспроизвели и уставные документы ООН, в которых было обозначено особое место пяти держав-победительниц как постоянных членов Совета Безопасности ООН. Фактически уже в середине XX века иерархическая

система мирового порядка обрела своё юридическое оформление. Парадоксальным образом закрепление юридического равенства всех суверенных государств сопровождалось признанием наличия у ряда держав особых прав, резко отличающих их от остальных государств, в рамках существующего порядка.

Понятие «международный порядок» означает, что в его рамках шло взаимодействие между национальными государствами (*inter-nation state order*). Но дело в том, что в ходе колониальной экспансии европейцы на Востоке взаимодействовали с донациональными государствами, большинство из которых были осколками и/или результатом распада Монгольской империи, не говоря уже об особом типе индейских цивилизаций Западного полушария, напоминавших империи Древнего Востока. Это были крупные, временами могущественные, но донациональные по европейским стандартам государства, отношения которых с европейскими державами никак не попадают под термин «международные». Донациональными объединениями были и племенные союзы Северной Америки и Африки, туземные королевства Океании, с которыми столкнулись европейцы в ходе колониальной экспансии. Термин «мировой порядок» позволяет корректнее описать этот комплекс взаимоотношений между различными типами государств и объединений, чем термин «международный порядок», предполагающий взаимодействие однотипных субъектов. С другой стороны, термин «международный порядок» имеет явно идеологическую коннотацию. Он означает, что полноценный «мировой» порядок ещё никогда не существовал: его только предстоит построить.

Этот парадокс зафиксировал российский международник П.А. Цыганков. Он приводит определение американского исследователя Стэнли Хоффманна, разделявшего понятия «международный» (*international*) и «мировой» (*world*) порядок. Различие носит при этом не географический, а скорее функциональный характер.

Международный (межгосударственный) порядок вполне может существовать без наличия мирового порядка в виде отношений между группой стран. В свою очередь, мировой порядок немыслим без создания эффективных процедур межгосударственного сотрудничества, предполагающих особый международный порядок, отвечающий общим основным целям и ценностям их граждан. «В юридических терминах речь идёт о различии между правами государств (взаимном уважении суверенитета) и правами человека», — указывал П.А. Цыганков [1996]. Это искусственное привнесение морального компонента изменило характер самой проблемы. Как отмечал сам исследователь, «если международный порядок как более или менее оптимальное устройство международных отношений, отражающее возможности общественных условий, существовал практически на всех этапах истории межгосударственных отношений, то этого нельзя сказать о мировом порядке».

Разделяя «международные» и «мировые» (как умозрительные) порядки, учёные сталкиваются с комплексом методологических проблем, разрешить которые с научной точки зрения невозможно.

Во-первых, мы имеем дело с абберацией времени: недавние промежутки времени кажутся нам невероятно большими, в то время как вся предшествующая история человечества — невероятно маленькой. Так называемое мировое общество, по Х. Буллу, существует всего 40–50 лет — период, который примерно равен гегемонии одного из древнегреческих полисов и меньший, чем правление ряда европейских монархов вроде британской королевы Виктории. Мы до сих пор не видели хотя бы двух поколений, чей полный жизненный цикл прошёл бы в рамках этой системы. (Достаточно вспомнить тот факт, что президент США Дж. Байден родился в 1942-м, а его предшественник Д. Трамп в 1946-м году, то есть у власти до сих пор находится поколение середины XX века). Соответственно, мы лишены возможности оценить эффективность этого проекта в исторической ретро-

спективе. Корректно ли противопоставлять «мировое общество» как отношения внутри группы стран на протяжении всего 40 лет всей истории Вестфальской системы величиной около 400 лет и всей мировой истории величиной в 5000 лет?

Во-вторых, мы сталкиваемся с проблемой консервации соотношения сил. Утверждение подобного «мирового порядка» требовало бы 1) согласия всех стран на тотальное силовое превосходство США; 2) сохранения американской гегемонии внутри «Западного сообщества» на длительный временной период, хотя бы на 200 лет. Пока же мы видим нечто прямо противоположное: ни Россия, ни КНР не собираются признавать силовую гегемонию США вплоть до противодействия ей военным путём, да и отношения внутри «Западного сообщества» уже не такие однозначные, как, например, в 2000 году. Происходит абсолютизация международных тенденций конца XX века, их восприятие как нечто уникального, отличного от всей истории человечества.

Возможно, что именно с этим связан эффект маятника при анализе внешней политики США, преобладающий в американской политологической литературе. Он строится на противопоставлении «хороших» президентов США, якобы укрепляющих глобальные институты и связи с союзниками, «плохим» президентам, якобы их разрушающим за счёт утверждения американского превосходства. Новейшая история международных отношений превращается в своего рода «товарный состав», к которому цепляются все новые парные вагоны: «хороший Клинтон — плохой Буш», «хороший Обама — плохой Трамп», «хороший Байден...». За этими бинарными оппозициями стоит мечта о президенте, который будет вести Соединённые Штаты в правильном (с точки зрения определённой группы лиц) политическом направлении. Чтобы разрушить эту схему, стоит только сказать себе, что история международных отношений началась отнюдь не в 1991 и даже не в 1945 году, когда подобной дихотомии не было. И будет ли инте-

ресен этот политический маятник для жителей мира, например, в 2100 году?

В-третьих, мы сталкиваемся с нормативным целеполаганием, проецируемым на будущее международных отношений. Здесь уместно процитировать критические замечания А.Д. Богатурова: «Более популярными стали трактовки в духе отождествления порядка с введением “правил благоразумного поведения”, соблюдение которых было бы обусловлено не страхом перед возмездием со стороны более сильного соперника (соперников), а добровольным законопослушанием субъектов, их готовности без принуждения следовать условиям “контракта” или “кодекса”, который они формально (в виде Устава ООН) или неформально вырабатывали бы между собой в процессе общения» [Богатуров 2003: 6]. Мы имеем дело с неким нарративом, что мир движется к построению единой квазиимперской системы во главе с единым «мировым правительством», ограничивающим национальные государства [Etzioni 2004: 34–43]. Вместе с тем почему, собственно, будущим человечества должно выступать создание единого кодекса «мирового поведения» или тем более права? Альтернативных сценариев может быть множество: от суммы региональных правовых систем до создания принципиально новой правовой системы в ходе крупного военного конфликта или просто варваризации международных отношений.

Не стоит забывать и о замечании другого российского международника, Н.А. Косолапова: в современном мире ещё нет ни политической теории, ни материально-технической базы для построения порядка как глобальной империи [Богатуров, Косолапов, Хрусталёв 2002: 329]. В этом смысле объединение мира в принципиально новую единую систему — дело отдалённого будущего, которое, возможно, и не состоится. Ялтинский порядок остаётся порядком национальных государств, построенным на основе единой правовой системы взаимодействия: он продолжает быть мировым порядком, подобно всем

предшествующим до него вариациям Нового времени. В этом отношении и world order, и international order можно объединить русским термином «мировой порядок», который понимается как совокупность правил и норм, определяющих отношения между ведущими государствами мира, а вслед за ними и большинством малых и средних стран.

Порядок как аналитический конструкт

Теория конечности систем не самая популярная область знания в американской политической науке. Примечательно, что разработчики теории мировых порядков мало фокусировали внимание на распаде систем и условиях прекращения их существования. Неприязнь к идее конечности в американской политологии вполне объяснима: в этом случае пришлось бы признать конечность и современного мирового порядка, и самой системы либеральной демократии, которые кажутся американским исследователям практически вечными. Парадоксально, но американская политическая наука как бы возвращается к архаичной метафизике XVIII века, постулировавшей неизменность определённых законов.

Альтернативное решение предложил австрийский биолог Людвиг фон Берталанфи. В отличие от неолиберальных построений, его системы предусматривают возникновение и завершение своего жизненного цикла [Берталанфи 1969: 23–82]. Ключевым компонентом их существования выступает энтропия — способность поглощать и выделять энергию, которая позволяет им достигать устойчивости. Для теории мировых порядков этот факт означает их возвращение в конкретно-исторические условия, в которых они зарождаются, проходят свой полный жизненный цикл, а затем ликвидируются и заменяются новым мировым порядком, соответствующим иному соотношению сил между ведущими державами и другим историческим условиям. *В этом смысле мы, полагаем, можем определить мировой порядок как совокупность правил и норм, определяющих*

характер взаимодействия участников системы международных отношений. Эти правила и нормы существуют в пространственно-временном контексте: возникают, развиваются и ликвидируются в определённых исторических условиях, что предопределяет характер взаимодействия участников данного порядка [Фененко 2020: 9].

Мировой порядок — это не вся совокупность фактов «от Антарктиды до Исландии» в какой-либо промежуток времени, а набор значимых узлов межгосударственных отношений. Точнее, это набор ключевых узлов межгосударственного взаимодействия, норм и институтов в конкретный промежуток времени и пространственной локализации. Мировой порядок и Вестфальская система — это аналитические конструкции или «идеальные типы» (по терминологии немецкого социолога Макса Вебера), созданные для изучения и моделирования процессов в пространственно-временной локализации. В социальных науках это распространённое явление. Аналитическими конструктами были, например, общественно-политические формации в марксизме: феодализм и капитализм, как они описаны К. Марксом, не существовали в чистом виде никогда и ни в одной стране. Никогда не существовали как объективная реальность такие аналитические конструкты, как менталитет, классы, социальные страты, этика и др. Структуру аналитического конструкта «мировой порядок» составляют связи между государствами (а не их внутривнутриполитические системы), осуществляемые на основе ряда норм, отражающих соотношение сил между участниками системы.

Аналитический конструкт, представляющий собой основу научного познания в гуманитарных науках, не может быть полностью тождественным реальным событиям: он абстрагирован от них как созданная исследователями модель. Отрицание отдельными публицистами таких понятий, как «Вестфальская система» или «мировой порядок» [Oslander 2001: 251–287], так же необоснованны, как, например, было бы неприятие понятий «фео-

дальная раздробленность» или «капитализм» на том основании, что 1) этот термин «кто-то когда-то придумал» и 2) «таких положений нет в таком-то документе». Любой аналитический конструкт ввёл и обозначил исследователь, а современной терминологии нет в документах прошлого. Короли франков не объявили в Верденском договоре от 843 года, что «отныне мы начинаем феодальную раздробленность», равно как и французские правители XVII века не заявляли, что «теперь мы строим абсолютную монархию». К слову сказать, «законы Ньютона» тоже были открыты английским физиком Исааком Ньютоном, но никто не пишет о «ньютоновском мифе» на том основании, что «воздух не состоит из формул», или о том, что «в природе нет цифр». Такими же аналитическими конструктами выступают и «Вестфальская система», и «мировой порядок». Первая обозначает систему взаимоотношений национальных государств; второй — принципы взаимодействия великих держав в определённый период времени.

Такое понимание мирового порядка соответствует условиям социального порядка, выделенным классиком американской социологии Толкоттом Парсонсом [Parsons 1951]. Мировой порядок, как и любой социальный порядок, возникает под воздействием тенденций к самосохранению социальной системы и её сохранению по отношению к внешней среде. Условием возникновения нового мирового порядка выступает тотальная война, в которой стороны делают ставку на ликвидацию всех существовавших прежде правил взаимодействия и даже друг друга как политических субъектов. Выходом из хаотического состояния становится фиксация нового соотношения сил и установление государствами-победителями новых правил игры, зафиксированных в виде формальных и неформальных норм, а также созданных на их основе институтов. Формальные нормы прописываются через комплекс уставных документов нового мирового порядка — мирные договоры победителей с побеждёнными или иные

базовые правила международных отношений. Неформальные нормы не кодифицируются, однако они негласно учитываются всеми известными участниками взаимодействия. Элиты государств-участников порядка осознают, что они могут и не могут себе позволить в данных политических условиях.

Как и любое социальное явление, мировой порядок отвечает четырём критериям общества, выделенным Т. Парсонсом: приспособленность к среде, наличие сформулированных целей, скоординированность элементов и сохранение базовых ценностей. Мировой порядок приспособлен к своей среде, то есть к тому пространству и историческому отрезку времени, в котором он существует, а также к социальным и культурным условиям того географического пространства, в котором он сложился. У него есть нормативные цели, сформулированные в его основополагающих документах: обеспечение мира, безопасности всех его участников, стабильности, равновесия и/или статус-кво. Здесь имеется в виду не разжигание новой войны, не уничтожение некоторых его субъектов, не ревизия статус-кво и не отмена всей правовой системы, хотя цели политических элит могут быть и такими. У мирового порядка есть координация элементов как осознание и принятие всеми государствами-участниками его основополагающих ценностей, нормативно-правовых документов, базовых институтов и существующей иерархии. Наконец, в любом порядке существует система ценностей как совокупность морально-этических представлений о допустимом и возможном — ядро, которое может полностью не совпадать с ценностями другого мирового порядка.

Теория мировых порядков напоминает геометрию: наличие аксиом, из которых выводятся теоремы, и, соответственно, теоремы ликвидируются при изменении аксиом. Аналогично мировой порядок можно представить в виде аксиом или ядра (группы ведущих держав-создателей) и теорем (системы созданных ими норм и институтов). В основе каждого мирового

порядка лежит соотношение сил между ведущими державами, правовые системы и набор ценностей, которые формируют базовые нормы, институты и режимы. Разрушение правового и ценностного ядра приводит к неизбежному краху и выведенных из них переменных — норм, институтов и режимов. Следовательно, в структуре мирового порядка можно выделить три компонента.

1. *Иерархический* (соотношение сил между государствами). В реалистской теории международных отношений под силой (*power*) понималась прежде всего способность государств конвертировать военную мощь в политическое влияние [Nobel 1995: 61–86]. Термин *power* отличался от термина *force* как военной силы. Понятие «великая держава» (*great power*) в дословном переводе означало не «великую силу», а «великую власть». Способность приобретать силу и преобразовывать её в политическое влияние зависит, в свою очередь, от наличия у государства ресурсов: совокупности потенциальных возможностей, которые могут усиливать (или наоборот) потенциал его внешней политики:

- силовой ресурс как совокупный военный потенциал государства;
- экономический ресурс как база для военной мощи;
- территориальный и демографический ресурсы как потенциальная мощь государства;
- организационный ресурс как степень представленности государства во влиятельных союзах, организациях и «политических клубах»;
- культурный ресурс как привлекательность государства.

«Великие державы» — это, строго говоря, государства, сосредоточившие в своих руках наибольшее количество ресурсов и способные конвертировать их в политическое влияние. Если убрать всю морально окрашенную риторику о «недопустимости силового диктата» и «неприемлемости» какого-либо поведения, то гегемоны — это ведущие государства в рамках определённого порядка, то есть исторической систе-

ме, имеющей пространственные и временные ограничения. Количество ресурсов при этом у великих держав неодинаково: у одних больше силовых, у других экономических или организационных. Важнее наличие примерного равенства государств по совокупному потенциалу и способности его использовать, включая компенсацию недостатка одних ресурсов другими. Другое дело, как и в какой форме эта ведущая роль держав будет выражаться, что во многом и предполагает различные типы мировых порядков.

2. *Системные регуляторы* бывают трёх типов: войны, дипломатические соглашения и международно-правовые режимы. Войны как механизмы регулирования мирового порядка делятся на две группы: война за установление гегемонии и война за корректировку баланса сил. Одна и та же война при этом может быть для различных её участников войной как за гегемонию, так и за корректировку баланса. По мере усложнения войн усиливалась роль правовых режимов. В них преследуются три цели: 1) снижение опасности межгосударственной войны; 2) уравнивание ресурсов страны (или коалиции), претендующей на гегемонию; 3) определение долгосрочных правил межгосударственного взаимодействия. Для достижения последней цели необходимо намерение ведущих держав не считать войну лучшей альтернативой переговорному решению проблем. До тех пор, пока это намерение сохраняется, международный порядок остаётся, как правило, стабильным; в противном случае он разрушается.

3. *Нормативно-ценностная основа.* Исследователи часто склонны недооценивать её роль, а между тем именно набор норм (то есть представлений о запредельном и возможном с точки зрения данной правовой и морально-этической системы) определяет базовые нормы мирового порядка. Между тем ещё М. Каплан указывал, что в основе каждой системы лежит представление о «благе» (good): другой вопрос, что в рамках каждой системы под ним понимается разное [Kaplan 2005: 149]. Эти нор-

мы устанавливаются на границе возникновения мирового порядка и обычно действуют (при определённой модификации) до его конца. В Вестфальском порядке таким ценностным ядром была комбинация христианских и этикостатских ценностей: отделение религии от политики, христианская риторика и культ «государственного интереса» самого по себе. В Венском порядке такой идеологией выступал легитимизм — представление о законности только сословно-монархических систем и поддержания статус-кво, установленного по итогам Наполеоновских войн и обновлённого Берлинским конгрессом 1878 года. В Ялтинском порядке легитимность обусловлена принципами Устава ООН: равенством народов и рас, формальным равенством суверенных стран и ограничение суверенного права государств на ведение войны. Эти принципы регулярно нарушались на практике, однако они постулируются на официальном уровне: явный отказ от них воспринимался политическими элитами ведущих держав как нарушение формальной и неформальной легитимности данного порядка.

Многие морально-ценностные проблемы, которые зачастую кажутся нам достоянием нашего мирового порядка, имеют свои аналоги в прошлом. Идеологическая основа Ялтинского порядка строится на осуждении фашизма (включая немецкий национал-социализм): именно оно во многом определяет «красную черту» для политических элит. Тем не менее идеология Венского порядка была построена на похожем осуждении Французской революции и якобинского террора как «самого страшного в истории человечества» [Jarnett 2018]. В Вестфальском порядке такая идеологическая основа была более имплицитной, но она присутствовала как осуждение «религиозного мракобесия Средних веков» и утверждение философии рационализма [War and Religion... 2013], которая позже стала основой для философии и мировоззрения Просвещения.

Показательный пример: мы зачастую не замечаем, что современные коммунисты

и либералы, будучи непримиримыми противниками, спорят в одной морально-ценностной шкале о наследии Второй мировой войны. Первые доказывают, что секретный дополнительный протокол к «пакту Молотова–Риббентропа» – фальшивка или необходимость для СССР; вторые утверждают, что этот документ уравнивает сталинизм и нацизм. Представим себе, что появляется некто третий – расчётливый и циничный политический реалист в духе Пальмерстона или Бисмарка, который утверждает, что естественное право великих держав – делить малые страны на сферы влияния. Спор по указанной выше проблеме теряет всякий смысл, ибо он ведётся в рамках иной морально-ценностной шкалы Венского порядка. Аналогично если допустить, что в будущем ценностная шкала будет больше напоминать «венскую», наши «ялтинские» представления о нормативно-ценностной основе международных отношений не будут вписываться в эти рамки – их станут воспринимать в лучшем случае как «романтические иллюзии».

Другой пример – наши представления о глобальных проблемах человечества. Мы редко задумываемся над тем, что они могут существовать только в рамках нашего Ялтинско-Потсдамского порядка, провозгласившего равенство народов и рас, гарантии безопасности и территориальной целостности всех стран и ограничения суверенных прав государств на ведение войны. В условиях существования иного (например, Венского) порядка, где постулировалось неравенство народов и рас и свобода на ведение межгосударственных войн, «глобальных проблем» не было. Одни государства и народы считали нормальным реализовывать свои интересы за счёт других, видя в них объекты для проведения экспансии. Можем ли мы быть уверенными, что ценности будущего порядка будут больше напоминать наши представления о «глобальных проблемах», а не идеалы

Венского или Вестфальского порядка, считающие высшим приоритетом реализацию национального эгоизма или поддержание баланса сил?

Любопытное, хотя и крайне идеологизированное, наблюдение сделал в этой связи американский политолог Роберт Кейган. «У американского монстра действительно есть совесть. Это не французский Людовик XIV и не английский Георг III, – писал он в своей известной статье “О силе и слабости” 2003 года. – Американцы не станут оправдывать, даже для самих себя, свои действия государственными интересами. Для них так и остались неприемлемыми принципы старого европейского миропорядка, идеи Макиавелли им не близки. Американское общество до мозга костей пропитано идеалами либерализма и прогресса, и если американцы и верят в силу, то лишь потому, что видят в ней способ утверждения либеральных ценностей и либерального мироустройства»¹³. Не станем опровергать идеалистические представления автора об американцах. Интереснее задать другой вопрос: «А что будет, если однажды идеи Макиавелли станут близки американцам, и они начнут оправдывать свои действия государственными интересами?» В логике Кейгана – это будет концом существующего мирового порядка в его современном качестве.

Мировой порядок – это, таким образом, международно-политическая система взаимодействия национальных государств, которая имеет своё начало и конец. Она возникает в конкретно-исторических условиях и завершается с исчерпанием этих условий, что происходит в результате крупного военного конфликта. Немецкий военный теоретик Карл фон Клаузевиц выделял два типа войн – тотальные и ограниченные [Клаузевиц 1934: 23–24]. Целью первых выступает, по его мнению, уничтожение противника как политического субъекта; целью вторых – принуждение противника к компромиссу. Эти два типа войн тесно

¹³ Кейган Р. О силе и слабости // Отечественные записки. 2003. № 6(15). URL: <https://strana-oz.ru/2003/6/sila-i-slabost>

связаны с системой мировых порядков [Фененко 2022: 13–36]. Ограниченные войны выступают системными регуляторами порядков, стремясь установить гегемонию или подкорректировать сложившийся баланс. Тотальные войны, напротив, разрушают существующие порядки и формируют новые, хотя случаются и системные тотальные войны на периферии, не затрагивавшие структуру порядка, какими были, например, вооружённые конфликты в Латинской Америке XIX века или Гражданская война в США 1861–1865 годов. В известном смысле мировые порядки – это соотношение сил между великими державами и правила международного взаимодействия между двумя тотальными войнами.

Последние выполняют для мирового порядка несколько функций. Они:

- устанавливают новое соотношение сил между великими державами, то есть сам новый мировой порядок;

- выступают источником легитимности порядка, великие державы занимают ведущее место в мировом порядке по итогам тотальной войны;

- легитимизируют внутривнутриполитические системы государств-учредителей нового порядка (достаточно вспомнить роль Отечественной войны 1812 г. для Российской империи, а Великой Отечественной войны для СССР и современной России);

- создают новую систему морально-этических координат, которые преобладают в рамках данного конкретного порядка;

- задают состояние блокирующей легитимности, то есть прошлая правовая и ценностная системы как бы отсекаются от существующего порядка, превращая его в политический процесс, а предшествующие мировые порядки – в достояние истории.

Иную роль в рамках мирового порядка играют ограниченные войны, выступающие как серия силовых демонстраций, направленных на принуждение противника к компромиссу. Для них характерно изначальное ограничение целей, театров военных действий и выбранных средств ведения войны. Они выступают регулято-

ром отношений в рамках определённого мирового порядка, позволяя:

- корректировать соотношение сил между ведущими игроками порядка;

- разукрупнять ресурсы претендента на установление гегемонии;

- применять силу, не разрушая структуру мирового порядка;

- усилить позиции великих держав на переговорах, позволяя им добиться более выгодных условий на переговорах.

Распад мирового порядка не случайно связан с переходом от системы ограниченных военных конфликтов к войне тотальной. К концу существования порядка обычно возникают два взаимосвязанных явления. Первое: подрыв легитимности существующего порядка, вызванный естественным отдалением от предшествующей тотальной войны, на которой завязана его легитимность. Второе: изменение соотношения сил между великими державами, вызванное объективными процессами и вступающее в противоречие с той иерархией игроков, которая сложилась после окончания предшествующей тотальной войны. У элит ведущих стран возникает запрос на новый крупный военный конфликт, призванный 1) зафиксировать новое (уже объективно складывающееся) соотношение сил между великими державами и 2) легитимизировать новую правовую систему на основе складывающейся системы отношений. Тотальная война выступает в данном случае не аномалией, а, скорее, результатом саморазвития мирового порядка, истощением ресурсов, положенных в его основу. Именно эти процессы можно наблюдать на финальной стадии существования Вестфальского и Венского порядков. Возможно, подобный финал будет ожидать и Ялтинско-Потсдамский порядок на завершающем этапе его существования.

Мировой порядок проходит, таким образом, единый для всех систем жизненный цикл, или цикл развития. Он возникает в результате тотальной войны, которая определяет новый набор великих держав, устанавливает новую ценностную правовую и институциональную структуру мира.

После этого следует период системного соперничества великих держав (в том числе через ограниченные войны) в рамках новой нормативной и институциональной структуры мира. Постепенно в рамках порядка возникают режимы, способные бросить ему вызов. Финалом этого процесса становится новая тотальная война, которая разрушает существующий мировой порядок и создаёт новый.

Субъекты мировых порядков

Теория мировых порядков делит государства на два типа в зависимости от их отношения к существующему порядку: статус-кво и ревизионистские. Государства (точнее, режимы) статус-кво в целом принимают существующий мировой порядок как легитимные и обязательные для исполнения правила взаимодействия. Такие игроки могут быть или гарантами этого порядка, или государствами, которые готовы следовать установленным правилам. Эти субъекты могут выступать за отдельные политические перемены, за локальные изменения границ, однако это действия в рамках существующего порядка. Войны между державами статус-кво случаются, но они носят ограниченный характер: за корректировку баланса и принуждение противника к компромиссному миру.

Дискуссия о природе режимов статус-кво началась ещё в середине XX века в рамках школы политического реализма, которая рассматривала стабильность как сохранение определённого статус-кво на относительно длительный временной период. В 1970-е годы в политической науке приобрела популярность концепция динамической стабильности как «согласия на перемены»: допустимость изменения статус-кво при условии согласия ведущих держав и сохранения базовых принципов мирового порядка. Риском предположить, что эта теория статической и динамической стабильности, восходящая к М. Каплану и Г. Киссинджеру, адекватным образом описывает два типа государств статус-кво. Первые (статические) постулируют необходимость сохранить

сложившийся порядок; вторые (динамические) допускают локальные перемены (территориальные или институциональные) при условии сохранения основ мирового порядка.

Российский учёный А.Д. Воскресенский также выделил среди держав статус-кво две интересные позиции [Воскресенский 2002: 139–143]. Первая – контрлидер, то есть держава, аккумулирующая ресурсы и готовящаяся бросить вызов гегемону или ведущим державам в рамках существующего порядка, а не посредством его слома. Вторая – антилидер, то есть государство, не имеющее ресурсов для реального противодействия лидеру, но использующее свои ресурсы для постоянных нападков (чаще всего риторических) на лидера. Теоретически контрлидер может стать режимом-ревизионистом; антилидер не имеет для этого достаточных ресурсов и, напротив, может быть использован гегемоном или другими великими державами как объект манипуляций против других держав. Если же антилидер волею судеб занимает место гегемона, то он, как правило, сам испытывает внутренний кризис и не справляется с этой ролью.

К государствам статус-кво чаще всего относится и большая группа малых и средних стран. Большинство из них не в состоянии самостоятельно обеспечить свою безопасность в случае начала реальной экспансии великих держав. Условиями их безопасности могут стать правовые нормы, поддержание статус-кво или гарантии со стороны великих держав. Элиты этих стран, естественно, опасаются разрушения основ данного порядка, ибо в первую очередь подобное развитие событий уменьшит их собственную безопасность. Как итог, державы-гаранты, нацеленные на сохранение статус-кво, обычно имеют широкую поддержку со стороны малых и средних стран, если нет отягчающего исторического наследия в их отношениях.

Понятие «ревизионизм» в самом общем смысле означает идейные направления, провозглашающие необходимость пересмотра (ревизии) какой-либо устоявшейся

теории или доктрины. Термин «ревизионистское государство» (*Revisionist State*) пришёл в международные отношения из теории политического транзита или передачи власти. Ревизионистские державы выделял ещё британский историк Алан Джон Тэйлор [Тэйлор 1958: 50], но окончательно теорию ревизионизма оформил американский политолог Абрамо Фимо Кеннет Органски. В работе «Мировая политика» он выделил четыре типа государств в зависимости от сосредоточенной в их руках власти: преобладающие (доминантные), великие, региональные и малые державы [Organski 1958]. Международную нестабильность вызывает, по логике Органски, изменение соотношения сил между одной из великих держав и преобладающим государством, что повышает риск возникновения войны. Следовательно, державами-ревизионистами чаще всего становятся великие державы, стремящиеся свергнуть преобладающую державу и пересмотреть сложившееся соотношение сил и правовые нормы.

Ревизионистские государства постулируют необходимость пересмотра (ревизии) действующего миропорядка и изменение его основополагающих норм. Элита державы-ревизиониста отвергает существующий порядок как таковой и связывает позитивные для себя перемены с его уничтожением и формированием иной правовой системы, созданной «под себя». Позиция подобной элиты сводится к тому, что право, которое менялось много раз в истории, можно поменять ещё раз. Элита государства-ревизиониста считает бессмысленными понятия «международная стабильность», «угроза международной безопасности». В её понимании угроза — это сам существующий мировой порядок, где она не занимает должного, с её точки зрения, положения.

Ревизионистские режимы не идентичны друг другу. Исследователь Роберт Гилпин выделял два мотива поведения

ревизионистов: 1) стремление сократить отставание от ведущих держав; 2) намерение переписать существующие правила игры на международной арене [Gilpin 1981: 10–11]. В дополнение к его идее можно разделить ревизионистов на системных и внесистемных (радикальных). Первые согласны на частичное изменение правил игры и готовы идти на компромисс с державами-гарантами порядка (к этому направлению относится, видимо, и изученное российским международником И.А. Истоминым явление «институционального ревизионизма» как стремление потенциальных государств-ревизионистов перестроить под свои запросы международно-правовые нормы и институты¹⁴). Вторые стремятся к радикальному изменению всех правил международного взаимодействия и ликвидации правовой системы данного порядка. *Соответственно, можно выделить два варианта ревизии мирового порядка. Согласованная ревизия предполагает соглашение между системными ревизионистами и ведущими державами о частичном изменении правил мирового порядка. Несогласованная ревизия означает односторонние действия одного или нескольких радикальных ревизионистов, которые приводят к его полному слоому посредством тотальной войны.*

Разницу легко пояснить на исторических примерах. В Вестфальском порядке роль системных ревизионистов взяли на себя Россия и Пруссия: изначально они занимали в нём окраинные позиции, но в ходе войн первой половины XVIII века прочно вошли в клуб великих держав, потеснив с этих позиций Швецию, Саксонию и Речь Посполитую. В Венском порядке системными ревизионистами стали Пруссия, Пьемонт и Япония: первые два, не удовлетворённые своей системной ролью, создали Германскую империю и Италию из конгломерата прилежавших к ним малых и средних государств. В свою

¹⁴ *Истомин И.А.* Институциональный ревизионизм в международной политике: продукт подъёма, дитя упадка или что-то иное? // Валдай. Международный дискуссионный клуб. Март 2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/36923/>

очередь, Япония образовала собственный центр силы в Восточной Азии, прорвавшись в клуб великих держав. В Версальско-Вашингтонском порядке роль системного ревизиониста до 1940 г. пыталась взять на себя фашистская Италия, ограничивая первоначально свои интересы Средиземноморьем и Африкой. В современном мировом порядке США обвиняют в ревизионизме Россию, КНР и Иран, хотя речь может идти только о системном ревизионизме — изменении региональных границ или соотношения сил без разрушения самих основ Ялтинского порядка. В этом случае и Москва, и Пекин являются классическими державами статус-кво, выступающими за сохранение Совета Безопасности ООН в его нынешнем качестве.

Внесистемные ревизионисты покушаются именно на основы порядка, требуя его ликвидации. В Вестфальском порядке эту роль взяла на себя Франция: в ходе революции ведущая держава создала радикальный внесистемный режим, претендующий на силовое установление своей гегемонии в мире. В Венском порядке таким ревизионистом стала Германская империя, требовавшая глобального перераспределения мировых ресурсов. В каком-то смысле в роли внесистемного ревизиониста выступили в годы Первой мировой войны и США, предлагая модель ликвидации старой системы взаимодействия между великими державами: только в отличие от Германии они добились успеха в ходе двух мировых войн. В Версальско-Вашингтонском порядке эту роль взяли на себя Германия, Италия и Япония, создав блок стран «оси», которые и развязали Вторую мировую войну.

Наиболее интересен в этом отношении опыт нацистской Германии. Нацистское движение изначально укладывалось в системно-ревизионистскую логику. Как ни парадоксально, но на страницах «Майн

камф»¹⁵ Гитлер не призывал к войне-реваншу с западными державами за Первую мировую войну. Скорее, он предлагал им компромисс: Германия становится авангардом антикоммунизма и строит свою империю в Восточной Европе. Фактически это был призыв вернуться к завоеванию позиций, которые Германская империя приобрела по Брестскому миру в 1918 году. Вместе с тем для реализации этого плана Берлину требовалось воссоздать сильную армию, что вступало в противоречие с условиями Версальского мирного договора и порождало конфликт с его гарантами. В такой ситуации страна переводилась бы из категории системных в разряд внесистемных ревизионистов.

Есть и ещё одна интересная категория государств — несостоявшиеся ревизионисты. Теоретически им мог стать СССР, выступавший за мировую революцию и уничтожение всех буржуазных правительств. Тем не менее уже в середине 1920-х годов в Москве победила «группа Сталина», постулировавшая построение социализма в одной отдельно взятой стране, то есть отказ от экспансии. С начала 1930-х годов Советский Союз стал блокироваться с державами-гарантами Версальского порядка против ревизионизма Японии и Германии. Он не приветствовал новую мировую войну как дорогу к мировой революции. В Ялтинском порядке роль внесистемного ревизиониста мог взять на себя маоистский Китай 1960-х годов: он выставлял себя в роли лидера «третьего мира», противника обеих сверхдержав и официально провозглашал возможность достижения победы в мировой ядерной войне. («Не мы хотим воевать, а они стремятся к войне. Как только начнётся война, посыплются атомные и водородные бомбы, — заявил Мао Цзедун на совещании представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран 18 ноября 1957 года»¹⁶. —

¹⁵ Книга внесена в перечень экстремистских материалов согласно пункту 3 статьи 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

¹⁶ Выступление на проходившем в Москве совещании представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран. 18 ноября 1957. URL: <http://maoism.ru/16640>.

Я спорил по этому вопросу с одним иностранным политическим деятелем. Он считает, что в случае возникновения атомной войны могут погибнуть абсолютно все люди. Я сказал, что в крайнем случае погибнет половина людей, но останется ещё другая половина, зато империализм будет стёрт с лица земли и весь мир станет социалистическим». Между тем после советско-китайского конфликта 1969 г. ревизионизм КНР стал ослабевать, а начиная с 1977 г. Пекин выбрал иную модель экономики — максимальное участие в мировой торговле и распределении труда.

Радикальным ревизионистам, подвергающим слому мировые порядки, присущ ряд признаков, которые необычны для государств статус-кво. *Во-первых*, у них должен быть мощный военно-промышленный потенциал, достаточный для того, чтобы бросить вызов мировому порядку. *Во-вторых*, ревизионистская держава — это нация войны: она должна принять идеологию, что война — норма, а не аномалия, равно как и вражда к другим народам — неотъемлемая часть бытия. *В-третьих*, во главе этой державы должен стоять лидер, готовый повести свой народ к войне за передел мира. Ревизионистскую державу не стоит представлять «тоталитарным монстром»: её политический режим может быть и демократией (революционная Франция), и монархией (императорская Япония), и диктатурой (нацистская Германия). В первой четверти XXI века среди политологов принято говорить о том, что демократии не воюют друг с другом [Цыганков А., Цыганков П. 2005]. Сто лет назад такой же популярностью пользовался тезис, что чем более демократичен политический режим, тем более он агрессивен [Лебон 1995: 522–525]. Для ревизиониста важен не сам по себе тип политического режима, а его настрой на слом мирового порядка.

На этом фоне мы можем по-новому посмотреть на наблюдения американского политолога-реалиста Рэндалла Швелера, что проблема ревизионизма связана с восходящими державами¹⁷. Зависимость здесь, видимо, не носит линейного характера. Революционная Франция, охваченная экономическим спадом и депрессией в 1790-х годах, воевала с европейскими коалициями намного успешнее, чем королевская Франция в период её экономического роста. Советская Россия времён Гражданской войны вела себя намного агрессивнее, чем СССР в период правления Брежнева и даже Сталина, несмотря на голод и разруху. Ревизионистские режимы в Германии и Японии установились в результате «Великой депрессии» 1929–1933 годов, а не экономического подъёма. У нацистской Германии в 1933–1939 годах было намного меньше времени на создание армии и перевооружение, чем у кайзеровской Германии в 1871–1914 годах (это не помешало нацистской Германии достичь намного больших военных успехов, чем кайзеровскому «Второму Рейху»). Италия в 1920-х годах явно не была восходящей державой первого ранга, что не помешало ей установить ревизионистский режим. Экономическая депрессия может, напротив, подтолкнуть государство к поиску мобилизационных путей развития. Ослабление экономического потенциала может сыграть на руку ревизионистскому режиму, поскольку огромные массы людей оказываются оторваны от привычного образа жизни и тем самым создаётся демографическая база для формирования массовых армий.

Главная проблема, с которой сталкивается исследователь ревизионизма в международных отношениях, заключается в отсутствии адекватного терминологического аппарата для его изучения. Такая ситуация не случайна. Большая часть работ по теории международных отноше-

¹⁷ Швелер Р. Восходящие державы и ревизионизм в условиях зарождения новых мировых порядков // Валдайские записки. 7 октября 2015. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/voshodyashhie-derzhavy-i-revizionizm-v-usloviyah-narozhdeniya-novyh-mirovyh-poryadkov/>

ний написана с позиции держав статус-кво, а не ревизионистов, отвергающих сам нормативный дискурс данного мирового порядка. Речь идёт не о феномене «восходящих держав», а скорее о скрытой морально-ценностной основе большинства работ по проблемам международных отношений. Международники, например, часто размышляют о проблеме «глобального управления», но мало размышляют над тем, нужно ли ими управлять, или кому-то предпочтительнее новая схватка великих держав. Существует целый пласт литературы по проблемам стратегической стабильности, но редко можно увидеть постановку вопроса о том, а нужно ли сохранять стабильность, если, например, она мешает реализации интересов каких-то игроков. «Как восходящие и господствующие державы, так и их общественность должны признать, что, в широком смысле, их долгосрочные экономические интересы скорее совпадают, чем противоположны друг другу», — пишет тот же Рэндалл Швелер. При этом, правда, остаётся в стороне интересный вопрос о том, кому и почему восходящие и господствующие державы что-то должны. Существуют и определённые морально-политические ограничения: идеология ревизионистов зачастую жёстко осуждена державами-победительницами, и исследователю ревизионизма надо буквально стать научным эквилибристом, чтобы избежать политических обвинений в её реабилитации. *Политику держав-ревизионистов исследователи вынуждены описывать в категориях, выработанных преимущественно для анализа действий держав статус-кво, что само по себе не формирует адекватной картины для восприятия их политики.*

Ярче всего эту методологическую лакуну демонстрирует парадокс американского международного неолиберального направления Роберта Кохэйна. В своей работе «После гегемонии» он предположил, что даже на фоне относительного ослабления гегемонии США международная стабильность сохраняется благодаря созданным

американской дипломатией глобальным институтам или «международным режимам» [Keohane 1984: 20–28]. Тем не менее они не в состоянии сдерживать ревизионистов, ибо последние желали бы краха созданных гегемоном или ведущими державами институтов как опоры мирового порядка. Если же ревизионисты хотят их сохранения даже без наличия гегемона, то тогда они являются настоящими режимами статус-кво, готовыми вести переговоры с гегемоном и даже признать его власть на определённых условиях. Если режимы продолжают функционировать при ослаблении гегемона, то это говорит не об их эффективности, а скорее об отсутствии ревизионистов или преувеличенности разговоров об ослаблении гегемона.

Ещё более интересно утверждение американского международного Ричарда Розекранца об изменении сути ревизионизма. Согласно его работе «Подъём торговых государств», в современном мире территория и ресурсы перестали быть источниками национальной силы, как было в прошлом. На первое место вышли ресурсы, связанные с человеческим капиталом и технологиями [Rosecrance, 1986]. Тем не менее и ранее ситуация ничем не отличалась от описанной Розекранцем: территории и ресурсные базы Германии, Италии и Японии были несопоставимо меньшими по сравнению с тем, что было у Британской и Российской империй. Тем не менее данное обстоятельство не помешало этим странам бросить вызов двум ведущим империям XIX века. Что касается человеческого капитала и знаний, то именно волюнтаризм как культ воли и гения, способного нивелировать превосходство противника в ресурсах, были характерной особенностью и немецкой, и японской философии.

Столь же любопытно замечание Розекранца, что ревизионизм утратил привязку к территориальным изменениям государств [Rosecrance 1986: 22–24]. После Наполеоновских войн политическая карта Европы оставалась почти неизменной до 1858 года, а Германия и Италия возникли на базе ранее подготовленных объедине-

ний¹⁸. Их появление не воспринималось современниками как нечто невероятное, ломающее всю систему мирового порядка.

Не менее спорна, по всей видимости, и набирающая популярность теория институционального ревизионизма [Duffield 2007: 1–22]. Дело даже не в том, что настоящий ревизионист хотел бы пересмотра существующей системы международного права и, следовательно, ликвидации системы международных институтов. Иначе перед нами не режим-ревизионист, а один из вариантов режимов статус-кво, желающий просто повысить свою системную роль в мировом порядке.

До настоящего времени мир ещё не знал серьёзной ревизии институтов, созданных по итогам Второй мировой войны, и даже не видел крупных движений, выступающих за подобную ревизию. Это обстоятельство говорит скорее об отсутствии мощного ревизионистского движения, хотя исключать его появление в будущем нельзя. Опыт истории показывает, что радикальные ревизионисты, как правило, появляются к концу существования мирового порядка.

Ревизионист не является анархистом, желающим полного уничтожения цивилизации. Напротив, он имеет свой проект переустройства миропорядка, который считает корректным и справедливым. Другой вопрос, считают ли его таковым другие участники международного взаимодействия или нет. Ревизионист не выступает против создания правовых режимов, но только в будущем, когда порядок будет переформатирован под него самого. Он исповедует не правовой нигилизм, а некую форму «подвижной исторической легитимности», если можно применить такой термин ввиду опять-таки отсутствия адекватного терминологического аппарата.

В представлении ревизиониста современное соотношение сил, права и легитимности было установлено по итогам некой тотальной войны, которая сама отмени-

ла предшествующий мировой порядок. В таком случае почему созданное на её основе право — новая норма на все времена, а не такая же временная комбинация, как и все предшествующие правовые системы? Варианты ответа на этот вопрос в духе «мы завоевали этот мир кровью» в логике ревизиониста не уместны: его контрответы будут звучать «сегодня вы, а завтра мы» или «вы тоже отменили предшествующих победителей, так почему ваша отмена последняя в истории?».

Международники уделяют повышенное внимание проблеме «глобального управления» (*global governance*), в то время как исследователь, размышляющий в категориях ревизиониста, задал бы вопрос: «А почему миром вообще нужно управлять?» или «Почему бы не допустить распада управления, которое даст мне шанс на подъём за счёт других?» Учёные привычно пишут о «стратегической стабильности», однако, с точки зрения ревизиониста, она консервирует мировой порядок, в котором ему нет адекватного места: гораздо лучше был бы её распад. Аналогичное неприятие вызвал бы популярный у международных терминов «ответственная политика». Ревизионист исходит из максимы, что меньше всего он должен отвечать перед странами, создавшими мировой порядок без учёта его интересов, тем более что они сами создали порядок по итогам тотальной войны.

Появление ревизионистов трудно спрогнозировать: для современников они возникают словно из ниоткуда, а предпосылки к их появлению распознаются уже задним числом. Едва ли в 1770 г. кто-то мог представить, что королевская Франция, ведущая держава Вестфальского порядка, в скором будущем станет революционной и начнёт новую почти тридцатилетнюю войну со всей остальной Европой. В 1885 г. вряд ли кто-то мог предположить, что консервативная аристократическая Германия трансформируется в тоталитарный Третий

¹⁸ Например, так называемому объединению Германии под эгидой Пруссии предшествовал созданный в 1834 г. Германский таможенный союз, и его перерастание в прусскую монархию не было нонсенсом для современников.

Рейх. Изолированная Япония в 1840-е годы была далека от глобального ревизионизма сто лет спустя, угрожающего и СССР, и Британии, и США. Привычный нам Ялтинско-Потсдамский порядок, пожалуй, также подвергнется атаке ревизионистов под конец своего существования, как и все предыдущие мировые порядки.

В литературе иногда можно встретить точку зрения [Davidson 2016], что в современных условиях появление новых режимов-ревизионистов вряд ли возможно, поскольку издержки для таких государств будут слишком велики. Исторический опыт не подтверждает этой гипотезы: и Франции 1789-го, и Германии 1890-го и Японии 1935-го годов также «было что терять», но сдерживающие факторы не предотвратили их превращение в ревизионистов. Издержки от возможной войны для Германии и Японии, бедных ресурсами стран, не имеющих больших территориальных пространств, изначально были огромными, что не мешало им развязать мировые войны. Логично предположить, что в определённый период традиционная логика выгод и издержек перестаёт действовать. Режимы-ревизионисты готовы пойти на риск ради слома всего существующего мирового порядка и формирования качественно иных правил межгосударственного взаимодействия.

Появление внесистемных ревизионистов не случайно происходит к концу существования мирового порядка. Они выступают симптомом истощения его запаса прочности, приобретённого на этапе его формирования. Подъём ревизионистов означает 1) кардинальное изменение соотношения сил между ведущими государствами, то есть состояние, когда державы-гаранты порядка не способны сохранить статус-кво в свою пользу; 2) тот факт, что базовые правила международного взаимодействия, установленные в начале существования порядка, утратили свою легитимность. В таком ракурсе радикальные ревизионисты выступают не причиной, а скорее результатом упадка мирового порядка, и развязанная ими тотальная война есть закономерный итог распада его нормативной системы.

Эволюция мировых порядков

Распределение ресурсов между ведущими державами, лежащее в основе мировых порядков, позволяет выделить два их типа. Первый — гегемонистский порядок — предполагает, что в его рамках есть государство (или коалиция государств), превосходящее остальных по совокупности ресурсов и мощи. Второй — порядок баланса сил — подразумевает, что ресурсы распределены примерно поровну между ведущими игроками. История Вестфальской системы была и остаётся чередованием обоих типов мировых порядков.

Термин «гегемония» используется в политической науке в двух значениях: 1) превосходство государства внутри системы по совокупности ресурсов, позволяющее реализовать свою линию поведения, не считаясь с интересами других; 2) внешнеполитическая стратегия, основанная на жёстком навязывании набора правил и ценностей другим государствам [Florig 2010: 1103–1119]. То и другое включает в себя реализацию государством своего превосходства по совокупности ресурсов. Строго говоря, понятие «гегемония» не имеет эмоционального подтекста. Оно представляет собой один из типов внешнеполитического поведения великих держав. Вопрос заключается в границах и приемлемости этой модели для других участников порядка, которые чаще всего опасаются неконтролируемых действий гегемона.

Суть гегемонистского порядка хорошо описывается термином «гегемонистская стабильность» (*hegemonic stability*). Будучи сформулированным американским экономистом Чарльзом Киндлбергером, он предусматривает, что присутствие гегемона в международной системе является одновременно неотъемлемым и достаточным условием для сохранения стабильности [Kindleberger 1986: 8–46]. Ещё дальше пошёл неореалист Роберт Гилпин, утверждавший, что наличие гегемона есть необходимый элемент для обеспечения стабильности мирового порядка, благо для больших и малых стран [Gilpin 2007: 3–26]. Присутствие гегемона, по мнению иссле-

дователя, исключает опасность возникновения войны между участниками системы и совершение против них агрессии со стороны внешних сил. Вместе с тем платой за эту стабильность выступает подчинение участников системы гегемону, включая предоставление ему права вмешиваться в их внутреннюю политику.

Тем не менее гегемонию не следует путать с империей. Государство-гегемон не поглощает формально других участников системы, не присоединяет их к себе и не формирует качественно новой имперской идентичности. Оно сохраняет за собой статус превосходящей державы, формирующей систему отношений между другими странами в соответствии с собственными ценностями и предпочтениями. Аналогично и другие даже самые зависимые участники системы выстраивают отношения с гегемоном как формально суверенные государства, хотя фактически занимают в этой системе неравноправное положение. Гегемонистский порядок все равно состоит из национальных государств. Он не является построением наднациональной империи по образцу Древнего Востока или Средневековья.

Иначе устроен порядок баланса сил. Его стабильность обеспечивает равновесие потенциалов ведущих участников (*equilibrium*). Она основана на допущении, что в течение длительного времени у великих держав не будет реализуемого превосходства для достижения победы в тотальной или масштабной ограниченной войне. Следовательно, не будет и побудительных мотивов для её начала.

В порядке баланса сил ключевую роль играет согласование позиций его участников, то есть формирование «конструктивного консенсуса» [Phillips 2010: 36]. Дело в том, что в порядке баланса сил одно государство не может устанавливать, какое поведение следует считать опасным и дестабилизирующим: это — прерогатива гегемонистского порядка. В мире баланса сил речь идёт о том, чтобы несколько примерно равных центров силы согласовывали свои позиции. Логика оценки государств за нормы поведения в принципе отвергается

изначально. В этом порядке нет и не может быть «учителя» для остальных государств.

Среди международников популярны споры о том, какая из двух моделей более эффективна и стабильна. Острота споров, возможно, ослабнет, если мы начнём воспринимать их как просто две равноправные и соперничающие друг с другом модели международного взаимодействия.

Первый порядок — **Вестфальский** — охватывал окончание Тридцатилетней войны (1648) до завершения Наполеоновских войн (1815). Его управляющим параметром был гегемонизм, то есть изначально заложенная в нём преобладающая роль Франции. Другие державы (Испания, Великобритания, Священная Римская империя, Россия) создавали разнообразные коалиции с целью остановить движение Парижа в сторону гегемонии. Системным регулятором были перманентные ограниченные войны: для Франции — ради установления своей гегемонии, а для антифранцузских коалиций — с целью корректировки баланса. Фактически история Вестфальского порядка была тремя попытками Франции установить свою гегемонию в Европе и мире: в правление Людовика XIV, Людовика XV и Наполеона Бонапарта. Вестфальский порядок не был при этом сугубо европейским: к его системе подключались через колониальную экспансию и остальные регионы мира. Распад Вестфальского порядка наступил по итогам Наполеоновских войн (1800–1815), в результате которых Франция лишилась потенциала для проведения гегемонистской политики.

Второй порядок — **Венский** — затрагивал период от окончания Наполеоновских войн (1815) до конца Первой мировой войны (1918). Новые правила межгосударственного взаимодействия были установлены на Венском конгрессе 1814–1815 годов. Его управляющим параметром стал принцип баланса сил — равновесия потенциалов между великими державами (Австрия, Великобритания, Пруссия, Россия, Франция), имевшими иные, более широкие права, чем остальные участники Венского порядка. Свою задачу они видели в под-

держании стабильности, понимаемой как максимально возможное сохранение статус-кво. Системными регуляторами Венского порядка выступали международно-политические режимы, дипломатические коалиции и ограниченные войны за корректировку баланса. В середине XIX века этот порядок претерпел согласованную ревизию: Пьемонт перерос в Италию, Пруссия – в Германскую империю, а в Восточной Азии в региональный центр превратилась Япония. В начале XX века баланс сил между государствами сменился в пользу долгосрочных политико-военных коалиций – Тройственного союза и Антанты. Конфликт между альянсами привёл к распаду Венского порядка в ходе Первой мировой войны (1914–1918).

В этот период происходило распространение международных отношений (то есть отношений между национальными государствами) в неевропейские регионы. Российско-британское соперничество («большая игра») подключило к Венскому порядку Средний и Дальний Восток, прежде всего Китай и Японию. В Западном полушарии возникла автономная система международных отношений на основе преобладания США. В эпоху колониализма началось формирование национальных государств в Африке, Австралии и Океании. Постепенно борьба за передел колоний стала толчком к столкновению держав-ревизионистов с державами статус-кво, что и нашло своё воплощение в двух мировых войнах.

Третий порядок – **Версальско-Вашингтонский** – просуществовал между завершением Первой мировой (1919) и окончанием первого этапа Второй мировой войны (1940) [Фененко 2020: 661]. Основные его правила были определены на мирных конференциях в Париже (1919–1920) и Вашингтоне (1921–1922), что и предопределило его глобальный характер. Его управляющими параметрами были два взаимоисключающих принципа: глобального управления (воплощённого в Лиге Наций) и идеологической многополярности, которая придавала ему изначально конфликтный характер, что сократило срок его существования. Версальско-

Вашингтонскому порядку присуща высокая степень идеологизированности, вызванная соперничеством коммунистической, либеральной, фашистской, а затем и национал-социалистической идеологий. Как итог, его системный регулятор – деятельность Лиги Наций – оказался непрочным, и распад порядка наступил быстро.

Четвёртый порядок – **Ялтинско-Потсдамский** – сложился не после, а в ходе Второй мировой войны. Изначально он возник как англосаксонский проект, изложенный в «Атлантической хартии» 1941 года. В мае 1942 г. президент США Ф. Рузвельт предложил на встрече с наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым концепцию трёх полицейских, которая год спустя была расширена до концепции четырёх полицейских. Речь шла о взаимном признании наличия у США, СССР, Великобритании и Китая полицейских функций, позволяющих поддерживать мировой порядок. Позднее была добавлена ещё Франция, что в итоге определило состав постоянных членов Совета Безопасности ООН. На этой основе страны антигитлеровской коалиции выработали в 1943–1944 годах правила поведения в послевоенном мировом порядке:

- признание формального равенства всех стран и народов;
- ограничение права государств на применение силы;
- создание Организации Объединённых Наций (ООН) как международного института глобального управления;
- наличие особых прав у пяти держав-победительниц во Второй мировой войне в рамках Совета Безопасности ООН;
- принудительное разоружение государств-агрессоров (Германии и Японии) с последующим частичным ограничением их суверенитета

Управляющие параметры Ялтинско-Потсдамского порядка оцениваются исследователями по-разному. В нём, безусловно, присутствовали и компоненты глобального регулирования (ООН и связанные с ней международные организации), и компоненты системы баланса сил (право вето у постоянных членов СБ ООН). Между тем

колоссальный отрыв силовых потенциалов двух сверхдержав — США и СССР — делали этот порядок склонным к гегемонизму. Соединённые Штаты по совокупности ресурсов находились в более выигрышной ситуации, чем Советский Союз, благодаря своему стратегическому положению и ряду других преимуществ. В этом смысле Ялтинско-Потсдамский порядок создавался в середине 1940-х годов как ориентированный на интересы Вашингтона: биполярным он стал только через 10–15 лет. Тем не менее биполярность как система также является вариантом системы баланса сил, его особой формой существования.

Под прикрытием этих процессов в мире ускорило формирование национальных государств. Во второй половине XX века мир сотрясла масштабная деколонизация, создавшая новые государства Азии, Африки и Океании. В 1991 г. при распаде СССР и СФРЮ возникли 20 новых государств, а в 1993 г. на два национальных государства разделилась и Чехословакия. В 2006 г. на карте мира появились отдельные государства Сербия и Черногория. Процесс становления новых национальных государств продолжается на наших глазах: от бывших республик СССР и Югославии откололись так называемые «непризнанные государства», многие из которых вполне успешно построили свою государственность. Фактически только в 1960-х годах Вестфальская система стала по-настоящему всемирной, создав не взаимодействие, а мир национальных государств.

Исследователи продолжают спорить о характере мирового порядка после 1991 года: стал ли он началом качественно нового порядка или просто очередной модификацией Ялтинского варианта. Придерживаясь второй точки зрения, автор, однако, считает нужным обратить внимание на другой аспект этой полемики. Американский проект лидерства в современном мировом порядке выступает лишь вариантом гегемонистского порядка, в то время как российско-китайский многополярный мир — это не что иное, как вариант миропорядка баланса сил. Фактически мы

имеем дело со столкновением двух классических проектов мировых порядков в рамках Вестфальской системы. Значит, вместо споров об ослаблении или усилении однополярной структуры мира более интересно, полагаем, будет задать другой вопрос: «Наш современный мировой порядок — это последняя или нет модификация Вестфалии в истории?»

* * *

Магистральный путь развития европейской философии лежал от метафизики к диалектике. Первая рассматривала мир как сумму вечных процессов и законов, вторая настаивала на изменении и качественном преобразовании мира. В изучении категории мирового порядка начинает назревать тот же поворот. Современные нормативные подходы рассматривают мировой порядок как некую вневременную категорию, отделяя современные мирополитические процессы от всей мировой истории. В противовес им историко-политические подходы видят в современном мировом порядке только один из этапов исторического развития Вестфальской системы национальных государств. Подобный подход, по всей видимости, открывает широкие возможности для изучения этой категории и снятия многих морально-этических и политических пристрастий учёных. Помещение нашего мирового порядка в конкретно-исторические условия показывает, что многие проблемы, с которыми мы сталкиваемся, не оригинальны и давно обсуждались в прошлом.

Его восприятие как историко-политической категории, ограниченной пространственными и временными рамками, неизбежно снимет многие методологические дискуссии по данной проблеме. Исчезнет навязчивое сравнение гегемонистского порядка и порядка баланса сил в вопросах эффективности. Если любой порядок конечен, то следует признать: нельзя обеспечить его существование на веки веков подобно тому, как любой живой организм не может достичь вечной жизни. Если признать, что порядки естественно сменяют друг друга,

то не имеет смысла и поиск «наилучшей модели» стабильности. Любая стабильность имеет своё начало и неизбежный конец. Прекратится спор о наличии или отсутствии ресурсов для постоянного поддержания статус-кво или как минимум базовых правил порядка. Если любой мировой порядок конечен, то его ревизия рано или поздно всё равно произойдёт, и вряд ли стоит тратить ресурсы на её предотвращение любой ценой. Да и продолжающаяся на

наших глазах история Ялтинско-Потсдамского порядка перестанет смотреться вневременной аномалией или простой суммой политических процессов, если мы сопоставим её с историей предшествующих вариаций. Признание нашего мирового порядка лишь частью истории с открытым финалом позволит нам лучше понять современные мировые процессы, зародившиеся в гораздо более далёком прошлом, чем 1970-е годы или тем более 1991 году.

Список литературы

- Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая теория и наука. М.: Аспект Пресс, 2019. 608 с.
- Баталов Э.Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 25–37.
- Берталанфи Л. фон. Общая теория систем — критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. — М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
- Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995) М.: Конверт–МОНФ, 1997. 353 с.
- Богатуров А.Д. Международный порядок в наступившем веке // Международные процессы. 2003. № 1. С. 6–23.
- Богатуров А.Д. Процессы войны и мира // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 3. С. 28–38.
- Богатуров А.Д. Синдром поглощения в международной политике // Pro et Contra. 1999. № 4. С. 28–48.
- Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. 384 с.
- Богатуров А.Д., Фененко А.В. Кризис стратегии «навязанного консенсуса» // Свободная мысль. 2008. № 11. С. 5–18.
- Введение в прикладной анализ международных ситуаций: Учебник / Под ред. Т.А. Шаклеиной. 2-е изд., исправ. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. 288 с.
- Воскресенский А.Д. Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира // Восток–Запад–Россия. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 139–143.
- Гаджиев К. К полицентрическому миропорядку // Полис. Политические исследования. 2007. № 4. С. 8–23.
- Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М.: Наука, 2002. 285 с.
- Дугин А.Г. Теория многополярного мира. Плюриверсум: Учеб. пособие. М.: Евразийское движение, 2015. 532 с.
- Истомин И.А. Рефлексия международной системы в официальном дискурсе и научном осмыслении // Вестник МГИМО-Университета. 2016. №5 (50). С. 20–33.
- Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: AST Publishers, 2015. 512 с.
- Клаузевиц К. О войне Т. 1. М.: Госвоениздат, 1934. 692 с.
- Кортунов А.В. Между полицентризмом и биполярностью: о российских нарративах эволюции миропорядка: рабочая тетрадь РСМД. № 52. 2019. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-Polycentrism-Bipolarity-WP52Ru.pdf>
- Косолапов Н.А. Пороговый уровень и вероятность конфликта США с Россией // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 18. С. 15–25.
- Кулагин В.М. Международная безопасность. М.: Аспект Пресс, 2006. 318 с.
- Лебедева М.М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 24–35.
- Лебон Г. Психология социализма. СПб.: Макет, 1995. 541 с.
- Мельникова Ю. Интродукция в современность. Взгляд из США // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 2 (61). С. 173–178.
- Миронов В.В. «Международный порядок» Хедли Булла и английская школа теории международных отношений // Вестник Омского университета. 2011. № 3. С. 108–114.

- Нефёдов Б. Критика представления о Вестфальском мире // Международные процессы. 2022. Т. 20. № 3. С. 6–27.
- Никонов В.А. Назад, к концерту // Россия в глобальной политике. 2002. №1. С. 78–99.
- Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10. С. 3–13.
- Райс К. Полнозвучие свободы и справедливости // Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1. № 3. С. 74–79.
- Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Отв. ред. В.И. Гантман. М.: Наука, 1984. 422 с.
- Тэйлор А.Дж.П. Борьба за господство в Европе 1848–1918. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 644 с.
- Фененко А.В. Войны в структуре мировых порядков // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 3. С. 13–36.
- Фененко А.В. История международных отношений: 1648–1945: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. 800 с.
- Хрусталёв М.А. Две ветви ТМО в России // Международные процессы. Т. 4. №2. С. 119–128.
- Хрусталёв М.А. Основы теории внешней политики государства. М.: УДН, 1984. 80 с.
- Цыганков П.А. Исследования проблем миропорядка: теоретические трудности, расхождения трактовок // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 41. С. 194–202.
- Цыганков А.П., Цыганков П.А. Кризис идеи «демократического мира» // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 3. С. 33–44.
- Цыганков П.А. Международные отношения. М.: Новая школа. 1996. 317 с.
- Цыганков А.П., Цыганков П.А. Просвещённое державничество (А.Д. Богатуров и российская теория международных отношений) // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 175–185.
- Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2012. 270 с.
- Barnett M. International Progress, International Order, and the Liberal International Order // The Chinese Journal of International Politics. 2021. Vol. 14. No. 1. P. 1–22.
- Black J. European Warfare, 1660–1815. London: UCL Press; Taylor & Francis e-Library, 2003. 279 p.
- Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. New York: Columbia University Press; 2002. 329 p.
- Carr E. Twenty years' crisis 1919–1939: an introduction to the study of international relations. Harper Perennial, 1964. 244 p.
- Clark I. Legitimacy in international society. Oxford: Oxford University Press, 2005. 250 p.
- Cooper R. Is There a New World Order? // Prospects for Global Order / Ed. by S. Sato, T. Taylor, S. Heiva. L.: 1993. Vol. 2. 26 p.
- Croxton D. Westphalia: The Last Christian Peace. Palgrave Macmillan US, 2013. 452 p.
- Davidson J. The Origins of Revisionist and Status quo States. Springer, 2016. 237 p.
- Duffield J. What are International Institutions? // International Studies Review. 2007. Vol. 9. No. 1. P. 1–22.
- Etzioni A. From Empire to Community. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2004. 256 p.
- Finnemore M. Legitimacy, Hypocrisy, and the Social Structure of Unipolarity: Why Being a Unipole Isn't All It's Cracked Up to Be // World Politics. 2009. Vol. 61. No 1. P. 58–85.
- Florin D. Hegemonic overreach vs. imperial overstretch // Review of International Studies. 2010. Vol. 36. No 4. P. 1103–1119.
- Gilpin R.G. War and Change in World Politics Cambridge University Press, 1981. 272 p.
- Gilpin R.G. No one loves political realist // Security Studies. 2007. Vol. 5. No. 3. P. 3–26.
- Gross L. The Peace of Westphalia, 1648–1948 // The American Journal of International Law. Vol. 42. No. 1. P. 20–41.
- Haass R. The World: a Brief Introduction. New York: Penguin Press, 2020. 400 p.
- Ikenberry J. After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton: Princeton University Press, 2019. 336 p.
- Jarrett M. The Congress of Vienna and its Legacy: War and Great Power Diplomacy after Napoleon. London: I. B. Tauris & Company, 2013. 522 p.
- Jones R.E. 'The English School of International Relations: A Case for Closure // Review of International Studies. 1981. No. 7 (1). P. 1–14.
- Kaplan M.A. System and process in international politics. ECPR Press, 2005. 260 p.
- Keohane R. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton University Press, 1984. 250 p.
- Kindleberger Ch.P. Hierarchy versus inertial cooperation // International Organization. 1986. No. 4 (40). P. 8–46.

- Lake D.A., Martin L.L., Risse Th.* Challenges to the Liberal Order: Reflections on International Organization // International Organization. 2021. Vol. 75. No 2. P. 225–257.
- Lascurettes K.M., Poznansky M.* International Order in Theory and Practice. Oxford Research Encyclopedia of International Studies. 2021. URL: <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-673>
- Mearsheimer J.J.* Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order // International Security. 2019. Vol. 43. No. 4. P. 7–50.
- Miller L.* Global Order: Value and Power in International Politics. London Boulder Co.: Westview Press, 1985. 228 p.
- Miller R.M.* The Attitudes of the Major Protestant Churches in America Toward War and Peace, 1919–1929 // The Historian. 1956. No 1. P. 13–38.
- Morgenthau H.J.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred Knopf, 1948a. 489 p.
- Morgenthau H.J.* The Problem of Sovereignty Reconsidered // Columbia Law Review. 1948. Vol. 48. No. 3. P. 341–365.
- Nobel J.W.* Morgenthau's Struggle with Power: The Theory of Power Politics and the Cold War // Review of International Studies. 1995. Vol. 21. No. 1. P. 61–86.
- Organski A.* World Politics. New York: Alfred A. Knopf, 1958. 461 p.
- Osiander A.* Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth // International Organization. 2001. Vol. 55. No 2. P. 251–287.
- Parsons T.* The Social System. New York: The Free Press, 1951. 575 p.
- Phillips A.* War, religion and empire: The transformation of international orders. Cambridge University Press, 2010. 384 p.
- Philpott D.* Revolutions in sovereignty: How ideas shaped modern international relations. Princeton University Press, 2010. 352 p.
- Rosecrance R.N.* The Rise of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World. N.Y.: Basic Books, 1986. 258 p.
- Singer D.J.* The Global System and its Sub-System. A Developmental View // Linkage politics: Essays in national and international systems / ed. J. N. Rosenau. New York: Free Press, 1969. P. 21–43.
- The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations.* Oxford: Oxford University Press, 2008. 622 p.
- Waltz K.N.* The Emerging Structure of International Politics // International Security. 1993. Vol. 18. No. 2. P. 44–79.
- Waltz K.N.* Political Philosophy and the Study of International Relations // Theoretical Aspects of International Relations / ed. W.T.R. Fox. Notre Dame, 1959. 118 p.
- Waltz K.N.* Theory of International Politics. N.Y.: McGraw Hill, 1979. 251 p.
- War and Religion after Westphalia 1648–1713 / Ed. by D. Onnekink.* Ashgate Publishing, 2013. 290 p.

INTERNATIONAL ORDER AS A CATEGORY OF INTERNATIONAL STUDIES

THEORETICAL FOUNDATIONS

ALEXEY FENENKO

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119234, Russia

Abstract

This article is devoted to the study of world order in modern political theory. The author shows that modern Anglo-American and Russian political science share common problems related to its study. First, modern internationalists often unjustifiably take the modern world order out of the context of historical development, contrasting it with the entire world history. Second, modern theories of world order are characterized by a

high degree of normativity: political processes are assessed from moral and ethical or openly ideological (usually liberal) positions. Third, researchers today often exaggerate the originality, or uniqueness, of the modern world order, although many of its problems existed in the past. Also, in modern political literature the concepts of "order" and "system" are often confused. Moreover, the mechanism of change of world orders, their qualitative difference from each other, even their number and names have not been revealed. In this regard, the author focuses on two interrelated tasks: 1) to define the relationship between the terms "system" and "order of international relations"; 2) to designate the systemic characteristics of world orders, which will make it possible to identify their number, the mechanism of their change and their qualitative difference. The article aims at clarifying the terminology on the subject of world orders and suggests considering them as completed political systems, which have covered their development cycle – from inception to disintegration. The basic concept of the order is that of balance of power between the great powers and the values and rules of interaction established on its basis. The world order emerges as the result of a total war and is terminated by a total war. Some limited wars regulate relations within the world order. The two types of world orders, namely, the hegemonic order and the balance of power order, acted as two equal types of order. Their disintegration is due to objective reasons, namely, the change in the balance of power and degradation of legal norms, which leads to the emergence of extra-systemic revisionists. The author believes that today's Yalta-Potsdam order is likely to follow the entire cycle of the development of its predecessors.

Keywords:

World order; international order; Westphalian system; sovereignty; total war; limited war; status quo; revisionism; hegemonic; balance of power.

References

- Alekseeva T.A. (2019). *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij kak politicheskaya teoriya i nauka* [Theory of international relations as a political theory and science]. Moscow: Aspekt-Press. 608 p.
- Barnett M. (2021). International Progress, International Order, and the Liberal International Order. *The Chinese Journal of International Politics*. Vol. 14. No. 1. P. 1–22.
- Batalov E.Y. (2003). "Novyj mirovoj poryadok": k metodologii analiza ["New World Order": towards the methodology of analysis]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 5. P. 25–37.
- Baylis J. et al. (eds) (2008). *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations*. Oxford: Oxford University Press. 622 p.
- Bertalanfi L. von. (1969). Obshchaia teoriya sistem – kriticheskij obzor [General theory of systems – a critical review]. In Sadovskij V.N., Yudin E.G. (eds) *Issledovaniya po obshchej teorii sistem: sbornik perevodov*. Moscow: Progress. P. 23–82.
- Black J. (2003). *European Warfare, 1660–1815*. London: UCL Press. 279 p.
- Bogaturov A.D. (1997). *Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij v Vostochnoj Azii posle Vtoroj mirovoj vojny (1945–1995)* [Great Powers on the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after the Second World War (1945–1995)]. Moscow: Konvert–MONF. 353 p.
- Bogaturov A.D. (1999) Sindrom pogloshcheniya v mezhdunarodnoi politike [The syndrome of absorption in international politics]. *Pro et Contra*. Vol. 4. No. 4. P. 28–48.
- Bogaturov A.D. (2003). Mezhdunarodnyj poryadok v nastupivshem veke [International Order in the Starting Century]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 1. No. 1. P. 6–23.
- Bogaturov A.D. (2016). Protsessy vojny i mira [Processes of War and Peace]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 14. No. 3. P. 28–38.
- Bogaturov A.D., Fenko A.V. (2008). Krizis strategii "navyazannogo konsensusa" [Crisis of the Strategy of "Forced Consensus"]. *Svobodnaya mysl'*. No. 11. P. 5–18.
- Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustalev M.A. (2002). *Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenij* [Essays on the theory and political analysis of international relations]. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniyam. 384 p.
- Bull H. (2002). *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. New York: Columbia University Press. 329 p.
- Carr E. H. (1964). *The Twenty Years' Crisis: 1919–1939*. Harper Perennial. 244 p.
- Clark I. (2005). *Legitimacy in international society*. Oxford: Oxford University Press. 250 p.
- Clausewitz K. von (1934). *O vojne* [On War]. T. 1. Moscow: Gosvoenizdat. 692 p.
- Cooper R. (1993). Is There a New World Order? In Sato S., Taylor T. (eds.) *Prospects for global order*. Vol. 2. London: Royal Institute of International Affairs. 26 p.
- Croxton D. (2013). *Westphalia: The Last Christian Peace*. Palgrave Macmillan US. 452 p.

- Davidson J. (2016). *The Origins of Revisionist and Status quo States*. Springer. 237 p.
- Davydov Yu. (2002). *Norma protiv sily. Problema miroregulirovaniya* [Norm versus power. The problem of world regulation]. Moscow: Nauka. 285 p.
- Duffield J. (2007). What are International Institutions? *International Studies Review*. Vol. 9. No. 1. P. 1–22.
- Dugin A. G. (2015). *Teoriya mnogopolyarnogo mira. Pluriversum* [The theory of a multipolar world. Pluriversum]. Moscow: Evraziiskoe Dvizhenie. 532 p.
- Etzioni A. (2004). *From Empire to Community*. N. Y.: Palgrave Macmillan. 256 p.
- Fenenko A.V. (2020). Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: 1648–1945 [History of International Relations: 1648 – 1945]. 2-e izd. Moscow: Aspekt Press. 800 p.
- Fenenko A.V. (2022). Vojny v strukture mirovykh poriadkov [Wars in the Structure of World Orders]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*. No. 3. P. 13–36.
- Finnemore M. (2009). Legitimacy, Hypocrisy, and the Social Structure of Unipolarity: Why Being a Unipole Isn't All It's Cracked Up to Be. *World Politics*. Vol. 61. No 1. P. 58–85.
- Florid G. (2010). Hegemonic overreach vs. imperial overstretch. *Review of International Studies*. 2010. Vol. 36. No 4. P. 1103–1119.
- Gadzhiev K. (2007). K politsentricheskomu miroponyadku [Towards a political world order]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*. 2007. No. 4. P. 8–23.
- Gantman V.I. (1984). *Sistema, struktura i protsess razvitiya sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii* [System, structure and process of development of modern international relations]. Moscow: Nauka. 422 p.
- Gilpin R.G. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 272 p.
- Gilpin R.G. (2007). No one loves political realist. *Security Studies*. 2007. Vol. 5. No. 3. P. 3–26.
- Gross L. (1948). The Peace of Westphalia, 1648–1948. *The American Journal of International Law*. Vol. 42. No. 1. P. 20–41.
- Haass R. (2020). *The World: A Brief Introduction*. New York: Penguin Press. 400 p.
- Ikenberry J. (2019). *After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. Princeton, Princeton University Press. 336 p.
- Jarrett M. (2013). *The Congress of Vienna and its Legacy: War and Great Power Diplomacy after Napoleon*. London: I. B. Tauris & Company. 522 p.
- Jones R.E. (1981). The English School of International Relations: A Case for Closure. *Review of International Studies*. Vol. 7. No. 1. P. 1–14.
- Istomin I.A. (2016). Refleksiya mezhdunarodnoy sistemy v ofitsialnom diskurse i nauchnom osmyslenii [Reflection of the International System in the Official Discourse and Academic Thinking]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 5. P. 20–33.
- Kaplan M.A. (2005). *System and process in international politics*. ECPR Press. 260 p.
- Keohane R. (1984). *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton University Press, 250 p.
- Kortunov A.V. (2019). Mezhdunarodnyy polittsentrizm i bipolyarnost'yu: o rossiiskikh narrativakh evolutsii miroponyadka [Between Polycentrism and Bipolarity: About Russian Narratives of the Evolution of World Order]. *Rabochaya tetrad' RSMU*. No. 52. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-Polycentrism-Bipolarity-WP52Ru.pdf>
- Khrustalev M.A. (1984). *Osnovy teorii vneshney politiki gosudarstva* [Fundamentals of the theory of foreign policy of the state]. Moscow: UDN. 80 p.
- Khrustalev M.A. (2006). Dve vetvi TMO v Rossii [Two Branches of the IR Theory in Russia]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 4. No. 2. P. 119–128.
- Kindleberger Ch.P. (1986). Hierarchy versus inertial cooperation. *International Organization*. Vol. 40. No. 4. P. 8–46.
- Kissinger H. (2015). *Mirovoj poriyadok* [World Order]. Moscow: AST Publishers. 512 p.
- Kosolapov N.A. (2008). Porogovyy uroven' i veroyatnost' konflikta SSHA s Rossiej [Threshold Level and the Probability of Conflict of the US with Russia]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 6. No. 18. P. 15–25.
- Kulagin V.M. (2006). *Mezhdunarodnaya bezopasnost'*. Moscow: Aspekt-Press. 318 p.
- Lake D.A., Martin L.L., Risse Th. (2021). Challenges to the Liberal Order: Reflections on International Organization. *International Organization*. Vol. 75. No. 2. P. 225–257.
- Lascurettes K.M., Poznansky M. (2021). International Order in Theory and Practice. *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. URL: <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-673>
- Lebedeva M.M. (2020) Novyy mirovoj poriyadok: parametry i vozmozhnye kontury [New World Order: parameters and possible contours]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 4. P. 2–35.
- Lebon G. (1995). *Psikhologiya sotsializma* [Psychology of Socialism]. Saint Petersburg: Maket. 541 p.
- Mearsheimer J.J. (2019). Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order. *International Security*. Vol. 43. No. 4. P. 7–50.

- Melnikova Yu. (2020). Introduktsiya v sovremeonnost': Vzgl'yad iz SSHA [Introduction to the Modernity: View from the US]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 18. No. 2. P. 173–178.
- Miller L. (1985). *Global Order: Value and Power in International Politics*. London Boulder Co.: Westview Press. 228 p.
- Miller R. M. (1956). The Attitudes of the Major Protestant Churches in America Toward War and Peace, 1919–1929. *The Historian*. No 1. P. 13–38.
- Mironov V.V. (2011). "Mezhdunarodnyy poryadok" Headley Bulla i angliyskaya shkola teorii mezhdunarodnykh otnoshenij ["International Order" of Headley Bull and English School of the Theory of International Relations]. *Vestnik Omskogo universiteta*. No. 3. P. 108–114.
- Morgenthau H.J. (1948a) *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York, Alfred Knopf. 489 p.
- Morgenthau H.J. (1948b) The Problem of Sovereignty Reconsidered. *Columbia Law Review*. Vol. 48. No. 3. P. 341–365.
- Nefedov B. (2022). Kritika predstavlenij o Vestfal'skom mire [The Critique of the Westphalian Peace Narrative]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 20. No. 3. P. 6–27.
- Nikonov V.A. (2002) Nazad, k kontsertu (Back to the concert). *Rossiya v global'noj politike*. No. 1. P. 78–99.
- Nobel J.W. (1995). Morgenthau's Struggle with Power: The Theory of Power Politics and the Cold War. *Review of International Studies*. Vol. 21. No. 1. P. 61–86.
- Onnekink D. (ed.) (2013). *War and Religion after Westphalia 1648–1713*. Ashgate Publishing. 290 p.
- Organski A.F.K. (1958). *World Politics*. New York: Alfred A. Knopf. 461 p.
- Osiander A. (2001). Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth. *International Organization*. Vol. 55. No 2. P. 251–287.
- Parsons T. (1951). *The Social System*. New York: The Free Press. 575 p.
- Phillips A. (2010). *War, religion and empire: The transformation of international orders*. Cambridge: Cambridge University Press. 384 p.
- Philpott D. (2010). *Revolutions in sovereignty: How ideas shaped modern international relations*. Princeton: Princeton University Press. 362 p.
- Primakov E.M. (1996). Mezhdunarodnye otnosheniia nakanune XXI veka: problemy, perspektivy [International relations on the eve of the XXI century: problems, prospects]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 10. P. 3–13.
- Rice K. (2003). Polyus svobody i spravedlivosti [The Pole of Freedom and Justice]. *Rossiya v global'noj politike*. Vol. 1. No. 3. P. 74–79.
- Rosecrance R.N. (1986). *The Rise of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World*. N.Y.: Basic Books. 258 p.
- Shakleina T.A. (2012). *Rossiya i SShA v mirovoi politike* [Russia and the USA in world politics]. Moscow: Aspekt Press. 270 p.
- Shakleina T.A. (ed.) (2018). *Vvedenie v prikladnoj analiz mezhdunarodnykh situacij* [Introduction to the practical analysis of international relations]. Moscow: Aspekt Press. 288 p.
- Singer D.J. (1969). The Global System and its Sub-System. A Developmental View. In Rosenau J.N. (ed.) *Linkage politics: Essays in national and international systems*. New York: Free Press. P. 21–43.
- Taylor A. (1958). *Bor'ba za gospodstvo v Evrope 1848–1918* [The struggle for mastery in Europe. 1848–1918] Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury. 644 p.
- Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (2005). Krizis idei "demokraticheskogo mira" [Crisis of the Idea of "Democratic Peace"]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 3. No. 3. P. 33–44.
- Tsygankov P.A. (2018) Issledovaniya problem miroporyadka: teoreticheskie trudnosti, raskhozhdeniya traktovok [Studies of the problems of the world order: theoretical difficulties, divergences of interpretations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. No. 41. P. 194–202.
- Tsygankov P.A. (1996). *Mezhdunarodnye otnosheniya* [International Relations]. Moscow: Novaya shkola. 317 p.
- Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (2017) Prosveshchennoe derzhavnichestvo (A.D. Bogaturov i rossiyskaya teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij). [Enlightened derzhavnichestvo (A.D. Bogaturov and the Russian Theory of International Relations)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 4. P. 175–185.
- Voskressenskii A. D. (2002) Regional'nye podsistemy mezhdunarodnykh otnoshenii i regiony mira [Regional subsystems of international relations and regions of the world]. *Vostok–Zapad–Rossiya*. Moscow: Progress-Traditsiia. P. 139–143.
- Waltz K.N. (1959). Political Philosophy and the Study of International Relations. In Fox W.T.R. (ed.) *Theoretical Aspects of International Relations*. Notre Dame. 118 p.
- Waltz K.N. (1979). *Theory of International Politics*. N.Y.: McGraw Hill. 251 p.
- Waltz K.N. (1993). The Emerging Structure of International Politics. *International Security*. Vol. 18. No 2. P. 44–79.

ПЕРЕМИРИЕ КАК КОМПОНЕНТ ВОЙНЫ, ЭТАП МИРНОГО ПРОЦЕССА ИЛИ ФОРМАТ «НИ МИРА, НИ ВОЙНЫ»

ЕКАТЕРИНА СТЕПАНОВА

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

Резюме

Перемирия все более актуальны для современных вооружённых конфликтов и их урегулирования. В первые два десятилетия XXI века они также стали наиболее распространённой формой завершения конфликта, если он вообще имел какой-то выраженный исход. При этом почти половина перемирий либо ещё не является частью процесса политического урегулирования ключевых противоречий, по поводу которых ведётся вооружённое противостояние, либо вообще не имеет отношения к мирному процессу. Перемирие в его традиционном понимании — как технический этап на пути к миру — всё чаще превращается в перемирие в отсутствие мира, становится прагматичной альтернативой буксующему мирному процессу. Какие цели преследуют и какие функции выполняют перемирия на разных стадиях конфликта, включая мирный процесс, но не ограничиваясь им? Какие основные типы перемирий можно выделить на основе их функций по отношению к конфликту и глубинного целеполагания сторон? Статья посвящена поиску ответов на эти вопросы на концептуально-теоретическом и эмпирическом уровнях на основе анализа статистических данных и конкретных примеров в различных контекстах, при особом внимании к конфликтам в Сирии и на Донбассе. Предложена оригинальная функционально-целевая типология перемирий, согласно которой они подразделяются на три типа: перемирия как часть военных действий, перемирия «ради мира», то есть создания условий для мирных переговоров и содействия им, и перемирия как формат промежуточного состояния «ни мира, ни войны», в том числе как средство его упорядочивания вплоть до достижения определённой стабилизации. Практический смысл такой типологии состоит в прояснении вопроса об эффективности — успехе или провале — перемирия, от которого нет смысла ожидать одного результата в условиях, когда одна или все его стороны сознательно работают на иной результат, а также роли фактора насилия на этапе перемирия, которое может решать свои основные задачи даже в том случае, когда оно не ведёт к устойчивому прекращению огня.

Ключевые слова:

перемирия; вооружённые конфликты; мирные процессы; насилие; функционально-целевая типология.

Формат перемирий всё более актуален для современных вооружённых конфликтов и путей их урегулирования. Это в полной мере касается и тех немногих, но ин-

тенсивных конфликтов 2010-х — начала 2020-х годов, в урегулировании которых одну из лидирующих ролей играла Россия — в первую очередь, конфликтов в Сирии и

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.03.2023

Дата принятия к публикации: 19.06.2023

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: stepanova@imemo.ru

на Украине. В контексте интернационализованной гражданской войны в Сирии к началу 2023 г. были заключены или объявлены 77 перемирий [подсчитано автором по PA-X: Version 7], а согласно более детальному учёту только локальных перемирий, за период 2011–2021 годов их насчитывалось более 140 [Karakuş 2023]. При этом перемирия в Сирии множились и распространялись не в рамках поступательного мирного процесса с участием сторон конфликта, а на фоне хронических провалов женевских мирных переговоров под эгидой ООН, устойчивого тупика в политическом урегулировании и возраставшей роли военно-стабилизационных методов и альтернативных переговорных форматов в снижении уровня вооружённого насилия. Полтора десятка перемирий на Донбассе, объявленных за период с подписания в 2014–2015 годах Минских соглашений и до новой фазы конфликта с конца февраля 2022 года, формально были частью мирного процесса. В то же время эти перемирия не просто хронически нарушались, а на деле сводились скорее к оформлению временного снижения интенсивности вооружённого противостояния до уровня «малого конфликта».

Перемирия — распространённое и типичное явление в контексте современных вооружённых конфликтов и процессов их урегулирования. За период с 1989–1990 по начало 2020-х годов общее число перемирий в мире — включая специальные договорённости или декларации о перемирии и разделы о перемирии в рамках более широких мирных соглашений — было довольно велико. В зависимости от методики их подсчёта оно варьируется в диапазоне от чуть менее одной тысячи до более двух тысяч¹. Перемирия объявляют на разных стадиях

конфликта и процесса перехода к миру, их в той или иной мере пытаются хотя бы временно соблюдать, порой они длятся годами или десятилетиями и неоднократно продлеваются, но нередко разваливаются или прерываются, иногда возобновляясь. В первые десятилетия XXI века актуальность этого формата росла, несмотря на устойчивые проблемы с его эффективностью, на его сложную взаимосвязь с процессом мирного урегулирования или вообще на отсутствие такой взаимосвязи.

При всей важности количественных показателей, наиболее серьёзные сдвиги назрели именно в концептуальном понимании качественного содержания и эволюции перемирий. В немногочисленных научных работах, посвящённых этой проблематике (до резкого подъёма внимания к ней зарубежных исследователей с конца 2010-х годов)², перемирия традиционно определялись исключительно как договорные или односторонние мероприятия по прекращению насилия [Chounet-Cambas 2011] или/и как переходный этап от войны к мирному соглашению в рамках мирного процесса [Forster 2019: 2; Åkebo 2016]. В целом перемирия рассматривались как «прекращение или прерывание военных действий вне зависимости от того, означает ли оно конец войны» [Fortna 2004]. Согласно авторитетной Уппсальской программе данных о конфликтах, перемирия — это ещё и один из возможных вариантов исхода конфликта (наряду с мирными соглашениями, военной победой одной из сторон и др.) [Kreutz 2021]. Важно то, что в общественных науках и гражданской экспертной аналитике перемирия и степень их эффективности определялись и оценивались почти исключительно в плане их

¹ От 926 за период с 1990 г. по январь 2023 г. [подсчитано автором по PA-X: Version 7] до 2202 перемирий в 1989–2020 годах, по данным базы ETH/PRIО CF [Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler 2023: 1430–1431].

² См. обзор современной зарубежной научной литературы по перемириям [Clayton, Nygård, Rustad, Strand 2023]. В отечественной политологии феномен перемирий теоретически и вообще специально не изучался; в научных работах, опубликованных на русском языке, перемирия затрагиваются в контексте урегулирования отдельных вооружённых конфликтов и, за некоторыми исключениями [Давыдов, Новичкова 2020; Дронова 2017], в основном историками [из недавних работ см.: Полякова 2022; Бебешко, Шипилин 2020; Ки Кван Со 2020].

способности прекратить или сократить вооружённое насилие *на пути к миру*.

Между тем соотношение и взаимосвязь перемирий и процессов политического урегулирования конфликтов путём мирных переговоров далеко не так очевидны, как кажутся, и слабо изучены. До сих пор мало ясноности в том, как на переговоры по урегулированию ключевых противоречий между сторонами конфликта (то есть на мирный процесс)³ влияют такие факторы, как соблюдение и нарушения перемирия, его успех или провал, его темпоральное и содержательное соотношение с переговорами о политическом урегулировании [Bara, Clayton, Rustad 2021: 336]. До недавнего времени в политологической литературе практически игнорировался тот факт, что перемирия необязательно являются частью мирного процесса и могут выполнять разные функции в конфликте, в том числе не имеющие явного — или вообще никакого — отношения к попыткам его мирного урегулирования. В целом системной оценки влияния перемирий на конфликт и мирный процесс не проводилось.

Одна из задач этой статьи — развеять всё ещё распространённую иллюзию о том, что перемирия, как правило, служат лишь частью, предвестником или этапом более широкого мирного процесса. Эта задача особенно актуальна на фоне современных тенденций и изменений в характере самих конфликтов, а также в методах и формах их урегулирования. Среди этих тенденций — продолжающееся снижение доли как комплексных, финальных мирных договорённостей, так и военных побед среди исходов конфликтов [UCDP Conflict Termination Dataset: Version 3-2021] на фоне распространения перемирий, частичных и локальных соглашений [Badanjak 2022]. Перемирие в его традиционном понимании — как технический *этап на пути к миру* — всё чаще пре-

вращается в *перемирие в отсутствие мира*, становится прагматичной альтернативой буксующему мирному процессу или просто фиксирует и формализует бесконечное состояние «ни мира, ни войны», в том числе в условиях так называемых замороженных конфликтов. Перемирия также могут служить своеобразной формой упорядочивания самой войны и даже процессом выхода из неё в отсутствие какого-либо однозначного решения, будь то мирного или военного.

В более прикладном смысле традиционный подход к перемириям как к техническим мероприятиям по прекращению огня всё сильнее мешает адекватной оценке фактора вооружённого насилия и работе с ним на этапе перемирия. Согласно этой интерпретации, *во-первых*, насилие почти исключительно рассматривается как нарушение перемирия. *Во-вторых*, подразумевается, что непосредственное прекращение насилия является не просто главной, но и единственной целью перемирия (без учёта иных, в том числе более глубинных, целей, которые оно может преследовать).

Какие цели преследуют и какие функции выполняют перемирия в динамике конфликта на разных его стадиях, включая мирный процесс, но не ограничиваясь им? Как перемирия влияют на эту динамику? Какие основные типы перемирий можно выделить на основе их целей и функций по отношению к вооружённому конфликту? В чём состоит роль и смысл фактора насилия на этапе перемирия и как он зависит от функционально-целевого типа перемирия? Данная статья посвящена поиску ответов на эти вопросы на концептуально-теоретическом и эмпирическом уровнях на основе анализа статистических данных и конкретных примеров из разных контекстов. Выбор в качестве основных контекстов конфликтов в Сирии и на Донбассе⁴ про-

³ Мирный процесс определяется как «усилия по прекращению вооружённого конфликта путём диалога (переговоров) между представителями основных конфликтующих сторон по ключевым вопросам, по поводу которых ведётся вооружённое противостояние» [Степанова 2022].

⁴ В статье используются данные по перемириям на Донбассе в период с 2014 по февраль 2022, то есть на этапе до и в ходе действия Минского мирного процесса. Этот этап завершился с началом в феврале 2022 г. российской специальной военной операции и переходом конфликта в форму межгосударственного.

диктован широким применением в них перемирий и тем, что они представляют два макрорегиона (Ближний Восток и Европу/Евразию), лидировавших по числу перемирий с 2010-х годов, а также острой актуальностью обоих кейсов для России.

Перемирия: определение и основные тенденции

Представляется целесообразным начать с проблемы определения понятия «перемирия» и краткого анализа основных тенденций и параметров перемирий в контексте современных конфликтов и их регулирования. Эту проблему будет разумно проиллюстрировать не только в виде теоретических дискуссий, в лучшем случае построенных на опыте регулирования конкретных конфликтов или их небольшой выборки, но и в связи с уже появившимися научными базами данных по перемириям. Серьёзной разницей в тенденциях в сфере перемирий и в их основных параметрах, которые можно выявить на основе различных баз данных, объясняется прежде всего тем, как по-разному их методологи определяют само понятие «перемирие».

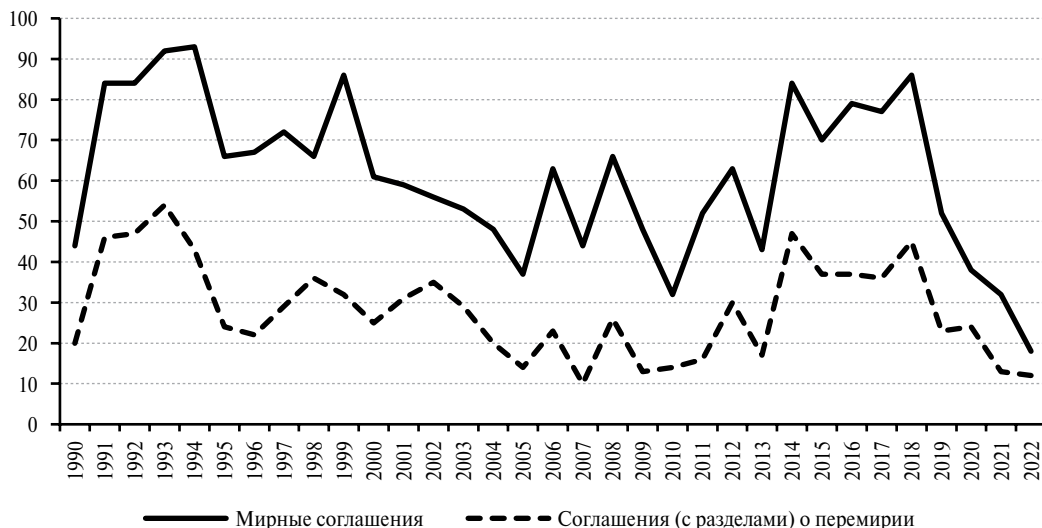
Из современных определений наиболее сильная привязка перемирий к мирным процессам практикуется в рамках самой широкой базы данных по мирным соглашениям, разработанной в Эдинбургском университете (PA-X). Её методологи определяют перемирия как «взятое на себя сторонами обязательство прекратить любые акты агрессии на земле, море, в воздухе и любые другие действия, которые подрывают дух перемирия или идущий мирный процесс» [Forster 2019: 2], то есть понятие «мирный процесс» фигурирует уже в самом определении перемирия. При этом «соглашениями о перемирии» считаются только «тексты, которые в основном содержат обязательства сторон прекратить насилие, временно или на неопределённый период» [Bell, Wise 2022: 389].

К. Бара, Г. Клейтон и С.А. Рустад предлагают более широкий и менее формальный подход, согласно которому «перемирия – это любой формат, в рамках которого сторона конфликта берёт на себя обязательство по временному или permanently прекращению насилия» [Bara, Clayton, Rustad 2021: 332]. Это более адекватное определение, так как оно (а) сформулировано без прямой привязки к мирному процессу; (б) включает не только взаимное (двустороннее), но и одностороннее, а также многостороннее прекращение огня; (в) не требует обязательной письменной фиксации перемирия, то есть включает в себя и устные договорённости, и не переоценивает соглашения на бумаге⁵.

М. Окебо определяет перемирия чуть более подробно – как решения о прекращении огня и связанные с ним процедуры: «ключевой предпосылкой соглашения о перемирии является согласие сторон прекратить огонь, но соглашение также определяет правила и условия этих усилий» [Åkebo 2016: 3]. Данные определения близки к тому, которое используется в совместной базе данных по перемириям ETH/PRIO CF Федерального института технологии в Цюрихе (Eidgenössische Technische Hochschule Zürich, ETH) и Института исследования мира в Осло (Peace Research Institute in Oslo, PRIO). Согласно ему, перемирия – это форматы, которые включают в себя декларацию о временном или постоянном прекращении огня с определённого момента времени со стороны хотя бы одного участника конфликта [ETH/PRIO CF]. Это широкое определение позволяет охватить полный спектр соответствующих инициатив и договорённостей, от кратких односторонних устных заявлений до формальных и детальных многосторонних соглашений. В данной статье принимается допустимость использования любого из указанных более широких определений.

⁵ Средняя длина соглашений о перемирии «на бумаге» не превышает трёх страниц [Bell, Wise 2022: 391]. Порой соглашение о перемирии или раздел о перемирии в рамках более широкого соглашения ограничивается 1–2 абзацами или даже несколькими строками.

Рисунок 1
Мирные соглашения и соглашения (с разделами) о перемирии, 1990–2022

Источник: подсчитано автором по PA-X: Version 7. 2023.

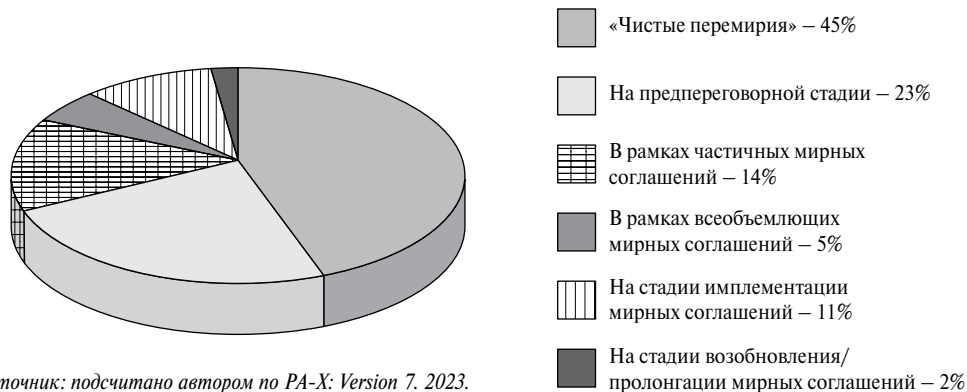
Важность проблемы определения в том, что оно проецируется и на статистику по перемириям, а значит, влияет на выявление тенденций в этой сфере. Например, в трёх основных международных базах данных показатели часто сильно, а иногда дажекратно разнятся именно потому, что они по-разному определяют перемирие и, соответственно, не всегда отслеживают, подсчитывают и кодируют одно и то же явление. Например, из 2003 соглашений, содержащихся в версии 7 базы PA-X с данными за период с 1990 г. по январь 2023 г. [PA-X: Version 7], зафиксировано 926 перемирий или соглашений с разделами о перемириях (рис. 1). В силу более узкого определения, которое используется в PA-X (только соглашения, тексты которых официально зафиксированы на бумаге), это число более чем в два раза ниже, чем число перемирий, которое фиксирует база данных ETH/PRIO CF за чуть более короткий период (2202 перемирия в 1989–2020 годах) [Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler

2023: 1430–1431]. То же наблюдается и в отношении конкретных конфликтов: например, в конфликте на Донбассе за период с 2014 по конец 2021 г. в PA-X зарегистрировано лишь девять соглашений о перемирии или содержащих положения о перемирии, тогда как только в данной статье используются данные по 16 перемириям⁶.

Несмотря на предпочтительность более широкого определения перемирий для их качественного анализа, для выявления количественных тенденций в этой сфере пока в основном приходится пользоваться базой PA-X. База данных ETH/PRIO CF не размещена в открытом доступе: все выкладки по ней сделаны её же методологами и аналитиками ETH и PRIO, а сам массив данных пока недоступен внешним исследователям для независимого анализа и проверки. База данных по мирным соглашениям Уппсальского университета (UCDP/PA) не выделяет отдельным разделом перемирия и не включает «чистые перемирия», а указывает лишь на разделы

⁶ По подсчётам автора. Отдельные специалисты насчитывают до 20 перемирий на Донбассе за период с 2014 по 2021 год [Matveeva 2022: 98].

Рисунок 2.
Перемирия по отношению к стадиям мирного процесса, 1990–2022

Источник: подсчитано автором по РА-Х: Version 7. 2023.

о перемирии в более широких мирных соглашениях [UCDP/PA: Version 22.1, о методологии см.: Höglbladh 2022].

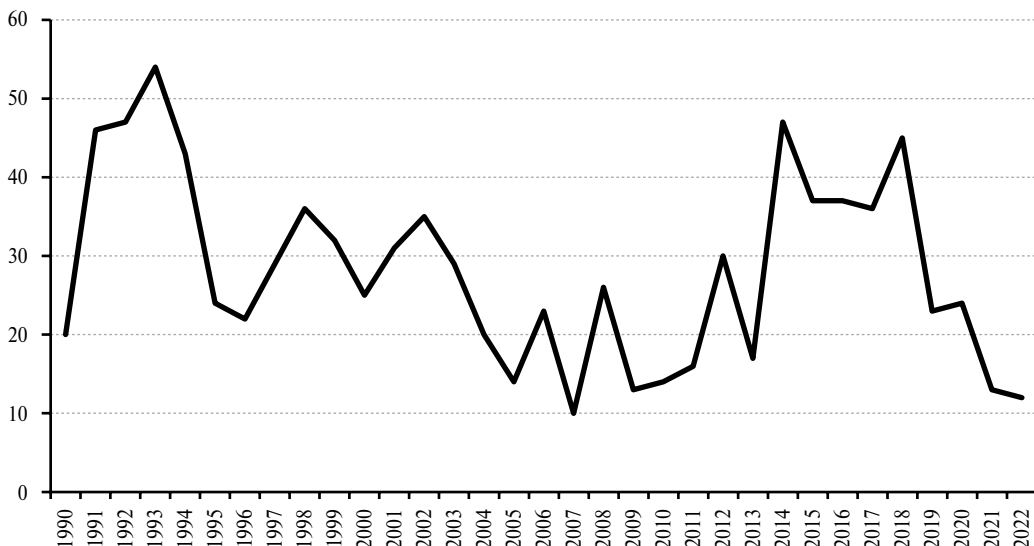
Из 926 перемирий или соглашений с разделами о перемириях, зафиксированных РА-Х за период с 1990 по январь 2023 года, 412 соглашений, то есть почти 45% (44,5%), не только сосредоточены именно на прекращении огня, но и отнесены базой РА-Х к отдельной стадии *перемирия* (в отличие от предпереговорной стадии, этапов заключения и реализации частичных или комплексных мирных соглашений и иных стадий *мирного процесса*) [подсчитано по РА-Х: Version 7]. Это так называемые *чистые перемирия* — соглашения о формате прекращения огня и его технических аспектах, не связанные с содержательной частью мирного процесса, то есть с переговорами и соглашениями о политических и иных ключевых вопросах вооружённого противостояния. Таким образом, даже с учётом неполного характера данных РА-Х (заниженного числа перемирий в силу их узкого определения) и субъективной предрасположенности специалистов РА-Х в пользу мирных процессов, почти половина всех перемирий заключается вне прямой связи с процессом мирного урегулирования. Остальные 514 соглашений содержат лишь отдельные пункты или разделы о переми-

рии, то есть в первую очередь посвящены другим вопросам и привязаны к одной из содержательных или процедурных стадий мирного процесса: предпереговорной стадии, включая соглашения о ведении самих переговоров (дорожные карты), этапам частичных или комплексных мирных договорённостей, стадии их реализации, доработки и/или пересмотра их условий или этапу возобновления или продлонгации мирных соглашений (рис. 2).

На протяжении трёх десятилетий после окончания «холодной войны» частота заключения перемирий была крайне неравномерной (рис. 3), но отражала динамику самих вооружённых конфликтов, то есть подъёмы, пики и спады числа соглашений о перемирии в целом соответствовали динамике показателей общемирового числа конфликтов в год. В плане регионального распределения за последние 30 лет большинство вооружённых конфликтов велось в Африке и Азии. Если учитывать все перемирия (включая чётко привязанные к той или иной стадии мирного процесса), то по этому показателю за весь период с 1990 по 2022 г. также лидирует Африка, а Азиатско-Тихоокеанский регион входит в тройку лидеров (следом за Европой/Евразией)⁷. Вместе с тем по числу «чистых перемирий», без прямой привязки к мирным процессам,

⁷ В данном случае в РА-Х Европа и постсоветская Евразия рассматриваются как один макрорегион.

Рисунок 3
Соглашения о перемириях или с разделами о перемириях, 1990–2022

Подсчитано автором по PA-X: Version 7. 2023.

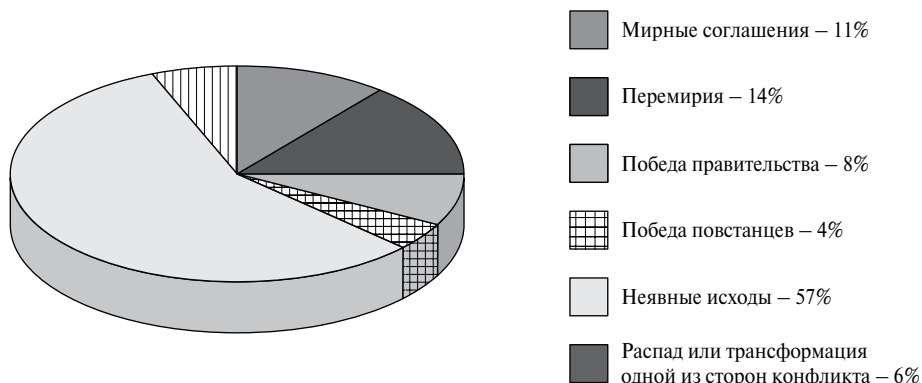
в лидерах — Европа/Евразия (114 перемирий) и Ближний Восток и Северная Африка (107 перемирий) [подсчитано по PA-X: Version 7]. По данным ETH/PRIO CF, эти же два макрорегиона, но в другом порядке — Ближний Восток и Европа — лидируют по всем перемириям за последнее полное десятилетие (2010-е годы) [ETH/PRIO CF 2022: Fig. 2; Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler 2023: Fig. 3: 1440].

Как уже отмечалось, в пользу базы данных ETH/PRIO CF говорит более широкий охват перемирий: 2202 перемирия в 109 конфликтах в 66 странах в 1989–2020 годах [о методологии см.: Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler 2023]. Она также совместима с основной международной научной базой данных о вооружённых конфликтах Уппсальского университета и Института исследований мира в Осло (UCDP/PRIO Armed

Conflict Dataset). Однако главным минусом ETH/PRIO CF пока остаётся отсутствие открытого доступа к таблицам данных, то есть возможности самостоятельной работы с ней для других исследователей⁸. По данным, обнародованным самими специалистами ETH/PRIO CF, в половине всех конфликтов в мире фиксировалось, как минимум, одно перемирие, а в среднем ежегодно в ходе около трети конфликтов фиксируется хотя бы одно перемирие [ETH/PRIO CF]. Тем не менее и специалисты ETH/PRIO CF вынуждены признать, что учёным пока не удалось систематически оценить влияние перемирий на ход конфликтов. Отчасти это объясняется тем, что от 70 до 76% перемирий не имеют механизмов верификации соблюдения их условий [Bara, Clayton, Rustad 2021: 330; Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler 2023: Table 1: 1441].

⁸ Среди других методологических недостатков базы данных ETH/PRIO CF можно отметить, что она включает данные только по тем перемириям, где хотя бы одна из сторон — государство, тем самым игнорируя значительную часть локальных перемирий (то есть все те из них, которые заключаются между негосударственными вооружёнными акторами). Локальные перемирия частично включены в соответствующую специализированную базу в рамках PA-X [PA-Local 2023], а, например, в Сирии они составили одну из наиболее распространённых форм перемирий.

Рисунок 4
Исходы конфликтов, 2001–2020

Подсчитано автором по: UCDP Conflict Termination Dataset. Version 3–2021. 1946–2020.

Первая, ограниченная, попытка систематически сопоставить вооружённые конфликты и перемирия была предпринята uppsальскими специалистами в рамках базы данных по исходам конфликтов — UCDP Conflict Termination Dataset (рис. 4). В XXI веке впервые стали преобладать неявные исходы конфликтов. В 2001–2020 годах в 57% случаев исходы конфликтов сводились к падению интенсивности насилия до очень низкого уровня по типу «ни мира, ни войны» в отсутствие какого-либо явного военного или переговорного/договорного решения. На этом фоне среди остальных, более или менее выраженных исходов, перемирия (14%) впервые обошли по частоте все другие виды — мирные соглашения (11%), военные победы правительственных (8%) или повстанческих сил (4%) [подсчитано автором по UCDP Conflict Termination Dataset: Version 3–2021].

Итак, в первые два десятилетия XXI века перемирия стали наиболее распространённым видом завершения конфликта, если он вообще имел какой-то выраженный исход. И это несмотря на то, что соглашений (с разделами) о перемириях в 2001–2022 годах фиксировалось в 2,2 раза меньше, чем мирных соглашений [подсчитано автором по PA-X: Version 7].

Вместе с тем это ещё не даёт оснований утверждать, что перемирия как минимум не

менее эффективны как исход и средство регулирования конфликта, чем мирные соглашения. *Во-первых*, в отсутствие адекватного мониторинга большинства перемирий независимая количественная оценка масштаба их нарушений и степени их эффективности как средства прекращения огня часто весьма затруднена, особенно в условиях продолжающегося насилия. *Во-вторых*, на фоне частых, хронических нарушений и затяжных серий постоянно прерывающихся и возобновляющихся перемирий во многих конфликтах исследователи всё чаще ставят под вопрос ту традиционную систему координат, в рамках которой перемирия и их эффективность анализировались лишь на предмет их соответствия единственной функции — прекращению огня [Clayton, Nathan, Wiehler 2021: 356, 359–360].

К сожалению, первые попытки выйти за эти рамки и классифицировать перемирия по характеру их целей и задач методологически неудовлетворительны. К примеру, одна из двух новых типологий перемирий, предложенных специалистами ETH/PRIO CF в 2022 году, предлагает подразделить перемирия на либо относящиеся к мирному процессу, либо связанные с гуманитарной повесткой, либо (приуроченные) к праздникам, выборам и иным знаковым событиям [Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler 2023: 1441–1442]. Проблема здесь

даже не столько в том, что все эти категории не являются взаимоисключающими (приуроченное к назначенным на праздничный день выборам перемирие может быть полноценной частью мирного процесса и одновременно содержать гуманитарные разделы). Представляется, что в данном случае проявляется ещё большая предвзятость в пользу «мирных процессов», чем у специалистов РА-Х, и явное нежелание называть вещи своими именами: если перемирия не подчинены напрямую задачам мирного урегулирования, то считается (политически, идеологически, этически) приемлемым учитывать лишь их гуманитарные или электорально-праздничные аспекты. При этом налицо нежелание признавать тот факт, что перемирия могут решать и чисто *военные задачи* и что даже гуманитарные положения перемирий могут использоваться как в военных целях, так и в поддержку мирного процесса.

В целом, хотя количественные методы незаменимы в оценке непосредственной задачи перемирий по прекращению вооружённого насилия, они малопригодны для анализа контекстных условий, глубинной мотивации, которая движет сторонами конфликта, и всего комплекса стратегических и тактических, явных и неявных, декларируемых и реальных целей, которые они ставят, когда идут на перемирие. Выявление этих мотиваций, целей и условий требует качественного анализа перемирий и их участников, и именно оно определяет, является ли перемирие частью мирного процесса или нет.

Перемирия: между войной и чем?

Классификация и типологии перемирий традиционно носили чисто технический характер: перемирия подразделялись на формальные (официальные) или неформальные, на односторонние, двусторонние или многосторонние, на полные или частичные. Недалеко ушла и вторая из двух новых типологий перемирий, предложенных специалистами ETH/PRIO CF. Эта утилитарно-техническая типология, явно составленная в помощь (международным) струк-

турам, практикующим наблюдательные миссии в конфликтных зонах, предлагает классифицировать перемирия лишь по признаку наличия в них механизмов мониторинга/верификации их соблюдения и мер по разоружению/демобилизации сторон — при том что эти механизмы в подавляющем большинстве случаев (почти в 76% перемирий, фиксируемых ETH/PRIO) полностью отсутствуют [Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler 2023: Table 1: 1441].

Две более содержательные традиционные типологии, которые, ввиду их взаимосвязи, лучше рассматривать вместе, классифицируют перемирия (а) по пространственно-географическому охвату (локации) и уровню, от локального до межгосударственного, и (б) по типу самого вооружённого конфликта, в соответствии с сутью и характером основного оспариваемого противоречия между его сторонами.

По своему охвату и уровню перемирия могут быть международными (в конфликтах между государствами, например между Эквадором и Перу или Эфиопией и Эритреей); общенациональными, то есть действовать по всей стране (всеобщие перемирия в ходе гражданских войн в Гватемале или Либерии); заключёнными с отдельными вооружёнными акторами без привязки к конкретному району (в масштабах всей страны, например в Мьянме) или в чётко определённом районе (Дарфур/Судан); локальными (то есть охватывающими небольшую территорию и население — от отдельных кварталов, пригородов и даже пропускных пунктов до городов (в Боснии-Герцеговине, Сирии, Ливане) и районов (в Ливии, на острове Минданао на Филиппинах, в Судане).

Понятно, что географический охват, а отчасти и продолжительность перемирия связаны с типом самого конфликта и характером оспариваемого противоречия. Например, конфликты чисто сепаратистского толка ведутся на относительно ограниченной территории, а их участники (вооружённые сепаратисты и центральное правительство) могут с большей готовностью пойти на более длительное прекраще-

ние огня и замораживание конфликта даже в отсутствие урегулирования ключевого противоречия между ними. Например, более чем в трети сепаратистских конфликтов за период с 1989 г. перемирия носили долгосрочный характер [Baga, Clayton, Rustad 2021: 333]. В то же время в полномасштабных гражданских войнах, которые охватывают значительную или большую часть страны и в которых оспариваются вопросы о власти на общенациональном уровне, долгосрочные перемирия наблюдаются редко.

Вместе с тем перемирие — это не просто механическая производная от характера самого конфликта. Функции, устойчивость и степень эффективности перемирия отнюдь не предопределены масштабом конфликта и его ключевыми противоречиями. Такой подход не учитывает *контекстную специфику* вооружённых акторов в конфликте, их *стратегическое целеполагание* и тактические задачи на определённом этапе противостояния и в значительной мере игнорирует *динамику конфликта*. Если учесть всё это, то в рамках содержательной типологии перемирий на первый план должны выйти именно (а) глубинное целеполагание сторон и (б) то, к какой стадии конфликта относятся и как мыслятся перемирия их участниками — как этап между войной и чем? (между войной и миром? войной и войной? войной и неким промежуточным состоянием по типу «ни мира, ни войны»?).

Нельзя сказать, что стратегическое целеполагание сторон конфликта совсем не учитывалось в литературе по мирным процессам и перемириям. Тем не менее если ему и уделяется какое-то внимание, то в рамках жёстко рационалистского подхода, согласно которому вооружённый актор *должен сделать и всегда делает* наиболее рациональный выбор между разными стратегическими опциями. Такой «рациональный игрок» адаптирует к ситуации свои стратегические цели в конфликте — будь то достижение военного превосходства (победы), усиление своего переговорного ресурса (позиции) или движение к мирному уре-

гулированию — тщательно взвешивая предполагаемые затраты, выгоду и их соотношение в тот или иной момент времени. Соответственно, рациональный игрок может использовать перемирия ради достижения любой из этих целей, менять основную функцию перемирия по мере смены одной цели на другую и даже, пытаясь лучше прояснить соотношение затрат и выгоды, использовать перемирия одновременно (параллельно) как в военных целях, так и в целях продвижения мирного процесса [Sticher, Vuković 2021: 1284, 1286–1287].

Такой жёстко рационалистский подход всё менее соответствует условиям и типам исходов современных конфликтов. Представление о том, что рациональный игрок всегда делает самостоятельный выбор в плане целеполагания между военным решением конфликта или его мирным урегулированием, в зависимости от соотношения «затраты—выгода» для себя, идёт вразрез с тем, что и те, и другие решения (и военные, и достигнутые в результате мирных переговоров) в принципе встречаются всё реже и даже в совокупности уже составляют меньшую часть всех исходов конфликтов в XXI веке.

Для того чтобы быть разрешённым одним из этих двух способов — военной силой или путём мирных переговоров — или даже посредством их сочетания/последовательности, сам конфликт как минимум должен быть достаточно чётко структурирован, привязан к определённой территории, иметь определённое (лучше ограниченное) число организованных в военнополитическом отношении сторон с ограниченным набором относительно чётких и реалистичных целей. В силу сложности, высокой степени фрагментации и одновременной транс(интер)национализации и глокализации (взаимосвязанных процессов глобализации и локализации) многих современных конфликтов даже те редкие из них, которые имеют явный межгосударственный аспект, всё менее отвечают этим условиям.

В тех редких случаях, когда характер и структура конфликта в принципе позволя-

ют однозначно решить его военным путём, он, как правило, в итоге *таким путём и решается* (например, сепаратистский конфликт в Шри-Ланке). В остальных же случаях речь часто идёт не столько об осознанном выборе сторон в пользу переговорного решения, сколько именно о принципиальной невозможности урегулировать конфликт военным путём. Это, впрочем, не означает и расширения перспектив мирного урегулирования: такие исходы конфликтов в XXI веке пока также в меньшинстве на фоне преобладания неявных исходов по типу «ни мира, ни войны» или в виде замороженного противостояния. В целом ортодоксальная теория рационального выбора слабо учитывает эмпирические данные о внешних условиях и характере современных конфликтов, не говоря уже о том, что она лишена культурного релятивизма⁹.

Между войной и войной:

перемирия как часть военных действий

То, что очевидно военным специалистам, почему-то упорно игнорируется большинством гражданских политологов, конфликтологов и специалистов по вопросам безопасности: наиболее естественная, можно сказать, *стандартная* функция перемирий — это их роль как части конфликтной динамики, продиктованная соображениями *военной необходимости*.

Иными словами, перемирия являются неотъемлемой частью самой войны, а не только подготовки выхода из неё путём мирных переговоров. Перемирия как часть конфликтной динамики могут использоваться сторонами для того, чтобы выиграть время, перегруппироваться, до/переворужиться и улучшить свои военные позиции. Зачастую стороны конфликта — участники перемирия — не ограничиваются лишь его соблюдением или периодическим нарушением, а находят способы использовать

перемирие для продвижения своих военно-политических целей и изменения самого характера военных действий (в Мьянме, Сирии, Кашмире/Индии и др.). Хотя некоторые поборники мирного урегулирования любой ценой признают, что перемирия могут иметь и такие «немирные» цели и последствия, они оценивают их как негативные, по сравнению с ролью перемирия как «базового шага, который должен способствовать реальным мирным переговорам» [Karakuş, Svensson 2020].

Как уже указывалось, причины, толкающие одну или несколько сторон конфликта к заключению перемирия, могут иметь военно-тактический характер: это, прежде всего, попытки выиграть время для консолидации, перегруппировки, маневрирования, перевооружения и снабжения сил, особенно в условиях, когда та или иная сторона находится под сильным военным, политическим или иным давлением [Mac Ginty 2006: 151; Haysom, Hottinger 2010; Sticher, Vuković 2021: 1284].

Не менее важной функцией перемирий как военной необходимости является фиксирование с их помощью *баланса сил на определённом этапе конфликта*. В таком случае перемирия выступают как средство закрепить достижения на поле боя, а условия перемирия — как шанс впервые как-то формализовать право на оспариваемую территорию (ресурсы, население). При этом часть таких соглашений *реально* могут быть взаимно выгодны обеим или всем сторонам перемирия, даже если они совершенно не настроены на последующее мирное разрешение конфликта. Примерами могут служить перемирия, включающие пункты об обмене участками территории и/или населением (поддерживающим ту или иную сторону или представляющим «свою» этническую или религиозную группу в этнополитических или (этно)конфессиональных конфликтах). Хотя обмен

⁹ В рамках этой теории отрицается сама возможность альтернативных концепций рациональности — например, религиозной. В частности, для вооружённых исламистов категория «перемирия» (араб. «худна») — это в принципе лишь временная пауза, необходимая для восстановления и консолидации сил для продолжения вооружённого противостояния.

«своим» и «чужим» населением в рамках перемирия может выглядеть как чисто гуманитарная акция, на деле он нередко в первую очередь нацелен на то, чтобы зафиксировать результаты военных действий и текущий баланс сил. В рамках сложных, фрагментированных конфликтов, особенно гражданских войн с участием многих внутренних и внешних акторов, перемирия вообще могут служить и рассматриваться прежде всего как инструмент для установления и/или консолидации контроля за теми или иными районами и ресурсами со стороны конкурирующих между собой вооружённых игроков [на примере сирийского конфликта см.: Sosnowski 2020: 1396, 1398].

Показательно, что большая часть стандартных положений и условий перемирий (включая их гуманитарные пункты и меры по укреплению доверия) может быть подчинена ходу военных действий и диктоваться логикой конфликта в такой же степени, как и в тех случаях, когда перемирия подчинены поиску мирного решения. Среди таких положений: временное прекращение или приостановление огня; установление или задействование каналов связи между противоборствующими сторонами, включая «горячие линии» на уровне командующих военной группировкой (контингентом); разделение или (частичный) отвод войск, в том числе за пределы досягаемости артиллерии того или иного калибра; запрет размещения тяжёлых вооружений в населённых пунктах и на объектах гражданского назначения; ограниченный обмен информацией о системах вооружения, техники и оборудования, логистике, комбатантах, военнопленных и гражданском населении в подконтрольных зонах; предварительное информирование друг друга о передвижении войск и техники. К положениям «двойного назначения»

относится и обеспечение гуманитарного доступа, включая гарантии безопасности и передвижения для гражданского населения, военного персонала, гуманитарных работников и международных наблюдателей; предоставление конвоев и транспорта для беженцев и внутренне перемещённых лиц и гуманитарных организаций; снятие или установление блок-постов для регулирования передвижения людей и перевозки (и налогообложения) товаров; эвакуацию раненых и гражданских лиц; обмен телами убитых и обмен или освобождение пленных, в том числе при содействии Международного комитета Красного Креста. Сюда же можно отнести и передачу под контроль той или иной стороны объектов критической инфраструктуры, включая порты, аэропорты, дороги, правительственные здания. Все перечисленные меры, предусмотренные в рамках соглашений или деклараций о перемирии, могут в конечном счёте служить как достижению военного решения конфликта, так и задачам его мирного урегулирования, в зависимости от условий конкретного конфликта и среднесрочного целеполагания его сторон — участников перемирия.

То же самое распространяется и на уровень частичных и локальных перемирий. Например, динамика широко распространённых локальных перемирий в Сирии (в сирийской интерпретации — так называемых соглашений о примирении)¹⁰ отражала в первую очередь меняющийся баланс сил между вооружёнными игроками, а не предтечу, поддержку или проявление мирного процесса. Таких перемирий в ходе сирийского конфликта ещё до начала в 2017 г. Астанинского процесса с участием России насчитывалось более 100, и то если считать лишь взаимные договорённости¹¹. Локальные перемирия в Сирии с участием правительственных сил, их союзников и

¹⁰ Араб. «итифакаат аль-мусаалаха».

¹¹ По подсчётам Д. Каракуша (Турция), за период с марта 2011 г. по октябрь 2021 г. в ходе сирийского конфликта было заключено 141 локальное взаимное перемирие, включая как соглашения на бумаге, так и устные договорённости (согласно расширенной версии [Karakuş 2023] первоначальной базы данных [Karakuş, Svensson 2020]).

лоялистских формирований, с одной стороны, и группировок вооружённой оппозиции — с другой, варьировались от договорных форматов, в результате которых оппозиционные формирования сохраняли какую-то роль в сфере безопасности и управления на локальном уровне в своих районах, до аналога и оформления их фактической капитуляции. Она нередко включала релокацию (выдворение или эвакуацию) боевиков, а порой и поддерживавшей их части населения в другие районы. По мере развития и затягивания конфликта правительственная сторона испытывала всё более острый недостаток в живой силе и теряла возможности отвоевать подконтрольные оппозиции территории силовым путём. В этих условиях сирийский режим перешёл к тактике частичных локальных сделок с отдельными группировками оппозиции, в первую очередь в районах, непосредственно прилегавших к территории, контролируемой правительственными силами и их союзниками, где концентрация формирований вооружённой оппозиции была особенно высока. Эти соглашения изначально рассматривались не столько как шаг к последующему разделу власти путём мирных переговоров с оппозицией, сколько как элемент и продолжение военной стратегии в условиях затяжного, ожесточённого и сильно фрагментированного конфликта, когда расширение зоны контроля военным путём если и возможно, то медленно и постепенно, шаг за шагом, а удержание захваченной/освобождённой территории одной лишь военной силой затруднено.

Несмотря на своё название, «соглашения о примирении» имели мало отношения к примирению сторон как таковому, а неред-

ко содержащиеся в них обязательства сохранить или обеспечить децентрализацию системы управления на местах или специальные привилегии для местных лидеров, элит и старейшин со временем дезавуировались. Такие локальные соглашения скорее носили характер либо временного прекращения огня «по расчёту», либо завуалированной сдачи позиций силам центрального правительства. Как с сожалением отмечали западные специалисты, если такие локальные соглашения не интегрировать в комплексный процесс мирного урегулирования, то «они останутся лишь тактикой войны с целью нейтрализации сопротивления в одном районе для того, чтобы облегчить ведение военных действий в других местах». Ряд наблюдателей отдавали себе отчёт в том, что так оно и будет, учитывая, что «постепенно и большой ценой добившись перевеса в военных действиях, правительство Б. Асада не готово идти на какие-либо серьёзные уступки ради мирного урегулирования и политического транзита» [Hinnebusch, Imady 2017: 1, 3, 5].

На этапе стартовавшего в 2017 г. Астанинского процесса предполагалось — и впервые в ходе сирийского конфликта было обеспечено — относительно длительное перемирие на уровне международных гарантов (России, Турции и Ирана)¹², в первую очередь в рамках так называемых зон деэскалации¹³. При этом как в ходе этого процесса, так и параллельно ему продолжилось активное заключение «соглашений о примирении» на местном уровне. Хотя условно такие локальные перемирия можно подразделить на «жёсткие» и «мягкие», и те и другие представляли собой, скорее, вынужденные договорённости о сдаче антиправительственными группи-

¹² Астанинский процесс — переговорный процесс по Сирии (с января 2017 г. по настоящее время), коспонсорами которого и посредниками между правительством и более умеренной, в том числе исламистской, частью вооружённой оппозиции выступили Россия, Турция и Иран.

¹³ В рамках Астанинского процесса 4 мая 2017 г. был подписан меморандум о создании временных «зон деэскалации» (Меморандум о создании зон деэскалации в Сирийской Арабской Республике. 06.05.2017 // МИД РФ [официальный сайт]. URL: https://archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ckNonkJE02Bw/content/id/2746041 (дата обращения 10.01.2023); Memorandum on the Creation of De-escalation Areas in the Syrian Arab Republic. 04/05/2017 [PA-X 2023]). В сентябре 2017 г. число зон деэскалации возросло до четырёх (Joint Statement by Iran, Russia and Turkey

ровками тех или иных позиций, чем соглашения, достигнутые путём переговоров. Для сирийских властей они оставались преимущественно средством постепенного расширения контроля над территорией и населением. С одной стороны, зоны деэскалации фиксировали определённую степень децентрализации (как правило, временную)¹⁴ и способствовали признанию некоторых местных центров власти. С другой стороны, динамика перемирий, связанных с зонами деэскалации, на практике оказалась лишь прелюдией к восстановлению правительством Асада и его союзниками контроля над большей частью территории страны и в целом, по оценке ряда специалистов, «использовалась для успешного продвижения военных целей наиболее сильных игроков» [Sosnowski 2020: 1403, 1406].

Помимо перемирий между правительственными и оппозиционными силами, значительная часть перемирий, особенно в ходе сложных, сильно фрагментированных и многоуровневых конфликтов с большим числом участников, заключается не между основными противниками (антагонистами), а между различными, часто конкури-

рующими группировками вооружённой оппозиции с целью создания коалиций в борьбе с правительственными силами или между лоялистскими формированиями в целях координации контрповстанческой борьбы. В Сирии такие перемирия между негосударственными игроками, преследующие военные (военно-политические) цели, были особенно широко распространены. Чаще всего встречались многочисленные перемирия между оппозиционными группировками, воюющими на одной стороне более широкого конфликта. Они включали в себя:

– перемирия между группировками одной и той же или близкой политико-идеологической, религиозно-политической или этнополитической ориентации (например, перемирия в Идлибе между радикально-исламистской «Ахрар аш-Шам», с одной стороны, и крупной зонтичной джихадистской группировкой «Хайят Тахрир аш-Шам»¹⁵, или её ядром и предшественницей «Джабхат фата аш-Шам»¹⁶ (ранее известной как «Джабхат ан-нусра»)¹⁷, или более мелкими группировками типа «Джунд аль-Акса»¹⁸, с другой стороны; перемирия между ИГИЛ¹⁹ и рядом сирийских

on the International Meeting on Syria in Astana 14–15 September 2017 // Permanent Mission of the Russian Federation to the European Union [web-site]. URL: <https://russiaeu.ru/en/news/joint-statement-iran-russia-and-turkey-international-meeting-syria-astana-14-15-september-2017>, дата обращения 20.02.2023) — в части провинции Хомс, в Восточной Гуте (пригороде Дамаска), в северо-западной провинции Идлиб на границе с Турцией и в приграничных районах на юго-западе Сирии (создание этой зоны потребовало отдельного соглашения от 9 июля 2017 г. в рамках переговорного формата, включавшего Россию, Иорданию, Израиль и США).

¹⁴ Везде, кроме деэскалационной зоны «Идлиб».

¹⁵ От 19 и 23 июля 2017 г. Все локальные соглашения даны по базе данных PA-Local: Second Ceasefire between Ahrar al-Sham (AAS) and Hayat Tahrir al-Sham (HTS). 23/07/2017; Agreement between Hayat Tahrir al-Sham (HTS) and Ahrar al-Sham (AAS), Badi'a, Idlib. 19/07/2017 [PA-Local 2023]. «Хайят Тахрир аш-Шам» — организация, признанная террористической и запрещённая на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 04.06.2020 № АКПИ20-275С, вступило в силу 20.07.2020.

¹⁶ От 10 октября 2016 г. По PA-X: Agreement between Ahrar al-Sham (AAS) and Jabhat Fatah al-Sham (JFS) signed by al-Jawlan and al-Hamawi, 10/10/2016 [PA-Local 2023].

¹⁷ «Джабхат ан-Нусра» — организация, признанная террористической и запрещённая на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 29.12.2014 № АКПИ14-1424С, вступило в силу 13.02.2015.

¹⁸ От 22 января 2017 г., 8 октября 2016 г. Agreement between Ahrar al-Sham (AAS) and Jund al-Aqsa, al-Fua'a, Idlib 22/01/2017; Cessation of Hostilities between Jund al-Aqsa and Ahrar al-Sham (AAS) in Kansafra, 08/10/2016 [PA-Local 2023].

¹⁹ «Исламское государство», или «Исламское государство в Ираке и Леванте» (ИГ/ИГИЛ) — организация, признанная террористической и запрещённая на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 29.12.2014 № АКПИ14-1424С, вступившим в силу 13.02.2015.

джихадистских группировок, ориентированных на «Аль-Каиду»²⁰, при посредничестве саудовского религиозного лидера Абдаллы аль-Мухайсини, или между различными курдскими фракциями на севере Сирии, в том числе при посредничестве лидера иракских курдов Месуда Барзани) [Karakuş, Svensson 2020];

– перемирия между группировками с различающимися, иногда кардинально, политико(религиозно)-идеологическими установками и целями, объединившими усилия в борьбе с правительственными силами. Среди примеров – локальные перемирия по действиям в районе г. Африн²¹ между разнородной повстанческой коалицией «Фатх аль-Халеб»²² и курдскими отрядами народной самообороны (YPG)²³ или между джихадистской «Джейш аль-мухаджирин валь ансар», состоявшей в основном из иностранных боевиков, и рядом других группировок, включая фракцию Свободной сирийской армии «Шухада Бадр», при посредничестве шейха Абу Амира из «Ахрар аш-Шам»²⁴.

Иными словами, немалая часть перемирий, особенно на локальном уровне, заключалась не ради мира, а, напротив, ради активизации вооружённой борьбы и повышения её эффективности за счёт фактического формирования временных тактических, а порой и более длительных стратегических альянсов для объединения и координации военных усилий против одного и того же врага. Эти усилия могли ограничиваться совместным контролем над стратегическими дорогами, населёнными пунктами, торгово-контрабандными потоками

(например, торговлей нефтью), а могли включать в себя и совместные военные операции против основного противника.

Наряду с перемириями между основными сторонами конфликта или между вооружёнными негосударственными акторами, воюющими по одну сторону более широкой гражданской войны, соглашения о прекращении огня могут заключаться и с вооружёнными формированиями, которые не являются прямыми участниками конфликта с центральной властью, но представляют отдельную военно-политическую силу со своей повесткой и целями. Более того, судя по сирийскому опыту, именно такие перемирия носили наиболее устойчивый и долгосрочный характер. Речь идёт, например, о внутрисирийских перемириях с участием вооружённых формирований местных курдов, которые не относятся к антагонистам в гражданской войне в Сирии. Одни из самых устойчивых соглашений о перемирии в ходе сирийского конфликта были заключены (а) между курдской Партией демократического единства (PYD)²⁵ и оппозиционной Свободной сирийской армией (первое перемирие от 5 ноября 2012 года)²⁶; (б) между различными вооружёнными формированиями самих сирийских курдов, (в) между правительством Сирии и PYD (первое перемирие от 23 августа 2016 года). Несмотря на то что ни одно из этих перемирий не было частью процесса политического урегулирования, их бóльшая устойчивость объясняется именно отсутствием у курдских военно-политических сил антагонистических противоречий между собой,

²⁰ «Аль-Каида» («База») – организация, признанная террористической и запрещённая на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003.

²¹ От 15 декабря 2015 г. Agreement between Fatah al-Halab and the People's Protection Units on the Sheikh Maqsoud area and roads to Afrin, 15/12/2015 [PA-Local 2023].

²² Коалиция действовала в районе Алеппо в составе до 50 отрядов, от радикальных исламистов до относительно светских прозападных сил.

²³ Курд. "Yekîneyên Parastina Gel" (YPG).

²⁴ От 16 февраля 2014 г. Hurritan and Malah Ceasefire [PA-Local 2023].

²⁵ Курд. "Partiya Yekîtiya Demokrat" (PYD).

²⁶ Впоследствии совместно с PYD воевали до 15 фракций Свободной сирийской армии (ССА), хотя многие другие фракции ССА, прежде всего протурекии, активно воевали против сирийских курдов.

с центральной властью Сирии (несмотря на массу претензий к ней, сирийские курды в основном не сепаратисты) и с частью вооружённой оппозиции неджихадистско-го толка²⁷.

Среди целей перемирия, не обязательно имеющих отношение к мирному процессу, следует отметить и стремление участника перемирия продемонстрировать свой военно-политический вес или потенциал другим сторонам конфликта, конкурентам и/или внешним игрокам. Демонстрация способности соблюдать перемирие может быть продиктована разными соображениями, включая далеко не миролюбивые. В частности, если сторона намерена продолжать военные действия до победного конца, то её способность выполнять условия перемирия может служить и недвусмысленным сигналом об эффективности системы командования и контроля, способности руководства (командования) обеспечить реализацию принятых решений и степени внутреннего единства такой группировки или стороны. Например, на фоне различных спекуляций в военно-политических и экспертных кругах о степени раздробленности исламистского движения Талибан²⁸ в его бытность основной силой афганской вооружённой оппозиции, ничто так очевидно не продемонстрировало высокий уровень контроля со стороны его центрального руководства за движением в целом, как одностороннее трехдневное перемирие, объявленное лидерами талибов в июне 2018 г. и жёстко соблюдавшееся как их полевыми командирами, так и рядовыми членами.

Между войной и миром:

перемирия как часть мирного процесса

В отношении перемирий как предтечи и части процесса мирного урегулирования конфликта необходима важная авторская оговорка, сужающая любое из указанных выше широких определений перемирия. В таких случаях, помимо одностороннего объявления перемирия прямым участием конфликта с прицелом на его дальнейшее мирное урегулирование, под определение перемирия подпадают только те переговорные форматы и соглашения, которые *реально* стали результатом *взаимных договорённостей* между сторонами. Если же перемирие лишь формально выглядит как основанное на взаимных или многосторонних «договорённостях», а на деле попросту фиксирует военное поражение одной из сторон или целиком навязано силой или путём давления внешними силами, то такое перемирие, как бы оно ни называлось и ни привязывалось к политическому переговорному процессу, к данной категории не относится и должно рассматриваться как перемирие первого (см. предыдущий раздел) или третьего (см. следующий раздел) типа.

Перемирия сами по себе *не содержат* договорённостей о решении базовых, ключевых противоречий, на урегулирование которых нацелен мирный процесс (например, вопросов о статусе и границах той или иной территории, характере государственного строя, разделе власти и/или ресурсов, политическом представительстве и проблемах защиты идентичности значительного сегмента населения). В то же время

²⁷ Формирования сирийских курдов изредка были участниками соглашений о прекращении огня и со своими принципиальными антагонистами (например, больше похожее на частичную капитуляцию перемирие с турецкими интервентами при участии и посредничестве США от 17 октября 2019 г., которое турецкая сторона даже отказалась называть «перемирием», или локальное соглашение между YPG и ИГИЛ от 27 ноября 2017 г. на месяц (сам факт которого отрицается рядом курдских лидеров)). Однако эти перемирия были краткими и составляли, скорее, исключение, чем правило. Turkey agrees to suspend Syria offensive while Kurds withdraw // France 24. 17.10.2019. URL: <https://www.france24.com/en/20191017-turkey-to-suspend-syria-offensive-after-talks-with-us> (accessed: 26.02.2023); Agreement between Syrian Defence Forces (SDF) and the Islamic State (IS), 27/11/2017 [PA-Local 2023].

²⁸ Движение Талибан — организация, признанная террористической и запрещённая на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003.

положения о перемирии, особенно уже на этапе мирного процесса, часто представляют собой не отдельные соглашения, а входят разделом или приложением в более широкие мирные соглашения. В целом значение перемирий для мирных процессов, особенно успешных, и взаимосвязь одних с другими трудно переоценить, хотя эти вопросы и недостаточно изучены.

Для начала, само вступление в войну и начало военных действий порой могут быть продиктованы не столько задачей выиграть войну и одержать решающую военную победу, сколько надеждой наконец добиться за столом переговоров того, достичь чего без обращения к военной силе было невозможно [Slantchev 2003: 622]. Проще говоря, в некоторых случаях войну начинают уже с прицелом на связку «перемирие – мирные переговоры».

В практическом смысле перемирия часто продиктованы элементарной необходимостью и требованиями безопасности для воюющих сторон, решившихся пойти на переговоры лицом к лицу. Перемирия также служат для них военно-политической страховкой от того, чтобы какая-либо сторона не попыталась использовать прекращение внимания на переговорный процесс и связанную с ним передышку для достижения военного превосходства на поле боя. Более того, перемирие часто выдвигается участниками конфликта в качестве предварительного условия для начала мирных переговоров, хотя на практике оно совершенно не обязательно для этого. Вместе с тем и в тех случаях, когда перемирие не является обязательным условием для переговоров, оно может помочь разрядить и стабилизировать ситуацию и облегчить их начало и проведение.

Ещё одной функцией «перемирия ради мира» является то, что оно даёт возможность стороне конфликта продемонст-

ровать свою добрую волю и может способствовать установлению хотя бы минимального уровня доверия между сторонами. А более явного сигнала о приверженности мирному урегулированию, чем *одностороннее* перемирие, которое продолжает соблюдаться объявившей его стороной, даже если противоборствующая сторона отказывается его поддержать, трудно себе представить.

Перемирие может диктоваться и стремлением заручиться политической поддержкой той или иной группы или заинтересованной третьей стороны в процессе мирного урегулирования. Кроме того, перемирия могут обеспечить более широкую поддержку мирного процесса и его участников со стороны населения. В своей массе население, особенно в самой конфликтной зоне, вынуждено ежедневно соотносить переговоры о мире, если таковые ведутся, с окружающими реалиями «на земле». Если переговоры о мире, особенно в рамках затяжного мирного процесса, не подкреплены не просто формальным, а реально действующим перемирием, то они не способны продемонстрировать людям хотя бы какие-то изменения к лучшему и быстро теряют популярность, доверие и поддержку со стороны общества [Sticher, Vuković 2021: 1289]. Примером служит череда перемирий на Донбассе после заключения в феврале 2015 г. второго Минского соглашения (Минск-2)²⁹. На раннем этапе (условно до 2017–2018 годов) их ещё каким-то образом можно было отнести к категории «перемирий ради мира». Тогда перспективы развития мирного процесса ещё существовали, уровень насилия в зоне конфликта, по сравнению с военными кампаниями 2014–2015 годов, зримо сократился, а местное население ещё не потеряло надежду на стабилизацию. Тем не менее рост нарушений перемирия (до нескольких

²⁹ Комплекс мер по выполнению Минских соглашений. 12 февраля 2015 г. См.: Полный текст Минских соглашений // РИА Новости. 12.02.2015. URL: <https://ria.ru/20150212/1047311428.html> (дата обращения 10.01.2023); Package of Measures for the Implementation of the Minsk Agreements (Minsk II), 12/02/2015 [PA-X 2023]. В 2015 г. было объявлено два перемирия, в 2016–2018 годах – уже по три в год.

сотен тысяч (!) инцидентов в год в 2016–2017 годах)³⁰ и постепенная рутинизация насилия сильнее всего дискредитировали мирный процесс в глазах местного населения, прежде всего в ДНР и ЛНР (Matveeva 2022: 93–94, 99) и, на фоне блокады со стороны Киева и несоблюдения политических и экономических условий Минских соглашений, подчёркивали и усиливали его тупиковый характер. То же самое касается и гуманитарной ситуации. Хотя гуманитарный кризис на Донбассе в целом не носил такого острого, чрезвычайного характера, как в ходе первых двух военных кампаний, по отдельным гуманитарным аспектам, например по продовольственной безопасности населения (в первую очередь в ДНР и ЛНР в условиях их финансово-экономической и гуманитарной блокады со стороны Киева), даже наблюдалось ухудшение, в частности, в 2016–2017 годах³¹.

Между тем важными задачами и результатами успешных «перемирий ради мира» как раз являются улучшение гуманитарной ситуации для гражданского населения и построение доверия между сторонами путём серии дезэскалационных мер, что, в свою очередь, создаёт и расширяет пространство для политических переговоров. Также если речь идёт о реальной заинтересованности той или иной стороны конфликта в мирном урегулировании, то её способность обеспечить соблюдение перемирия — это ещё и действенный способ добиться международного признания, или легитимности, или укрепить её.

Ещё одна базовая связка перемирий с мирными процессами состоит в том, что они регулируют военное поведение сторон конфликта в ходе мирных переговоров. А, например, локальные перемирия не

только способствуют расширению районов, свободных от военных действий, но и в долгосрочном плане формируют низовую, общественно-гражданскую составляющую мирного процесса.

Наряду с позитивными эффектами взаимосвязи перемирий с мирными процессами есть и негативные. Главный из них связан с *фактором вооружённого насилия и возможностью его возобновления*, которая никогда не исключена, а в большинстве случаев — весьма вероятна или практически гарантирована.

Перемирие — это одна из тех стадий, на которых мирный процесс чаще всего прерывается и даже может развалиться из-за возобновляющегося насилия, особенно если оно носит регулярный и масштабный характер. Насилие в нарушение действующего перемирия — это один из основных видов вооружённого насилия, характерного для мирных процессов. Для вооружённых игроков, сознательно нарушающих перемирия на этапе мирного процесса, в литературе и аналитике применяется термин «*спойлеры*» [Stedman 1997; Stepanova 2006]. Хотя не все нарушения перемирий носят форму вооружённого насилия, две основные категории, которые связаны с насилием, это (а) военные действия и (б) нарушения, связанные с обеспечением защиты мирного населения и в целом некомбатантов.

Нарушения перемирия, которое было заключено в поддержку переговоров о мире, не просто ведут к военным потерям, а могут отдалить или существенно снизить шансы на мирное урегулирование конфликта³². В этой связи, в отличие от перемирий других типов, преследующих иные цели, для «перемирий ради мира» особенно

³⁰ ОБСЕ зафиксировала более 400 тыс. нарушений перемирия в Донбассе в 2017 году // ТАСС. 12.01.2018. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4870226> (дата обращения: 20.02.2023).

³¹ По оценкам Управления по координации гуманитарных вопросов ООН, в 2016–2017 годах на Донбассе удвоилось число людей, продовольственная безопасность которых находилась под угрозой. Ukraine Humanitarian Response Plan 2018. Ukraine Humanitarian Country Team, UN Office for Coordination of Humanitarian Assistance Report, December 2017. P. 14.

³² Ceasefires and the Dynamics of Violence in War Zones. Project Overview. Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University. URL: <https://www.pcr.uu.se/research/research-themes/conflict-dynamics/ceasefires-and-the-dynamics-of-violence-in-war-zones> (accessed: 18.02.2023).

важны те задачи, которые более всего способствуют снижению риска возобновления полномасштабного вооружённого насилия. Среди этих задач — повышение цены наступательных действий для любой из (или всех) сторон, снижение уровня неопределённости и предотвращение вооружённых инцидентов, которые намеренно или непреднамеренно могут привести к эскалации насилия.

Большая часть конкретных условий, или положений, соглашений о перемирии (включая все положения, перечисленные в предыдущем разделе, в том числе гуманитарные) в равной степени применимы и к перемириям «ради войны», и к перемириям «ради мира». Тем не менее некоторые положения наиболее характерны или специфичны именно для тех перемирий, которые заключаются с прицелом на последующую активизацию политических переговоров или в поддержку уже идущего мирного процесса. Главные среди них — положения о полных или частичных *демобилизации, разоружении и реинтеграции* вооружённых формирований (сил) конфликтующих сторон. Эти положения могут предусматривать слияние сил противоборствующих сторон (в Анголе, Центрально-Африканской Республике и Южном Судане); кантонизацию вооружённых сил государства и негосударственных комбатантов (например, в Бурунди и Мали); сбор и сдачу оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ; помещение тяжёлого вооружения сторон под контроль или мониторинг третьей стороны (в Боснии-Герцеговине); отвод тяжёлых вооружений на расстояние за пределами дальности стрельбы, на 25 км и далее (в конфликте между Эритреей и Эфиопией); создание демилитаризованных зон, гуманитарных коридоров и зон безопасности (в Боснии-Герцеговине, Бурунди, Демократической Республике Конго, Гвинее-Бисау); демилитаризацию политических партий, движений и ассоциаций (в Бурунди, Республике Конго); передислокацию

или возвращение в те или иные районы сил безопасности (Южная Осетия/Грузия); реинтеграцию бывших участников военных действий в мирную жизнь (Республика Конго)³³. В целом перемирия, содержащие положения о демобилизации и являющиеся частью более широкого мирного процесса, нацеленного на разрешение базовых противоречий между сторонами, ведут к более длительным периодам прекращения огня, чем перемирия, не отвечающие этим условиям [Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler 2023: 1445].

В теории в соглашениях о «перемирии ради мира» должна быть выше и вероятность наличия положений о наблюдении за выполнением их условий (мониторинге) и проверке (верификации) их соблюдения. Мониторинг должен способствовать предотвращению или хотя бы снижению интенсивности актов насилия. Вместе с тем пока однозначного эмпирического подтверждения этому нет. С одной стороны, есть данные о том, что перемирия, предусматривающие процедуры мониторинга, более устойчивы, чем остальные, как в гражданских войнах, так и в конфликтах между государствами [Bara, Clayton, Rustad: 334–335; Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler 2023: 1445]. С другой стороны, эти выводы сделаны либо на примере отдельных кейсов, репрезентативность которых вызывает вопросы, либо путём количественного анализа статистики, собранной в основном автоматизированным путём, то есть без учёта контекстных условий.

Например, данные ни по Сирии, ни по Донбассу не подтверждают таких выводов. А это, напомним, не просто два (а) наиболее интенсивных конфликта 2010-х годов, соответственно, на Ближнем Востоке (включая Северную Африку) и в Европе, но и конфликты, (б) лидировавшие в своих регионах по числу перемирий и (в) выведшие свои регионы в мировые лидеры предыдущего десятилетия по этому параметру. Кроме того, в ходе Минского мирного про-

³³ Более подробный перечень всех видов положений перемирий о демобилизации, разоружении и интеграции, регистрируемых РА-Х, см. в обзоре специалиста этой базы данных [Forster 2019: 4].

цесса по Донбассу на всём его протяжении действовала, хотя и не без препятствий и ограничений, масштабная и продолжительная международная миссия по мониторингу перемирия. Это не вполне типично даже для тех 17% перемирий, в ходе которых, по данным ETH/PRIO CF, вообще имеет место какой-либо мониторинг/верификация их соблюдения [Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler 2023: Table 1: 1441]. Специальная мониторинговая миссия Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (СММ ОБСЕ) на Украине стала крупнейшей полевой миссией ОБСЕ и оперативным компонентом более широкого участия этой организации в Минском процессе³⁴. Роль СММ в мониторинге режима перемирия на Донбассе была закреплена в Минских соглашениях и неоднократно подтверждалась и уточнялась в последующих соглашениях и декларациях о перемирии, а число одних только международных наблюдателей достигало 700 человек (не считая других сотрудников)³⁵. Хотя, по мнению отдельных специалистов, развёртывание СММ «повысило порог для возобновления насилия» [Zagorski 2022: 121–122], мониторинг со стороны СММ обеспечил лишь фиксирование вооружённых и иных нарушений перемирия (неполное, по ряду объективных и субъективных причин), но никаким заметным образом не сократил, не повлиял и не мог повлиять на беспрецедентно высокий уровень таких нарушений³⁶. Имеющиеся достаточно полные и контекстные

данные по локальным и иным перемириям в Сирии также не подтверждают какого-либо влияния мониторинга на их эффективность [Karakuş, Svensson 2020].

В рамках «перемирий ради мира» также более активно и регулярно, чем в других типах соглашений о прекращении огня, используются так называемые *меры по укреплению доверия*, например регулярный обмен информацией и пленными и меры, осуществляемые под совместным контролем (совместные управление контрольно-пропускными пунктами, патрулирование). По имеющимся данным, в Сирии включение мер по укреплению доверия в соглашения о перемириях не только повышало шансы соблюдения режима прекращения огня, но и вообще оказалось единственным фактором, позитивно коррелирующим с соблюдением перемирий, особенно на локальном уровне [Karakuş, Svensson 2020]. Это, однако, свидетельствует лишь о том, что для успеха перемирий подходят только определённые конфликтные условия. Например, меры доверия могут использоваться и чаще применяются конкурирующими силами, но гораздо менее вероятны между жёсткими, тотальными антагонистами (особенно в высокоинтенсивных конфликтах, имеющих идеологическую основу и/или связанных с вопросами идентичности, как, например, в ходе российско-украинского вооружённого конфликта с 2022 года). В таких конфликтах отдельные виды мер доверия, например регулярный обмен пленными и пере-

³⁴ Оно включало в себя роль действующего председателя ОБСЕ в Трёхсторонней контактной группе (наряду с Украиной и Российской Федерацией), ставшей основной платформой для конкретных переговоров по стабилизации ситуации, в том числе с участием представителей донбасских республик, а также отдельную наблюдательную миссию ОБСЕ на пропускных пунктах с российской стороны границы вдоль территории, подконтрольной ДНР и ЛНР.

³⁵ Мониторинг СММ ОБСЕ, действовавшей с 14 марта 2014 по 31 марта 2022 года, включал наблюдения наземных патрулей, установку специальных камер, работу беспилотных летательных аппаратов малого, среднего и дальнего радиуса действия и общение с представителями разных социальных групп (органами власти всех уровней, гражданским обществом, этническими и религиозными группами и местными общинами).

³⁶ То же относится и к созданному Трёхсторонней контактной группой в поддержку перемирия и СММ ОБСЕ Совместному центру по контролю и координации режима прекращения огня и стабилизации линии разграничения сторон (СЦКК) с участием украинских и российских военных, который работал с сентября 2014 г. по декабрь 2017 г. и деятельность которого также свелась к наблюдательным функциям.

одическая, в том числе односторонняя, передача противнику тел убитых, чаще имеют место в рамках перемирий первого типа (как элемента военных действий).

Ещё одна важная специфика «перемирий ради мира» состоит в том, что не всё насилие в ходе мирного процесса нарушает перемирие и нацелено на его подрыв. В некоторых соглашениях о прекращении огня специально оговариваются виды вооружённой активности, которые не составляют нарушения перемирия. Среди них, например, операции по поддержанию мира, осуществляемые согласованными миротворческими силами (Минданао/Филиппины), полицейские операции и мероприятия, включая профилактическое патрулирование, следственные действия, операции по борьбе с преступностью, пиратством, угоном скота, захватом заложников, контрабандой и терроризмом (в Либерии, на Минданао), а также действия, направленные на защиту гражданских властей, населения и критической инфраструктуры той или иной стороны, и самооборона путём применения необходимой и пропорциональной силы [Forster 2019: 7].

Наконец, следует подчеркнуть, что применительно к «перемириям ради мира» речь идёт именно об их *взаимосвязи* с мирным процессом. Иными словами, не только перемирия служат последующему или текущему мирному процессу, но и наоборот: существует и обратная связь между мирным процессом и режимом перемирия. В ряде случаев заключение перемирия было не только не обязательно для начала неформальных консультаций второго трека, а потом и официальных переговоров о мире под эгидой ООН, но и в принципе стало возможным *после* достижения прогресса в мирных переговорах и параллельной структуризации и объединения сил вооружённой оппозиции (ради ведения переговоров). Примером может служить Гармский протокол, подписанный полевыми командирами таджикских правительственных и оппозиционных сил в сентябре 1996 г. спустя несколько лет после начала неформальных,

а потом и официальных мирных переговоров по межтаджикскому урегулированию. В целом относительно устойчивые перемирия нередко заключаются не до начала переговоров о мире, а на одной из их более поздних и продвинутых стадий.

Перемирие как состояние «ни мира, ни войны»

Итак, перемирия могут как играть чисто военную роль, так и служить целям поддержки и создания условий для мирных переговоров. При этом в рамках одного и того же конфликта роль и тип перемирий могут меняться по мере и в зависимости от эволюции целеполагания его сторон. Пока участники вооружённого конфликта рассчитывают решить его военным путём, перемирия остаются частью его военной динамики. Но если цели комбатантов по тем или иным причинам меняются (например, в силу многолетнего военного тупика и взаимного осознания невозможности осуществить военный разгром противника), то роль и назначение перемирий в таком конфликте могут измениться в пользу поддержки переговорного решения.

Вместе с тем функции и типы перемирий по их целеполаганию не сводятся к двум указанным традиционным категориям, то есть к прекращению, приостановке или сокращению насилия (а) в военных целях или (б) в целях поддержки и подготовки почвы для мирных переговоров. По тем контекстным условиям, в которых они применяются, особенно в XXI веке, и тем задачам, которые они решают, можно выделить перемирия как минимум ещё одного широкого типа.

В рамках конфликтной динамики — условно на пути от войны к миру — перемирия необязательно преследуют лишь чисто военные или мирные цели, или меняют свои основные задачи с военных на мирные, или должны ассоциироваться только со стадиями «войны» и «мирного процесса». На практике перемирия нередко застревают *на промежуточной стадии*, которую можно обозначить как состояние «ни мира, ни войны», и становятся её важ-

ным признаком и форматом. На этой стадии перемирия годами и даже десятилетиями могут служить устойчивыми рамками так называемых *замороженных конфликтов*, в том числе на фоне бесконечно затянувшихся, застопорившихся или мало-перспективных мирных процессов (только из постсоветских примеров можно привести грузино-абхазский, южно-осетинский и нагорно-карабахский конфликты в Закавказье, приднестровский конфликт, а также конфликт на Донбассе в ходе Минского процесса, по крайней мере, на этапе конца 2010-х годов – конца февраля 2022). Также перемирие может быть процессом и формой определённого *упорядочивания* военно-политической ситуации и системы управления в ходе конфликта и даже *стабилизации* ситуации вплоть до прекращения масштабных военных действий в отдельных районах или на большей части территории страны (например, в Сирии), в отсутствие как однозначной и полной военной победы одной из сторон, так и полноценного и эффективного мирного урегулирования.

Два основных варианта, или стадии, перемирий этого типа имеют свою специфику, но не исключают один другого и могут развиваться одновременно и во взаимосвязи в рамках одного и того же конфликта.

В рамках первого варианта перемирия нередко становятся основным форматом замороженных (а чаще, скорее, «подмороженных» или вялотекущих) конфликтов в условиях «ни мира, ни войны». В ряде современных (пост)конфликтных зон состояние «ни мира, ни войны» может наблюдаться и в отсутствие какого-либо перемирия или на фоне / после его провала; как отмечалось выше, именно на такие контексты приходится более половины (!) исходов современных конфликтов, которые носят невыраженный характер. Вместе с тем значительная часть подмороженных, в том числе годами и десятилетиями, конфликтов всё же оформлена каким-либо перемирием или серией перемирий. Это могут быть:

- перемирия, заключённые в отсутствие мирного процесса или недотягивающие

до него (они используются не как возможность начать обсуждение мирного политического урегулирования – стороны объявляют и/или подписывают, а потом нередко продляют и/или нарушают обязательства прекратить насилие, не стремясь и не пытаясь при этом разрешить ключевые противоречия, лежащие в основе конфликта между ними);

- перемирия в контексте малоэффективного, буксующего или имитационного мирного процесса. Они могут быть связаны с этим процессом (например, множественные перемирия в ходе Минского мирного процесса по Донбассу), а могут иметь место и параллельно, и вне прямой или вообще какой-то зависимости от мирного процесса, как многие локальные и гуманитарные перемирия в Сирии, Ливии или Йемене.

В обоих случаях перемирия фактически становятся формализованными механизмами *регулирования* замороженных или подмороженных конфликтов. Более того, учитывая, что перемирия, даже если они не полностью соблюдаются, снижают цену ведения войны для их участников, они даже могут *ослабить* внутренние и внешние (международные) стимулы к мирным переговорам между сторонами конфликта. Иными словами, стороны могут быть реально заинтересованы в заключении и соблюдении перемирия и в обеспеченной им определённой степени стабилизации в отсутствие стремления двигаться по пути полноценного мирного урегулирования конфликта.

Ярчайшим примером трансформации основной роли и функций режима перемирия в виде его постепенного вползания в стадию «ни мира, ни войны» стала ситуация на Донбассе в условно межвоенный период (2015–2021 годы). Если серию перемирий на раннем этапе этого периода, несмотря на их регулярные нарушения и повторяющиеся провалы, ещё можно рассматривать как инструмент, подчинённый попыткам начать реальный мирный процесс («перемирия ради мира»), то примерно с 2017 года (и вплоть до возобновления полномасштабных военных действий в феврале 2022 года) на Донбассе сложилась ситуация, которую

трудно охарактеризовать иначе как положение «ни мира, ни войны». С одной стороны, на фоне всё более явной пробуксовки и тупиковости мирного процесса, когда не выполнялись практически все базовые пункты Минских соглашений, периодически возобновляемое перемирие оставалось единственным их пунктом, продолжавшим формально действовать и согласовываться. С другой стороны, в этих условиях основными функциями перемирий де-факто стали предотвращение эскалации непрекращавшегося вооружённого насилия и минимальная стабилизация ситуации по типу «ни мира, ни войны». Официальное объявление России «агрессором» в принятом в феврале 2018 г. на Украине Законе об интеграции и переходе Киева с мая 2018 г. от режима антитеррористической операции (АТО) на режим войсковой операции объединённых сил недвусмысленно отражали суть происходящего: растущую нацеленность Украины на решение проблемы Донбасса военным путём. Вне зависимости от периодически продолжавшихся, но постепенно терявших смысл переговоров всё это поставило крест на Минском процессе как на реальном пути мирного урегулирования задолго до его окончательного развала в начале 2022 года.

В сфере безопасности на Донбассе в течение шести лет до начала новой стадии конфликта налицо были четыре основных признака состояния «ни мира, ни войны»: (1) отсутствие крупных наступательных операций и кампаний, но при этом (2) крайняя непродолжительность «режимов тишины» до их первых серьёзных или серийных нарушений, (3) зашкаливающее (в данном случае — беспрецедентное) число нарушений перемирия в год и (4) несоблюдение гуманитарных положений перемирия и стабильно тяжёлая гуманитарная ситуация. Хотя по сравнению с интенсивными военными кампаниями 2014–2015 годов

на этом этапе ситуация в области безопасности на Донбассе улучшилась, она оставалась шаткой и носила характер балансирования на грани между миром и войной. В условиях военного тупика ни одна из сторон не расширила зоны своего территориального контроля и не имела явного военного преимущества, хотя гражданский и военный ущерб для ДНР и ЛНР был выше [Matveeva 2022: 94, 99, 103]. Первое перемирие после пересмотра Минских соглашений от 15 февраля 2015 г. не соблюдалось и получаса; максимальный срок соблюдения перемирий с 2016 г. по август 2020 г. составил три недели (а, например, объявленный 1 октября 2019 г. режим тишины продержался лишь сутки). Практически все перемирия (за частичным исключением перемирия с августа 2020 г. по февраль 2021 г.) не привели к существенному снижению вооружённого насилия, твёрдо оставшегося все эти годы на уровне конфликта низкой интенсивности, или малого конфликта³⁷. При этом с 2016 г. число нарушений перемирий, фиксируемых СММ ОБСЕ, стало зашкаливать: по данным первого заместителя главы СММ А. Хуга, в 2016 г. было зафиксировано более 320 тысяч (320 130) нарушений режима прекращения огня, а в 2017 г. — уже более 400 тысяч (401 336). Нарушения в основном были связаны с применением оружия, но включали и тысячи случаев размещения систем вооружения в нарушение Минских соглашений (более 3000 в 2016 г. и более 4000 в 2017 г.), ограничения свободы передвижения наблюдателей (около 2000 инцидентов в 2016 г. и почти 2500 в 2017 году) и др.³⁸ Несмотря на некоторое снижение вооружённого насилия в последующие годы, уровень нарушений режима прекращения огня оставался настолько высоким (от 153 тысяч до более 200 тысяч инцидентов в 2019–2020 годах, включая до 50 тысяч одних

³⁷ По критериям Уппсальской программы данных о конфликтах (от 25 до 1000 убитых в ходе бое-столкновений за календарный год; всё, что свыше — уже широкомасштабный конфликт, или война).

³⁸ ТАСС 2018. Хотя такое большое число нарушений отчасти отражает то, что ОБСЕ фиксировала в качестве отдельного нарушения любой инцидент (взрыв, подрыв на mine, обстрел, атаку, иногда даже выстрел), мониторинг СММ носил неполный характер (то есть фиксировались не все нарушения), что, напротив, играло роль понижающего коэффициента.

только взрывов в год), что есть смысл задаться вопросом о том, что в этих условиях считать нормой — нарушение перемирия или его соблюдение. Если же применить к ситуации на Донбассе критерий срыва перемирия в результате вооружённого насилия, предложенный методологами ETH/PRIO CF [Clayton, Nygård, Strand, Rustad, Wiehler 2023: 1443], то все перемирия на протяжении условно межвоенного периода³⁹ с лёгкостью превысили «средний» порог допустимого насилия (25 убитых/год), а большинство — и «высокий» порог (100 убитых), причём некоторые многократно.

В таких условиях перемирия на практике становятся не мостом между войной и миром, а средством фиксирования распределения сил и власти между вооружёнными игроками и влияния на него. Это влияние может быть устойчивым и воздействовать на исход конфликта и характер постконфликтного мира. Это приводит нас ко второму варианту — перемирию как процессу упорядочивания конфликта и его стабилизации в отсутствие мирного процесса как такового или прогресса в ходе мирного урегулирования. Эта разновидность перемирий может предусматривать решение задач:

- формирования и установления зачатков порядка военного времени в сложных и зачастую сильно фрагментированных военно-политических условиях;

- первичного государственного строительства и восстановления или налаживания минимальных, базовых административных функций (как для государственных, так и для негосударственных игроков, имеющих такие амбиции);

- фиксирования и дальнейшего передела власти и влияния на локальном уровне.

Решая эти задачи, перемирия не только служат производной от характера, типа и динамики конфликта, но и сами начинают формировать эту динамику. В первой четверти XXI века наиболее заметным примером реализации сразу всех трёх перечис-

ленных задач стал Астанинский процесс по Сирии. В этой связи он заслуживает особого внимания, даже несмотря на то что этот пример — не самый типичный как в плане повышенной сложности сирийского конфликта, высокого уровня его фрагментации в сочетании с глубокой регионализацией и расширенной транснационализацией и интернационализацией, так и ввиду специфики процесса выхода из сирийской войны, который ещё не закончен.

С одной стороны, по сравнению с большинством локальных перемирий и так называемых зон безопасности в разных конфликтах и регионах, специфика зон деэскалации и локальных соглашений о прекращении огня в рамках Астанинского процесса заключалась в том, что меры по содействию прекращению огня имели абсолютный примат над всеми иными конкретными функциями перемирий, включая чисто гуманитарные. С другой стороны, Астанинский процесс изначально мыслился его основными создателями, особенно Россией и Турцией, как формат согласования и обеспечения долгосрочного перемирия в поддержку процесса политического урегулирования под эгидой ООН в Женеве (то есть как «перемирие ради мира»). Вместе с тем в условиях полного тупика в Женевских мирных переговорах под эгидой ООН и продолжающегося фрагментированного вооружённого противостояния «на земле» Астанинский процесс вышел далеко за рамки стандартного режима прекращения огня. В реальности он стал не только фактором воздействия на динамику конфликта, но и средством конструирования формирующегося (пост)конфликтного порядка как в локальном, так и в общесирийском масштабе. С конца 2010-х годов ситуация в Сирии характеризовалась сочетанием (а) частичного выхода из вооружённого конфликта во многих районах Сирии в результате постепенного распространения на них действия перемирий и государственного кон-

³⁹ За исключением отдельных, по определению кратких, сезонных («хлебных», «школьных», «рождественских») перемирий.

троля (включая успех трёх из четырёх зон деэскалации) с (б) сохранением неконтролируемых центральной властью вооружённых анклавов в Идлибе, ряде курдских районов, зонах, оккупированных силами Турции и США, и продолжением активности ряда вооружённых группировок, включая остатки ИГИЛ. В этих условиях, в отсутствие как однозначного и всеобъемлющего военного решения, так и внятного мирного процесса, Астанинский процесс фактически стал форматом и инструментом упорядочивания положения «ни мира, ни войны».

В целом во внутрисирийском контексте Астанинский формат способствовал консолидации и расширению контроля центрального правительства в районах, ранее подконтрольных вооружённой оппозиции, и переходу ряда её лидеров и группировок на сторону правительства (хотя параллельно он и временно усилил некоторые местные силы самообороны и другие полуавтономные проправительственные военизированные формирования и допустил сохранение оппозиционного анклава в идлибской зоне). При этом Астанинский процесс обеспечил и рост влияния внешних игроков из числа его коспонсоров, особенно роли России в сферах дипломатии и безопасности и военно-территориального контроля Турции на севере Сирии.

В условиях, когда перемирие фактически фиксирует, оформляет и упорядочивает режим «ни мира, ни войны», причём на долгосрочной основе, сохраняющийся уровень вооружённого насилия, *во-первых*, почти неизбежен, а *во-вторых*, определяется иными факторами и демонстрирует иную динамику, чем акты насилия в нарушение (или в поддержку) активно идущего мирного процесса или уже заключённого мирного соглашения. Соответственно, в рамках таких форматов на деле речь идёт не столько о максимально возможном предотвращении вооружённых инцидентов в нарушение перемирия и мирного процесса, сколько о рутинном регулировании насилия на приемлемом уровне и попытках не допустить того, чтобы оно вышло

из-под контроля и привело к масштабной эскалации. Иными словами, регулирование вооружённого насилия в рамках перемирия по типу «ни мира, ни войны» требует *иного инструментария*, чем в случаях перемирия как части полноценного мирного процесса.

Позитивным моментом здесь можно считать то, что перемирия как формат состояния «ни мира, ни войны» в целом *более стойки к их нарушениям* с применением вооружённого насилия, их труднее дестабилизировать даже преднамеренными, демонстративными актами насилия, включая теракты, а сами нарушения не несут в себе автоматической угрозы дестабилизации более широкого мирного процесса в силу его отсутствия или туловищности (то есть в политическом смысле и дестабилизировать особо нечего). Тем не менее негативный эффект перемирий этого типа связан с тем, что они не подчинены интересам и логике урегулирования конфликта — ни военным, ни мирным путём. Максимум того, что можно ожидать от таких перемирий, — это временная, пусть даже длительная, приостановка или снижение уровня насилия без разрешения его основных, глубоких противоречий и без какого-либо явного, выраженного или устойчивого его исхода.

* * *

После окончания «холодной войны» роль перемирий в ходе вооружённых конфликтов и в процессе перехода от войны к миру только возрастала. Хотя за весь период с 1990 г. соглашений о перемирии (и разделов о перемирии в рамках более широких договорённостей) было в два — два с половиной раза меньше, чем собственно мирных соглашений, в начале текущего века перемирия как вид исхода конфликта обошли и мирные соглашения, и военные решения конфликтов. Таким образом, если в течение первых двух десятилетий XXI века и фиксировалось явно выраженное и относительно устойчивое завершение конфликта, то оно с наибольшей вероятностью имело формат перемирия.

Хотя непосредственной задачей перемирия выступает временное или более длительное прекращение военных действий, это совершенно не обязательно означает его автоматической нацеленности на мирное урегулирование или привязки к мирному процессу. Проведённый анализ показал, что почти половина всех перемирий в мире либо ещё не является частью мирного процесса (то есть ещё не ставит целью создание условий для мирных переговоров, даже если они впоследствии стартуют рано или поздно), либо вообще не имеет отношения к политическому процессу урегулирования основных содержательных противоречий, по поводу которых ведётся вооружённое противостояние. Более того, часть перемирий может явно или скрытно в качестве основных ставить цели, противоположные задаче мирного урегулирования конфликта.

Это диктует необходимость дополнения существующих технических типологий перемирий более содержательной типологией, связанной с их мотивационно-целевой направленностью (глубинным целеполаганием сторон) и с тем, к какой стадии конфликта относятся перемирия. Согласно этой типологии, перемирия можно подразделить на три основных вида: (1) перемирие как часть военных действий (тактическая пауза или передышка для решения военных задач, фиксирование баланса сил в ходе вооружённого конфликта); (2) перемирие ради мира (как способ создать условия для мирных переговоров или содействовать мирному процессу на стадии между войной и миром); (3) перемирие как формат промежуточного состояния «ни мира, ни войны», в том числе как средство упорядочивания конфликта вплоть до достижения определённой стабилизации (в условиях подмороженного, замороженного или постепенно затухающего конфликта в отсутствие его однозначного, выраженного военного или мирного решения).

При этом в рамках одного и того же конфликта могут последовательно или параллельно иметь место перемирия разных, в том числе всех трёх, категорий. Например, в ходе сирийского конфликта ряд пе-

ремирий на национальном уровне, заключённых при международном посредничестве или внешними игроками (включая перемирия, закреплённые резолюциями Совета Безопасности ООН), были официально привязаны к мирному процессу под эгидой ООН в Женеве. Однако параллельно множество более локальных перемирий «на земле», особенно между различными группировками вооружённой оппозиции, носило чисто военный характер и ставило своей основной целью повышение эффективности вооружённой борьбы.

Более того, указанные категории могут отчасти пересекаться и накладываться одна на другую. Например, участники одного и того же режима перемирия могут на деле использовать его в разных конечных целях, как в случае череды перемирий в рамках Минского мирного процесса по Донбассу или подходов Дамаска (и отчасти Тегерана) и Москвы к Астанинскому процессу, особенно на его более ранних стадиях. Реальные цели и функции режима перемирия также могут постепенно видоизменяться. Например, Астанинский процесс изначально мыслился его основными коспонсорами, и прежде всего Россией, как режим прекращения огня в поддержку политического мирного урегулирования под эгидой ООН. Тем не менее по мере развития и укрепления Астанинского процесса на фоне продолжающейся пробуксовки Женевских мирных переговоров на практике режим перемирия стал средством упорядочивания состояния «ни мира, ни войны» и постепенной стабилизации ситуации на большей части территории страны в отсутствие однозначного и окончательного мирного или военного решения конфликта.

Таким образом, на разных этапах конфликта и в разных контекстах перемирия могут преследовать *разные* основные цели и задачи. Понимание того, что не все из них и не всегда сводятся к тому, чтобы, обеспечив прекращение огня, подготовить почву для переговоров о мире, и не все даже ставят основной целью сокращение или прекращение насилия, имеет *конкретный практический смысл*.

Во-первых, он состоит в определённом прояснении вопроса об эффективности (успехе или провале) перемирий в зависимости от их контекста и реального целеполагания сторон на конкретном этапе конфликта. Нет смысла ожидать от перемирия одного результата в условиях, когда одна, обе или все его стороны изначально и сознательно, явно или скрытно работают на иной результат. Неверное отнесение перемирия к одному из трёх указанных типов может дать существенное искажение в оценке его эффективности. Например, десятки тысяч и даже сотни тысяч нарушений режима перемирия, даже если он связан с каким-то мирным процессом (как в случае с перемириями на Донбассе в рамках Минского процесса), могут свидетельствовать не столько о невозможности обеспечить уровень безопасности для продвижения мирного урегулирования, сколько о том, что на деле этот режим трансформировался в относительно структурированный формат промежуточного состояния «ни мира, ни войны», в отсутствие (в том числе временное) условий или возможностей у одной или нескольких его сторон для продвижения военного решения конфликта или его реального мирного урегулирования.

Не стоит априори ожидать и более высокой эффективности в плане прекращения огня от «перемирия ради мира» (по сравнению с перемириями других типов) лишь на том основании, что оно привязано к тому или иному мирному процессу. Привязка перемирий на Донбассе с 2014 г. по начало 2022 г. к Минскому мирному процессу никак не меняла того факта, что многократно возобновлявшийся режим перемирия стал одним из наиболее часто нарушаемых в мире (что больше говорит об изъянах самого мирного процесса, чем о перемириях как таковых). В Сирии все общенациональные перемирия, заключённые на международном уровне под эгидой ООН или в виде деклараций внерегиональных держав (США и России), потерпели провал. На этом фоне как перемирия в рамках Астанинского процесса (не претендовавшего на комплексное мирное политиче-

ское урегулирование на уровне ООН), так и ряд не связанных с этим процессом локальных перемирий оказались более успешными в плане содействия реальному прекращению огня на местах.

Во-вторых, соответственно, и вооружённое насилие в контексте перемирий разных мотивационно-целевых типов на тех или иных этапах конфликта применяется *в разных целях*, а, следовательно, требует и *разных подходов*, побуждающих к дальнейшему более детальному изучению. С одной стороны, вооружённое насилие редко прекращается, тем более полностью, с объявлением перемирия. Соответственно, одной из основных задач сторон и гарантов перемирий любых типов является контроль над насилием уже на этапе действия режима прекращения огня. В частности, в рамках «перемирий ради мира» должны быть предусмотрены такие встроенные механизмы и меры доверия, которые не позволяли бы случайным или целенаправленным актам вооружённого насилия надолго прерывать или подрывать мирный процесс.

С другой стороны, справедливо и обратное. Само по себе продолжение вооружённого насилия на стадии перемирия ещё не обязательно означает конец или провал перемирия или ведёт к нему. Даже после начала мирных переговоров для ранних стадий мирного процесса *типично* сочетание или чередование перемирий и возобновления вооружённых акций или столкновений. Более того, сочетание временного прекращения огня со всплесками вооружённого насилия – это вообще *норма* для большинства современных конфликтов вне зависимости от того, идёт ли мирный процесс или нет, а такой вид перемирия, как формат «ни мира, ни войны», в принципе предполагает лишь сокращение насилия (по сравнению с фазой активных военных действий) и некоторый контроль над ним, а не его прекращение. В целом, в зависимости от контекста и глубинного целеполагания сторон, перемирие может решать свои основные задачи даже в случае, когда оно не ведёт к полному прекращению огня.

Список литературы

- Бабешко Е.В., Шипилин П.И. Дипломатия перемирия: вопрос завершения советско-финской и начала лапландской войны // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2020. Т. 6 (72). № 1. С. 3–16.
- Давыдов О.В., Новичкова М.Н. Мирный процесс на Корейском полуострове: проблемы и пути развития // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 1. С. 56–63. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-56-63.
- Дронова С.Ю. Взаимоотношения между Страной Басков и Мадридом после установления перемирия с ЭТА: современность и перспективы развития политического диалога // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 2. С. 26–29.
- Ки Кван Со. Советско-китайско-северокорейские консультации по вопросу о заключении перемирия в Корейской войне // Вопросы истории. 2020. № 10-3. С. 274–287. DOI: 10.31166/VoprosyIstori202010Statyi47.
- Полякова Е.Ю. Ирландия в годы войны за независимость: от перемирия к мирному договору // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 120–130. DOI: 10.31857/S013038640020639-0.
- Степанова Е.А. Мирный процесс: к содержательному определению // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 9. С. 5–18. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-9-5-18.
- Akebo M. Ceasefire Agreements and Peace Processes: A Comparative Study. Abingdon: Routledge, 2016. 230 p.
- Badanjak S. The PA-X Peace Agreement Database: reflections on documenting the practice of peacemaking // Pathways to Peace and Security. 2021. No. 2 (61). P. 24–42. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-2-24-42.
- Bara C., Clayton G., Rustad S.A. Understanding ceasefires // International Peacekeeping. 2021. Vol. 28. No. 3: Special Issue: Understanding Ceasefires. P. 329–340. DOI: 10.1080/13533312.2021.1926236.
- Bell C., Badanjak S., Beujouan J., Eppe T., Forster R. et al. PA-X Peace Agreements Database and Dataset, Version 4. Edinburgh: Political Settlements Research Programme, University of Edinburgh, 2020. 71 p.
- Bell C., Wise L. Peace processes and their agreements // Contemporary Peacemaking: Peace Processes, Peacebuilding and Conflict. R. Mac Ginty and A. Wanis-St. John (eds.). Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 381–406.
- Chounet-Cambas L. Negotiating Ceasefires: Dilemmas and Options for Mediators. Mediation Practice Series. Geneva: Centre for Humanitarian Dialogue, 2011. 40 p.
- Clayton G., Nathan L., Wiehler C. Ceasefire success: a conceptual framework // International Peacekeeping. 2021. Vol. 28. No. 3: Special Issue: Understanding Ceasefires. P. 341–365. DOI: 10.1080/13533312.2021.1894934.
- Clayton, G., Nygård H.M., Rustad S.C.A., Strand H. Ceasefires in civil conflict: a research agenda // Journal of Conflict Resolution. 2023. Vol. 67. No. 7–8. P. 1279–1295. DOI: 10.1177/00220027221128300.
- Clayton, G., Nygård H.M., Strand H., Rustad S.C.A., Wiehler C., Sagård T., Landsverk P., Ryland R., Sticher V., Wink E., Bara C. Introducing the ETH/PRIO Civil Conflict Ceasefire Dataset // Journal of Conflict Resolution. 2023. Vol. 67. No. 7–8. P. 1430–1451. DOI: 10.1177/00220027221129.
- Clayton G., Sticher V. The logic of ceasefires in civil war // International Studies Quarterly. 2021. Vol. 65. No. 3. P. 633–646. DOI: 10.1093/isq/sqab026.
- ETH/PRIO Civil Conflict CeaseFire (ETH/PRIO CF). Center for Security Studies, Eidgenössische Technische Hochschule Zürich (ETH), Peace Research Institute in Oslo (PRIO). 1989–2020. URL: <https://css.ethz.ch/en/research/datasets/civil-conflict-ceasefire.html#:~:text=The%20%E2%80%99CETH%E2%80%99PRIO%20Civil%20Conflict,civil%20conflicts%20across%2065%20countries> (accessed: 20.01.2023).
- Forster R. Ceasefire Arrangements. PA-X Peace Agreements Database Spotlight Series. Edinburgh: Political Settlements Research Programme, University of Edinburgh, 2019. 15 p.
- Fortna V.P. Peace Time: Cease-Fire Agreements and the Durability of Peace. Princeton: Princeton University Press, 2004. 264 p.
- Haysom N., Hottinger J. Do's and Don'ts of Sustainable Ceasefire Agreements. Presentation revised for use by Peace Appeal in Nepal and Sri Lanka; initially presented to the Intergovernmental Authority for Development (IGAD) Sudan Peace Process Workshop on Detailed Security Arrangements in Sudan During the Transition. 2010. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/DosAndDontofCeasefireAgreements_HaysomHottinger2010.pdf (accessed: 02.02.2023).
- Hinnebusch R., Imady D. Syria's reconciliation agreements // Syria Studies. 2017. Vol. 9. No. 2: The Day After: Post-Uprising Realities and Challenges. P. 1–14.
- Höglbladh S. UCDP Peace Agreement Dataset Codebook Version 22.1. Uppsala: Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University, 2022. 14 p.

- Karakuş D. C. Resolution of local conflicts involving armed Islamists: The Syrian civil war, 2011–2021 // *Pathways to Peace and Security*. No. 1 (64). P. 58–75. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-58-75.
- Karakuş D.C., Svensson I. Between the bombs: exploring partial ceasefires in the Syrian Civil War, 2011–2017 // *Terrorism and Political Violence*. 2020. Vol. 32. No. 4. P. 681–700. DOI: 10.1080/09546553.2017.1393416.
- Kreutz J. Uppsala Conflict Termination Dataset. Codebook. v.3 (2021). Uppsala: Uppsala Conflict Data Program, Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University, 2021. 13 p.
- Mac Ginty R. No War, No Peace: The Rejuvenation of Stalled Peace Processes and Peace Accords. Rethinking Peace and Conflict Studies Series. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2006. 230 p.
- Matveeva A. Donbass at limbo: self-proclaimed republics in the inter-war period (2014–2021) // *Pathways to Peace and Security*. 2022. No. 1 (62): Special Issue: Peace Processes, Violence, and De Facto States. P. 92–106. DOI: 10.20542/2307-1494-2022-1-92-106.
- PA-Local: Peace Agreement Dataset (Local Agreements). 1990 – January 2023. Political Settlements Research Programme, The University of Edinburgh. URL: <https://www.peaceagreements.org/lsearch> (accessed: 15.06.2023).
- PA-X Peace Agreements Database and Dataset, Version 7. 1990 – January 2023. Political Settlements Research Programme, The University of Edinburgh. URL: <https://www.peaceagreements.org> (accessed: 15.06.2023).
- Slantchev B.L. The principle of convergence in wartime negotiations // *American Political Science Review*. 2003. Vol. 97. No. 4. P. 621–632.
- Sosnowski M. Negotiating statehood through ceasefires: Syria's de-escalation zones // *Small Wars and Insurgencies*. 2020. Vol. 31. No. 7–8. P. 1395–1414. DOI: 10.1080/09592318.2020.1829872.
- Stedman S.J. Spoiler problems in peace processes // *International Security*. 1997. Vol. 22. No. 2. P. 5–53. DOI: 10.2307/2539366.
- Stepanova E. Terrorism as a tactic of spoilers in peace processes // *Challenges to Peacebuilding: Managing Spoilers During Conflict Resolution*. E. Newmann and O. Richards (eds.). Tokyo: United Nations University Press, 2006. P. 78–104.
- Sticher V., Vuković S. Bargaining in intrastate conflicts: the shifting role of ceasefires // *Journal of Peace Research*. 2021. Vol. 58. No. 6. P. 1284–1299. DOI: 10.1177/0022343320982658.
- UCDP Conflict Termination Dataset. Version 3-2021. 1946–2020. Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University. URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#termination> (accessed: 21.01.2023).
- UCDP Peace Agreement Dataset (UCDP/PA). Version 22.1. 1975–2021. Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University. 2022. URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#peaceagreement> (accessed: 21.01.2023).
- Zagorski A. The OSCE, Ukraine, and peace process // *Pathways to Peace and Security*. 2022. No. 1 (62): Special Issue: Peace Processes, Violence, and De Facto States. P. 121–132. DOI: 10.20542/2307-1494-2022-1-121-132.

CEASEFIRES AS A PART OF WAR, PEACE PROCESS, OR A “NO PEACE, NO WAR” FORMAT

EKATERINA STEPANOVA

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 117997, Russia

Abstract

Ceasefires are increasingly relevant for contemporary conflicts and conflict management. During the first two decades of the 21st century, ceasefires also became the most widespread form of outcome for

conflicts with any conclusive outcome. Half of all ceasefires, however, either had not yet been part of a political negotiated process to address key incompatibilities contested in an armed conflict, or had no relation to any peace process at all. A ceasefire in its traditional interpretation – as a technical stage on the way to peace – increasingly becomes a ceasefire in the absence of peace and a pragmatic alternative to a stalled peace process. What are the goals and functions of ceasefires at different conflict stages, including, but not limited to, a peace process? What are the main types of ceasefire based on its key function in conflict and on underlying goals and motivations of its parties? The article explores these questions at the theoretical/conceptual and empirical levels, on the basis of analysis of available statistical data and drawing upon concrete examples in various contexts, with special attention to conflicts in Syria and Donbass. It offers an original functional-motivational typology of ceasefires classified into three types: ceasefires as part of hostilities; ceasefires ‘for the sake of peace’ that aim at supporting and preparing conditions for peace negotiations; and ceasefires as a format of an intermediate state of ‘neither peace, nor war’, including as a means of structuring this semi-frozen state to achieve a degree of stabilization. In practical terms, this typology helps clarify (a) the issue of effectiveness – success of failure – of a ceasefire that should not be expected to advance or deliver one type of outcome if one or all of its parties deliberately seek to use it to achieve another type of outcome; (b) the role of the factor of armed violence at the stage of a ceasefire that may achieve its main, underlying goals even if it does not lead to lasting cessation of hostilities.

Keywords:

ceasefires; armed conflicts; peace processes; violence; functional-motivational typology.

References

- (2021). ETH/PRIO Civil Conflict CeaseFire (ETH/PRIO CF). Center for Security Studies, Eidgenössische Technische Hochschule Zürich (ETH), Peace Research Institute in Oslo (PRIO). 1989–2020. URL: <https://css.ethz.ch/en/research/datasets/civil-conflict-ceasefire.html#:~:text=The%20%E2%80%9CCETH%2FPRIO%20Civil%20Conflict,civil%20conflicts%20across%2065%20countries> (accessed: 20.01.2023).
- (2021). UCDP Conflict Termination Dataset. Version 3-2021. 1946–2020. Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University. URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#termination> (accessed: 21.01.2023).
- (2023). PA-Local: Peace Agreement Dataset (Local Agreements). 1990 – January 2023. Political Settlements Research Programme, University of Edinburgh. URL: <https://www.peaceagreements.org/lsearch> (accessed: 19.07.2022).
- (2023). PA-X Peace Agreements Database and Dataset, Version 7. 1990 – January 2023. Political Settlements Research Programme, University of Edinburgh. URL: <https://www.peaceagreements.org> (accessed: 20.01.2023).
- (2022). UCDP Peace Agreement Dataset (UCDP/PA). Version 22.1. 1975–2021. Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University. URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#peaceagreement> (accessed: 21.01.2023).
- Åkebo M. (2016). *Ceasefire Agreements and Peace Processes: A Comparative Study*. Abingdon: Routledge. 230 p.
- Badanjak S. (2021). The PA-X Peace Agreement Database: Reflections on documenting the practice of peacemaking. *Pathways to Peace and Security*. No. 2 (61). P. 24–42. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-2-24-42.
- Bara C., Clayton G., Rustad S.A. (2021). Understanding ceasefires. *International Peacekeeping*. Vol. 28. No. 3: Special Issue: Understanding Ceasefires. P. 329–340. DOI: 10.1080/13533312.2021.1926236.
- Bell C., Badanjak S., Beujouan J., Eppe T., Forster R. et al. (2020). *PA-X Peace Agreements Database and Dataset, Version 4*. Edinburgh: Political Settlements Research Programme, University of Edinburgh. 71 p.
- Bell C., Wise L. (2022). Peace Processes and Their Agreements. In R. Mac Ginty and A. Wanis-St. John (eds.). *Contemporary Peacemaking: Peace Processes, Peacebuilding and Conflict*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 381–406.
- Bebeshko E.V., Shipilin P.I. (2020). Diplomatiya peremiriya: vopros zaversheniya sovestso-finskoi i nachala laplandskoi voyny [Ceasefire diplomacy: The issue of ending the Soviet-Finnish war and starting the Lapland war]. *Uchonyie zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta: Istoricheskiye nauki* [Research Notes of the Crimean Federal University: History]. Vol. 6 (72). No. 1. P. 3–16.

- Chounet-Cambas L. (2011). *Negotiating Ceasefires: Dilemmas and Options for Mediators*. Mediation Practice Series. Geneva: Centre for Humanitarian Dialogue. 40 p.
- Clayton G., Nathan L., Wiehler C. (2021). Ceasefire success: a conceptual framework. *International Peacekeeping*. Vol. 28. No. 3: Special Issue: Understanding Ceasefires. P. 341–365. DOI: 10.1080/13533312.2021.1894934.
- Clayton G., Nygård H.M., Rustad S.C.A., Strand H. (2023). Ceasefires in civil conflict: a research agenda. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 67. No. 7–8. P. 1279–1295. DOI: 10.1177/00220027221128300.
- Clayton G., Nygård H.M., Strand H., Rustad S.C.A., Wiehler C., Sagård T., Landsverk P., Ryland R., Sticher V., Wink E., Bara C. (2023). Introducing the ETH/PRIO civil conflict ceasefire dataset. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 67. No. 7–8. P. 1430–1451. DOI: 10.1177/00220027221129.
- Clayton G., Sticher V. (2021). The logic of ceasefires in civil war. *International Studies Quarterly*. Vol. 65. No. 3. P. 633–646. DOI: 10.1093/isq/sqab026.
- Davydov O.V., Novichkova M.N. (2020). Mirnyi protsess na Koreiskom poluostrove: problemy i puti razvitiya [Peace process on the Korean peninsula: problems and prospects]. *World Economy and International Relations*. 2020. Vol. 64. No. 1. P. 56–63. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-56-63.
- Dronova S.Yu. (2017). Vzaimootnosheniya mezhdru Stranoi Baskov i Madridom posle ustanovleniya peremiriya s ETA [Relations between the Basque State and Madrid following a ceasefire with ETA]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law]. No. 2. P. 26–29.
- Forster R. (2019). *Ceasefire Arrangements*. PA-X Peace Agreements Database Spotlight Series. Edinburgh: Political Settlements Research Programme, University of Edinburgh. 15 p.
- Fortna V.P. (2004). *Peace Time: Cease-Fire Agreements and the Durability of Peace*. Princeton: Princeton University Press. 264 p.
- Haysom N., Hottinger J. (2010). *Do's and Don'ts of Sustainable Ceasefire Agreements*. Presentation revised for use by Peace Appeal in Nepal and Sri Lanka; initially presented to the Intergovernmental Authority for Development (IGAD) Sudan Peace Process Workshop on Detailed Security Arrangements in Sudan During the Transition. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/DosAndDontofCeasefireAgreements_HaysomHottinger2010.pdf (accessed: 02.02.2023).
- Hinnebusch R., Imady O. (2017). Syria's reconciliation agreements. *Syria Studies*. Vol. 9. No. 2: The Day After: Post-Uprising Realities and Challenges. P. 1–14.
- Höglbladh S. (2022). *UCDP Peace Agreement Dataset Codebook Version 22.1*. Uppsala: Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University. 14 p.
- Karakuş D.C. (2023). Resolution of local conflicts involving armed Islamists: the Syrian civil war, 2011–2021. *Pathways to Peace and Security*. No. 1 (64). P. 58–75. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-58-75.
- Karakuş D.C., Svensson I. (2020). Between the bombs: exploring partial ceasefires in the Syrian Civil War, 2011–2017. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 32. No. 4. P. 681–700. DOI: 10.1080/09546553.2017.1393416.
- Ki Kvan So (2020). Sovestko-kitaisko-severokoreiskiye konsul'tatsii po viprosu of zakluchenii peremiriya v Koreiskoi voine [Soviet-Chinese-North Korean consultations on ceasefire in the war in Korea]. *Voprosy istorii* [History Issues]. No. 10-3. P. 274–287. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi47.
- Kreutz J. (2021). *Uppsala Conflict Termination Dataset Codebook. v.3 (2021)*. Uppsala: Uppsala Conflict Data Program, Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University. 13 p.
- Mac Ginty R. (2006). *No War, No Peace: The Rejuvenation of Stalled Peace Processes and Peace Accords*. Rethinking Peace and Conflict Studies Series. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan. 230 p.
- Matveeva A. (2022). Donbass at limbo: self-proclaimed republics in the inter-war period (2014–2021). *Pathways to Peace and Security*. No. 1 (62): Special Issue: Peace Processes, Violence, and De Facto States. P. 92–106. DOI: 10.20542/2307-1494-2022-1-92-106.
- Polyakova Ye.Yu. (2022). Irlandiya v gody voiny za nezavisimost': ot peremiriya k mirnomu dogovoru [Ireland during the war for independence: from ceasefire to peace treaty]. *Novaya i noveishaya istoriya* [Modern and Contemporary History]. 2022. No. 5. P. 120–130. DOI: 10.31857/S013038640020639-0.
- Slantchev B.L. (2003) The principle of convergence in wartime negotiations. *American Political Science Review*. Vol. 97. No. 4. P. 621–632.
- Sosnowski M. (2020). Negotiating statehood through ceasefires: Syria's de-escalation zones. *Small Wars and Insurgencies*. Vol. 31. No. 7–8. P. 1395–1414. DOI: 10.1080/09592318.2020.1829872.

- Stedman S.J. (1997). Spoiler problems in peace processes. *International Security*. Vol. 22. No. 2. P. 5–53. DOI: 10.2307/2539366.
- Stepanova E.A. (2022). Peace process: On substantive definition. *World Economy and International Relations*. Vol. 66. No. 9. P. 5–18. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-9-5–18.
- Stepanova E. (2006). Terrorism as a tactic of spoilers in peace processes. In E. Newmann and O. Richards (eds.). *Challenges to Peacebuilding: Managing Spoilers During Conflict Resolution*. Tokyo: United Nations University Press. P. 78–104.
- Sticher V., Vuković S. (2021). Bargaining in intrastate conflicts: The shifting role of ceasefires. *Journal of Peace Research*. Vol. 58. No. 6. P. 1284–1299. DOI: 10.1177/0022343320982658.
- Zagorski A. (2022). The OSCE, Ukraine, and peace process. *Pathways to Peace and Security*. No. 1 (62): Special Issue: Peace Processes, Violence, and De Facto States. P. 121–132. 10.20542/2307-1494-2022-1-121-132.

ДЕБАТЫ ВОКРУГ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ США КАК ЭЛЕМЕНТ РАЗРЯДКИ В СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1969–1979)

**ВАЛЕРИЙ ЮНГБЛЮД
ДМИТРИЙ ИЛЫН**

Вятский государственный университет, Киров, Россия

Резюме

Разрядка напряжённости в советско-американских отношениях, продолжавшаяся в течение 1970-х годов, была сложным и многогранным процессом. Взаимодействие СССР и США в области внешней торговли, трансфера технологий и научных обменов составляло важную часть этого процесса. С одной стороны, по мнению некоторых идеологов детанта, критическая масса установленных в соответствии с канонами равноправия и взаимной выгоды коммерческих связей и научно-технических проектов в обозримом будущем могла создать условия для преодоления «холодной войны» и мирного сосуществования систем. С другой — именно в сфере внешней торговли раньше всего проявились острые конфликты между внешнеполитическими целями сверхдержав и способностью их внутренних законодательных систем нормативно обеспечивать достижение этих целей. Данная статья посвящена рассмотрению процессов трансформации законодательства Соединённых Штатов в области внешней торговли в контексте разрядки и нацелена на внесение этого трека в картину формирования курса Вашингтона в отношении советского государства с конца 1960-х годов вплоть до декабря 1979 года. Источниковой основой исследования служат материалы обеих палат Конгресса, раскрывающие содержание дебатов по поводу принятия законов о регулировании экспорта и отражающие имевшиеся в то время точки зрения на данную проблему. Используются также опубликованные или оцифрованные документы Государственного департамента и президентов Р. Никсона и Дж. Картера, отражающие их отношение к внешнеторговой проблематике. Показано, каким образом в процессе обновления нормативной базы внешней торговли взаимодействовали исполнительная и законодательная ветви власти. Обосновывается вывод о том, что при сохранении общего либерального вектора в развитии законодательства о внешней торговле ему всегда было свойственно наличие норм контроля за экспортом в социалистические страны наукоёмкой продукции, направленных на сдерживание научно-технического прогресса в СССР. Вследствие этого экономический фундамент разрядки

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01876, <https://rscf.ru/project/22-28-01876/>

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.12.2022

Дата принятия к публикации: 11.05.2023

Для связи с автором / *Corresponding author:*

Email: valerteod@gmail.com

в советско-американских отношениях оставался слабым и не смог воспрепятствовать конфронтационной рецессии начала 1980-х годов.

Ключевые слова:

«холодная война»; разрядка; экспортный контроль; режим наибольшего благоприятствования; советско-американские отношения; Конгресс США.

Одним из самых противоречивых и ярких отрезков в истории советско-американского противостояния стала разрядка международной напряжённости 1970-х годов. Она рассматривается историками преимущественно в контексте политических и военно-стратегических проблем [Батюк 2018; Кременюк 2015; Bange, Villaume 2017; Gaddis 1987; Garthoff 1994; Saul 2001]. При этом не вполне заслуженно упускается из виду наличие в структуре детанта элементов, подразумевающих развитие торгово-экономических, научно-технических и культурных связей между Западом и Востоком в целом и между США и СССР в частности.

Для исследований, затрагивающих экономическое измерение разрядки, характерна фокусировка на тактике «увязки» в качестве одного из основополагающих пунктов обновлённого внешнеполитического курса Вашингтона в отношении Москвы, инициированного президентом Ричардом Никсоном (1969–1974) и помощником президента по национальной безопасности Генри Киссинджером [Hanhimäki 2013: ch. 4]. Последний в своих мемуарах несколько лет спустя описывал суть этой политики следующим образом: «Наша стратегия заключалась в том, чтобы использовать торговые уступки как политический инструмент, отказываясь от них, когда советское поведение было авантюрным, и предоставляя их в умеренных дозах, когда Советы соглашались сотрудничать» [Kissinger: 840].

Ряд исследователей сходятся во мнении, что «увязывание» продолжалось и в период президентства Джеймса Картера (1977–1981) с той лишь разницей, что демократы в

обмен на послабления в торгово-экономической сфере рассчитывали на уступки не только во внешне-, но и во внутривнутриполитических вопросах. В частности, речь идёт о правах человека и преследовании диссидентов. В то же время истоки заинтересованности СССР в двусторонних торговых и научно-технологических контактах администрация Картера видела не в политических притязаниях советских лидеров на престиж и равный статус с США, а в реальных потребностях стагнирующей советской экономики [Mastanduno 1992: 154; Funigiello 1988: 191].

Базовая схема американской политики на советском направлении в 1970-х годах – «экономические уступки в обмен на политическое сотрудничество» – подтверждается не только мемуарами, но и известными документами¹. Вместе с тем она отличается одномерностью и не отражает многие грани процесса формирования внешней политики Соединённых Штатов, в котором переплетались стратегические установки и убеждения президентов, государственных секретарей и помощников по национальной безопасности, межведомственные противоречия органов исполнительной власти, позиции сенаторов и конгрессменов, общественное мнение, лоббистское давление бизнес-сообщества и иных субъектов внешнеполитического процесса.

Данная статья посвящена рассмотрению процесса трансформации законодательства США в области внешней торговли в контексте разрядки напряжённости в двусторонних советско-американских отношениях и нацелена на включение этого направления в общую картину фор-

¹ Этот аспект истории советско-американских отношений исчерпывающе представлен в совместном издании Министерства иностранных дел России и Государственного департамента США 2007 года: Советско-американские отношения. Годы разрядки. 1969–1976: Сборник документов. Т. 1: 1969 – май 1972: В 2 кн. Кн. 1: 1969–1971. Кн. 2: январь – май 1972 г. М.: Международные отношения, 2007. С. 472. Об «увязках» в предисловии к этому изданию пишет Г. Киссинджер [с. XIX–XX]. Тема «увязок» является сквозной для всего двухтомника.

мирования курса Вашингтона в отношении Москвы в конце 1960-х — 1970-х годах. При этом в ходе анализа особое внимание уделено двум ключевым нормативным актам — Законам о регулировании экспорта, принятым в 1969 и 1979 годах².

Разрядка в американско-советских отношениях как проблема историографии

Любая периодизация в истории международных отношений, как правило, условна. Соотношение качественных и количественных критериев, отделяющих одну эпоху от другой, зачастую имеет приблизительный характер. Более того, при отборе главных событий велика роль субъективных оценок историков и избранных ими исследовательских стратегий. В случае с разрядкой международной напряжённости периодизация существенно осложняется большим числом участников этого процесса и его межсистемным характером.

Между образовавшимися в процессе генезиса «холодной войны» социально-политическими системами, сгруппированными вокруг лидеров (СССР и США), изначально сложились конфронтационные отношения. Тем не менее уровень враждебности практически на всём протяжении сверхдержавного соперничества носил дозированный характер. «Поскольку Восток и Запад, вопреки смыслу метафоры “холодная война”, в действительности не угрожали существованию друг друга, шансы ослабить конфронтацию между ними были всегда», — отмечает известный немецкий историк Вильфрид Лот [Loth 2002: 8]. В данном тезисе обращает на себя внимание использование словосочетания «холодная война» в виде метафоры, допускающей его трактовку как особой формы соперничества, изначально исключающего прямое военное столкновение между двумя полюсами. Эскалация была контролируемой, а в струк-

туру советско-американских и межсистемных отношений регулярно внедрялись механизмы снижения напряжённости, то есть разрядки (детанта) [Loth 2003: 17–26]. Не случайно свой главный труд историк назвал «Преодоление холодной войны, история разрядки, 1950–1991». Хронологически детант и конфронтация при таком подходе совпадают, а история международных отношений с 1945 по 1991 г. предстаёт чередой менявшихся состояний — от всплесков враждебности к поиску компромиссов.

Уже в 1950-х годах были зафиксированы такие пики и спады напряжённости. Н.И. Егорова справедливо указывает на то, что «употребление дефиниции “разрядка” применительно к последнему состоянию системы международных отношений наполнялось разным содержанием и зависело от тех процессов, которые воздействовали на ход и исход конфронтации западного и восточного блоков» [Егорова 2003: 64]. Данное понятие, таким образом, так же как «холодная война», часто использовалось как метафора. Тем не менее в историографии такой подход считается скорее исключением, чем правилом [The Long Détente 2017: 1].

Исследователи склонны рассматривать разрядку как особый период в истории взаимодействия систем и взаимоотношений лидирующих в них сверхдержав, которому были свойственны не только количественные (снижение уровня враждебности, рост доверия и прочее), но и качественные характеристики (военно-стратегический паритет, создание постоянных переговорных площадок и механизмов контроля, координации действий, управление совместными программами и др.). Другим критерием для её периодизации можно считать корректировку стратегических целей и тактических установок сторон в продолжавшемся соревновании двух блоков — от ориентации на безоговорочную победу к риторике

² Нормативно-правовая база экспортного контроля в США не ограничивалась упомянутыми законодательными актами. В 1950-х — 1970-х годах был принят ряд законов, которые прямо или косвенно регулировали экспорт специфической продукции — Закон о контроле над экспортом вооружений (Arms Export Control Act of 1976), Закон об атомной энергии (Atomic Energy Act of 1954), Закон о нераспространении ядерного оружия (Nuclear Non-proliferation Act of 1978). В данной статье основное внимание уделено «рамочным» законам, которые касались в том числе и продукции двойного назначения.

«сближения», «конвергенции», «преодоления холодной войны» или даже «выхода» из неё, пусть даже и с ничейным результатом [Saul 2001: 6–30; The Long Détente 2017: 19–52; Печатнов 2021: 61; Печатнов 2022: 361]. При этом с точки зрения конечного целеполагания детант так и не вышел за рамки «холодной войны». И в Москве, и в Вашингтоне (да и в других столицах) задавались вопросом: по какому пути пойдёт развитие цивилизации в ближайшие десятилетия? Каждая из сверхдержав рассчитывала со временем единолично возложить этот марш в будущее.

Оформившись в середине 1960-х годов как устойчивая тенденция к снижению напряжённости в отношениях между Советским Союзом и его союзниками по Организации Варшавского договора и государствами Западной Европы, разрядка медленно («вторым темпом») к рубежу 1960-х – 1970-х годов распространилась и на отношения сверхдержав. М.А. Липкин справедливо заметил, что к тому времени «каждая сторона (и США, и СССР) пыталась добиться максимальных успехов к моменту старта переговорного процесса и сплотить наибольшее количество сторонников под своими знамёнами» [Липкин 2016: 437].

В первой половине 1970-х годов советско-американские отношения удалось нормализовать. Расцвет двустороннего детанта пришёлся на 1972–1975 годы и связан с серией встреч на высшем уровне, во время которых президенты США (Р. Никсон, Дж. Форд) и Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев сформировали обширную и разноплановую повестку межгосударственного и межблокового взаимодействия, скреплённую подписанием соглашений об ограничении стратегических вооружений, контроле за вооружениями, сотрудничестве в сфере внешней торговли и научных

исследований, освоении космоса, научно-технологических обменах и совместных культурных программах, спортивных мероприятиях и проч. На период с 1975 по 1979 г. приходится нисходящая фаза советско-американского сближения.

Уже на пике потепления отношений многие эксперты задавались вопросом: чем является разрядка? [Арбатов 1991: 215–217; Черкасов 2016: Гл. 8; Encounters with Kennan 1979; Pipes 1981]. Представляет ли она собой попытку «преодоления холодной войны», способной вывести мир из режима конфронтации, или же её следует расценивать как временную передышку, перемирие, необходимое для того, чтобы стороны закрепились на достигнутых рубежах, структурировали риски, скорректировали стратегические подходы и таким образом подготовились к будущей схватке? Ответ на этот вопрос во многом зависел от того, удастся ли Вашингтону и Москве создать для детанта надёжный материальный фундамент. В этом отношении большие надежды возлагались на развитие экономического, научно-технологического сотрудничества и двусторонней торговли. Другими условиями для превращения разрядки из тенденции в мейнстрим двусторонних отношений являлись готовность элит к её продолжению и создание для этого необходимой юридической основы. В Соединённых Штатах важная роль в выполнении этих условий принадлежала законодательной власти.

Нормативный контекст «холодной войны»

Уже на стадии генезиса биполярного противостояния Москвы и Вашингтона ключевым элементом в системе американского законодательства, формирующего ограничения и запреты в области торговли с социалистическими странами, стал Закон об экспортном контроле³ (*Export Control Act*

³ Примечательно, что ни данный закон, ни последующие законодательные акты 1969 и 1979 годов не устанавливали чёткой трактовки понятия «экспортный контроль». При всех различиях в подходах, которые применялись в законодательстве, можно выделить сквозные моменты: 1) экспортный контроль применялся для обеспечения национальных интересов США в области безопасности; 2) совершение экспортных операций было сопряжено с предварительным получением лицензий от правительственных органов; 3) контроль подразумевал составление и изменение ограничительных списков, которые запрещали экспортные поставки конкретных разновидностей продукции.

of 1949), принятый Конгрессом в феврале 1949 года. Он устанавливал в качестве государственной политики США жёсткий ограничительный подход в отношении продажи «любых вещей, производственного оборудования или ресурсов (включая технические данные)» за границу. Президент был уполномочен накладывать запрет на любые экспортные операции, если имелись основания полагать, что такой экспорт будет усиливать военный потенциал государств, несущих угрозу национальной безопасности Соединённых Штатов. Благодаря размытым формулировкам под действие закона могли подпадать практически любые товары, даже не связанные напрямую с военной сферой. Теоретически этот Акт распространялся на все страны мира, но если получение лицензий в Управлении экспортного контроля (специально созданное подразделение министерства торговли) на торговые операции с государствами Запада трудностей, как правило, не вызывало, то торговля с СССР и его союзниками стала чем-то вроде привилегии, предоставляемой американским фирмам в виде редких исключений [Technology and East-West trade 1979: 112].

Для улучшения взаимодействия с партнёрами по НАТО при реализации положений закона осенью 1949 г. был создан Координационный комитет по экспортному контролю (КОКОМ), который для западного блока на протяжении «холодной войны» выполнял в области торговли «охранительную» роль, аналогичную той, которую Североатлантический альянс играл в военно-политической сфере. В начале 1950-х годов экспортные ограничения распространились и на Китайскую Народную Республику, торговля с которой стала регулироваться созданным по образцу и подобию КОКОМа Комитетом по контролю за экспортом в Китай (ЧИНКОМ) [Jackson 2001: 148–151].

Экономическое сдерживание коммунизма в Вашингтоне изначально рассматрива-

ли как органичную часть общей стратегии в отношении Советского Союза и его союзников и синхронизировали законодательство в этой области с политическими действиями и военными программами [Jackson 2001: 128–134]. Осенью 1951 г. США разорвали торговое соглашение с СССР от 1937 года, согласно которому между двумя странами существовал взаимный режим наибольшего благоприятствования (*most favored nation*, далее – РНБ). В том же году был принят Закон о контроле при оказании помощи в целях совместной обороны (*Mutual Defense Assistance Control Act*, также известный как «закон Бэттла»), в котором закреплялось право президента прекращать любые виды американской помощи странам, нарушающим установленное Вашингтоном эмбарго на поставку товаров «опасным» государствам [Funigiello 1988: 54, 68]. В разгар Вьетнамской войны (в феврале 1968 года) в законодательство о продлении полномочий Экспортно-импортного банка США была внесена поправка, запрещающая предоставление кредитов и банковских гарантий государствам, находящимся в состоянии вооружённого конфликта с Соединёнными Штатами (то есть Северному Вьетнаму). Данный запрет касался также стран, чьи правительственные учреждения осуществляют поставки товаров и иную помощь таким воюющим государствам (то есть значительной части социалистического лагеря, включая СССР)⁴.

Существенное изменение к концу 1960-х годов военно-стратегических, политических, экономических условий, в которых формулировалась и реализовывалась внешняя политика Вашингтона, стимулировало американский истеблишмент к проработке вопроса о возможной корректировке внешнеторгового законодательства. Ещё в 1968 г. специальный подкомитет Комитета по делам банков и валют Сената США под руководством Уолтера Мондейла приступил к анализу действующего экспортного законодательства с целью его либерализа-

⁴ Congressional Record (далее — CR). Vol. 114. Washington, D.C.: US GPO, 1968. P. 2303–2304, 2309–2311.

ции⁵. Истечение в 1969 г. очередного периода действия Закона об экспортном контроле переводило изыскания сенаторов из гипотетической в практическую плоскость, а вступление в должность нового президента Р. Никсона, заявившего о переходе в отношениях с Советским Союзом от конфронтации к «эре переговоров»⁶, погружало работу сенатской подкомиссии в совершенно новый контекст.

Давление бизнеса на законодательный процесс

В сентябре 1968 г. в разгар предвыборной президентской кампании директор Института США АН СССР Г.А. Арбатов направил в ЦК КПСС доклад о влиянии научно-технической революции на внешнеполитическую стратегию Вашингтона. На восьми страницах был представлен развёрнутый анализ современных тенденций экономического развития и в осторожной форме сообщалось о том, что Советский Союз заметно отстаёт от Соединённых Штатов по уровню развития экономики. «Мы и сейчас считаем, — писал Арбатов, — что главным в экономическом соревновании с США являются темпы промышленного роста. Американцы же считают, что ход этого соревнования будет определяться прежде всего темпами научно-технической революции. В докладе “Новые направления в советской экономике”, подготовленном некоторое время назад для конгресса США, делается вывод: “Советская экономика добьётся некоторого сокращения своего технического отставания, но её относительное отставание в общей производительности останется таким же, каким оно было в 1950 году, или даже ещё увеличится”. Неудивительно, что Вашингтон настойчиво ищет пути использования этих своих позиций в глобальной внешней политике». Вместе с тем была и хорошая

новость: составитель документа сообщал, что «в США имеются влиятельные силы, считающие главным вопросом обеспечения безопасности и национальных интересов США нормализацию отношений с Советским Союзом»⁷.

Тем не менее после прихода в январе 1969 г. в Белый дом администрации Р. Никсона ничто не говорило о том, что упомянутые А.Г. Арбатовым «влиятельные силы» сумеют коренным образом изменить курс в отношении СССР и добиться снижения напряжённости. Новый президент не вызывал оптимизма у советских руководителей. В Москве считали его консерватором и бескомпромиссным противником социализма. Вплоть до первого Московского саммита в мае 1972 г. Л.И. Брежнев на совещаниях в узком кругу неизменно характеризовал его как «политикана», «самого демагогического президента из всех», которые были в США⁸. В то же время он отмечал в действиях Р. Никсона «вынужденную тенденцию к контактам и переговорам»⁹.

Немецкий историк С. Кинингер не без оснований заявлял, что в отличие от Линдона Джонсона (1963–1969), воспринимавшего разрядку как «процесс», в который оказались вовлечены преимущественно европейские государства, республиканцы рассматривали её главным образом в категориях баланса сил и «сосредоточились на её структуре» [Kieninger 2016: 85]. В практическом плане это означало, что повестку двусторонних советско-американских отношений Вашингтон формировал иерархично в соответствии с собственной шкалой приоритетов. Верхнюю строчку в этом раскладе занимали желание с наименьшими потерями выйти из войны во Вьетнаме и стабилизировать гонку стратегических вооружений. Торговлю с Востоком, в первую очередь с СССР, Р. Никсон и Г. Киссинджер включили в эту повестку, однако рассма-

⁵ CR. Vol.115. Washington, D.C.: US GPO, 1969. P. 30998.

⁶ *Nixon R.* Inaugural Address. January 20, 1969. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/inaugural-address-1> (accessed: 02.08.2023)

⁷ Российский государственный архив новейшей истории (РГНИ). Ф. 5. Оп. 60. Д. 468. Л. 36–37.

⁸ Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 90. Л. 25.

⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 168. Л. 81.

тривали её преимущественно в качестве козыря в предстоящих политических переговорах. Считалось, что вследствие серьёзного экономического отставания Советский Союз заинтересован в американских товарах и технологиях гораздо сильнее, чем Соединённые Штаты — в советских. Именно поэтому Р. Никсон наставлял министра торговли Мориса Стэнса, чтобы последний подходил к переговорам с Советами «как искушённый янки-трейдер» [Kieninger 2016: 89–91].

Первые шаги администрации подтверждали прогноз А.Г. Арбатова, что Вашингтон будет стремиться использовать экономическое превосходство в своей глобальной внешней политике. В середине января 1969 г. в городе Рай (штат Нью-Йорк) состоялась пятая Дартмутская советско-американская конференция, во время которой руководитель американской делегации Дэвид Рокфеллер заявил, что в США допускают расширение торговли с СССР товарами, не имеющими стратегического назначения. Что же касается торговли стратегическими товарами и предоставления Москве долгосрочных кредитов, то позиция американской стороны будет оставаться неизменной. Рокфеллеры считались одними из главных спонсоров Республиканской партии, поэтому высказывание высокопоставленного представителя этой семьи на регулярном двустороннем форуме за несколько дней до начала исполнения Никсоном президентских полномочий походило на предварительную декларацию о намерениях администрации в отношении торговли с СССР. Вскоре это предположение подтвердилось — 30 января 1969 г. председатель комитета экономических советников при президенте (к тому моменту уже вступившем в должность) Пол Маккрекен на встрече с политическим обозревателем «Правды» Г.А. Жуковым подтвердил, что точка зрения Д. Рокфеллера, высказанная на советско-американской конференции в городе Рай, соответствует «официальной

американской позиции»¹⁰. Фактически это заявление означало, что смена администрации в ближайшее время не предполагает заметных перемен в торговых отношениях между двумя государствами.

Впоследствии выяснилось, что «влиятельные силы», выступающие за нормализацию отношений с СССР, в США всё же есть. В конце июля и первой половине августа (с 30 июля по 9 августа 1969 года) Советский Союз посетил председатель правления компании *Litton Industries* Чарльз Торнтон. Этот визит не был рутинной деловой поездкой: Ч. Торнтон возглавлял одну из наиболее динамично развивавшихся корпораций, ориентированных на инновационные сегменты производства, в том числе военного и космического назначения. Компания имела устойчивые политические связи с обеими партиями, сам её руководитель входил в окружение Никсона, с которым согласовал программу визита в Советский Союз.

Во время встреч с советскими представителями американский гость неоднократно подчёркивал необходимость развивать экономические и научно-технические связи: «все ограничения идут сейчас от американской стороны». Он «весьма нелестно» отзывался о линии своего правительства, утверждая тем не менее, что «положение начинает меняться к лучшему» и Никсону предстоит сыграть в этом деле «значительную положительную роль». Касаясь своих планов, Торнтон отметил, что по возвращении в США он «не собирается выступать в печати и давать интервью журналистам («они всё равно всё переврут»)». Вместо этого он был намерен рассказать о своих впечатлениях о поездке в правительство, а также выступить на нескольких совещаниях бизнесменов, в том числе на съезде «делового совета» (одной из наиболее влиятельных организаций американских предпринимателей — на её съездах, как правило, присутствуют президент США и другие руководящие деятели правительства»¹¹.

¹⁰ РГАН. Ф. 5. Оп. 61. Д. 555. Л. 18–19.

¹¹ Там же. Д. 558. Л. 124–125.

В ходе бесед Торнтон нередко называл «постыдным» и «нелепым» существующий объём торговли между Вашингтоном и Москвой: «50 миллионов долларов — экспорт и 50 миллионов импорт — это поистине жалкая цифра, когда речь идёт о двух таких гигантах. Расширение экономических связей между нашими странами имело бы для них обеих существенное хозяйственное значение». Он также утверждал, что в американских деловых кругах у него имелось много единомышленников¹².

Слова Торнтона в целом подтверждались фактами. В 1969 г. Министерство внешней торговли СССР столкнулось с повышенной активностью американских фирм, выражавших заинтересованность в расширении деловых контактов в СССР. С рабочими визитами Минвнешторг посетили делегации бизнесменов штата Мичиган¹³, представителей *Industrial Machinery, Satra Corporation* и ряда других компаний¹⁴. Каждый раз речь заходила о проблемах и трудностях в советско-американской торговле, возникавших вследствие особенностей законодательства США, блокирующего доступ американских товаров и технологий на советский рынок, отсутствия режима наибольшего благоприятствования, архаичности процедур лицензирования и экспортного контроля. Американские представители, как правило, не отрицали того факта, что главным препятствием для прогресса в этой области является американское законодательство, и выражали высокую заинтересованность в его либерализации.

В Советском Союзе изучали настроения в среде американских бизнесменов. В конце 1969 г. Конгрессу предстояло продлить (или обновить) законодательство об экспортном контроле, и от настроения крупных корпораций, заинтересованных в расширении торговли с Востоком, во многом зави-

сели результаты дебатов по этому вопросу. КГБ СССР 28 ноября 1969 г. сообщал в ЦК КПСС, что «ряд представителей промышленных деловых кругов США проявляют всё возрастающий интерес к развитию широких экономических связей с Советским Союзом. Руководители компаний *Ford, General Motors* и *Litton Industries* выражают готовность способствовать обмену визитами влиятельных деятелей в области политики и экономики США и СССР, что могло бы, по их мнению, послужить основой для установления в последующем тесных деловых контактов между обеими странами. За развитие торговли с социалистическими странами, и прежде всего с СССР, выступают также многие правительственные эксперты, в частности директор экспортно-импортного банка Г. Кернс и специальный представитель Никсона по торговым переговорам Гилберт. Вышеуказанные круги добиваются принятия Конгрессом США законопроекта о контроле над торговлей с социалистическими странами, который предусматривает облегчение условий американского экспорта в социалистические страны (законопроект Маски, одобренный в ноябре с.г. согласительной комиссией Сената и Палаты представителей)»¹⁵.

В том же самом документе подчёркивалось, что «правительство Никсона относится к этому законопроекту отрицательно». Со ссылкой на мнение представителей министерства торговли утверждалось, что ожидается сильное «давление со стороны правительства на членов палаты представителей», поскольку президент США не хочет доводить дело до «применения в отношении данного законопроекта права вето»¹⁶. Помимо этого, сообщалось, что Р. Никсон довёл до сведения Ч. Торнтон свою позицию, «что развитие широких экономических связей между США и Советским Союзом вообще маловероятно,

¹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 135.

¹³ РГАЗ. Ф. 413. Оп. 31. Д. 3015. Л. 16–17.

¹⁴ Там же. Л. 3, 5, 6, 16.

¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 175.

¹⁶ Там же. Л. 175–176.

пока идёт война во Вьетнаме, в которой СССР поставляет в ДРВ 80 процентов вооружения»¹⁷. Таким образом, оформлялись контуры одного из наиболее вероятных политических разменов «эры переговоров» Р. Никсона: отказ СССР от поддержки Северного Вьетнама (а в идеале — оказание на него давления с целью достижения максимально выгодных для американской стороны условий прекращения войны) в обмен на либерализацию торговли с Москвой.

В упомянутой аналитической записке КГБ также отмечалось, что руководитель страны «с интересом» отнёсся к предложению Ч. Торнтона о создании комиссии из представителей делового мира, администрации и экспертов-экономистов для изучения возможностей расширения торговли с Советским Союзом, и делался обобщающий вывод, что «эта идея пользуется поддержкой ряда влиятельных бизнесменов, которые считают необходимым уже сейчас вести деловую подготовку к расширению американско-советских экономических отношений»¹⁸. Данные советских аналитических и разведывательных органов свидетельствовали о том, что в дебатах по поводу законодательства о регулировании экспорта крупный бизнес играл активную роль. Вместе с тем в этом документе не упоминалось, что параллельно в администрации обсуждались возможности использования либерализации торговли со странами Варшавского договора в интересах фрагментации коммунистического блока в Европе [Kieninger 2016: 85].

Закон о регулировании экспорта 1969 года: пролог разрядки

Первоначально законодательный процесс вокруг экспортного контроля носил рутинный и стандартизированный характер — в конце января 1969 г. в Палату пред-

ставителей был внесён и формально заслушан в первом чтении законопроект Н.Р. 4293, предусматривавший очередное продление действия закона 1949 г. без внесения в него серьёзных изменений¹⁹. Тем не менее вскоре либерализация торгового законодательства стала предметом пристального внимания не только конгрессменов, но и органов исполнительной власти.

В апреле министр торговли Морис Стэнс в специальном меморандуме на имя Никсона в умеренно-оптимистичном ключе отмечал значимость торговли с социалистическими странами Восточной Европы для отдельных американских фирм и отраслей и указывал, что позитивные изменения в законодательстве будут важны не только для развития товарообмена, но и как «рычаг воздействия на более широких внешнеполитических переговорах». Из существующих законодательных и административных преград для развития торговли с Восточной Европой наиболее значимыми он считал отсутствие режима наибольшего благоприятствования и ограничения на кредитные операции Экспортно-импортного банка, а не экспортный контроль. По мнению министра, администрации следовало сделать публичное политическое заявление в поддержку развития торговли между Западом и Востоком, а не ограничиваться лишь пассивным согласованием экспортных сделок²⁰.

С оценками министра о приоритетности РНБ и кредитов по отношению к экспортному контролю соглашались в Государственном департаменте и в аппарате Совета национальной безопасности²¹. Руководители заинтересованных ведомств, направившие в Белый дом к середине мая 1969 г. свои заключения по этому вопросу, были в целом единодушны в оценке текущей ситуации и признавали, что ограничитель-

¹⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 176.

¹⁸ Там же.

¹⁹ CR. Vol. 115. P. 1630.

²⁰ Foreign Relations of the United States (далее — FRUS), 1969–1976. Volume IV, Foreign Assistance, International Development, Trade Policies, 1969–1972. Washington, D.C.: US GPO, 2001. P. 748–751.

²¹ FRUS, 1969–1976. Vol. IV. P. 754, 757–758.

ные меры США и КОКОМ наносят крайне незначительный вред экономикам коммунистических стран, провоцируют трения с союзниками и собственным бизнес-сообществом, а развитие торговли потенциально может способствовать улучшению политических отношений. Тем не менее консенсус среди ключевых правительственных учреждений относительно дальнейших практических шагов достигнут не был.

Наиболее консервативную позицию занимал министр обороны Мелвин Лэйрд, полагавший, что администрации не следует делать каких-либо публичных заявлений или стремиться пересмотреть законодательство о предоставлении РНБ и кредитов, а Закон об экспортном контроле 1949 г. необходимо просто продлить, обеспечив в дальнейшем минимальный пересмотр контрольных списков²². Министр финансов Дэвид Кеннеди ратовал за минимальное обновление закона об экспортном контроле с удалением наиболее одиозных ограничений, а также за сокращение контрольных списков КОКОМ и наделение президента полномочиями по предоставлению тарифных льгот для коммунистических стран, однако отмену ограничений по кредитам он считал нецелесообразной²³. Государственный департамент в лице Эллиота Ричардсона, временно заменявшего госсекретаря Уильяма Роджерса, предлагал либерализовать законодательную базу по всем трём основным направлениям — экспортному контролю, тарифам, кредитам — с существенным сокращением американских контрольных списков²⁴. Министерство торговли занимало более осторожную позицию, сочтя за благо при либерализации торговли ограничиться лишь административными мерами и не претендовать на изменение законодательства, чтобы не осложнить отношения с Конгрессом²⁵.

Решающее слово при решении вопросов внешней политики при Р. Никсоне, как правило, оставалось за помощником президента по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджером, который в мае 1969 г. занял весьма умеренную позицию. Он полагал, что публичное заявление в поддержку торговли Востока и Запада должно быть максимально сдержанным и исходить не от Белого дома, а от министерства торговли. В отношении экспортного контроля и предоставления РНБ помощник президента считал возможным поддержать потенциальные инициативы Конгресса, но не выступать с таковыми самостоятельно; максимально приблизить контрольные списки США к спискам КОКОМ (за исключением таких наименований, как продвинутые компьютеры, по которым американцы были в состоянии эффективно осуществлять односторонний контроль); а в области кредитования торговли не предпринимать никаких законодательных действий²⁶.

Окончательное решение СНБ, завизированное Р. Никсоном 28 мая в виде директивы NSDM 15, носило более консервативный характер, чем предлагал Г. Киссинджер. Идея сокращения контрольных списков была утверждена президентом именно в том виде, как сформулировал его помощник, но изменений законодательной базы по вопросам экспортного контроля и РНБ документ не предполагал в принципе. В негативном ключе был решён ряд частных вопросов о выдаче экспортных лицензий на поставки промышленного оборудования в СССР. Вместе с тем либерализация торговой политики в отношении Советского Союза и стран Восточной Европы не отвергалась, но ставилась в зависимость от «улучшения отношений в целом»²⁷, что, согласно воспоминаниям помощника президента, отражало установку самого

²² FRUS, 1969–1976. Vol. IV. P. 773–774.

²³ Ibid. P. 770–771.

²⁴ Ibid. P. 767–768.

²⁵ Ibid. P. 780.

²⁶ Ibid. P. 780–782.

²⁷ Ibid. P. 784–785.

Р. Никсона, озвученную им на заседании СНБ 21 мая: «Улучшение политических отношений ведёт к росту торговли»²⁸.

Решение президента поставило Г. Киссинджера и других руководителей правительственных ведомств перед проблемой: как выстраивать политику в случае внесения в Конгресс новых законодательных инициатив, либерализующих торговлю с Востоком? В том, что такие инициативы последуют, сомневаться не приходилось. С одной стороны, директива NSDM прямо подразумевала противодействие администрации подобным законопроектам. С другой — подобное противодействие потенциально могло провоцировать дополнительные сложности в отношениях с Капитолием и выставить администрацию в негативном свете в глазах общественного мнения. Как показали дальнейшие события, на практике был избран промежуточный вариант максимально возможного ужесточения либеральных инициатив в Конгрессе, которые выдвигались не только в Сенате (что ожидалось заранее), но и в Палате представителей.

Обсуждение законопроекта H.R. 4293 началось в нижней палате Конгресса в середине октября 1969 года. По итогам рассмотрения в профильном комитете первоначальный вариант, предусматривавший простое продление закона 1949 г. на следующие четыре года, приобрёл два новшества: срок пролонгации был ограничен двумя годами под предлогом «возможных изменений политики в отношении Восточной Европы в будущем, а также подвижек во внешней торговле и платёжном балансе». Кроме того, было добавлено положение, обязывающее министерство торговли пересмотреть требования к ведению экспортёрами отчётной документации таким образом, чтобы максимально снизить их затраты по данной статье расхо-

дов²⁹. Ключевую статью старого закона предполагалось оставить практически без изменений и запретить поставки товаров «любому государству или объединению государств, угрожающих национальной безопасности Соединённых Штатов, если Президент определит, что такой экспорт значительно усиливает военный или экономический потенциал такого государства или государств и может причинить ущерб национальной безопасности и благополучию Соединённых Штатов»³⁰.

Длительной и ожесточённой полемики на пленарном заседании законопроект не вызвал. Конгрессмен от Демократической партии штата Огайо Томас Эшли в своём выступлении подверг критике существующую систему экспортного контроля в связи с её неэффективностью, обусловленную как самодостаточностью экономики СССР («Подход “бутылочного горлышка” просто не работает в отношении страны с такими природными дарами и технологическим уровнем»), так и недостаточной согласованностью ограничительных мер между США и их союзниками, которая позволяла западноевропейским государствам и Японии извлекать существенную коммерческую выгоду от торговых отношений с социалистическим лагерем. В итоге, как полагал политик, наибольший вред наносился американской экономике, а не коммунистическим странам³¹. Внесённая Т. Эшли поправка предусматривала установление в качестве цели и приоритета политики Вашингтона расширение торговли товарами и технологиями мирного назначения со всеми странами, с которыми у них есть дипломатические или торговые отношения, при этом подчёркивалась необходимость сохранения контрольных списков товаров военного и двойного назначения³².

Данная инициатива получила положительные отклики со стороны ряда депута-

²⁸ Kissinger H. *White House Years* / H. Kissinger. Boston: Little Brown & Co., 1979. P. 154.

²⁹ CR. Vol. 115. P. 30404.

³⁰ Ibid. P. 30405.

³¹ Ibid.

³² Ibid. P. 30413–30414.

тов. Представитель Калифорнии от Демократической партии Томас Рис, например, указывал на то обстоятельство, что расширение торговли со странами Восточной Европы не только позволит увеличить прибыль американских производителей и поставщиков, но и будет формировать у покупателей зависимость от американских технологий и поставок³³. Вместе с тем поправка Эшли всё-таки была отклонена в Палате представителей. Аналогичным образом не получили поддержки законодателей поправки республиканца Эрла Лэндгриба от штата Индиана (запрет на экспорт в страны, ведущие торговлю с Северным Вьетнамом или помогающие ему иными способами), демократа Бертрама Поделла от штата Нью-Йорк (эмбарго на торговлю со странами, производящими наркотики), демократа Джонатана Бингхэма от штата Нью-Йорк (введение обширной отчётности перед Конгрессом) и республиканца Бенджамина Блэкбёрна от штата Джорджия (ограничение срока эмбарго, установленного президентом)³⁴.

Помимо поправок комитета, были одобрены только две инициативы конгрессмена республиканца Гэри Брауна от штата Мичиган. Согласно первой из них, решение об одобрении либо запрете экспортной операции должно было приниматься «с учётом доступности в других государствах, с которыми Соединённые Штаты имеют оборонные обязательства». Во второй поправке вводилось общее положение о неблагоприятном влиянии на национальную безопасность «неограниченного экспорта производственного оборудования, передачи сведений и технологий», что, по мысли законодателя, аннулировало устаревшее к концу 1960-х годов деление на товары, использующиеся в военных и мирных целях³⁵.

Итоговое голосование в Палате представителей зафиксировало умеренно кон-

сервативный вариант нового законопроекта, лишь незначительно отличавшегося от версии 1949 года. «За» проголосовали 273 конгрессмена, «против» — 7, 151 — не голосовали³⁶.

Несколько дней спустя Сенат приступил к рассмотрению собственного варианта законопроекта, отличавшегося не только номером (S. 2696) и заголовком («О продлении полномочий по регулированию и расширению экспорта и для других целей»), но и рядом содержательных характеристик. Данная версия предусматривала в качестве цели законодательства поощрение торговли товарами мирного назначения при ограничении экспорта товаров, которые «в значительной степени могут быть использованы в военных целях». Влияние на экономический потенциал иностранных государств исключалось из критериев для запрета экспортных операций, добавлялся критерий доступности сопоставимых товаров у альтернативных поставщиков. Устанавливались механизмы консультирования между правительственными органами и предпринимателями по вопросам стандартизации и лицензирования экспорта, упрощались бюрократические процедуры выдачи экспортных лицензий³⁷.

В аргументации соавторов законопроекта сенаторов-демократов Уолтера Мондейла от штата Миннесота и Эдмунда Маски от штата Мэн, как и в выступлениях Т. Эшли в Палате представителей, преобладали экономические доводы. Старое экспортное законодательство объявлялось устаревшим и препятствующим эффективной конкуренции американских бизнесменов за рынки Восточной Европы, а эффективность ограничительных мер против советской экономики — близкой к нулю. Оба сенатора признавали абсурдной текущую ситуацию, в которой около 1100 наименований товаров невоенного назначе-

³³ CR. Vol. 115. P. 30415.

³⁴ Ibid. P. 30416–30417, 30422–30423.

³⁵ Ibid. P. 30418.

³⁶ Ibid. P. 30424–30425.

³⁷ Ibid. P. 30998–31000.

ния, включённых в американские запрительные списки, но отсутствующих в списках КОКОМ, были легкодоступны для закупки социалистическими странами у союзников США, при этом сам Координационный комитет и контроль за стратегическими товарами они предполагали сохранить. Кроме того, расширение торговли сенаторы признавали важным инструментом для развития взаимопонимания между Соединёнными Штатами и странами соцлагеря. Мондейл даже предложил рассматривать американскую торговлю как «наступательное оружие», нацеленное на «изменение подходов коммунистических стран»³⁸.

Контраргументы оппонентов основывались как на политических, так и на экономико-технологических соображениях. Сенаторы демократ Гарри Бирд-мл. от штата Вирджиния, республиканец Джон Тауэр от штата Техас и республиканец Уоллес Беннет от штата Юта напоминали своим коллегам, что СССР и его сателлиты оказывают помощь Северному Вьетнаму и тем самым создают угрозу национальной безопасности США, а недавний ввод советских войск в Чехословакию и Кубинский кризис 1962 года, по версии Беннета, служили убедительным доказательством того, что за 20 лет советская политика принципиально не изменилась³⁹. Республиканец из Колорадо Питер Доминик полагал, что расширение торговли в гораздо большей степени будет выгодно советскому блоку, поскольку доступ к продвинутым западным технологиям позволит высвободить материальные и кадровые ресурсы коммунистов для разработки новых видов ракет и иных сложных вооружений⁴⁰.

У. Беннет также подверг критике используемое авторами законопроекта противопоставление товаров «военного» и «невоенного» назначения. Он обратил вни-

мание на тот факт, что современное электронное оборудование и компьютеры, формально подпадающие под категорию «мирных» товаров, могут применяться в производстве самой разной продукции, в том числе и военного назначения⁴¹. Именно этот сенатор внёс единственную концептуальную поправку, которая дублировала принятые ранее Палатой представителей поправки конгрессмена Г. Брауна (см. выше). Данная поправка не получила поддержки большинства («против» — 44, «за» — 34)⁴². После одобрения технической поправки У. Мондейла, присвоившей законопроекту S.2696 номер его аналога из Палаты представителей — H.R. 4293 (тем самым обеспечивался запуск согласительных процедур между палатами), сенаторы перешли в завершающему этапу голосования, увенчавшемуся победой предложенного законопроекта (49 — «за», 24 — «против»)⁴³. Таким образом, администрация Никсона осенью 1969 г. столкнулась сразу с двумя конфликтующими версиями обновлённого законопроекта об экспортном контроле (более либеральной в Сенате и более умеренной в Палате представителей), в то время как программный документ, одобренный президентом в мае того же года, вообще не предполагал законодательных изменений в данной сфере.

В кулуарных беседах лояльные курсы администрации законодатели (сенаторы У. Беннет, Дж. Тауэр, конгрессмен-республиканец из Нью-Джерси Уильям Уидналл) настоятельно советовали представителям администрации внести компромиссные поправки в законопроект, чтобы избежать победы либеральной версии У. Мондейла и Э. Маски. Министерством торговли был разработан пакет таких изменений, которые предусматривали сохранение экспортного контроля только над товарами, оказывающими влияние на военный потенци-

³⁸ CR. Vol. 115. P. 31001, 31004.

³⁹ Ibid. P. 31009–31013.

⁴⁰ Ibid. P. 31015.

⁴¹ Ibid. P. 31010.

⁴² Ibid. P. 31008, 31016–31017.

⁴³ Ibid. P. 31019.

ал других государств и установление в качестве цели торговли защиту в равной степени американской экономики и национальной безопасности. Киссинджер поддержал данную идею, однако параллельно разработанные министерством проекты либерализации контрольных списков были им отвергнуты⁴⁴.

Созданный в начале ноября 1969 г. по итогам работы согласительной комиссии проект закона и по букве, и по духу был гораздо ближе к варианту Сената, чем к умеренному варианту Палаты представителей. В текст были внесены косметические изменения, предложенные администрацией, но нормы ключевого раздела 4, в котором перечислялись полномочия и обязанности властных органов, обуславливали общий либеральный характер документа. Статья 4b предусматривала, что товары и технологии, доступные для покупки в других государствах, могут быть предметом экспортного контроля *только в случае прямого решения президента, посчитавшего экспорт таких наименований угрозой национальной безопасности и представившего Конгрессу соответствующий доклад*. Иными словами, базовый принцип старого закона — экспортируется только то, что прямо разрешено — предполагалось заменить на его противоположность — не экспортируется то, что прямо запрещено. Статья 4a обязывала министерство торговли *оперативно пересматривать списки экспортного контроля, удалять из них наименования, экспорт которых не вносит существенный вклад в военный потенциал других государств, и регулярно предоставлять отчёт Конгрессу*⁴⁵.

В Сенате компромиссный вариант законопроекта был утверждён без лишних вопросов, однако Палата представителей при рассмотрении 10 декабря 1969 г. ноябрьской версии документа её отвергла.

Республиканцы У. Уидналл, Г. Браун, Д. Латта, Б. Блэкбёрн подвергли резкой критике новую редакцию статьи 4b и ряд других формулировок за излишнюю вольность, неприемлемую в вопросах национальной безопасности⁴⁶. Палата представителей одобрила предложенную Г. Брауном формулировку, которая немного смягчала радикализм пункта 4b, согласно которой президент был обязан принимать решение о запрете экспорта при наличии угроз национальной безопасности и благополучию Соединённых Штатов, «принимая во внимание» доступность товаров в государствах, с которыми «у США есть договорные обязательства в сфере обороны»⁴⁷. Такой вариант уже не устраивал сенаторов, и через пять дней они отклонили проект с поправкой Брауна⁴⁸.

Ситуация складывалась парадоксальная: и администрация, и большинство законодателей сходились на том, что новый нормативный акт должен либерализовать экспортный контроль (как минимум, на уровне общих целей и принципов), обеспечить отход от прежних суровых ограничительных практик и при этом сохранить решающие полномочия президента в данной сфере, но принятие законодательного решения затянулось. Имевшиеся расхождения не носили программного характера, в силу чего выход из тупика был найден достаточно быстро. Уже 23 декабря 1969 г. на рассмотрение палат был представлен обновлённый вариант законопроекта, разработанный согласительной комиссией. Теперь новая формулировка статьи 4b предусматривала возможность президентского запрета на экспорт в случае угроз национальной безопасности и при условии предоставления соответствующей информации Конгрессу в ежеквартальном отчёте, но без какой-либо оглядки на доступность товаров в иных странах.

⁴⁴ FRUS, 1969 — 1976. Vol. IV. P. 797–798.

⁴⁵ CR. Vol. 115. P. 34289–34290.

⁴⁶ Ibid. P. 38079–38080, 38100–38102.

⁴⁷ Ibid. P. 38105.

⁴⁸ Ibid. P. 39205.

В итоговом варианте главными целями политики провозглашались «*поощрение торговли со всеми странами, с которыми США состоят в дипломатических или торговых отношениях*», а также «*ограничение экспорта товаров и технологий, вносящих существенный вклад в военный потенциал любого другого государства или государств, способных навредить национальной безопасности США*». Кроме того, сохранялись полномочия министерства торговли по регулярному пересмотру контрольных списков, предусматривалось сокращение затрат экспортёров при прохождении процедур лицензирования и их обязательное информирование об основаниях отказа в выдаче лицензии⁴⁹. В тот же день законопроект был окончательно утверждён обеими палатами, а 30 декабря президент Никсон подписал принятый Конгрессом «Закон о регулировании экспорта» (*Export Administration Act of 1969*).

Контроль за экспортом и практика «увязки»

Главным бенефициаром завершившейся законодательной эпопеи следует признать американскую администрацию. Обновлённое законодательство не давало и даже не обещало Советскому Союзу и его союзникам слишком многого в сфере торговли, обеспечивая Р. Никсону и Г. Киссинджеру пространство для манёвров в рамках тактики «увязки». Основные рычаги принятия решений по экспортным делам оставались в руках президента, что позволяло — пусть и не всегда напрямую — ставить благоприятный исход того или иного контакта между американскими фирмами и социалистическими странами в зависимость от нужного Соединённым Штатам поведения.

Яркой иллюстрацией тактики «увязки» стала несостоявшаяся сделка между Совет-

ским Союзом и *Ford Motor Company*, которую предполагалось привлечь в качестве одного из ключевых подрядчиков строительства Камского автомобильного завода. Весной 1970 г. Генри Форд-мл. объявил о намерении присоединиться к советскому проекту, не имея на руках оформленного соглашения с советской стороной, но почти сразу же оказался под давлением администрации Никсона и вскоре был вынужден отказаться от своих намерений [Mastanduno 1992: 145]. Негативное отношение исполнительной власти к устремлениям Форда вытекало из общего состояния советско-американских отношений. На тот момент значимых прорывов ни в ограничении стратегических вооружений, ни в переговорном процессе по Вьетнаму не наблюдалось. Когда в октябре 1970 г. министр иностранных дел А.А. Громыко на встрече с Р. Никсоном констатировал наличие «почти вакуума» в двусторонней торговле, президент США в ответ заметил, что «за улучшением наших политических отношений последует и рост торговли». При этом он отдельно отметил, что американская сторона «готова изучить способы расширения торговли между нами»⁵⁰.

Достигнутый в мае 1971 г. прорыв в переговорах по ОСВ дал американскому руководству основания для смягчения своей позиции по торговым вопросам. 24 мая Г. Киссинджер проинформировал советского посла А.Ф. Добрынина о санкционировании Р. Никсоном ранее отложенной сделки по поставке в СССР автомобильно-строительного оборудования фирмой *Gleason Gear*, выдаче разрешения на продажу металлообрабатывающих станков на 200 млн долларов, а также о согласии на продажу Великобританией высокопроизводительных ЭВМ для советских физиков⁵¹. 10 июня Вашингтон официально заявил об ослаблении ограничений для про-

⁴⁹ CR. Vol. 115. P. 40982–40984.

⁵⁰ FRUS, 1969–1976. Vol. XIII. Soviet Union (October 1970 – October 1971). Washington, D.C.: US GPO, 2011. P. 90

⁵¹ Ibid. P. 679; Советско-американские отношения. Годы разрядки. Т. 1. Кн. 1. 1969–1971. М.: Международные отношения, 2007. С. 472.

даже некоторых нестратегических товаров в КНР, также приостановив в отношении СССР и стран Восточной Европы действие правила о доставке не менее 50% грузов зерна на американских судах⁵².

Новый виток либерализации торговли с соцлагерем затронул не только практику лицензирования, но и проблемы кредитования торговых сделок. Хотя одобренное Р. Никсоном в марте 1971 г. решение СНБ (NSDM 99) подразумевало, что администрация откладывает на неопределённый срок решения по дальнейшей либерализации торговли в части режима РНБ и кредитов Экспортно-импортного банка, в том же документе оговаривалось, что противодействие возможным инициативам Конгресса по этим вопросам должно осуществляться «очень сдержанно»⁵³.

В апреле 1971 г. Сенат оперативно рассмотрел и принял законопроект S.581 (67 — «за, 1 — «против»), вносивший ряд важных изменений в базовый закон 1945 г. об Экспортно-импортном банке США (продление полномочий до июня 1976 года, увеличение капитала, освобождение операций банка из-под действия ежегодных лимитов федерального бюджета и проч.). Была удалена из текста закона и поправка Фино 1968 года, безальтернативно запрещающая предоставление кредитов странам, торгующим с Северным Вьетнамом. В отличие от чисто финансовых и бюджетных аспектов законопроекта, эта мера не вызвала у сенаторов жарких дискуссий или попыток внести поправки⁵⁴.

В Палате представителей, рассмотревшей законопроект через три месяца, законодательный процесс пошёл по иному сценарию. В разгар дебатов конгрессмен-республиканец от штата Огайо Чалмерс Уайли предложил внести изменение, возвращающее поправку Фино в текст законопроекта. Аргументация конгрессмена

не несла в себе принципиальных новаций: он и его единомышленники указывали на недопустимость тратить деньги американских налогоплательщиков на финансирование торговли стран, помогающих врагу Соединённых Штатов — Северному Вьетнаму. Оппоненты Ч. Уайли, в свою очередь, обратили внимание, что законопроект предусматривал дискреционные полномочия президента на отказ в предоставлении кредитов банкам странам, помогающим противникам Вашингтона. Вместе с тем многих законодателей смущала неопределённость и двойственность выступлений представителей банка и администрации по вопросу поправки Фино на слушаниях в профильном комитете, из которых нельзя было понять, поддерживают они отмену поправки или нет. В итоге предложение Уайли получило поддержку большинства депутатов: «за» — 207 голосов, «против» — 153⁵⁵.

Решение Палаты представителей, формально не противоречившее директиве NSDM 99, стало предметом обеспокоенности среди сторонников дальнейшей либерализации торгового законодательства в правительственных кругах. В этой связи министр торговли М. Стэнс даже направил лидеру страны специальный меморандум, в котором предлагал в частном порядке известить членов согласительной комиссии и видных республиканских деятелей в Палате представителей, что администрация поддерживает удаление поправки Фино из законопроекта⁵⁶. Имеющиеся источники не позволяют судить, как Р. Никсон и Г. Киссинджер отнеслись к инициативе министра, но отредактированный согласительной комиссией вариант, направленный несколько дней спустя в обе палаты Конгресса, данную поправку уже не содержал. Именно в такой редакции он и был одобрен сенаторами и конгрессменами в авгу-

⁵² Department of State Bulletin. June 28, 1971. P. 815–817.

⁵³ FRUS, 1969–1976. Vol. IV. P. 840.

⁵⁴ CR. Vol. 117. Washington, D.C.: US GPO, 1971. P. 9668–9716.

⁵⁵ Ibid. P. 23936–2394.

⁵⁶ FRUS, 1969–1976. Vol. IV. P. 867–868.

сте и подписан президентом в начале сентября 1971 года⁵⁷.

После исторического визита Р. Никсона в Москву в мае 1972 года, зафиксировавшего выход разрядки в двусторонних отношениях на качественно иной уровень, сложились предпосылки для более глубокой трансформации нормативной базы развития торгово-экономических связей двух сверхдержав. Длившийся несколько месяцев процесс переговоров увенчался в октябре 1972 г. подписанием двух взаимосвязанных документов – торгового соглашения, предусматривающего взаимное предоставление РНБ, и соглашения об урегулировании ленд-лиза, взаимной помощи и претензий, установившего окончательную сумму советского долга за поставки ленд-лиза и порядок расчётов по ним⁵⁸.

В соответствии со взятыми США обязательствами должны были последовать соответствующие законодательные шаги со стороны администрации Никсона, которые почти сразу же оказались под угрозой срыва из-за поправки, внесённой к торговому законопроекту сенатором Генри Джексоном. Поддержанная несколькими десятками сенаторов и продублированная в Палате представителей Чарльзом Вэником, она предполагала установление запрета на предоставление РНБ государствам, ограничивающим право своих граждан на свободную эмиграцию. Под формулировки поправки Джексона–Вэника подпадал достаточно широкий круг стран с рыночной экономикой, но авторы инициативы не скрывали, что направлена она была против СССР, ограничивавшего право советских евреев на эмиграцию в Израиль [Юнгблуд, Ильин 2020: 10–11].

Советская сторона, болезненно воспринимавшая эту инициативу как вмешательство в свои внутренние дела, тем не менее согласилась на некоторые уступки в вопросе эмиграции. Закулисный торг с участием Г. Киссинджера, советских ди-

пломатов, Г. Джексона и его сторонников длился почти два года. В незначительно смягчённом виде поправка Джексона–Вэника всё равно была принята сначала Палатой представителей (декабрь 1973 года), а потом и Сенатом (декабрь 1974 года). Параллельно в законодательство об Экспортно-импортном банке было внесено изменение, которое ограничивало предельный объём кредитов и гарантий, предоставляемых правительственными организациями Соединённых Штатов для торговли с Советским Союзом, до 300 млн долларов. В ответ Москва денонсировала октябрьские соглашения 1972 г. по торговле и ленд-лизу.

Поправка Джексона–Вэника серьёзно омрачила политические отношения между двумя государствами, по сути обозначив переход от «высокой разрядки» к её нисходящей стадии [Юнгблуд, Ильин 2020: 16–30, 34]. Серьёзный, пусть и не фатальный, удар был нанесён по развитию двусторонней торговли, которая в середине 1970-х годов по инерции демонстрировала неплохие показатели (2,3 млрд долларов оборота в 1976 г. против 1,19 млрд в 1973 году). Вместе с тем положительные тенденции во многом основывались на сделках, оформленных до инициативы двух американских законодателей, а также на соглашении о поставках зерна 1975 года [Funigiello 1988: 189].

Сама по себе история с принятием поправки свидетельствовала о том, что у политики разрядки в Вашингтоне много противников и они готовы сделать всё возможное, чтобы не допустить нормализации отношений на основе взаимного признания РНБ. В интервью 2009 г. Киссинджер, комментируя обстоятельства трёхсторонних переговоров на эту тему, отмечал, что «люди Джексона», несмотря на в целом компромиссный настрой советской стороны и представителей администрации Никсона, на всём протяжении дебатов выдвигали заведомо неприемлемые и

⁵⁷ CR. Vol. 117. P. 28809–28810, 28892–28895, 29795, 30889.

⁵⁸ Department of State Bulletin. November 20, 1972. P. 595, 604.

невыполнимые требования, потому что на самом деле им «не нужны были соглашения, им нужны были проблемы»⁵⁹.

Несмотря на провал попытки распространить на СССР РНБ, заложенный осенью 1969 г. вектор на либерализацию политики экспортного контроля сохранялся до конца 1970-х годов. Действие базового закона несколько раз продлевалось, и в него вносились новеллы, большая часть которых подразумевала дальнейшее смягчение экспортных ограничений — через изменение целевых формулировок, процедур или полномочий властных органов. В редакции 1972 г. министерство торговли уполномочивалось отменять односторонний экспортный контроль над товарами, «доступными без ограничений из источников за пределами США в значительных количествах и сравнимых по качеству с теми, которые производятся в Соединённых Штатах». Одна из поправок 1974 г. устанавливала 90-дневный срок рассмотрения заявлений экспортёров на выдачу лицензии и обязывала власти в случае нарушения сроков информировать заявителя о причинах задержки и приблизительном времени принятия решения [Technology and East-West trade 1979: 118, 119].

В перечне внесённых поправок были и такие, которые отражали обеспокоенность членов Конгресса возможными рисками для национальной безопасности США вследствие слишком «либеральной» торговли с коммунистическими государствами. В частности, в 1974 г. министр обороны был уполномочен рассматривать весь экспорт в коммунистические страны и рекомендовать президенту запретить ту или иную сделку, если она будет значительно увеличивать военный потенциал государств, способных нанести вред национальной безопасности страны [Technology and East-West Trade 1979: 120]. Следует

отметить, что в данном случае законодатели нормативно оформляли процедуры, которые фактически использовались и ранее. С первых же недель пребывания в Белом доме Р. Никсона установилась практика тесного взаимодействия министров обороны и советников президента по науке, на которых обсуждались научно-технические параметры военных разработок Соединённых Штатов и всевозможные меры по защите государственных секретов в этой области, включая контроль за внешней торговлей⁶⁰. В последующие годы такая практика стала постоянной.

Пакет поправок 1977 г. ещё больше расширил перечень процедурных прав заявителей: им предоставили возможность давать дополнительные письменные объяснения и комментарии по поводу информации, указанной в заявлении, знакомиться с документацией при межведомственном рассмотрении заявок, получать письменные объяснения при отказе в выдаче лицензии. К тому же в 1977 г. с целью повысить гибкость контроля за экспортом товаров и технологий в «политический» раздел закона были добавлены формулировки, сдвигавшие акценты с общественного строя государств—получателей американской продукции на характер товаров и технологий, а также на общую политику конкретного государства в отношении Вашингтона и его поведение в вопросах реэкспорта [Technology and East-West trade 1979: 120–121]. К числу важных новелл 1977 г. относилось положение, согласно которому министерство обороны было официально уполномочено решать, какие именно экспортные случаи должны стать предметом его рассмотрения, руководствуясь при этом целью исключить саму возможность продажи или трансфера изделий или технологий, которые оценивались как критические с точки зрения сохранения

⁵⁹ Gerald R. Ford Oral History Project. Henry Kissinger Interviewed by Richard Norton Smith [Электронный ресурс] // Gerald Ford Foundation. 8 April 2009. URL: <https://geraldrfordfoundation.org/centennial/oralhistory/henry-kissinger/> (accessed: 02.08.2023).

⁶⁰ Oral history interview transcript with Lee DuBridge on 14 February 1986 [Электронный ресурс] // American Institute of Physics, Niels Bohr Library & Archives. URL: <https://www.aip.org/history-programs/niels-bohr-library/oral-histories/4582> (accessed: 02.08.2023).

американского превосходства в военной области. В случае запрещения министерством обороны экспорта конкретных наукоёмких изделий и критических технологий только президент имел достаточные полномочия для их отмены, но и он должен был объяснить свои действия Конгрессу. Одновременно с этим Государственному департаменту было предписано устанавливать границы допустимой открытости для технологий и научной информации. Отныне экспортный контроль США фокусировался на уникальных характеристиках изделий и информации, а не на их коммерческих спецификациях [Chapman 2013: 69–70, 109–111].

Закон об управлении экспортом 1979 года

С приходом в январе 1977 г. в Белый дом администрации Дж. Картера заметно сместились как акценты в повестке двусторонних отношений, так и общий тон советско-американского диалога. В ноябре 1977 г. президент обращался в Конгресс с просьбой отредактировать поправку Джексона–Вэника таким образом, чтобы глава исполнительной власти получил возможность ежегодно вносить изменения в режим торговых взаимоотношений с зарубежными государствами на основании актуальных данных о соблюдении в них прав человека, включая свободу на выезд из страны, позволяющие последовательно снимать имеющиеся ограничения. Конгресс не поддержал инициативу исполнительной власти. Хотя к тому времени численность советских евреев, получивших разрешение на выезд из страны, по сравнению с «пиковым» 1973 г. снизилась почти в два раза, новую администрацию подвергли критике за намерение «похоронить права человека ради выгод советско-американской торговли» [Sheh 2008: 140].

За пределами проблематики прав человека внешнеэкономическая программа демократов существенных отклонений от намеченных ранее магистральных линий не имела. В середине декабря во время пресс-конференции на вопрос, не собирается ли администрация менять правила торговли с коммунистическими странами, Дж. Картер ответил, что любые изменения в этой сфере будут зависеть от общей политической ситуации, и добавил, что правительство США «постоянно оценивает целесообразность сохранения административных ограничений во внешней торговле», но отказываться от этой практики применительно к государствам, которые подобно Советскому Союзу являются потенциальными противниками», оно не намерено⁶¹. Возвращение в официальный политический дискурс концепта «потенциальный противник» было симптоматичным, тем более что тремя месяцами ранее в специальном выступлении по внешнеэкономическим проблемам президент подчеркнул важность усиления экспортного контроля с точки зрения достижения общих внешнеполитических целей и сообщил, что уже дал поручение министерству обороны постоянно работать над этой проблемой в сотрудничестве с Государственным департаментом, министерствами торговли, сельского хозяйства и Советом национальной безопасности⁶².

Во второй половине 1970-х годов в обеих палатах Конгресса на фоне общего спада процесса разрядки и восходящей волны дебатов о евроракетах наметилось заметное консервативное наступление. Данное обстоятельство подтверждает вывод В.И. Батюка о зависимости советско-американского торгового и научно-технического сотрудничества от «перепадов политической атмосферы» [Батюк 2018: 193].

⁶¹ *Carter J.* The President's News Conference of December 12, 1978 [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-1008> (accessed: 04.12.2022).

⁶² *Carter J.* United States Export Policy. Statement by the President [Электронный ресурс] // The American Presidency Project. 26 September 1978. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/united-states-export-policy-statement-the-president> (accessed: 04.12.2022).

По мере нарастания противоречий в отношениях СССР и США усиливались алармистские настроения, которые выражались в законодательных инициативах по ужесточению мер экспортного контроля. Внесённый в сентябре 1978 г. в Палату представителей конгрессменом-республиканцем от штата Калифорния Робертом Дорнано законопроект H.R. 14085 «О запрете передачи технологий» констатировал неспособность существующих экспортных процедур предотвратить передачу важнейших технологий Советскому Союзу, КНР и социалистическим странам Восточной Европы и поэтому предусматривал существенное ограничение экспорта товаров и технологий, способных «внести какой-либо вклад в военный или экономический потенциал» государств, несущих угрозу национальной безопасности Соединённых Штатов. Такие расширительные формулировки, по сути, предполагали возврат американской экспортной политики к настройкам конца 1940-х годов. Инициатива Дорнана была отвергнута профильным комитетом, однако уже в марте 1979 г. он при поддержке более чем двух десятков коллег внёс новый законопроект H.R. 3216 «О реформе управления экспортом», предусматривавший передачу существенного объёма функций и полномочий в сфере экспортного контроля от министерства торговли министерству обороны, а также запрет экспорта «любой критически важной технологии или критически важного товара в любую контролируемую страну». Конгрессу планировалось дать право отменять решения президента о разрешении экспортных сделок, принятые на основании доступности аналогичных товаров в третьих странах [Technology and East-West trade 1979 : 122]

Тем не менее инициативы Дорнана и его единомышленников не стали основой для законодательных действий Конгресса. В Сенате предметом для редакционной

работы Комитета финансов и дальнейших дебатов стал законопроект S.737, инициированный демократом Эдлаем III Стивенсоном от штата Иллинойс и республиканцем Генри Хайнцем от штата Пенсильвания в марте 1979 года. Предложенный сенаторами документ продолжал обозначившуюся в предыдущие годы линию на поиск оптимального баланса между интересами внешней торговли и приоритетами национальной безопасности Соединённых Штатов и сохранял высокую степень преемственности с текстом 1969 г. на уровне базовых принципов и целей. В качестве ведущих приоритетов законопроектом провозглашались «минимизация неопределённости в политике экспортного контроля и поощрение торговли со всеми странами, с которыми у США есть дипломатические или торговые отношения». Сохранялся ключевой критерий использования экспортных ограничений — «значительный вклад в военный потенциал любого другого государства или государств, способных угрожать национальной безопасности США». Сохранялось дискреционное полномочие президента вводить экспортный контроль в отношении поставок товаров без учёта критерия их доступности в других странах, но теперь *оговаривалось, что президент в таких случаях должен вступать в переговоры с правительствами других государств на предмет устранения такого доступа*⁶³.

Ключевую роль в системе экспортного контроля законопроект закреплял за министерством торговли — за ним оставались составление и редактирование контрольных списков, а также выдача лицензий. Появлялись и новшества: устанавливалась обязательная периодичность пересмотра списков (в рамках КОКОМ — не реже раза в три года, списки одностороннего контроля — ежегодно), вводилась новая разновидность разрешительных документов — квалифицированная генеральная лицензия

⁶³ CR. Vol. 125. P. 19176–19177. В силу этого одним из завершающих пунктов с октября 1979 г. прекращалось действие «Закона Бэттла» 1951 г. (CR. Vol. 125. P. 19182).

(могла выдаваться не только на отдельный вид товаров или технологий, но на целый их класс с указанием грузополучателя и целей использования предмета экспорта), впервые в общем экспортном законодательстве давалась трактовка понятию «технология», определялись консультативные полномочия министерства обороны при редактировании списков и лицензировании⁶⁴. По сравнению со старой версией закона предложенная редакция содержала гораздо более подробную регламентацию всех процедур, сроков, документов и исключений из общих норм.

В ходе однодневных дебатов, развернувшихся 21 июля 1979 года, членами Сената был согласован ряд косметических и процедурных поправок. К примеру, было уточнено понятие «*товары и технологии, критически важные для военных систем*» (их трансферу предполагалось противодействовать в приоритетном порядке), а также конкретизированы требования к оценке доступности товаров и технологий из альтернативных источников. Законопроект был утверждён уверенным большинством голосов (74 — «за», 3 — «против»)⁶⁵.

Обсуждение аналогичного по содержанию законопроекта Н.Р. 4034 в Палате представителей из-за каникул Конгресса растянулось с конца июля до конца сентября 1979 года. В ходе дебатов конгрессменами было предложено несколько десятков поправок самого различного содержания: от уточняющих отдельные процедуры до лоббирующих интересы той или иной отрасли американской экономики. Для характеристики умонастроений американских законодателей осенью 1979 г. весьма показательной следует считать поправку демократа от штата Миссури Ричарда Айкорда, которая вместо обтекаемых формулировок Сената (см. предыдущий абзац) вводила понятие «*критических военных*

технологий» и наделяла министра обороны приоритетными полномочиями по определению их перечня. Инициатива Айкорда, в отличие от множества других поправок, получила поддержку впечатляющего большинства конгрессменов (273 — «за», 145 — «против»)⁶⁶.

Принятый Палатой представителей 25 сентября вариант законопроекта отличался от его сенатского аналога, что требовало формирования согласительной комиссии. Компромиссный вариант документа был сформирован на базе версии, одобренной Сенатом, но поправка Айкорда сохранилась в неизменном виде⁶⁷. Итоговый вариант Палата представителей рассмотрела 28 сентября 1979 г. и уже без продолжительных дебатов приняла подавляющим большинством голосов конгрессменов (321 — «за», 19 — «против»). На следующий день «Закон о регулировании экспорта 1979 года» был подписан президентом Дж. Картером⁶⁸.

Закон 1979 г. в целом сохранял заданный за десять лет до этого тренд на смягчение нормативных ограничений в торговле с социалистическими государствами, оставляя в руках президента существенные полномочия. Именно эти полномочия стали правовой базой для ряда санкций, инициированных администрацией в начале января 1980 г. в ответ на ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан (в частности, эмбарго на продажу кормового зерна и на поставки высоких технологий) [Garthoff 1994: 966–982].

* * *

Преобладающей тенденцией развития внешнеторгового законодательства США в условиях разрядки стала его частичная либерализация: был заметно облегчён порядок осуществления экспортных операций при торговле с государствами социалис-

⁶⁴ CR, Vol. 125. P. 19177–1978, 19182.

⁶⁵ Ibid. P. 20017–20027.

⁶⁶ Ibid. P. 24040–24041, 24046–24047.

⁶⁷ Ibid. P. 26594–26609.

⁶⁸ Ibid. P. 26817, 27267.

тического лагеря, устранён прямой запрет на использование средств Экспортно-импортного банка в торговле с Востоком, предпринята попытка распространить на государства социалистического выбора режим наибольшего благоприятствования, которая уже в 1974 г. практически в отношении СССР была нормативно нейтрализована.

На рубеже 1960-х – 1970-х годов сенаторы и конгрессмены, находясь под лоббистским воздействием бизнес-сообщества, стремившегося к наращиванию экспорта на новые рынки, зачастую занимали более решительную, чем правящая администрация, позицию в вопросе смягчения или отмены существующих ограничений в торговле. Вместе с тем масштаб общего тренда на либерализацию законодательства не следует переоценивать. *Во-первых*, команды Никсона, Форда и Картера, в большей или меньшей степени отталкиваясь от принципа *quid pro quo*, осознанно стремились не делать заранее слишком много уступок в диалоге с Москвой, чтобы не лишать себя инструментов воздействия на поведение Советского Союза. *Во-вторых*, коммерческий импульс в действиях законодателей даже на восходящей стадии разрядки уравнивался с соображениями национальной безопасности. Москва и её политика по-прежнему воспринимались как угроза американским интересам, в силу чего развитие торгово-экономических связей не должно было усиливать военный потенциал главного соперника. *В-третьих*, история поправки Джексона–Вэника убедительно продемонстрировала, что в Конгрессе сохранялось достаточно большое число оппонентов разрядки, способных на фоне временного ослабления президентской власти из-за Уотергейтского скандала и с опорой на привлекательную для американской публики риторику о нарушении прав человека свести на нет либеральные инициативы в области торговли.

Один из активных участников законодательного процесса 1970-х годов, Дж. Бинг-

хэм, отмечал, что, разрабатывая обновлённый вариант регулирования внешней торговли и контроля за экспортом, конгрессмены и сенаторы должны были принимать решения, касавшиеся коммерческих операций и трансфера в высокотехнологичных сферах, не имея для этого достаточного объёма надёжных сведений. При этом они зачастую оперировали эмоциональными аргументами, выдвигавшими в пылу полемики по поводу советских диссидентов, и постоянно ощущали атмосферу постепенного скатывания медийного и официального политического дискурса к риторике «холодной войны» [Bingham 1980: 89, 92]. О другой стороне этого процесса Дж. Бингхэм умалчивает. Дебаты в Конгрессе по внешнеэкономической проблематике в 1970-е годы формировали заметную часть этого дискурса, а поправка Джексона–Вэника создавала действенный механизм избирательного отношения к торговле с СССР, обеспечивая дифференцированное и весьма рациональное использование рестрикционных рычагов для ослабления позиций Советского Союза в рамках социалистической системы.

По мере того как в отношениях Москвы и Вашингтона нарастали противоречия, в Конгрессе усиливалось насторожённое отношение к либеральному порядку торговли с Востоком, в 1978–1979 годах были предприняты попытки ужесточить нормативную базу внешней торговли. Принятый в сентябре 1979 г. Закон об экспортном контроле стал своего рода мостом между эпохой разрядки и новым витком «холодной войны». С одной стороны, он продолжил десятилетний тренд на сравнительно свободный порядок экспорта. С другой – по-прежнему обеспечивал для исполнительной власти свободу манёвра и возможность использования экономической дубинки в случае плохого поведения советской стороны. Такая возможность представилась уже через три неполных месяца после вступления закона в силу.

Список литературы

- Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.) Свидетельство современника. М.: Международные отношения, 1991. 400 с.
- Батюк В.И. Холодная война между США и СССР (1945–1991). Очерки истории. М.: Весь Мир, 2018. 336 с.
- Егорова Н.И. Понятие «разрядка» в 1950-е годы: советская и западная интерпретации // Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы (сборник статей) / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян: В 2 т. Т. I. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2003. С. 64–90.
- Кременюк В. Уроки холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2015. 319 с.
- Липкинд М.А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х — конец 1960-х годов. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 560 с.
- Печатнов В.О. Как иначе могла закончиться холодная война? // Окончание холодной войны в восприятии современников и историков: 1985 — 1991 / Под ред. О.В. Павленко, В.И. Журавлёвой. М.: РГГУ, 2021. С. 65–77.
- Печатнов В.О. Soviet-American Relations through the Cold War // История и политика / В.О. Печатнов. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 361 — 376.
- Черкасов П.П. ИМЭМО. Очерк истории. М.: Весь Мир, 2016 г. 872 с.
- Юнгблюд В.Т., Ильин Д.В. Поправка Джексона—Вэника и развитие советско-американских отношений в 1972–1975 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. № 2. С. 7–39.
- Bingham J.B. The Export Administration Act of 1979: A Congressional Perspective // Proceedings of the ASIL Annual Meeting. 1980. Vol. 74. P. 88–94.
- Chapman B. Export Controls: A Contemporary History. Washington, DC: University Press of America, 2013. 430 p.
- Encounters with Kennan. The Great Debate : George Kennan, Leopold Labedz, Melvin J. Lasky, Richard Lowenthal, Richard Pipes, Hugh Seton-Watson, George Urban. London, Frank Cass and Company Ltd., 1979. 218 p.
- Funigiello P. American-Soviet Trade in the Cold War. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1988. 357 p.
- Gaddis J.L. The Long Peace: Inquiries into the History of the Cold War. N.Y.: Oxford U. P., 1987. 332 p.
- Garthoff R. Détente and Confrontation. American-Soviet Relations from Nixon to Reagan. Washington: The Brookings Institution, 1994. 1147 p.
- Hanhimäki J. The rise and fall of détente: American foreign policy and the transformation of the Cold War. Washington, D.C., Potomac Books, 2013. 274 p.
- Jackson I. The Economic Cold War: America, Britain and East-West Trade, 1948–63. London: Palgrave Macmillan, 2001. 239 p.
- Kissinger H. White House Years. Boston: Little Brown & Co., 1979. P. 1521.
- Kieninger S. Dinamic Détente: the United States and Europe, 1964 — 1975. Lanham: Lexington Books, 2016. 356 p.
- Loth W. Overcoming the Cold War: a history of détente, 1950 1991. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2002. 255 p.
- Loth W. Détente and the overcoming of the Cold War // Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы (сборник статей) / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян: В 2 т. Т. II. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2003. С. 9–25.
- Mastanduno M. Economic Containment: CoCom and Politics of East-West Trade. Ithaca: Cornell University Press, 1992. 353 p.
- Pipes R. U.S. — Soviet relations in the Era of Détente. Boulder: Westview Press, 1981. 227 p.
- Saull R. Rethinking theory and history in the Cold War: the state, military power and social revolution. London: Frank Cass Publishers, 2001. 238 p.
- Sheh I.N. The Future Almost Arrived: How Jimmy Carter Failed to Change U.S. Foreign Policy. N.Y.: Peter Lang, 2008. 372 p.
- Technology and East-West trade. Washington, D.C.: US GPO, 1979. 303 p.
- The Long Détente: changing concepts of security and cooperation in Europe, 1950s–1980s / Ed. by O. Bange, P. Villaume. Budapest: Central European University Press, 2017. 358 p.

DEBATE AROUND U.S. FOREIGN TRADE LEGISLATION AS AN ELEMENT OF DÉTENTE IN SOVIET-AMERICAN RELATIONS (1969–1979)*

VALERY YUNGBLYUD
DMITRIY ILYIN

Vyatka State University, Kirov, 610000, Russia

Abstract

Détente in Soviet-American relations throughout the 1970s was a complex and multifaceted process. The interaction of the two states as regards foreign trade, technology transfer and scientific exchanges was an important part of it. On the one hand, according to some détente ideologists, a critical mass of commercial ties along with scientific and technological projects established in accordance with the tenets of equality and mutual benefit could have created conditions for overcoming the Cold War and maintaining peaceful coexistence in the foreseeable future. At the same time, it was in the sphere of foreign trade that sharp disagreements first manifested themselves, indicating a clear-cut rift between the external political goals of the superpowers and the ability of their internal legislative systems to address these challenges. This article is devoted to reviewing the processes of transforming US foreign trade legislation during the détente period. It aims to insert this track into the pattern of forming Washington's course towards the Soviet state from the late 1960s to 1979. The research draws on the documents of both chambers of Congress, revealing the content of the debate on the adoption of export regulation laws and reflecting the views on this issue that existed at that time. The digital documents of the US State Department and Presidents R. Nixon and J. Carter are used to reflect their attitude vis-à-vis trade matters. It is shown how the executive and legislative branches interacted when updating the regulatory framework of foreign trade. The conclusion holds that while maintaining the general liberal vector in drafting foreign trade laws, they have always contained control standards for high-tech products export to socialist countries aimed at curbing scientific and technological progress in the USSR. As a result, the economic, scientific and technical foundation of détente in Soviet-American relations remained feeble and proved inadequate for preventing the confrontational recession in the early 1980s.

Key words:

Cold War; détente; export control; most favored nation; Soviet-American relations; US Congress.

References

- Arbatov G.A. (1991) *Zatyanyuvsheesya vyzdorovlenie (1953–1985 gg.). Svidetel'stvo sovremennika* [Prolonged recovery (1953–1985 gg.) The contemporaries' testimony]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991. 400 c.
- Bange O., Villame P. (eds) (2017). *The Long Détente: changing concepts of security and cooperation in Europe, 1950s – 1980s*. Budapest: Central European University Press. 358 p.
- Batyuk V. I. (2018). *Kholodnaya vojna mezhdu SSHA i SSSR (1945–1991). Ocherki istorii*. [The Cold War Between the USA and the USSR (1945–1991). History Essays]. Moscow: Ves' Mir. 336 p.
- Bingham J. B. (1980). *The Export Administration Act of 1979: A Congressional Perspective*. Proceedings of the ASIL Annual Meeting. Vol. 74. P. 88–94.
- Chapman B. (2013). *Export Controls: A Contemporary History*. Washington, DC: University Press of America. 430 p.

* The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-28-01876, <https://rscf.ru/en/project/22-28-01876/>

- Cherkasov P.P. (2016) *IMEMO. Ocherk istorii*. [Essay on IMEMO History]. Izdatel'stvo «VES MIR, Moscow». 872 p.
- Encounters with Kennan (1979). The Great Debate : George Kennan, Leopold Labedz, Melvin J. Lasky, Richard Lowenthal, Richard Pipes, Hugh Seton-Watson, George Urban. London, Frank Cass and Company Ltd. 218 p.
- Funigiello P. (1988). *American-Soviet Trade in the Cold War*. Chapel Hill: University of North Carolina Press. 357 p.
- Gaddis J.L. (1987) *The Long Peace: Inquiries into the History of the Cold War*. N.Y.: Oxford U. P. 332 p.
- Garthoff R. (1994). *Détente and Confrontation. American-Soviet Relations from Nixon to Reagan*. Washington: The Brookings Institution. 1147 p.
- Hanhimäki J. (2013). *The rise and fall of détente: American foreign policy and the transformation of the Cold War*. Washington, D.C.: Potomac Books. 274 p.
- Jackson I (2001). *The Economic Cold War: America, Britain and East-West Trade, 1948–63*. London: Palgrave Macmillan. 239 p.
- Kissinger H. (1979) *White House Years*. Boston: Little Brown & Co. P. 1521.
- Kieninger S. (2016). *Dinamic Détente: the United States and Europe, 1964–1975*. Lanham: Lexington Books. 356 p.
- Kremenjuk V. (2015) *Uroki kholodnoi voiny* [The lessons of the Cold War]. Moscow: ZAO Izdatel'stvo «Aspect Press», 319 p.
- Lipkin M.A. (2016). *Sovetskij Soyuz i integratsionnye protsessy v Evrope: seredina 1940-h – konets 1960-h godov* [The Soviet Union and Integration Processes in Europe: mid – 1940s – late 1960s.] Moscow.: Russkij fond sodeistvija obrazovaniju i nauke. 560 p.
- Loth W. (2002). *Overcoming the Cold War: a history of détente, 1950–1991*. N.Y.: Palgrave Macmillan. 255 p.
- Loth W. (2003). Détente and the overcoming of the Cold War. In Yegorova N. I., Chubar'ian A.O. (eds) *Kholodnaya vojna i politika razryadki: diskussionnye problemy*. V 2-x tomakh. Vol. II. M.: Institut vseobshchei istorii RAN. P. 9–25.
- Mastanduno M. (1992). *Economic Containment: CoCom and Politics of East-West Trade*. Ithaca: Cornell University Press. 353 p.
- Pechatnov V.O. (2021). Kak inache mogla zakonchit'sya kholodnaya vojna? [How Could the Cold War Have Ended Differently?]. In Pavlenko O.V., Zhuravleva V.I. (eds) *Okonchanie kholodnoi voiny v vospriyatii sovremennikov i istorikov : 1985–1991*. Moscow: RGGU. P. 65–77.
- Pechatnov B.O. (2022). Soviet-American Relations through the Cold War. In Pechatnov B.O. *Istoriya i Politika*. Moscow: Aspect Press. C. 361–376.
- Pipes R. (1981) *U.S. – Soviet relations in the Era of Détente*. Boulder, Westview Press. 227 p.
- Sheh I. N. (2008). *The Future Almost Arrived: How Jimmy Carter Failed to Change U.S. Foreign Policy*. N.Y.: Peter Lang. 372 p.
- Saull R. (2001). *Rethinking theory and history in the Cold War: the state, military power and social revolution*. London: Frank Cass Publishers. 238 p.
- Technology and East-West trade (1979)*. Washington, D.C.: US GPO, 303 p.
- Yegorova N. I. (2003). *Poniatie «razryadka» v 1950-e gody: sovetskaja i zapadnaia interpretatsii* [Détente's Conception in the 1950s: Soviet and Western Interpretations]. In Yegorova N.I., Chubar'ian A.O. (eds) *Kholodnaya vojna i politika razryadki: diskussionnye problemy*. V 2-h tomakh. Vol. I. M.: Institut vseobshej istorii RAN. P. 64–90.
- Yungblyud V.T., Ilyin D.V. (2020). Popravka Dzheksona – Venika i razvitie sovetsko-amerikanskikh otnoshenij v 1972–1975 gg. [Jackson–Vanik Amendment and Development of Soviet-American Relations in 1972–1975]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. Vol.13. No. 2. P. 7–39.

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

ЛЕГИТИМАЦИЯ ПРОЕКЦИРОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США *РОЛЬ АСИММЕТРИЧНЫХ АЛЬЯНСОВ ПОСЛЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»*

АЛЕКСЕЙ БОГДАНОВ

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Резюме

Исследователи склонны рассматривать военно-политические союзы как механизмы, позволяющие государствам выживать в условиях анархии и поддерживать необходимый для стабильности международной системы баланс сил. Между тем альянсы, в которых наличествует значительная асимметрия между лидером и остальными участниками, часто используются в качестве средства легитимации преобладающей мощи и амбициозной политики доминирующего государства. Разнообразие интерпретаций роли военно-политических альянсов порождает неопределённость с точки зрения теоретического осмысления природы международных союзов как институтов структурирования взаимодействия государств и поддержания международных порядков. В целях разработки целостного подхода к осмыслению асимметричных альянсов как инструмента проецирования влияния могущественного государства статья опирается на теорию структуризации, позволяющую преодолеть методологические ограничения, обусловленные различиями между атрибутивным и реляционным подходами к исследованию феномена власти. Автор обращается к исследованию асимметричных альянсов США в Европе (НАТО) и Восточной Азии (система двусторонних оборонных пактов) как социальных структур, включающих в себя ресурсы и правила, которые накладывают ограничения и обязательства на Вашингтон, а также поддерживают регулярные практики американской вовлечённости в региональные дела и способствуют легитимизации претензий Соединённых Штатов на гегемонию в Европе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Этот подход позволяет не только углубить понимание роли этих инструментов достижения целей Вашингтона и механизмов воспроизводства неравноправных отношений между союзниками, но также выявить присущие иерархическим соглашениям структурные противоречия, вызванные нарастающим напряжением между ресурсами и правилами, вовлечёнными в процесс проецирования и легитимации американской мощи.

Ключевые слова:

альянсы; США; легитимность; социальная структура; власть.

Согласно устоявшимся в академических кругах представлениям, военно-политические союзы имеют двоякое значение. С од-

ной стороны, они позволяют государствам выживать в условиях анархии за счёт объединения военных потенциалов и принятия

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.12.2021

Дата принятия к публикации: 28.04.2023

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: enil82@mail.ru

взаимных обязательств. Согласно этому подходу, союзы выступают в качестве механизмов поддержания силового равновесия, обеспечивающих относительную международную стабильность в условиях высокой неопределённости (например, Тройственный союз, Антанта). С другой – военно-политические альянсы нередко рассматриваются как инструменты реализации внешнеполитических стратегий могущественных держав, а также легитимации их действий и преобладающей мощи (НАТО, ОВД). Данный подход тяготеет к тому, чтобы рассматривать проекцию влияния и легитимацию мощи в качестве самостоятельных функций асимметричных альянсов [см., напр.: Истомин и Байков 2019: 37–38]. В настоящей статье автор стремится показать, что проекция влияния и легитимация власти могут представлять собой функционально взаимосвязанные процессы в рамках создаваемых могущественными державами союзов. Для достижения этой цели автор обращается к исследованию асимметричных альянсов США в Европе и в Восточной Азии как социальных структур, призванных содействовать проекции влияния Соединённых Штатов, а также легитимировать неравноправные отношения между Вашингтоном и менее могущественными государствами после завершения «холодной войны». Исследование направлено на углубление понимания природы асимметричных альянсов, а также выявление их роли с точки зрения воспроизводства властной асимметрии и институционализации выгодных для Соединённых Штатов региональных порядков.

Проблема международной легитимности и асимметричные альянсы

Могущественные государства сталкиваются с необходимостью принятия нормативных ограничений на использование своей мощи ради обеспечения международного признания того, что применение власти соответствует коллективным интересам и общим ценностям. Поскольку эти добровольные самоограничения позволяют снизить масштаб сопротивления со сто-

роны иных стран, доминирующие державы склонны принимать на себя обязательства не злоупотреблять «особыми правами» (например, право на интервенцию внутри «сфер влияния») и действовать в соответствии с правилами ими же созданного порядка [Clark 2011: 47].

Руководствующиеся подобными соображениями державы стремятся избегать злоупотреблений своим положением и формировать международные порядки, приносящие выгоды менее могущественным государствам и предусматривающие санкции для нарушителей установленных правил [Lake 2009: 93]. Тем самым они проявляют уважение к «встроенным ограничениям, наложенным на их мощь в виде правил и фундаментальных принципов» [Beetham 1991: 35] и вовлекаются в «рассредоточенные отношения взаимодействия» [Barnett, Duvall 2005: 43] с менее могущественными странами на основе общих правил и институционализированных норм. Это приводит к появлению социальных структур (отношений «патрон-клиент», «партнёрств», «особых отношений» и др.), увеличивающих автономию подчинённых субъектов [Reus-Smith 2004: 41]. Поскольку они ограничивают оппортунизм доминирующих государств посредством обязывающих соглашений, взаимных гарантий и ожиданий, а также наделяют полномочиями и относительной независимостью подчинённые государства, их роль в процессе легитимации неравноправных отношений представляется ключевой.

Вместе с тем в международных исследованиях сохраняются разногласия относительно того, как именно социальные структуры используются доминирующими державами. В частности, неореалисты рассматривают их как средства продвижения политических и экономических интересов государства-гегемона [Gilpin 1981: 9]. Сторонники либерально-институционалистского подхода делают акцент на их роли в легитимации гегемонистского международного порядка, участники которого признают его правила и принципы в качестве желаемых [Ikenberry 2006: 116].

Принципиальное различие между этими пониманиями социальных структур обусловлено двойственной природой власти, представляющей собой как «атрибут» социальных акторов, так и «отношение» господства и подчинения между ними. Первый («атрибутивный») подход делает акцент на способности одних социальных агентов использовать имеющиеся в их распоряжении ресурсы для побуждения других «действовать иначе, чем они действовали бы в ином случае» [Nye, Keohane 1971: 344]. Второй («реляционный») — рассматривает власть как отношение [Baldwin 2013: 274], основанное на практиках доминирования и субординации в соответствии с правилами, оговорёнными взаимодействующими сторонами на основе консенсуса, или навязанными властвующим субъектом в одностороннем порядке. Как следствие, концептуальное различие между атрибутивным подходом, интерпретирующем власть как ресурс, используемый для достижения целей, и реляционным подходом, утверждающим, что власть актуализируется в рамках конкретных политических отношений [Юдин 2019: 67], затрудняет исследование роли социальных структур (в том числе асимметричных альянсов) как механизмов проецирования и легитимации мощи могущественных держав.

Формированию более широкого понимания, опирающегося на идеи как атрибутивного, так и реляционного подхода, может способствовать использование определения социальной структуры как «ресурсов и правил, организованных как свойства социальных систем» [Giddens 1979: 60]. С этой точки зрения доступ к ресурсам позволяет агентам обеспечивать контроль как над различными средствами принуждения и насилия (распределительные ресурсы), так и над поведением других агентов (авторитетные ресурсы, такие как общественные статусы и иерархические позиции) [Giddens 1985: 7].

В то время как распределительные ресурсы составляют способность могущественных игроков использовать принуждение как особый вид асимметричной власти, применяемой для изменения поведения более слабых субъектов [Hurd 2007: 35], авторитетные ресурсы соотносятся с позиционным неравенством, которое обычно проявляется в дифференцированных статусах взаимодействующих агентов (например, «старший союзник» и «младший союзник»)¹. В свою очередь, правила являются обобщёнными представлениями о подобающем или неприемлемом поведении. Эти представления включают нормативные предписания, структурирующие дискурс и формирующие обоюдные понимания действий как значимых для участников взаимодействия, а также санкционирующие (одобряющие) различные способы общественного поведения [Гидденс 2003: 74].

Поскольку правила обычно предполагают определение, регулирование и наделение социальных агентов правами и обязанностями [Legro 1997: 33], они оказывают конституирующее (посредством распределения идентичностей и полномочий) и регулятивное (путём предписания или запрета определённых типов поведения в конкретных обстоятельствах) влияние на возможности государств и их действия. В международной политике конституирующие и регулирующие правила опосредуют коммуникации между государствами, помогают координировать их взаимодействия [Dessler 1989: 454–457].

Кроме того, правила генерируют (либо опосредуют) производство и воспроизводство регулярных практик [Giddens 1979: 66–67], таких как дипломатия, мультилатерализм, политика баланса сил, а также различные практики доминирования и субординации. Это позволяет рассматривать правила в качестве фундаментальных свойств социальных структур, в рамках

¹ Такая статусная дифференциация может закрепляться посредством соглашений, предоставляющих могущественной державе право размещать военные контингенты на территории второстепенных государств, а также предусматривающих частичную уступку суверенитета «младшими союзниками» или «клиентами».

которых подчинённые государства сохраняют некоторую свободу действий, а могущественные державы ограничиваются нормативными предписаниями.

Таким образом, осмысление природы международных союзов США как механизмов проецирования и легитимации мощи предполагает исследование того, как ресурсы и правила вовлекаются в процессы структурирования неравноправных отношений, благодаря чему государство-гегемон получает возможность добиваться поставленных целей и поддерживать выгодный международный порядок. В частности, отношения между гегемоном и иными государствами в рамках асимметричных альянсов² США должны рассматриваться как опосредованные материальным превосходством Вашингтона и его привилегированным международным положением, а также правилами, определяющими параметры легитимного поведения и формирующими нормативный фундамент союзнических отношений.

В этом смысле социальная структура международных альянсов США не только опосредует взаимодействия участников с помощью ресурсов и правил, но также представляет собой результат этих взаимодействий, организованных в виде институционализированных практик³, таких как совместные военные учения, регулярные консультации по вопросам международной безопасности, скоординированная политика сдерживания потенциальных противников, участие в *ad hoc* коалициях и др.

Сказанное означает, что социальная структура асимметричных альянсов является не столько результатом действий отдель-

ных игроков, сколько следствием взаимного конституирования агентов и упорядочивающих шаблонов поведения [Scholte 2019: 59]. При этом нужно принимать во внимание, что характерные для асимметричных альянсов статусные различия и силовой диспаритет оказывают заметное влияние на практики взаимодействия участников, поскольку государство-лидер объединения обладает обширными возможностями формирования повестки дня [Стратегии союзничества 2021: 40], а также определения и модификации основных параметров и направлений сотрудничества.

Согласно предложенному в данной статье подходу, легитимация неравноправных отношений внутри асимметричных альянсов США предполагает использование преобладающих ресурсов Вашингтона в соответствии с набором правил, представляющих собой совокупность «обязательств, распределение которых является коллективно согласованным и которые обеспечивают принцип социальной дифференциации для решения общих проблем» [Bukovansky et al. 2012: 16].

Поскольку эти обязательства помогают уязвать «идентичности, интересы, практики или институциональные проекты» [Reus-Smith 2007: 159] доминирующей державы с первоочередными целями сообщества государств, легитимация преобладающей мощи и неравноправных отношений предполагает вовлечённость в социально одобряемые виды деятельности (такие как мультилатерализм, предоставление общественных благ, руководство коалициями), которые способствуют достижению коллективных целей и помогают закреплять

² Как отмечают И. Истомин и А. Байков, присущая американским союзам асимметрия проявляется не только в виде крайне неравномерного распределения материальных ресурсов между «лидером» и его «последователями», но также в различных целях, преследуемых союзниками, и ключевой роли гарантий безопасности, предоставляемых Соединёнными Штатами их младшим партнёрам. В этом отношении асимметричные альянсы служат скорее в качестве механизмов легитимации американского доминирования, чем способа агрегирования военных потенциалов [Истомин, Байков 2019: 45–46].

³ Это понимание восходит к сформулированному Э. Гидденсом принципу «дуальности структуры», предполагающему, что последняя «конституирует агентов и социальные практики» [Giddens 1979: 5], а также сама формируется, воспроизводится и трансформируется в результате действий и взаимодействий социальных акторов.

разделяемые ценности. В этом смысле международные альянсы США можно рассматривать как специфические институциональные механизмы, с помощью которых доминирующее государство формирует организованные шаблоны поведения и тем самым осуществляет социальный контроль, а также удовлетворяет фундаментальные общественные нужды [Wight 1991: 140–141].

Такое понимание легитимирующей функции международных союзов США предполагает акцент не столько на дискурсивных техниках, нацеленных на убеждение последователей в том, что доминирующая держава имеет право ими управлять [Gronau, Schmidtke 2016: 536], сколько на институционализированных практиках (среди которых обеспечение международной безопасности, содействие всеобщему процветанию, распространение демократии), с помощью которых Соединённые Штаты стремятся оправдать привилегированное положение и связанные с ним права необходимостью добиваться коллективных целей и защищать общие ценности.

В конечном счете следование этим практикам нацелено на формирование консенсуса внутри международного общества относительно существующих властных отношений. Поэтому стратегию легитимации можно рассматривать как совокупность действий по продвижению интересов государства в качестве социально значимых [Sundaram 2021: 1] посредством реализации прерогатив и обязательств, связанных с конкретной общественной позицией (например, «гегемон» или «старший союзник»). В пользу такого понимания говорит то, что, поскольку легитимация представляет собой скорее динамичный и часто оспариваемый политический процесс, чем абстрактный политический ресурс [Clark 2005: 30], оправдание власти гегемонистских государств предполагает не только создание регулирующих институтов (например, международных союзов), но также практическое осуществление политического лидерства такими способами, которые вызывают доверие менее могущественных держав. Иными слова-

ми, власть доминирующего государства опирается как на преобладающие ресурсы, так и на социальное одобрение его роли в поддержании международного порядка [Scholte 2019: 58], в том числе посредством управления сетью военно-политических альянсов.

Опираясь на вышеизложенные теоретико-методологические принципы, статья обращается к исследованию особенностей структурной организации военно-политических союзов Вашингтона в Европе и Восточной Азии. При этом ресурсы и правила, задействованные в процессе проецирования влияния США, рассматриваются во взаимосвязи с институционализированными практиками вовлечения Вашингтона в региональные дела.

Эти практики составляют ядро стратегий легитимации, посредством которых Соединённые Штаты стремятся представить свою роль лидера союзов в качестве оправданной и необходимой с точки зрения достижения коллективных целей, противодействия общим вызовам и угрозам. Использование данного подхода позволит сформировать целостное представление о роли асимметричных альянсов как инструментов проецирования власти США, а также механизмов воспроизводства и трансформации неравноправных отношений, обеспечивающих фундамент благоприятных для Вашингтона международных порядков.

Социальная структура асимметричных альянсов США: НАТО

Начиная с середины XX века военно-политические союзы США выступают в качестве инструментов контроля над поведением менее могущественных государств, обеспечивают вовлечённость Соединённых Штатов в ключевые регионы мира [Истомин, Силаев, Сушенцов 2018: 52]. Как следствие, они предстают опорами поддерживаемого Вашингтоном международного порядка. Масштаб этого влияния обусловлен уникальным сочетанием распределительных (военные контингенты, передовое базирование, средства развёрты-

вания вооружённых сил)⁴ и авторитетных (привилегированный статус лидера) ресурсов, используемых Соединёнными Штатами для достижения ключевых целей (таких, как сдерживание потенциальных конкурентов и недопущение борьбы за региональную гегемонию) и консервации неравноправных отношений с иными государствами.

В частности, положение Соединённых Штатов как лидера союза позволяет им проводить политику «двойного сдерживания» [Beckley 2015: 21], направленную на ограничение внешнеполитического волюнтаризма как младших союзников, так и не входящих в созданные ими объединения держав. Оно также помогает манипулировать стандартами приемлемости и допустимости, особенно в тех случаях, когда действия США противоречат сложившимся нормам международного права [Истомин, Байков 2020: 11]. Посредством сдерживания потенциальных оппонентов и ограничения автономии союзников, а также путем модификации критериев международной легитимности в свою пользу Вашингтон приобретает возможности проецирования влияния и формирования благоприятной среды для реализации своих интересов.

Положение лидера позволяет США поддерживать присущую американским альянсам властную асимметрию путём формирования ограничений и взаимных обязательств, а также предоставления «механизмов выражения мнения и взаимности в политической иерархии американоцентричного порядка» [Ikenberry 2011: 208]. Осознавая важность асимметричных альянсов как иерархически организован-

ных подсистем [Истомин, Байков 2019: 37–38], Вашингтон придаёт весомое значение их сохранению в качестве ключевых элементов инфраструктуры проецирования мощи и институционализации выгодных международных порядков⁵.

В этой связи ключевую роль приобретают американские международные обязательства, которые, в сущности, представляют собой инструменты закрепления контроля Соединённых Штатов над внешней политикой союзников и тем самым способствуют формированию региональных иерархий. После окончания «холодной войны» Вашингтон акцентирует роль американских союзов как фундаментальных опор региональных порядков, поддерживаемых гарантиями США в сфере безопасности и согласием их союзников принять правила американской гегемонии. В соответствии с этой логикой альянсы Вашингтона представляют собой значимый «источник влияния» и авторитета⁶, а также «мультипликатор мощи»⁷ и «краеугольный камень» международной вовлечённости Соединённых Штатов⁸.

Кроме того, военно-политические союзы позиционируются Вашингтоном как костяк глобальной архитектуры безопасности⁹, обеспечивающий доступ к критически важным регионам, а также «асимметричное стратегическое преимущество», которое не только гарантирует превосходство США над любым потенциальным соперником, но также способствует «защите свободы, предотвращению войн и сохранению правил, которые поддерживают свободный и открытый международный порядок»¹⁰. Сеть американских альянсов

⁴ Например, согласно данным Пентагона, США имеют 514 военных баз в 45 иностранных государствах. При этом почти 80% этих баз расположены на территории трёх ключевых союзников Вашингтона в Европе (Германия) и АТР (Япония и Южная Корея) — см.: Base Structure Report — Fiscal Year 2018 Baseline. Washington, D.C.: Department of Defense, 2018. P. 7.

⁵ National Security Strategy of the United States of America. White House, Washington D.C. October 2022. P. 37–39.

⁶ Ibid. 1993. P. 13.

⁷ Ibid. 2010. P. 41.

⁸ Ibid. 2015. P. 3.

⁹ Ibid. 2018. P. 2.

¹⁰ Ibid. P. 8.

определяется как «уникальная сила, обеспечивающая фундамент международной безопасности и стабильности»¹¹, а также приумножающая власть США, расширяющая их влияние и поддерживающая их «ответственность по противодействию авторитарным тенденциям, оспариванию радикальных идеологий и предотвращению агрессии»¹². Эти правила призваны сформировать нормативный фундамент региональных иерархий, поддерживающих выгодный для США международный порядок. При этом готовность союзников США размещать американские военные базы (например, согласие Австралии на создание второй военной базы США в г. Дарвин), а также присоединяться к предлагаемым Вашингтоном региональным форматам («Партнёрство ради мира» в Европе, «Четырёхсторонний диалог по безопасности» в АТР) свидетельствует о степени принятия второстепенными государствами американских претензий на лидерство.

Говоря о конкретных военно-политических союзах Вашингтона, стоит отметить, что экстраординарный силовой потенциал Соединённых Штатов составляет фундаментальную опору власти верховного командования объединёнными силами НАТО в Европе [Walt 2009: 111] как механизма обеспечения совместимости европейских, канадских и американских вооружённых сил, приведения приоритетов национальной безопасности государств-членов в соответствие со стратегическими целями США [Sperling, Webber 2019: 518]. Они также дают подкрепление предоставляемым Соединёнными Штатами гарантий безопасности, которые наделяют Вашингтон привилегированным статусом в рамках евроатлантического сообщества.

После завершения «холодной войны» эти ресурсы активно использовались Вашингтоном для недопущения упадка роли НАТО в европейском регионе [Ikenberry 2011: 235] посредством выполнения таких функций, как предотвращение угроз союзникам в результате появления новых очагов конфликта на постсоветском и постсоциалистическом пространстве, разрешение региональных кризисов (Босния 1992–1995 годов, Югославия 1999), а также оказание поддержки миротворческим усилиям ОБСЕ [Буденный 2018: 99] на Балканах (Косово, Санджак и Воеводина, Македония). В то же время США последовательно стремились противодействовать эрозии доминирующего положения Альянса в Европе посредством недопущения соглашений, способных ограничить НАТО и тем самым ослабить вовлечённость США в европейские дела [Posen, Ross 1996/97: 32]. Для достижения этой цели США не только использовали распределительные (военная мощь) и авторитетные (статус лидера) ресурсы, но также артикулировали и продвигали правила, конституирующие НАТО как «незаменимый фундамент трансатлантического сотрудничества» и предписывающие Альянсу содействовать «развитию устойчивой среды безопасности во всей Европе»¹³.

Согласно этой логике, НАТО позиционировалась как «стержень трансатлантической безопасности», «гарант европейской демократии и безопасности»¹⁴, «опора внешней политики США»¹⁵, «преобладающий альянс»¹⁶, а также «хаб расширяющейся глобальной сети безопасности»¹⁷, который предоставляет гарантии безопасности и помогает предотвращать конфликты¹⁸. НАТО не только представлялась в качестве защитника общих интересов в сфере безопасности, стража коллективной обороны,

¹¹ The National Military Strategy of the United States of America. Washington, D.C. 2015. P. 9.

¹² National Security Strategy of the United States. Washington, D.C., 2017. P. 45.

¹³ National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C., 1991. P. 6.

¹⁴ National Security Strategy of Engagement and Enlargement. Washington, D.C., 1996. P. 37.

¹⁵ National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C., 2006. P. 38.

¹⁶ Ibid. 2010. P. 41.

¹⁷ Ibid. 2015. P. 25.

¹⁸ The National Military Strategy of the United States of America. Washington, D.C. 2015. P. 9.

воплощения трансатлантических связей и гаранта «равновесия, позволяющего европейским союзникам нести больше ответственности»¹⁹, но также выступала в качестве «якоря американской вовлечённости в Европе»²⁰, способствующего укреплению фундамента европейской безопасности²¹, продвижению к более интегрированной и безопасной Европе²², а также обеспечению стабильности в разных частях мира²³. Хотя эти правила представляли собой скорее публичные заявления, чем юридически обязывающие нормы, они задавали общие параметры взаимодействия между США и их союзниками. При этом согласие последних следовать вышеназванным правилам проявлялось в готовности поддерживать инициативы Вашингтона (например, в ходе Боснийского и Косовского кризисов) и поэтому имело ключевое значение с точки зрения легитимации властной асимметрии внутри Альянса.

В целом конституирующие правила, которые определяли НАТО как ключевой инструмент сохранения мира, оказываются тесно переплетёнными с регулятивными нормами, наделявшими Альянс ответственностью по обеспечению вовлечённости США в разрешение наиболее острых проблем европейской и международной безопасности. Не менее важно, что эти правила (и соответствующие практики) поддерживали функциональную дифференциацию между Вашингтоном и его союзниками, что способствовало сохранению привилегированного положения Соединённых Штатов в рамках многостороннего формата взаимодействия и тем самым обеспечивает устойчивость региональной политической иерархии.

Эксклюзивный статус «лидера альянса» представляет собой важный авторитетный ресурс, позволяющий США не только добиваться поставленных целей, но также

поддерживать выгодные взаимоотношения с второстепенными державами и оправдывать свою вовлечённость в региональные дела посредством апеллирования к особым правам и обязанностям, которые предоставляет этот привилегированный статус.

Обозначенные ресурсы и правила помогали структурировать отношения между США как лидером НАТО и их младшими союзниками, а также обеспечивали расширение пространства «либерального международного порядка». В первую очередь, это проявлялось в постепенном увеличении числа государств-членов Альянса посредством развития таких форматов ассоциации, как Совет Евроатлантического партнёрства, программа «Партнёрство ради мира» и План действий для получения членства [Истомин, Болгова, Сушенцов, Ребро 2020: 26]. При этом предоставление членства в НАТО постсоветским (Литва, Латвия, Эстония) и постсоциалистическим (Польша, Венгрия, Чехия) государствам рассматривалось в качестве такого процесса, который способствует мирному разрешению конфликтов, развитию мультилатерализма, а также распространению ценностей демократии и прав человека в международном масштабе [Gheciu 2005: 974]. В этом смысле расширение НАТО являлось важным условием стабилизации беспокойной периферии посредством приобщения Восточной и Центральной Европы к ценностям и правилам возглавляемого Соединёнными Штатами евроатлантического сообщества.

В то же время, содействуя экспансии НАТО на восток, США стремились не только распространить выгодные им правила путём поощрения демократического транзита посткоммунистических государств, но также заполнить образовавшийся после распада СССР вакуум власти и тем самым ограничить влияние России

¹⁹ NATO's Strategic Concept. 1999, April 24. URL: www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_27433.htm

²⁰ National Security Strategy for a New Century. Washington, D.C., 1999. P. 29.

²¹ National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C. 2010. P. 42.

²² National Security Strategy for a New Century. Washington, D.C., 1999. P. 3.

²³ National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C., 2006. P. 38.

в регионе. Можно утверждать, что США (как лидер и главный спонсор НАТО) использовали привилегированное положение в Альянсе с целью укрепления своего международного авторитета, необходимого для сохранения контроля над внешней политикой младших союзников, а также недопущения появления геополитических соперников.

При этом наряду с осуществлением традиционной функции сдерживания, НАТО предписывалось проецировать мощь (в том числе за пределами сферы традиционной ответственности) и обеспечивать политическую легитимацию военных операций, осуществляемых вне сферы компетенции Статьи 5 Вашингтонского договора [Истомин, Болгова, Сушенцов, Ребро 2020: 27]. В частности, присоединение НАТО к военной операции в Афганистане в 2003 г. позволило США укрепить положение лидера интервенции посредством привлечения распределительных (военный контингент, финансовые средства) и авторитетных (формальные и неформальные иерархии) ресурсов Альянса.

От компетентности использования этих ресурсов в конечном счёте зависело не только достижение целей военной операции, но также степень общественного признания доминирующей позиции Вашингтона [Schmitt 2017: 508–509] как внутри НАТО, так и в рамках более широкой коалиции. Для этого Соединённые Штаты прибегали к процедурам принятия решения и практикам поощрения, посредством которых ряд участвующих в операции стран (Австралия, Новая Зеландия, Швеция) были наделены ролями, сопоставимыми с ролями формальных членов Альянса с точки зрения статуса и сопутствующих прерогатив [Ibid: 513].

Следование такой практике позволяло Вашингтону действовать в обход формальной иерархии НАТО и избегать излишних бюрократических процедур, а также мобилизовать поддержку со стороны не входящих в Альянс государств. В конечном счёте это должно было способствовать повышению эффективности совместных действий

путём обеспечения оперативной реакции союзников (в соответствии с меняющимися задачами и обстоятельствами), а также повышения гибкости управления коалицией. При этом готовность США распределять функции между союзниками и наделять значимыми статусами не являющиеся членами НАТО государства отражала стремление Альянса переосмыслить свою идентичность, укрепив при этом свою власть и престиж как субъекта, стремящегося повысить свою роль в сфере региональной и глобальной безопасности [Graeger, Naugevik 2011: 753]. Поэтому лежащие в основе социальной структуры НАТО правила и ресурсы были задействованы в осуществлении практик особой ответственности США как «союзного лидера», использующего Альянс не только в качестве инструмента достижения своих целей и оказания влияния, но также механизма построения выгодного Вашингтону международного порядка в регионе Большого Ближнего Востока.

Вместе с тем после окончания «холодной войны» (и особенно в условиях нарастающей конфронтации с Россией и Китаем) для США характерно стремление оптимизировать свои издержки как главного спонсора НАТО и перераспределить ответственность между союзниками с тем, чтобы сохранить международную роль союза как эффективного военно-политического блока [Boguslavskaya 2019: 41]. В свою очередь, это обнажает противоречие между сокращающимся объёмом ресурсов, направляемых Вашингтоном на обеспечение функционирования Альянса, и правилами, которые по-прежнему наделяют Соединённые Штаты привилегированным статусом гаранта безопасности, а также особой ответственностью по поддержанию международной стабильности.

На протяжении долгого времени это скрытое противоречие нивелировалось готовностью США формировать общую повестку, координировать союзнические действия и нести большую часть материального бремени [Истомин, Болгова, Сушенцов, Ребро 2020: 32], что позволяло

Альянсу сохранять адаптивность и мобилизационный потенциал. По мере того как Соединённые Штаты стали демонстрировать нежелание нести бремя лидерства единолично и стремиться к более справедливому распределению издержек, напряжение между поддерживающими социальную структуру НАТО ресурсами и правилами начало оказывать всё более заметное влияние на процессы проецирования и легитимации американской мощи. Например, Вашингтон проявлял склонность передавать некоторые функции НАТО партнёрским организациям, «коалициям желающих», действовать в одностороннем порядке либо с опорой на «особые отношения» как с традиционными союзниками (Великобритания, Норвегия, Дания, Нидерланды), так и со странами «новой Европы» (Польша, Чехия, Венгрия) [Graeger, Haugevik 2011: 752].

Как следствие, происходил пересмотр представлений о миссии Альянса, которому предписывалось исполнение роли не столько «мирового полицейского», способного поддерживать американскую гегемонию, сколько «глобального хаба», связывающего евроатлантическое сообщество и остальной мир посредством плотной сети партнёрств, включая отдельные страны и международные организации (ООН, ЕС, Африканский союз, Лига арабских государств) по всему миру [Надточей 2014: 20]. Действуя в рамках этого подхода, США стремились компенсировать недостаточный (по их мнению) вклад в коллективные действия со стороны формальных союзников, а также сохранить способность проводить гибкую перенастройку американского военного присутствия в разных частях мира [Приходько 2013: 38–39].

Не менее важно, что партнёрство НАТО со странами вне Альянса способствовало как обеспечению коммуникации в ходе коллективных интервенций, размещения военных баз и создания структур безопасности, нацеленных на противодействие угрозам американским интересам, так и легитимации политики организации в критических ситуациях в отсутствие одобре-

ния со стороны Совета Безопасности ООН [Там же: 43]. Вместе с тем США по-прежнему рассматривают НАТО как традиционный инструмент политики сдерживания, применяемый с целью ограничения растущего влияния России, особенно на постсоветском пространстве.

В результате, хотя социальная структура НАТО воспроизводится посредством практик «особой ответственности» Вашингтона по защите младших союзников от потенциальной угрозы со стороны Москвы, в то же время проявляется напряжение между традиционной функцией Альянса и его формирующейся ролью узлового центра, координирующего многосторонние усилия по противодействию разнообразным вызовам (в том числе транснационального характера). Это напряжение способствует формированию предпосылок структурной дезорганизации Альянса, поскольку акцент Вашингтона на практиках сдерживания и устрашения приводит к рассогласованию между задачами реорганизации ресурсов и правил НАТО в соответствии с ролью «глобального хаба» и стремлением использовать этот союз как механизм давления на соперников США.

Социальная структура асимметричных альянсов США в АТР

Применительно к региону Восточной Азии со времён «холодной войны» Вашингтон стремился проецировать мощь и обеспечивать легитимность своей вовлечённости посредством двусторонних оборонных пактов, включающих как традиционные соглашения в сфере безопасности (с Японией, Республикой Корея, Австралией, Филиппинами и Таиландом), так и три квазиальянса — с Новой Зеландией, Сингапуром и Тайванем, не имеющим официального союзнического договора с Вашингтоном [Лукин, Коротич 2017: 5]. На протяжении десятилетий привилегированное положение США в рамках этих союзов позволяло Вашингтону контролировать морские коммуникации, сохранять постоянное передовое развёртывание военных морских сил [Сушенцов 2012: 132] и тем

самым обеспечивать вовлечённость в региональные процессы²⁴.

В частности, в регионе был дислоцирован значительный контингент вооружённых сил США, который не просто использовался в качестве распределительного ресурса, позволяющего достигать цели Вашингтона, но также служил фундаментом американских гарантий безопасности, формализованных в виде двусторонних соглашений между Вашингтоном и его младшими союзниками. В свою очередь, эти соглашения наделяли США статусом «гаранта региональной стабильности» и составляли основу архитектуры безопасности в Восточной Азии, организованной по модели «оси и спиц» [Shambaugh 2004/05: 95]. Последняя была нацелена как на эффективное сдерживание потенциальных соперников Вашингтона, так и на закрепление привилегированного положения Соединённых Штатов на вершине региональной иерархии [Goh 2007: 149].

Путём использования своего эксклюзивного положения Соединённые Штаты последовательно культивировали зависимость партнёров от таких благ, как безопасность и престиж [Cha 2009/10: 164], закрепляя тем самым их второстепенные и зависимые позиции. Это, в свою очередь, предоставляло Вашингтону широкие возможности манипулирования политическими предпочтениями союзников и формирования лояльного отношения к действиям США. Поэтому сеть существующих со времён «холодной войны» альянсов (в особенности «краеугольный» союз с Японией) выступала в качестве механизма обеспечения региональной вовлечённости США, стремящихся противодействовать таким угрозам, как ядерный потенциал Северной Кореи и военно-экономический подъём Китая [Сёмин 2010: 35], а также реагировать на появление новых вызовов.

При этом легитимность американской вовлечённости в региональные дела в значительной степени обеспечивалась посредством увязывания союзнических обязательств США с коллективными целями сообщества государств Восточной Азии. После завершения «холодной войны» Вашингтон сформулировал для своих союзников ряд новых правил, нацеленных на консолидацию выгодной для себя региональной иерархии и легитимацию своих особых прав и обязанностей, позиционируя их как необходимое условие укрепления региональной безопасности, предотвращения соперничества великих держав и развития международной торговли.

Эти правила конституировали США как «тихоокеанскую нацию», которая обеспечивает мир и безопасность внутри «нового тихоокеанского сообщества»²⁵ посредством приверженности «открытой и свободной торговле, продвижения справедливого международного порядка и сохранения открытого доступа к общим пространствам»²⁶. Согласно этой логике, политическая сплочённость и коллективные интересы стран региона обеспечивались преимущественно военными гарантиями со стороны США, которые демонстрируют готовность возложить общие усилия по предотвращению распространения ОМУ, созданию новых форматов регионального сотрудничества ради разрешения общих проблем безопасности и укрепления демократии в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Панов 2013: 5].

В русле этого понимания союзы США в Восточной Азии представлялись как «опора региональной безопасности»²⁷, имеющие ключевое значение и с точки зрения восточноазиатских приоритетов Вашингтона, и в контексте укрепления стабильности и процветания. В частности, союз США с Южной Кореей определялся как «стабилизирующая опора для региона»²⁸, в то время как альянсы с Австралией,

²⁴ National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C., 1991. P. 9.

²⁵ National Security Strategy of Engagement and Enlargement. Washington, D.C., 1996. P. 40.

²⁶ Quadrennial Defense Review. Washington, D.C.: Department of Defense. February 2014. P. 4.

²⁷ Ibid. P. 40.

²⁸ National Security Strategy for a New Century. Washington, D.C., 1999. P. 40.

Филиппинами и Таиландом выступали в качестве «оснований безопасности в Азии» и «фундамента процветания»²⁹ в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

При этом акцент делался на центральной роли американско-японского альянса, который не только защищает Японию от военных угроз, но также определяет принадлежность этой страны к западному международному обществу, опосредует её отношения с не-западными странами [Wirth 2015: 298] и выступает в качестве «краеугольного камня» региональной безопасности, способствующего достижению коллективных целей, связанных с сохранением «среды мира и процветания в Азиатско-Тихоокеанском регионе»³⁰.

Не менее важно, что американско-японский союз как опора системы альянсов Вашингтона в Восточной Азии играл центральную роль с точки зрения поддержания региональной иерархии, позволяющей США не только добиваться поставленных целей, но также обеспечивать воспроизводство неравноправных отношений с младшими союзниками. Система иерархически организованных асимметричных связей приобретала определяющее значение в контексте проецирования американской мощи и легитимации контроля Вашингтона над внешней политикой восторженных государств региона.

В то же время начиная с 2010-х годов союзническая стратегия Вашингтона в Восточной Азии претерпела заметную трансформацию, обусловленную изменениями в региональном балансе сил и появлением новых вызовов (подъём Китая и связанное с этим обострение противоборства в АТР), а также неразрешённостью старых противоречий, таких как проблема денуклеаризации Корейского полуострова и многочисленные территориальные споры между странами региона.

С момента провозглашения администрацией Б. Обамы «поворота в Азию» США стремились к расширению сферы своих интересов в АТР посредством усиления военного присутствия в таких ключевых государствах, как Австралия, Сингапур и Филиппины, а также активизации сотрудничества с региональными многосторонними институтами и партнёрами [Старкин, Рыжов 2014: 51]. Этот сдвиг в приоритетах также нашёл отражение в доктрине «Индо-Тихоокеанского региона», предполагающей укрепление созданных Соединёнными Штатами альянсов и партнёрств, формирования сетевой структуры безопасности, а также трансформации традиционной системы союзов с учётом новых геополитических реалий [Торкунов 2019: 26].

Американская стратегия предполагала интенсификацию дипломатических взаимодействий с широким кругом азиатских государств (в частности, с Индией, Малайзией, Индонезией и Вьетнамом), воздерживаясь при этом от расширения существующих формальных обязательств в сфере коллективной обороны [Истомин, Водопьянов 2016: 126]. В этом отношении заслуживают упоминания не только такие инициативы, как диалоги в сфере безопасности в трёх- (США–Австралия–Япония, США–Индия–Япония) и четырёхстороннем формате (США–Япония–Индия–Австралия), но и заключённый в сентябре 2021 г. союз между США, Австралией и Великобританией (AUKUS), призванный, помимо формально не декларируемой цели сдерживания КНР, увеличить вклад Вашингтона в развивающуюся сеть региональных партнёрств, включающих АНЗЮС, страны АСЕАН, стратегических союзников в рамках двусторонних пактов безопасности, а также всю «тихоокеанскую семью»³¹.

²⁹ National Security Strategy of the United States. Washington, D.C., 2010. P. 42.

³⁰ National Security Strategy for a New Century. Washington, D.C., 1999. P. 34.

³¹ Remarks by President Biden, Prime Minister Morrison of Australia, and Prime Minister Johnson of the United Kingdom Announcing the Creation of AUKUS. September 15, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/15/remarks-by-president-biden-prime-minister-morrison-of-australia-and-prime-minister-johnson-of-the-united-kingdom-announcing-the-creation-of-aukus/>

Реорганизация распределительных и авторитетных ресурсов провоцирует изменения в социальной структуре асимметричных альянсов Вашингтона в АТР — несмотря на увеличение военного присутствия США в регионе, эксклюзивность статуса лидера союзов становится менее обособленной по мере смещения приоритетов от модели «оси и спиц», гарантирующей Соединённым Штатам привилегированное положение на вершине региональной иерархии, к более децентрализованной сетевой архитектуре в Восточной Азии.

Поскольку эта структура менее иерархична, чем традиционная модель, она обретает большую легитимность в глазах младших союзников США, а также адаптивность, что представляется критически важным свойством в условиях быстроменяющейся региональной среды и нарастающей напряжённости в регионе. Тем не менее поддержание модернизированной структуры американских альянсов США в Восточной Азии предполагает переосмысление устоявшихся практик американской вовлечённости, посредством которых асимметричные союзы Вашингтона воспроизводились на протяжении десятилетий. В этой связи от готовности (и способности) Соединённых Штатов пересмотреть свой подход к поддержанию отношений с младшими союзниками во многом зависит динамика регионального порядка, а также перспективы трансформации его организующих принципов в соответствии с меняющимися представлениями о легитимности американской гегемонии в АТР.

* * *

Из проведённого анализа следует, что вовлечённые в процесс структурирования асимметричных альянсов Вашингтона ресурсы и правила составляют основу американской власти как в атрибутивном, так и в реляционном понимании. Колоссальные военные ресурсы обеспечивают США возможностями достижения поставленных целей путём побуждения младших союзников к принятию нужных Соединённым Штатам решений и предоставления гаран-

тий безопасности, помогающих контролировать внешнеполитические установки второстепенных государств.

При этом привилегированное положение США как лидера союзов (как в рамках многостороннего формата НАТО, так и внутри модели «оси и спиц» в Восточной Азии) представляет собой фундамент политических иерархий, посредством которых Соединённые Штаты стремятся формировать региональные международные порядки. Этот особый статус на протяжении десятилетий используется Вашингтоном в качестве авторитетного ресурса, благодаря которому асимметричные отношения между США и их младшими союзниками сохраняются в долгосрочной перспективе.

В свою очередь, конституирующие и регулирующие правила, наделяющие «союзного лидера» и его последователей дифференцированными статусами и ролями, позволяют цементировать региональные иерархии. Кроме того, эти правила задают параметры американской вовлечённости в региональные дела и формируют нормативную основу таких регулярных практик, как совместные учения и участие в *ad hoc* коалициях. Готовность союзников следовать этим практикам имеет ключевое значение с точки зрения воспроизводства структурных дисбалансов, присущих асимметричным альянсам Вашингтона в Европе и Восточной Азии.

В то же время способность США проецировать и легитимировать свою мощь посредством таких союзов в значительной степени зависит от того, каким образом ресурсы и правила используются для организации регулярных практик союзнических взаимодействий. Так, в условиях нарастающей конфронтации между США и «восходящими державами» (Китаем и Россией) становится более заметным стремление Вашингтона реорганизовать поддерживающие структуру асимметричных альянсов распределительные и авторитетные ресурсы — например, путём перераспределения бремени издержек и передачи союзникам более широких функций и пол-

номочий. При этом остаются неизменными конституирующие и регулирующие правила, которые наделяют Соединённые Штаты статусом лидера альянсов и гаранта безопасности, отводят второстепенным державам опорные роли в формировании выгодного США порядка и тем самым определяют базовые параметры взаимодействия союзников. В случае углубления противоречия между ресурсами и правилами система асимметричных альянсов может утратить свою роль инструмента закрепления неравноправных отношений и механизма воспроизводства американской гегемонии [Истомин, Байков 2020: 19] и тем самым подорвать реляционную власть Вашингтона.

Нарастание структурных противоречий внутри системы асимметричных альянсов,

обусловленных реорганизацией ресурсов и перераспределением ролей (включая передачу ряда функций временным коалициям и не являющимся членами формальных союзов партнёрам), ослабляют взаимосвязь между глобальной вовлечённостью Соединённых Штатов и коллективными интересами региональных сообществ государств. Как следствие значение асимметричных альянсов как институтов, обеспечивающих легитимность американской власти, всё в большей степени нуждается в переосмыслении с учётом постепенной реконфигурации структур авторитета, лежащих в основе неравномерного распределения особых прав и обязанностей между США и их союзниками после окончания «холодной войны».

Список литературы

- Буденный А. НАТО и военно-политическая независимость Западной Европы // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 4. С. 98–105.
- Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический проспект, 2003. 525 с.
- Истомин И., Байков А. Альянсы на службе гегемонии: деконструкция инструментария военно-политического доминирования // Полис. 2020. № 6. С. 8–25.
- Истомин И., Байков А. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 1. С. 34–48.
- Истомин И., Болгова И., Сушенцов А., Ребро О. Логика эволюции НАТО: достижения и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 1. С. 26–34.
- Истомин И., Водопьянов К. Трансформация американо-японского союза // Международные процессы. 2016. № 1. С. 121–142.
- Истомин И., Силаев Н., Сушенцов А. Стратегии союзничества континентальных и морских держав // Международные процессы. 2018. № 4. С. 42–62.
- Лукин А., Коротич С. Между Вашингтоном и Пекином: что ждет азиатско-тихоокеанские альянсы США? // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 4. С. 5–15.
- Надточей Ю. Назад в Евро-Атлантику: почему НАТО перестает быть глобальной организацией? // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 6. С. 18–30.
- Панов А. США и многосторонние структуры по вопросам безопасности в АТР // США и Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 9. С. 3–14.
- Приходько С. США и политика партнёрства НАТО // США и Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 3. С. 37–52.
- Сёмин А. США–Япония: полвека альянса // США и Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 8. С. 34–46.
- Старкин С., Рыжов И. Стратегический «разворот» США в Азии: эволюция подходов // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 10. С. 49–56.
- Стратегии союзничества в современном мире / Под ред. И. Истомина и др. М.: МГИМО-Университет, 2021. 371 с.
- Сушенцов А. Стратегия военного присутствия США в Азии // Международные процессы. 2012. № 2. С. 129–133.
- Торкунов А. Стратегия администрации Д. Трампа в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 6. С. 25–37.
- Юдин Н. Трёхчастная таксономия исследований силы в теории международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 4. С. 68–77.

- Baldwin D.* Power and International Relations // *Handbook of International Relations* / ed. by W. Carlsnaes, Th. Risse, and B. Simmons. London: Sage, 2013. P. 273–297.
- Barnett M., Duvall R.* Power in International Politics // *International Organization*. 2005. Vol. 59. No. 1. P. 39–75.
- Beckley M.* The Myth of Entangling Alliances. Reassessing the Security Risks of U.S. Defense Pacts // *International Security*. 2015. Vol. 39. No. 4. P. 7–48.
- Beetham D.* The Legitimation of Power. New York: Palgrave, 1991. 336 p.
- Boguslavskaya Yu.* The member states' contributions to NATO's policy in Afghanistan during Donald Trump presidency // *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2019. Vol. 12. No. 1. P. 40–57.
- Bukovansky M., Reus-Smith Ch., Wheeler N., Price R., Clark I., Eckersley R.* Special Responsibilities: Global power and American Power. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 304 p.
- Cha V.* Powerplay. Origins of the U.S. Alliance System in Asia // *International Security*, 2009/10. Vol. 34. No. 3. P. 158–196.
- Clark I.* Hegemony in International Society. Oxford: Oxford University Press, 2011. 277 p.
- Clark I.* Legitimacy in International Society. Oxford: Oxford University Press, 2005. 288 p.
- Dessler D.* What's at Stake in the Agent-Structure Debate? // *International Organization*. 1989. Vol. 43. No. 3. P. 441–473.
- Gheciu A.* Security Institutions as Agents of Socialization? NATO and the "New Europe" // *International Organization*. 2005. Vol. 59. No. 4. P. 973–1012.
- Giddens A.* Central Problems in Social Theory: Action, Structure, and Contradiction in Social Analysis. Berkeley, Los-Angeles: University of California Press, 1979. 294 p.
- Giddens A.* The Nation-State and Violence. Berkeley and Los-Angeles: University of California Press, 1985. 408 p.
- Gilpin R.* War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 272 p.
- Goh E.* Great Powers and Hierarchical Order in Southeast Asia: Analyzing Regional Security Strategies // *International Security*. 2007. Vol. 32. No. 3. P. 113–157.
- Graeger N., Haugevik K.* The EU's Performance with and within NATO: Assessing Objectives, Outcomes and Organisational Practices // *European Integration*. 2011. Vol. 33. No. 6. P. 743–757.
- Gronau J., Schmidtke H.* The Quest for Legitimacy in World Politics – International Institutions' Legitimation Strategies // *Review of International Studies*. 2016. Vol. 42. No. 3. P. 535–557.
- Hurd I.* After Anarchy: Legitimacy and Power in the United Nations Security Council. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2007. 240 p.
- Hurrell A.* Power, Institutions, and the Production of Inequality // *Power in Global Governance* / ed. by M. Barnett, R. Duvall. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 33–58.
- Ikenberry J.* Constitutional Politics in International Relations // *Liberal Order and Imperial Ambition. Essays on American Power and World Politics* / ed. by J. Ikenberry. Cambridge: Polity Press, 2006. P. 111–142.
- Ikenberry J.* Liberal Leviathan. The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order. Princeton: Princeton University Press, 2011. 372 p.
- Lake D.* Hierarchy in International Relations. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 232 p.
- Legro J.* Which Norms Matter? Revisiting the "Failure" of Internationalism // *International Organization*. 1997. Vol. 51. No. 1. P. 31–63.
- Nye-jr. J., Keohane R.* Transnational Relations and World Politics: An Introduction // *International Organization*. 1971. Vol. 25. No. 3. P. 329–349.
- Posen B., Ross A.* Competing Visions for U.S. Grand Strategy // *International Security*. 1996/97. Vol. 21. No. 2. P. 5–54.
- Reus-Smith Ch.* American Power and World Order. Cambridge: Polity Press, 2004. 184 p.
- Reus-Smith Ch.* International Crises of Legitimacy // *International Politics*. 2007. Vol. 44. No. 2/3. P. 157–174.
- Schmitt O.* International Organization at War: NATO Practices in the Afghan Campaign // *Cooperation and Conflict*. Vol. 52. No. 4. P. 502–518.
- Scholte J.* Sources of Legitimacy in Global Governance // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2019. Vol. 12. No. 3. P. 47–76.
- Shambaugh D.* China Engages Asia: Reshaping the Regional Order // *International Security*. 2004/05. Vol. 29. No. 3. P. 64–99.
- Sperling J., Webber M.* Trump's Foreign Policy and NATO // *Review of International Studies*. 2019. Vol. 45. No. 3. P. 511–526.
- Sundaram S.* Strategic Legitimation through Rhetorical Dissociation in International Relations // *Journal of Global Security Studies*. 2021. Vol. 6. No. 2. P. 1–19.
- Walt S.* Alliances in a Unipolar World // *World Politics*. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 86–120.

Wight M. *International Theory: The Three Traditions*. Leicester: Leicester University Press, 1991. 286 p.
 Wirth Ch. *Securing Japan in the 'West': The US-Japan Alliance and Identity Politics in the Asian Century // Geopolitics*. 2015. Vol. 20. No. 2. P. 287–307.

LEGITIMIZING POWER PROJECTION IN THE US FOREIGN POLICY

THE IMPACT OF ASYMMETRIC ALLIANCES IN EUROPE AND ASIA-PACIFIC IN POST-COLD WAR ERA

ALEXEY BOGDANOV

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, 199034 Russia

Abstract

International relations (IR) scholars have traditionally viewed military alliances as vehicles, serving to ensure the states' survival under anarchy and to maintain the balance of power essential for the systemic stability. At the same time, alliances that include a dominant state are often employed by the latter as the means of attaining its core objectives and the tools of legitimizing its extraordinary might and ambitious policies. Apparently, this situation favors ambiguity and uncertainty in terms of developing proper theoretical understanding of the nature of alliances as the core institutions, which pattern the states' interactions, sustain international order, and ensure smooth functioning of the power relations. Seeking to elaborate more comprehensive approach to studying "asymmetric alliances" as the tools of both wielding the dominant state's influence and legitimizing its preeminence, the paper engages the insights borrowed from the theory of structuration that helps overcome methodological limitations conditioned by dual understanding of "power" as either "attribute" or "relationship". Specifically, the paper examines the United States' "asymmetric alliances" in Europe and East Asia as distinct social structures, comprised of "resources" and "rules" that sustain practices of U.S. engagement in regional affairs so as to ensure reproduction of inequitable relationships between the allies and to legitimize the United States' hegemony. This approach allows to reach more integrative understanding of the role of these alliances as the tools of Washington's influence and the means of reproduction of the inequitable relationships between the allies, as well as to identify contradictions inherent in these hierarchical arrangements, engendered by growing tension between "resources" and "rules" involved in the process of wielding and legitimizing the "American power".

Keywords:

alliances; United States; legitimacy; social structure; power.

References

- Baldwin D. (2013). *Power and International Relations*. In: Carlsnaes W., Risse Th., and Simmons B. (eds) *Handbook of International Relations*. London: Sage. P. 273–297.
 Barnett M., Duval R. (2005). *Power in International Politics*. *International Organization*. Vol. 59. No. 1. P. 39–75.
 Beckley M. (2015). *The Myth of Entangling Alliances*. *Reassessing the Security Risks of U.S. Defense Pacts*. *International Security*. Vol. 39. No. 4. P. 7–48.
 Beetham D. (1991). *The Legitimation of Power*. New York: Palgrave. 336 p.

- Boguslavskaya Yu. (2019). The member states' contributions to NATO's policy in Afghanistan during Donald Trump presidency. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. Vol. 12. No. 1. P. 40–57.
- Budyonnyi A. (2018). NATO i voenno-politicheskaia nezavisimost' Zapadnoy Evropy [The NATO and Military-Political Dependency of Western Europe]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. No. 4. P. 98–105.
- Bukovansky M., et. al. (2012). *Special Responsibilities: Global power and American Power*. Cambridge: Cambridge University Press. 304 p.
- Cha V. (2009–2010). Powerplay. Origins of the U.S. Alliance System in Asia. *International Security*. Vol. 34. No. 3. P. 158–196.
- Clark I. (2005). *Legitimacy in International Society*. Oxford: Oxford University Press. 288 p.
- Clark I. (2011). *Hegemony in International Society*. Oxford: Oxford University Press. 277 p.
- Dessler D. (1989). What's at Stake in the Agent-Structure Debate? *International Organization*. Vol. 43. No. 3. P. 441–473.
- Gheciu A. (2005). Security Institutions as Agents of Socialization? NATO and the "New Europe". *International Organization*. Vol. 59. No. 4. P. 973–1012.
- Giddens A. (1979). *Central Problems in Social Theory: Action, Structure, and Contradiction in Social Analysis*. Berkeley, Los-Angeles: University of California Press. 294 p.
- Giddens A. (1985). *The Nation-State and Violence*. Berkeley, Los-Angeles: University of California Press. 408 p.
- Giddens A. (2003). *Ustroenie obschestva: ocherk teorii struktural'stii* [Constitution of the Society: The Notes on the Structuration Theory]. Moscow: Akademicheskii prospekt. 525 p.
- Gilpin R. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 272 p.
- Goh E. (2007). Great Powers and Hierarchical Order in Southeast Asia: Analyzing Regional Security Strategies. *International Security*. Vol. 32. No. 3. P. 113–157.
- Graeger N., Haugevik K. (2011). The EU's Performance with and within NATO: Assessing Objectives, Outcomes and Organisational Practices. *European Integration*. Vol. 33. No. 6. P. 743–757.
- Gronau J., Schmidtke H. (2016). The Quest for Legitimacy in World Politics – International Institutions' Legitimation Strategies. *Review of International Studies*. Vol. 42. No. 3. P. 535–557.
- Hurd I. (2007). *After Anarchy: Legitimacy and Power in the United Nations Security Council*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 240 p.
- Ikenberry J. (2006). Constitutional Politics in International Relations. In: Ikenberry J. (ed) *Liberal Order and Imperial Ambition. Essays on American Power and World Politics*. Cambridge: Polity Press. P. 111–142.
- Ikenberry J. (2011). *Liberal Leviathan. The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton: Princeton University Press. 372 p.
- Istomin I. et. al. (eds) (2021). *Strategii soyuznichestva v sovremennom mire* [Alliance strategies in the contemporary world]. Moscow: MGIMO-University. 371 p.
- Istomin I., Baykov A. (2019). Dinamika mezhdunarodnykh al'yansov v neravnovesnoy mirovoj sisteme [The Dynamics of International Alliances in an Unbalanced World System]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 1. P. 34–48.
- Istomin I., Baykov A. (2020). Al'yansy na sluzhbe gegemonii: dekonstruktsiia instrumentaria voenno-politicheskogo dominirovaniia [Alliances at the Service of Hegemony: Deconstruction of the Military Domination Toolbox]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 6. P. 8–25.
- Istomin I., Bolgova I., Sushentsov A., Rebro O. (2020). Logika evolyutsii NATO: dostizheniya i perspektivy [The Logic of the NATO's Evolution: Achievements and Prospects]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 64. No. 1. P. 26–34.
- Istomin I., Silaev N., Sushentsov A. (2018). Strategii soiuznichestva kontinental'nykh i morskikh derzhav [Alliance Strategies of Continental and Maritime Powers]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 4. P. 42–62.
- Istomin I., Vodopyanov K. (2016). Transformatsiya amerikano-yaponskogo soyuza [Transformation of U.S.-Japan Alliance]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 14. No. 1. P. 121–142.
- Lake D. (2009). *Hierarchy in International Relations*. Ithaca: Cornell University Press. 232 p.
- Legro J. (1997). Which Norms Matter? Revisiting the "Failure" of Internationalism. *International Organization*. Vol. 51. No. 1. P. 31–63.
- Lukin A., Korotich S. (2017). Mezhdunarodnyy Vashingtonom i Pekinom: chto zhdyot tikhoookeanskies al'yansy SSHA? [Between Washington and Beijing: What is the Future of the United States' Pacific Alliances?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 61. No. 4. P. 5–15.
- Nadtochei Yu. (2014). Nazad v Euro-Atlantiku: pochemu NATO perestayot byt' global'noy organizatsiej [Back to Euro-Atlantic: Why the NATO Ceases to Be the Global Organization?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 6. P. 18–30.

- Nye-jr. J., Keohane R. (1971). Transnational Relations and World Politics: An Introduction. *International Organization*. Vol. 25. No. 3. P. 329–349.
- Panov A. (2013). SSHA i mnogostoronnie struktury po voprosam bezopasnosti v ATR [The United States and Multilateral Security Structures in the Asia-Pacific]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. No. 9. P. 3–14.
- Posen B., Ross A. (1996–1997). Competing Visions for U.S. Grand Strategy. *International Security*. Vol. 21. No. 2. P. 5–54.
- Prikhod'ko S. (2013). SSHA i politika partnyorstva NATO [The United States and the NATO's Policy of Partnership]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. No. 3. P. 37–53.
- Reus-Smith Ch. (2004). *American Power and World Order*. Cambridge: Polity Press. 184 p.
- Reus-Smith Ch. (2007). International Crises of Legitimacy. *International Politics*. Vol. 44. No. 2–3. P. 157–174.
- Schmitt O. (2017). International Organization at War: NATO Practices in the Afghan Campaign. *Cooperation and Conflict*. Vol. 52. No. 4. P. 502–518.
- Scholte J. (2019). Sources of Legitimacy in Global Governance. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 12. No. 3. P. 47–76.
- Shambaugh D. (2004/05). China Engages Asia: Reshaping the Regional Order. *International Security*. Vol. 29. No. 3. P. 64–99.
- Sperling J., Webber M. (2019). Trump's Foreign Policy and NATO. *Review of International Studies*. Vol. 45. No. 3. P. 511–526.
- Starkin S., Ryzhov I. (2014). Strategicheskij razvorot SSHA v Azii: evolutsiya podkhodov [The United States' Strategic Pivot to Asia: Evolution of the Approaches]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 10. P. 49–56.
- Sundaram S. (2021) Strategic Legitimation through Rhetorical Dissociation in International Relations. *Journal of Global Security Studies*. Vol. 6. No. 2. P. 1–19.
- Sushentsov A. (2012). Strategiya voennogo prisutstviya SSHA v Azii [The Strategy of the United States' Military Presence in Asia]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 10. No. 2. P. 129–133.
- Syomin A. (2010). SSHA-iaponia: polveka al'iansa [The United States and Japan: The Fifty Years Alliance]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. No. 8. P. 34–46.
- Torkunov A. (2019). Strategiya administratsii D. Trampa v aziatsko-tikhoookeanskom regione [Strategy of the D. Trump's administration in the Asia-Pacific]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 6. P. 25–37.
- Walt S. (2009). Alliances in a Unipolar World. *World Politics*. Vol. 61. No. 1. P. 86–120.
- Wight M. (1991). *International Theory: The Three Traditions*. Leicester: Leicester University Press. 286 p.
- Wirth Ch. (2015). Securing Japan in the 'West': The US-Japan Alliance and Identity Politics in the Asian Century. *Geopolitics*. Vol. 20. No. 2. P. 287–307.
- Yudin N. (2019). Tryokhchastnaya taksonomiya issledovaniy sily v teorii mezhdunarodnykh otnoshenij [Threefold Taxonomy of Power Studies in International Relations Theory]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 4. P. 68–77.

НАТО В НАЧАЛЕ 2020-х

МНОГОСТОРОННИЕ ВОЕННЫЕ ГРУППИРОВКИ В ЗОНЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АЛЬЯНСА

ФИЛИПП ТРУНОВ

ИНИОН РАН, Москва, Россия

Резюме

Военно-стратегическое усиление НАТО приобретает всё больший масштаб и значение в условиях противоборства евроатлантического сообщества с Россией, а также США и группы их партнёров с КНР. Статья представляет собой попытку исследовать процесс наращивания потенциала Альянса, сфокусировавшись на эволюции его войсковых группировок, особенно многосторонних. Методологическая основа исследования — теория строительства вооружённых сил. Она рассматривает их в качестве постоянно эволюционирующей сущности. Органично сочетая индукцию и дедукцию, данная теория способна дать ответ на ряд значимых вопросов в условиях споров о больших теориях и кризиса прогнозирования миропорядка. На примере Альянса показана трансформация принципа мультилатерализма — от неподвижного к продвинутому — в деле создания войсковых механизмов совместного комплектования государствами-членами. Рассматривается изменение степени интегрированности «военных машин» европейских континентальных стран-участниц в НАТО, восприятие этого США. Эти процессы изучаются в контексте разворота деятельности Альянса — возвращения к сдерживанию ведущих незападных оппонентов (России, также КНР) как основной задаче, в то время как борьба с реально сохраняющимися угрозами нестабильности отодвигается на второй план. Детально раскрываются особенности и промежуточные результаты наращивания сил быстрого реагирования, создания системы сил передового развёртывания. Показано, что решения Мадридского саммита НАТО 2022 г. нацелены не только на заметное увеличение её потенциала, но и предельное интегрирование всех видов группировок в единое целое. В статье демонстрируется, что специальная военная операция Российской Федерации на Украине стала поводом, но не причиной для реализации ранее подготовленного комплекса мер по повышению военной мощи Альянса.

Ключевые слова:

НАТО; теория строительства вооружённых сил; мультилатерализм; западные державы; силы быстрого реагирования; силы передового развёртывания; сдерживание; Россия; КНР.

Поступательное укрепление НАТО — в аналитических разрезах расширения состава, наращивания многостороннего

войскового потенциала¹, размещения дополнительных сил (даже кратковременно²) или обновления носителей ядерного ору-

¹ См., например: Шойгу заявил о росте численности войск НАТО у границ России в 2,5 раза. 02.11.2022. Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2022/11/02/nato_evropa/ (дата обращения: 07.11.2022).

² Стратегическая подлодка США зашла в Средиземное море. 02.11.2022. Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/870739> (дата обращения: 07.11.2022).

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.11.2022

Дата принятия к публикации: 08.02.2023

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: 1trunov@mail.ru

жия в Европе³ — не только чувствительный раздражитель в отношениях России и Запада, но и элемент формирования инфраструктуры миропорядка. Проявившийся в трудности определения его будущего облика кризис прогнозирования хронологически и отчасти по своей причинности совпал со спором о целесообразности «больших теорий» [Торкунов 2019]. Вместе с тем в современных условиях сохраняются дееспособные объяснительные схемы, одна из которых — теория строительства вооружённых сил (ВС).

Она органично сочетает методы индукции (обобщение в виде тенденций черт развития ВС в прошлом и настоящем) и дедукции (определяемые на основе уже выявленных закономерностей требования к организационно-штатной структуре ВС, их конкретным видам и родам, особенности оснащения, подготовки и использования) [Пронько 2000; Останков 2004].

Серьёзный аргумент критики при обращении к данной теории — неправомерность, даже опасность постановки военной области над политической сферой. Превалирование последней над первой подтверждено многовековой практикой. Вместе с тем автор не рассматривает теорию строительства вооружённых сил как универсальную. Пределы её предметного использования ограничены. Её преимущество состоит в способности выявить на основе фактов, часто имеющих количественное выражение, закономерности, подтверждающие направленность политических решений. В частности, обращение к ней востребовано при изучении НАТО.

Альянс со времён биполярности выступал выразителем *совместной* военной мощи Запада, но находившийся в его распоряжении инструментарий эволюционировал в 1990-х — 2010-х годах. Автор исходит из того, что развитие войсковых механизмов

НАТО, их наращивание, изменение схемы комплектования выступают важными индикаторами трансформации взаимоотношений внутри евроатлантического сообщества. Практические возможности «военных машин» государств-членов Альянса далеко не одинаковы. В этой связи значимы не только абсолютные, но и относительные показатели — удельный вес предоставляемых контингентов в составе многосторонних группировок НАТО, частотность принятия функций «рамочного государства»⁴.

Из обширного корпуса работ, посвящённых различным аспектам развития НАТО, следует выделить четыре группы публикаций, значимых для данного исследования. В *первую* вошли статьи, посвящённые ходу и перспективам эволюции Альянса. Здесь следует отметить работы А.А. Бартоша [Бартош 2020] и группы специалистов под руководством И.А. Истомина. Последние, а также К. Майор [Major 2019: 38–39] в реалиях рубежа 2010-х — 2020-х годов дали полисценарную оценку перспектив для НАТО: восстановления её роли как «международного полицейского», роста вовлечённости в двойное сдерживание России, то есть с участием как США, так и европейских государств-членов [Истомин, Болгова, Сушенцов, Ребро 2020: 31–32].

Данные авторы, так же как и Т.В. Арзаманова, Д. Фиот, В. Шевчук [Арзаманова 2020: 28–40; Fiott 2020; Szewczyk 2019], отмечали стремление ряда союзников Вашингтона (в первую очередь крупнейших — Берлина и Парижа) к увеличению своего веса в НАТО в увязке с наделением Европейского Союза «стратегической автономией». Достаточно близко к определению соотношения полей функционала Альянса и ЕС подошли А.С. Сидоров и В.Н. Чернега [Сидоров 2020: 139–145; Чернега 2020: 118–131], но выявили его в основ-

³ U.S. speeds up plans to store upgraded nukes in Europe. 27.10.2022. *Politico*. URL: <https://www.politico.com/news/2022/10/26/u-s-plans-upgraded-nukes-europe-00063675> (дата обращения: 07.11.2022).

⁴ Под «рамочным государством» («рамочной нацией») для многосторонней группировки понимается страна, предоставившая не менее трети от всех сил, средств и осуществляющая общее руководство такой группировкой.

ном применительно к Франции. Общим недостатком публикаций первой группы оставалось отсутствие детальной оценки той ресурсной базы, в частности военной, которая требовалась при реализации различных сценариев эволюции НАТО.

Тем более не предпринималось попыток следования от обратного: оценить ключевые элементы целеполагания Альянса исходя из особенностей его военно-инструментальной базы. Применительно к решениям Мадридского саммита Альянса эта задача была решена в работе К. Майор и С. Свистека [Major, Swistek 2022: 2–8]. Указанный пробел наблюдался и в трудах авторов, изучавших глобализацию деятельности НАТО [Штоль 2015: 6–19] и расширение сферы её компетенций в свете закрепления ответственности в космосе, киберпространстве, в борьбе с экологическими вызовами [Данилов 2021: 23–30].

Вторая группа — это работы, непосредственно изучавшие вопросы трансформации конкретных группировок НАТО. Применительно к начальному этапу конфронтации Запада и России это сделал А.И. Никитин, отразив направляющую роль США в 2014–2015 годах в создании системы военного присутствия под эгидой Альянса в Восточной Европе [Никитин 2016: 7–10]. Эта работа не прекращалась и в дальнейшем силами других исследователей [Зайцев, Зайцева 2020], но по состоянию на начало 2020-х годов достигла достаточно ограниченных результатов. Так и не было предложено комплексного описания группировок НАТО в Европе, особенно с учётом изменений их состава и характера до и вскоре после начала специальной военной операции Российской Федерации.

Третья группа — публикации, освещающие характерные черты развития иных форматов с ведущим участием стран Запада в сфере безопасности и обороны. Чем интересны эти механизмы? Не только тем, что в качестве ориентира имеют Североатлантический альянс, но и тем, что позволяют понять, каковы возможные пути соответствующего движения самой НАТО. Здесь большой теоретический задел был создан

в контексте теории альянсов [Истомин 2017: 95–106], а практический — в первую очередь применительно к форматам в Индо-Тихоокеанском регионе в целом [Васильев 2022: 235–255; Никитин 2022].

Наконец, *четвёртая группа* — публикации, освещающие использование сил НАТО в ряде значимых регионов и субрегионов — в Прибалтике [Воротников 2019], Западных Балканах [Энтина 2018: 195–204], на восточных рубежах Турции [Шлыков 2021]. Сюда же следует отнести и работы, сфокусированные на настоящем и будущем расширения Североатлантического альянса [Eichler 2021; Sayle 2019]. Эти публикации облегчили понимание политико-идеологического фона для развёртывания военного присутствия НАТО в переходной части её зоны ответственности. Вместе с тем и в них процесс совершенствования военно-инструментальной базы Альянса изучался скорее по касательной.

Задача данной статьи — оценить направленность эволюции Организации Североатлантического договора по состоянию на начало 2020-х годов с фокусом на развитие войсковых единиц в её подчинении. Подавляющее большинство войсковых единиц, которые ранее учреждались и ныне функционируют под эгидой НАТО, являются многосторонними (многонациональными). Применение в строительстве вооружённых сил принципа мультилатерализма — едва ли не ключевая константа в системе ценностей евроатлантического сообщества.

Гипотеза исследования. В отношениях с союзниками долгосрочная цель США — увеличение степени интегрированности ВС европейских стран-участниц НАТО. При этом Вашингтон стремится к гибкой вовлечённости в комплектование многосторонних сил, сохраняя подавляющую часть собственных войск в Европе под национальным командованием. В этом проявляется стремление Соединённых Штатов сохранить ведущие позиции в евроатлантическом сообществе.

Интенсивное наращивание численности группировок НАТО при относительно мед-

ленным увеличении национальных ВС стран-участниц в совокупности с предшествующими масштабными сокращениями с 1990-х по начало 2010-х годов требует от европейских государств нетривиальных решений. Как результат, они стремятся к более гибкой вовлечённости в развёртывание совместных сил с опорой на ротационный принцип комплектования. Де-факто это означает, что то или иное подразделение, часть, соединение передаются под командование НАТО временно, и временной интервал чётко определён. Это позволяет впоследствии использовать данную войсковую единицу на других направлениях (в частности, вне зоны ответственности Альянса⁵), а главное — под другой эгидой (например, ЕС, ООН или национальным управлением).

Первая часть статьи содержит авторскую классификацию мультилатерализма в исследуемой области (на продвинутый и непродвинутый), а также раскрывает особенности эволюции многосторонних сил НАТО с предшествующей «холодной войны» до начала 2020-х годов. Второй раздел — изучение смены приоритетов в деятельности блока, задающее рамочные условия для определения состава основных типов группировок Альянса. Непосредственно эволюция этих военных механизмов — сил быстрого реагирования, передового развёртывания — рассмотрена в двух завершающих частях статьи.

НАТО: новое качество мультилатерализма в военной области

Обеспечение многосторонности (обозначаемой также как мультилатерализм) традиционно рассматривается как один из ключевых принципов либеральной демократии [Maul 2020: 1–2; Арзаманова, 2020]. Соответственно, логичны были попытки её внедрения при создании совместных военных механизмов с первых лет существования НАТО. Тем не менее на протяжении

1950-х — 1980-х годов мультилатерализм в данной области оставался **непродвинутым**. Под таковым в статье понимается степень интегрирования, то есть взаимопроникновения национальных вооружённых сил, лишь на самых высоких (от корпуса — армии, группы армий) уровнях. Продвинутый мультилатерализм, напротив, предполагает создание совместных войсковых единиц уровней дивизии и ниже — вплоть до взвода и отделения.

Иллюстративен пример крупнейшей группировки НАТО на территории ФРГ — в осевой части зоны первого стратегического эшелона. Совместные силы состояли из корпусов, дивизий, бригад, мелких подразделений; каждая из этих единиц была укомплектована исключительно гражданами одной страны-участницы Альянса (самой ФРГ, США, Великобритании, Франции, Канады, государств Бенилюкса) [Fleckenstein 1990: 2]. Элементом обеспечения межстранового сотрудничества по линии ВС являлись малочисленные миссии связи одной страны-участницы, прикреплённые к силам другой, а также объединённые штабы.

В 1990-х годах на территории ФРГ в условиях вывода значительной части зарубежных контингентов осуществлялось создание ряда дву- и трёхсторонних корпусов. Вместе с тем они состояли из односторонних войсковых единиц (то есть вновь только штабы были совместного комплектования). Исключение составляли два случая: франко-германская бригада (с 1989) и германо-нидерландский корпус (с 1995). Последний изначально задумывался как воплощение **продвинутого** мультилатерализма в строительстве ВС⁶.

Тем не менее в полной мере он стал соответствовать этой концепции только в середине 2010-х годов. Завершению длительного процесса способствовали конфронтация России и Запада, а также складывание малого тандема Берлина и Амстер-

⁵ Под зоной ответственности НАТО понимается сухопутная территория и территориальные воды (в случае наличия) стран-участниц, входящих в Альянс в рассматриваемый момент.

⁶ *Armee der Einheit 1990–2000*. Bonn: BMVg, 2000. S. 34–39.

дама. Двусоставность была достигнута на уровне корпуса, дивизии (включение в дивизию бундсвера бригады нидерландских войск)⁷, бригады (передача в состав соответствующего соединения уже королевских войск германского батальона)⁸. В то же время германо-нидерландский корпус был интегрирован в Альянс лишь *условно*: во второй половине 2010-х годов его войска использовались не только по линии НАТО, но также ЕС и ООН⁹.

Прецедентным механизмом продвинутого мультилатерализма в рамках НАТО стали силы быстрого реагирования (СБР; *NATO Response Force, NRF*). Их создание инициировали США в 2002 году. В СБР администрация Дж. Буша-младшего изначально видела инструмент обеспечения поддержки европейскими союзниками своих действий вне зоны ответственности НАТО [Varwick 2007: 775]. Они должны были стать институционализированным механизмом «неограниченной трансатлантической солидарности», которую декларировал ряд стран–участниц НАТО (в том числе Германия) после террористических актов 11 сентября 2001 г. Вместе с тем подход США встретил сопротивление со стороны ФРГ и других западноевропейских стран. Они стремились ограничить использование СБР зоной ответственности НАТО.

Наиболее явно оппозиция проявилась в готовности германо-французского тандема блокировать задействование механизмов Альянса, в случае если бы США и Великобритания решили к ним обратиться при подготовке и проведении кампании против Ирака (2003). Данная позиция вызвала глубокий спад в трансатлантических отношениях, в том числе в диалоге США–ФРГ. Для преодоления кризиса до-

верия в июне 2003 г. было решено учредить многосторонние СБР штатной численностью 15 тысяч военных (эквивалент межвидовой дивизии) [Varwick 2007: 775]. Был определён *ротационный* характер комплектования сил, их использование в пределах зоны ответственности¹⁰. Тем самым была впервые выработана компромиссная схема: европейские союзники демонстрировали трансатлантическую солидарность, поддержав создание механизма, но оставляли за собой выбор форм его функционирования и географии использования.

Параллельно, с 2004 года, в Восточной Европе появились морские и военно-воздушная многосторонние группировки, представляя собой первые элементы сил передового развёртывания (СПР; *NATO Forward Presence Force, FPF*). Таким образом, были заложены основы перспективной архитектуры многосторонних группировок НАТО: это дихотомия СПР – СБР. Первый компонент развёртывался в новой (выдвинутой резко на восток) передовой зоне ответственности НАТО, возникшей в результате расширений с 1999 г. СБР обычно располагались в глубине (в том числе в бывшей передовой зоне на территории ФРГ), по мере необходимости выдвигаясь к общим внешним границам стран–участниц НАТО. Тем самым СПР представляли первый стратегический эшелон сил Альянса, а СБР – второй.

С точки зрения соотношения боевых возможностей СПР представляли собой постепенно усиливаемые авангарды, а СБР – главные силы многостороннего потенциала НАТО. Отладка схемы комплектования и функционирования последних была признана завершённой на Рижском саммите Альянса в 2006 году, на котором США также поставили вопрос увели-

⁷ 1. Panzerdivision. 2022. BMVg. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision> (дата обращения: 07.11.2022).

⁸ 43. Mechanisierte Brigade. 2022. BMVg. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision/43-mechanisierte-brigade> (дата обращения: 07.11.2022).

⁹ См.: 1. Deutsch-Niederländisches Korps. 10.10.2019. BMVg. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/personal/i-deutsch-niederlaendisches-korps-95664> (дата обращения: 07.11.2022).

¹⁰ NATO Response Force. 2022. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm (дата обращения: 07.11.2022).

чения военных ассигнований европейских союзников. Выбор времени был неслучаен. Сокращения военных расходов и предшествующее (с 1990-х) снижение уровня интегрированности ВС были двумя тесно связанными составляющими единой тенденции, которая вызвала растущую обеспокоенность Вашингтона. Среди прочего они подрывали заинтересованность в сохранении стратегического присутствия самих США в Европе. Как минимум однажды — в речи Г. Шрёдера на Мюнхенской конференции 2005 г. — было открыто поставлен вопрос о выводе американских войск¹¹.

Как следствие, в середине 2000-х годов был запущен компромиссный, то есть учитывавший интересы США и европейских союзников (особенно «старых» — входивших в НАТО до 1990 года), процесс качественно новой интегрированности их ВС в Альянс. Одновременно была подготовлена основа на случай возвращения НАТО к сдерживанию угроз вдоль границ зоны ответственности. С одной стороны, европейские страны-участницы взяли обязательства по комплектованию многосторонних войсковых сил НАТО, а США почти не принимали участия в ротационном развёртывании СБР, но их контингенты в Европе активно использовались для тактического взаимодействия с данными силами. С другой — показательны масштаб и особенно форма обязательств — ротационный характер, то есть освобождение от ответственности за комплектование на несколько лет. Это обеспечивало гибкость в использовании национальных «военных машин», диверсифицируя спектр направлений их применения.

Ещё одна важнейшая черта многосторонних группировок НАТО — приложение на практике принципа продвинутого мультилатерализма в строительстве ВС. Оно

было обусловлено политической волей руководства большинства государств либеральной демократии, но одновременно выступало и вынужденным решением в условиях растущей разницы между спектром задач для ВС и ограниченным числом боеспособных войсковых единиц. Почти четверть века с 1990-х по начало 2010-х годов «военные машины» государств евроатлантического сообщества переживали волны сокращений. Например, бундесвер образца 1989 г. имел в сухопутных войсках 36 бригад (до 360 тысяч военнослужащих), а в 2014 г. — 7,5 бригады (около 60 тысяч солдат и офицеров)¹², сократилась и средняя численность одной бригады. При этом ранее использование военного потенциала было ограничено границами ФРГ, а в начале XXI века всё более приобретало глобальный характер. Следствием схожих тенденций в других странах-участницах НАТО стало сокращение штатной численности СБР в начале 2010-х годов с 15 до 13 тысяч солдат и офицеров [Никитин 2016: 7–8].

Обострение противоречий евроатлантического сообщества с Россией создало удобный повод для перехода к восстановительному наращиванию численности личного состава, единиц вооружений и военной техники (ВиВТ), финансирования ВС стран-участниц НАТО в тот момент, когда дальнейшие сокращения были чреваты пробиванием дна боеспособности. При этом наращивание многосторонних группировок Альянса стало по скорости **заметно опережать** увеличение мощи национальных ВС. Данная разница отражала первоочередное фокусирование на противодействии Москве в увязке с выражением трансатлантической солидарности по линии блока. Причём европеизация деятельности НАТО в смысле резкого увеличения объёма активности соответствующих

¹¹ Rede des Bundeskanzlers der Bundesrepublik Deutschland auf der 41. Münchner Konferenz für Sicherheitspolitik, 12.02.2005. AG-Friedensforschung. URL: <http://www.ag-friedensforschung.de/themen/Sicherheitskonferenz/2005-schroeder.html> (дата обращения: 07.11.2022).

¹² Weißbuch 1985 zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Entwicklung der Bundeswehr. Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1985. S. 195; данные сайта Министерства обороны ФРГ <https://www.bundeswehr.de>

Таблица 1
Динамика численности личного состава крупных ВС стран–участниц НАТО, тыс. военных в 2014–2022 годах

Страна/год	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Великобритания	168,7	141,4	139,5	149,4	146,6	144,0	147,3	156,2	156,2
Греция	107,3	104,4	106,0	106,9	109,2	102,5	106,6	110,4	111,4
Германия	178,8	177,2	177,9	179,8	181,5	183,8	183,9	184,8	188,5
Испания	121,8	121,6	121,0	117,7	117,4	117,0	118,7	118,7	118,2
Италия	183,5	178,4	176,3	174,6	174,1	176,4	173,4	171,5	174,8
Польша	99,0	98,9	101,6	105,3	109,5	113,1	116,2	121,0	122,5
США	1 338,2	1 314,1	1 301,4	1 305,9	1 317,4	1 329,2	1 346,7	1 348,4	1 346,4
Турция	426,6	384,3	359,3	416,7	444,3	441,8	433,0	439,1	446,9
Франция	207,0	204,8	208,1	208,2	208,2	207,8	207,6	207,5	207,1
НАТО без США	1891	1811	1788	1857	1893	1883	1896	1922	1960
НАТО в целом	3229	3125	3090	3163	3210	3212	3242	3270	3307

Примечание: на 2021 и 2022 годы представлены предварительные данные.

Источник: составлено автором на основе: Defence expenditure of NATO countries (2014–2022). Communiqué PR/CP (2022) 105. Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2022. P. 12.

стран-участниц отвечало интересам США, но одновременно порождало для них вызов. Он заключался в большей, чем во второй половине XX века, опоре крупнейших континентальных стран–участниц Альянса на собственные силы, а не на поддержку США. Практические предпосылки этой тенденции возникли ещё в середине 2010-х годов, а сама она обрела чёткие очертания на фоне Брекзита и возникновения трампизма. Репрезентативны заявления А. Меркель (2019) о том, что ушло время, когда ФРГ и её европейские партнёры могли опираться на других¹³. В этом и иных выступлениях речь шла об укреплении европейской составляющей Североатлантического альянса, а не только ЕС¹⁴. Не менее показательно было и заявление президента Франции Э. Макрона о «смерти мозга НАТО»¹⁵. Вместе с тем в отличие от Берлина Париж

первоочередное внимание уделял усилению именно ЕС, а не блока [Чернега 2020].

Как следствие, между сентябрем 2014 г. (Уэльский саммит НАТО) и июнем 2022 г. (в преддверии встречи лидеров Альянса в Мадриде) численность СБР увеличилась более чем в 3 раза (с 13 до 40 тысяч)¹⁶, была создана с нуля 10-тысячная наземная компонента СПР¹⁷ (без учёта равных по численности сил США в национальном качестве). Между тем у большинства стран–участниц НАТО, чьи ВС превышали 100 тысяч военнослужащих, наблюдалась иная динамика изменения численности. Она была либо отрицательная (Великобритания, -7,5%; Италия, -4,8%; Испания, -3%), либо практически нулевая (Франция), либо наблюдался небольшой прирост (США, +0,6%; Греция, +3,8%; Турция, +4,8%; ФРГ, +5,4%) (табл. 1). Общий рост

¹³ Rede von Bundeskanzlerin Merkel zur 55. Münchner Sicherheitskonferenz am 16. Februar 2019 in München. 16.02.2019. Bundeskanzleramt. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-zur-55-muenchner-sicherheitskonferenz-am-16-februar-2019-in-muenchen-1580936> (дата обращения: 07.11.2022).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ "Смерть мозга": Макрон поставил НАТО диагноз и предостерег Россию от дружбы с Китаем. 08.11.2019. ТАСС. URL: <https://tass.ru/opinions/7094512> (дата обращения: 07.11.2022).

¹⁶ Defence Ministers decide to bolster the NATO Response Force, reinforce collective defence. 24.06.2015. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_120993.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 07.11.2022).

¹⁷ NATO's Forward Presence. June 2022. NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/2206-factsheet_efp_en.pdf (дата обращения: 07.11.2022).

Таблица 2
Категоризация стран-участниц НАТО по доле расходов от ВВП на военные цели на начало 2020-х годов

Категория: удельный вес	Страны (по оценочному показателю на 2021 г.)	Число
От 2,0 % и более	Литва, Хорватия, Эстония, Латвия, Польша, Великобритания, США, Греция	8
От 1,75 до 1,99 %	Норвегия, Румыния, Франция, Словакия	4
От 1,50 до 1,74 %	Португалия, Черногория, Италия, Болгария, Турция, Венгрия	6
От 1,35 до 1,49 %	Нидерланды, Чехия, Северная Македония, Германия	4
От 1,01 до 1,34 %	Испания, Бельгия, Албания, Словения, Канада, Дания	6
Существенно менее 1,0 %	Исландия ²⁰ + Люксембург	1 + 1
Итого:	—	30

Источник: составлено автором по данным Defence expenditure of NATO countries (2014–2022). Communiqué PR/CP (2022) 105. Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2022. P. 8.

для стран-участниц НАТО без США составил 3,6%, с их учётом — всего 2,4%.

Исключение составляла Польша — рекордные 23,7%. Столь существенное увеличение подкрепляло её жёсткую риторику в отношении России и стремление быть основным реципиентом многостороннего присутствия НАТО в передовой части зоны ответственности (то есть играть ту роль, которая принадлежала ФРГ в конфронтации второй половины XX века).

В 2015–2016 годах, на начальных стадиях конфронтации с Россией, произошёл парадоксальный спад численности ВС в практически всех странах. В этом проявилась инерционность «военных машин», привыкших к длительным сокращениям. Для пересмотра подходов в сторону восстановительного роста, притом медленного, отдельным государствам потребовалось от 3–4 лет до десятилетия. Вместе с тем одна эта причина не способна объяснить столь существенного (уже не планируемого с 2014) сокращения. Разница в скорости изменения численности многосторонних группировок НАТО и национальных ВС означала заметное *повышение интегрированности последних* в рамках Альянса. Эта тенденция сочеталась с постановкой США вопроса о росте военных расходов —

до планки в 2% от ВВП к 2024 г. (инициировано администрацией Б. Обамы на Уэльском саммите 2014¹⁸) и даже 4% (попытка Д. Трампа пролоббировать на Брюссельском саммите 2018 г. провалилась)¹⁹. Среди союзников наблюдалось разнотемное приближение к ориентиру в 2% (табл. 2).

Заданного показателя достигли чуть более четверти стран-участниц: объяснимо нахождение среди них англо-саксонских держав, стран северной части Восточной Европы, Хорватии — то есть наиболее активных сторонников конфронтации с Россией. Особая позиция Греции объяснялась сложностью отношений с Турцией (стороны на протяжении десятилетий находятся в состоянии политического конфликта, в том числе из-за Кипра). Притом большинство «старых» европейских стран-участниц были далеко от достижения 2%. Более того, Германия существенно отставала не только от Франции, но более чем половины союзников по НАТО. Такое положение объяснялось не только инерционностью «военных машин» государств, но и сложностью убеждения общественности, части парламентского корпуса в необходимости перенаправления средств из социальной сферы в военную, то есть пересмо-

¹⁸ Wales Summit Declaration. 05.09.2014. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (дата обращения: 07.11.2022).

¹⁹ Как Трамп пытается диктовать правила партнерам по НАТО. 11.07.2018. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5368792> (дата обращения: 07.11.2022).

²⁰ Не имеет собственных вооружённых сил.

тре тенденции, обеспечивающей электро-
ральную поддержку.

Педалируя наращивание СБР и СПР, США, учитывая их собственное минимальное участие в комплектовании обоих механизмов, сохраняли значительный военный потенциал под сугубо национальным командованием. Он мог использоваться Вашингтоном как для сдерживания России (в том числе под эгидой НАТО), так и для противодействия КНР либо иного наращивания присутствия вне евроатлантического пространства, наконец, для поддержания резерва на американской территории. Эта линия представляла предмет межпартийного консенсуса от Дж. Буша-мл. до Дж. Байдена.

До 2022 г. на официальных встречах лидеров государств-членов НАТО наблюдалось чередование решений по усилению СБР и СПР. Причём сначала наращивание потенциала, притом заметно большее по масштабу, утверждалось для сил быстрого реагирования, лишь спустя 1–2 года — для сил передового развёртывания. К примеру, на Уэльском саммите (сентябрь 2014) было принято решение о существенном (с 13 до 30 тысяч) увеличении СБР, а в составе появилась бригада сверхповышенной боевой готовности (*Very High Readiness Joint Task Force, VJTF*)²¹. В июне 2015 г. численность СБР ещё более возросла (до 40 тысяч)²². Затем на Варшавском саммите (июль 2016) было согласовано создание наземных СПР, усиления иных их компонентов. Эти решения реализовывались с января 2017 года²³.

На Брюссельском саммите в июле 2018 г. было принято решение о создании дополнительных резервов (формула 30×4, 30 батальонных тактических групп, 30 вертолётных эскадрилий, 30 боевых кораблей с достижением готовности в течение 30 суток²⁴) с передачей их под командование НАТО.

Эти силы должны были дополнить в первую очередь СБР, в основном располагаясь в глубине зоны ответственности. Пропуская 2020–2021 годы, отмеченные первыми, наиболее непредсказуемыми волнами COVID-19 с их замораживающим эффектом, на внеочередном саммите Альянса в марте 2022 г. было согласовано развёртывание дополнительных войсковых единиц СПР НАТО²⁵.

Первоочерёдность наращивания СБР обуславливалась различиями в территориальном размещении войск в рамках двух механизмов. Усиление сил быстрого реагирования выглядело менее провокационным в отношении России, ограничивая риски неконтролируемой эскалации. Учёт этого обстоятельства «старыми» странами-участницами НАТО был особенно заметен на ранних стадиях конфронтации. По мере её обострения у представителей Альянса росла уверенность в способности контролировать издержки сдерживания. Важным проявлением этой ревизии стали меры по усилению СПР. Кроме того, не в пример последним комплектование СБР было удобнее для «старых» стран-участниц НАТО тем, что выделяемые для этого войсковые единицы оставались в местах постоянной дислокации или использовались в относительной близости (десятки, а не сотни километров).

Догоняющая динамика усиления СПР объяснялась и тем, что с конца 2010-х годов странам-участницам НАТО стало легче принимать новые обязательства в условиях перехода большинства национальных «военных машин» к восстановительному росту основных параметров. Вместе с тем он отнюдь не предполагал готовности соглашаться на галопирующее повышение интегрированности своих ВС под командование НАТО. Например, в конце 2010-х

²¹ Wales Summit Declaration. 05.09.2014. NATO...

²² Defence Ministers decide to bolster the NATO Response Force... 24.06.2015. NATO...

²³ Warsaw Summit Communiqué. 09.07.2016. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (дата обращения: 07.11.2022).

²⁴ Brussels Summit Declaration. 11.07.2018. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (дата обращения: 07.11.2022).

²⁵ NATO's Forward Presence... NATO...

годов неоднократно осуществлялись вбросы о скором увеличении СБР до 60 тысяч военнослужащих, но этот шаг к 2022 г. так и не был формально осуществлён²⁶. Имевшийся состав (40 тысяч человек) с учётом семилетней очерёдности ротации комплектования сил²⁷ требовал от европейских стран—участниц НАТО резервировать до 280 тысяч военных для нужд Альянса.

Накануне Мадридского саммита (28–30 июня 2022) генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг заявил: «мы усилим наши боевые группы в Восточной Европе до уровня бригад [каждая]. Мы трансформируем силы быстрого реагирования. И увеличим численность войск повышенной боевой готовности. До более чем 300 тысяч [солдат и офицеров]»²⁸. Действительно, на Мадридском саммите было решено иметь 100 тыс. войск со сроком развёртывания до 10 дней, 200 тысяч — от 10 до 30 суток, а ещё 500 тысяч — до полугода²⁹.

Таким образом, впервые в XXI веке на уровне Альянса было декларировано решение, касавшееся не только отдельных группировок, но ВС стран—участниц НАТО в целом. Оно порождало новый уровень интегрированности. Выдвинутая формула означала, что порядка 40% численности личного состава ВС европейских стран—участниц НАТО (в основном наиболее боеспособных сил) резервировалось для использования под эгидой Альянса. На практике интегрирование оставалось всё же условным: в промежутках между выполнением задач в составе группировок блока войска могли использоваться на других направлениях, под эгидой иных объединений.

Принципиально новое состояло, *во-первых*, в *упорядочивании и институционализации обязательств* с фиксированием высо-

кого промежуточного потолка в 800 тысяч военнослужащих. Этот ориентир был эквивалентен общей численности всех ВС Великобритании, Италии, Германии, Франции, вместе взятых (до 750 тысяч, см. табл. 1), и войск США в Европе (не менее 100 тысяч) [Major, Swistek 2022: 5]. *Во-вторых*, был замечен интерес в рамках НАТО к *дальнейшему интегрированию в единую систему* всех многосторонних группировок одновременно в передовой части зоны ответственности и её глубине, то есть дальнейшая имплементация принципа мультилатерализма.

Разворот на 150 градусов: вовнутрь вместо вовне зоны ответственности

Развитие СБР и СБР отражало *перенаправление* основных усилий НАТО с *вовне на вовнутрь её зоны ответственности*. Эта тенденция отражалась на доктринальном уровне — в декларациях по итогам саммитов глав государств и правительств, а также принятой на встрече в Мадриде новой стратегической концепции Альянса (табл. 3).

До начала 2010-х годов основной задачей НАТО неизменно обозначалось кризисное урегулирование, то есть стабилизация ситуации в локальных вооружённых конфликтах, источники которых были расположены на значительном удалении (тысячи километров) от зоны ответственности НАТО³⁰. Обострение отношений с Россией с 2014 г. привело к постановке на первое место задачи по совершенствованию войсковой системы вдоль границ и в глубине зоны ответственности блока. Кризисное урегулирование отодвинулось на вторую позицию, притом с растущим отрывом от первой. Это представляет мощ-

²⁶ NATO Response Force. 2022. NATO...

²⁷ См.: NATO Response Force. 2022. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm (дата обращения: 07.11.2022).

²⁸ Pre-Summit press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg. 27.06.2022. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_197080.htm (дата обращения: 07.11.2022).

²⁹ New NATO Force Model. 2022. NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_files2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf (дата обращения: 07.11.2022).

³⁰ См., например: Strategic Concept 2010. 19.11.2010. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_82705.htm (дата обращения: 07.11.2022).

Таблица 3
Иерархия основных угроз для НАТО: концептуальный уровень

Приоритезация угроз	Саммит				
	Ньюпорт, 2014 г.	Варшава, 2016 г.	Брюссель, 2018 г.	Брюссель, 2021 г.	Мадрид, 2022 г.
1	«Российская угроза»				
2	Угрозы от нестабильных стран Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока				
3	—	—	—	Вызов со стороны КНР	

Источник: составлено автором по данным: Wales Summit Declaration. 5.09.2014. NATO...; Warsaw Summit Communiqué. 09.07.2016. NATO...; Brussels Summit Declaration. 11.07.2018. NATO...; Brussels Summit Communiqué. 14.06.2021. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm (дата обращения: 07.11.2022); NATO 2022 Strategic Concept. Brussels: NATO, 2022. P. 3–5.

нейшим побочным эффектом концепции сдерживания [Истомин 2022]. Вместе с тем обеспечение присутствия в зонах нестабильности в Азии и Африке, в отличие от предшествующей конфронтации Запад–Восток, осталось в списке приоритетов для НАТО. В этой связи разворот Альянса был осуществлён не на 180, а на 150°.

Следует ли понимать такую ревизию как пересмотр линии на глобализацию деятельности Альянса [Штоль 2015: 8–18]? В плане функциональных сфер ответ на этот вопрос отрицательный [Данилов 2021: 26–28]. НАТО декларирует ответственность в растущем числе областей, которые ранее не относились к её компетенции, — кибер- и информационная безопасность, изменение климата, свобода торговли и мореплавания³¹. Вместе с тем применительно к оперированию многосторонних миссий деглобализация присутствует. Она носит сугубо вынужденный характер, отражая неспособность Альянса выступать эффективным менеджером урегулирования вооружённых конфликтов в Азии и Африке. Эти геополитические утраты отчасти могут быть компенсированы вовлечением блока в сдерживание КНР.

Уже администрация Д. Трампа активно зондировала подключение НАТО к ещё одной конфронтации: между США с растущей группой партнёров и КНР. Тем не менее де-юре оно было согласовано лишь при Дж. Байдене: впервые китайская угроза была обозначена в коммюнике саммита

2021 года, а стратегическая концепция 2022 г. включила ещё более жёсткие формулировки. Таким образом, за год произошло ужесточение восприятия не только России, но и КНР, а также рост раздражения Ираном³² — то есть обострение в отношениях с широким кругом незападных держав.

Трансформация приоритетов Альянса в первую очередь отвечала интересам англосаксонских стран-участниц. Причём развитие доктринальных установок в указанном направлении не претерпело изменений на фоне Брекзита и противоречий относительно трампазма. Вместе с тем континентальные европейские страны-участницы лишь отчасти следовали в фарватере линии США и Великобритании. Они также руководствовались рядом собственных соображений.

Во-первых, переориентация НАТО позволила найти повод для убеждения общестественности, привыкшей к урезанию военных расходов и сокращению ВС, в необходимости наращивания «военных машин». При этом в абсолютном большинстве создаваемые войсковые единицы относились к *силам общего назначения* (СОН), то есть войскам, насыщенным танками, БТР и БМП, артиллерией среднего и крупного калибра. СОН традиционно использовались в военных конфликтах с сопоставимыми противниками. Они предназначены для применения значительными массами либо на самой территории государства, его союзников, либо на относительно неболь-

³¹ NATO 2022 Strategic Concept. ... P. 5–11.

³² Ibid. P. 3–5.

шом (сотни километров, но не тысячи) расстоянии от них.

Таким образом, укрепление СОН повышает потенциал НАТО внутри и вблизи зоны ответственности, но едва ли сможет обеспечить рост присутствия под эгидой Альянса в отдалении от неё. Для этого нужны **силы кризисного реагирования** (СКР) — относительно небольшие (не десятки и сотни тысяч военнослужащих, как в случае СОН, но тысячи) «лёгкие» силы. Они практически не имеют тяжёлой техники, но обладают массой различных транспортных средств (наземных, морских, воздушных), способны к переброскам на большие расстояния — в идеале СКР должны иметь способность к развёртыванию в любой точке мира.

Большинство национальных «военных машин», особенно крупных стран—участниц НАТО, к середине 2010-х годов были двусоставными. Причём сокращения всех видов осуществлялись за счёт СОН, а часть высвобождаемых ресурсов направлялась на развитие СКР. С середины 2010-х годов страны—участницы блока сфокусировались на наращивании сил общего назначения, а СКР оказались в тени. Изменение иерархии приоритетов Альянса больно ударило по возможностям военного присутствия представителей евроатлантического сообщества на международной арене. Иллюстративен пример ФРГ, с начала XXI века стремящейся утвердиться в положении глобального игрока: если в начале 2010-х годов вне зоны ответственности НАТО использовалось порядка 7 тысяч военнослужащих (иногда — до 10 тысяч), то в 2014–2015 годах этот показатель упал до 3,5 тысячи [Glatz, Hansen, Kaim, Vorrath 2018: 8–11], а в начале 2020-х — до 2 тысячи военных³³.

Во-вторых, сокращение войскового присутствия конкретных стран Запада

в зонах нестабильности в Азии и Африке, то есть источников экзистенциальных угроз (а не сугубо гипотетической, как «российская»), усугублялось резким сокращением профильных миссий НАТО. Например, на Балканах с 1990-х по начало 2000-х годов под эгидой Альянса реализовывалось 10 разноплановых миссий, в том числе две силовые (военно-воздушные, *Deliberate Force* 1995 и *Allied Force* 1999). После событий 11 сентября 2001 г. ряд европейских стран—участниц НАТО при инициировании антитеррористической коалиции проявили даже большую заинтересованность в задействовании механизма Альянса, чем США³⁴. В дальнейшем они внесли масштабный вклад в деятельность *Международных сил содействия безопасности в Афганистане* (2002–2014; под командованием НАТО — с 2003).

В отличие от операций 1995 и 1999 годов на Западных Балканах, дальнейшая опора на НАТО при проведении военно-силовых операций вне зоны её ответственности стала порождать трудности для Альянса. Показательной оказалась неготовность (в Ираке в 2003) или ограниченная готовность (в Ливии в 2011, в Сирии в 2013) ряда европейских стран—участниц НАТО согласовать интервенции под эгидой Альянса и предоставить ресурсы для поддержки действий США. Иная ситуация, чем в 2001 году, сложилась со второй западной антитеррористической коалицией на сирийско-иракском направлении (с сентября 2014 для борьбы с ИГ³⁵). Согласие на использование механизмов блока в её интересах было достигнуто только в 2018 году.

Кроме того, объём военной активности ФРГ под эгидой Альянса в Ираке и тем более Сирии был заметен меньше³⁶, чем в рамках миссии блока *Resolute Support*

³³ Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr. 2022. Statista.de. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (дата обращения: 07.11.2022).

³⁴ The Bundeswehr on Operations. Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. P. 76.

³⁵ Запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация.

³⁶ Antrag der Bundesregierung. Einsatz bewaffneter deutscher Streitkräfte zur nachhaltigen Bekämpfung des IS-Terrors und zur umfassenden Stabilisierung Iraks. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1093, 07.03.2018. S. 2–5.

в Афганистане (2015–2021) [Glatz, Kaim 2020]. Франция же де-факто отказалась участвовать в последней, сфокусировавшись на стабилизации обстановки в Мали и *G5 Sahel* (также в Буркина-Фасо, Мавритании, Нигере, Чаде) в национальном качестве. ФРГ действовала на данном направлении, где в принципе не участвовала НАТО, используя бундесвер под эгидой ЕС, ООН, Африканского Союза³⁷. Этот подход отражал восприятие западноевропейскими континентальными державами Альянса как объединения, в первую очередь ориентированного на деятельность в Европе. В попытках обеспечить стратегическое присутствие вне евроатлантического сообщества Берлин и Париж к 2020-м годам предпочитали в основном другие форматы. Крупнейшим исключением оставался Афганистан.

Примечательно в этой связи решение администрации Дж. Байдена от 13 апреля 2021 г. о выполнении договорённостей с Талибаном³⁸, заключённых 29 февраля 2020 года (при Д. Трампе). Вывод многосторонних сил НАТО, причём экстренный (изначально к сентябрю, потом к июлю 2021 года), стал стратегическим шоком для европейских союзников, особенно вносящих крупный вклад в *Resolute Support* Германии и Италии³⁹. Таким образом самоликвидировалась наиболее значительная миссия Альянса вне зоны ответственности, альтернативы которой на других стратегических направлениях не просматривается.

Подобная ситуация возникла для НАТО *впервые* с 1990-х годов. Ключевая причина сложившегося положения – неэффективность западной модели урегулирования вооружённых конфликтов в Азии и Африке,

предполагающей внедрение ценностей либеральной демократии при недопущении активного участия незападных игроков. Таким образом, снижение приоритетности задачи по кризисному урегулированию для НАТО (табл. 3) было обусловлено причинами, *не связанными с широко разрекламированной российской угрозой*.

Показательным было педалирование начиная с 2017–2018 годов Францией и Германией идеи наделяния ЕС «стратегической автономией» [Сидоров 2020; Чернега 2020]. В их понимании (особенно Берлина) этот процесс имел две составляющие. Одна – развитие многостороннего войскового потенциала ЕС, особенно его СКР. Вторая – технико-технологическое (многосторонняя разработка и производство перспективных образцов ВиВТ), функциональное, управленческое сопровождение деятельности войсковых единиц ЕС, реализуемое в основном по линии Постоянного структурированного сотрудничества⁴⁰. Тем самым предполагалась трансформация формулы «Берлин+» (2002) о разделении ответственности между ЕС и НАТО. Резкое сокращение деятельности Альянса за пределами евроатлантического сообщества, особенно в зонах нестабильности, планировалось заменить активизацией Европейского Союза. В основном за НАТО закреплялось управление массами (в десятки, сотни тысяч человек) «тяжёлых» войск на общей внешней границе союзников, а за ЕС – миссиями «лёгких» сил (в сотни, тысячи военных) в отдалении от неё.

Вероятность практической реализации такого разделения остаётся дискуссионной. На ключевом направлении стратеги-

³⁷ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.2019. S. 2–8.

³⁸ Запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация.

³⁹ Resolute Support Mission (RSM): Key Facts and Figures. October 2019. NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2019_10/20191022_2019-10-RSM-Placemat.pdf (дата обращения: 07.11.2022).

⁴⁰ См.: Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s projects – Overview. 16.11.2021. The EU. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/53013/20211115-pesco-projects-with-description.pdf> (дата обращения: 07.11.2022).

ческой активности — в Мали — ЕС к середине 2022 г. потерпел провальное поражение (заморозка военно-тренировочной миссии EUTM *Mali*, прекращение прецедентной боевой миссии *Takuba*). Пробуксовывание совместной разработки европейскими союзниками перспективных образцов вооружений стимулировало закупки оных странами-участницами НАТО у США. Например, в условиях затянувшегося создания истребителя шестого поколения совместно с Францией Германия приняла решение закупить партию F-35 производства США для перевооружения одной из эскадр люфтваффе⁴¹.

Ещё более значимы сложности общеполитического характера. Предполагаемое перераспределение функций между НАТО и ЕС удовлетворяет интересам «старых» континентальных европейских стран, позволяя им согласиться с переориентацией Альянса на традиционную зону ответственности. Снимая часть прежних опасений США и Великобритании, изложенное распределение ответственности евроатлантических институтов порождает новые риски. В частности, усложняется координация усилий в зонах нестабильности в Азии и Африке между англосаксонскими державами и государствами-членами ЕС.

В-третьих, подходы союзников по НАТО заметно разнятся в вопросе сдерживания КНР, несмотря на декларирование солидарности на саммитах Альянса 2021 и 2022 годов. Континентальные западно- и южноевропейские государства не стремились к резкой деградации взаимодействия с Пекином. В частности, они демонстрировали неготовность в начале 2020-х годов вносить сколько-нибудь значимый вклад в выстраивание полупериметра сдерживания Китая в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). Их линия шла вразрез с ожиданиями США и Велико-

британии. Последние интенсифицировали сближение с ближайшими партнёрами в ИТР — с Австралией, Японией, отчасти Индией, результатом чего стали активизация формата *QUAD*, создание *AUKUS* (сентябрь 2021) и *Partners in the Blue Pacific* (июнь 2022). По сути, они направлены не только на противодействие КНР, но и на ограничение возможностей Франции и Германии в ИТР.

Наконец, *в-четвёртых*, значим сюжет солидаризации государств-членов НАТО в вопросе поставок ВиВТ официальному Киеву после начала специальной военной операции России. Площадка Альянса использовалась для координации национальных программ оснащения вооружённых сил Украины (ВСУ), стимулирования проявлявших сдержанность игроков (в частности, ФРГ до конца апреля 2022). Изначально упор был сделан на поставки техники производства СССР и Организации Варшавского договора. Этот подход представлялся выгодным для стран-участниц НАТО по ряду причин. В первую очередь против России использовалось советское или российское вооружение. Одновременно ведущие «старые» страны-участницы НАТО — в первую очередь ФРГ, а также США — получали возможность в результате физического реверса ВиВТ усилить привязку «новых» стран-участниц к своим военно-промышленным комплексам.

По мере развития боевых действий Киеву начали передаваться системы вооружений западного производства. Например, речь шла о партиях, каждая из которых позволяла оснастить от роты до неполного батальона, французских САУ *CAESAR*, польских *AHS Krab* или германских штурмовых гаубиц *PzH 2000*, ЗСУ *Gepard*⁴². Значимым стало решение ФРГ от 25 января 2023 года, простимулированное США, о согласии на поставки Киеву танков

⁴¹ DPA: Германия планирует закупить самолеты F-35 для перевооружения ВВС. 14.03.2022. РБК. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14058189> (дата обращения: 07.11.2022).

⁴² См., например: *Militärische Unterstützungsleistungen für die Ukraine*. 2023. Bundeskanzleramt. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/krieg-in-der-ukraine/lieferungen-ukraine-2054514> (дата обращения: 25.01.2023).

Leopard 2A6 и снятии ограничений на их предоставление Украине другими странами⁴³. Вашингтон объявил о готовности направить танки *Abrams*. Тем самым ведущие страны—участницы НАТО приступили к модернизации танковых и механизированных частей ВСУ — ударной наступательной компоненты армии⁴⁴.

Параллельно во многом неудачный опыт по подготовке сил безопасности в конфликтных зонах Азии и Африки (Афганистане, Ираке, Сирии, Мали) был пересмыслен рядом стран—участниц НАТО (в первую очередь Великобританией, Польшей, а также Германией) для подготовки кадров ВСУ. Для усиления последних использовались преимущественно взятые с хранения, то есть законсервированные, единицы ВиВТ, но также и изымаемые из войсковых частей и приобретаемые у производителей. Следует учесть и объёмное военное финансирование, выделяемое на эти и другие цели. Данные шаги замедляли восстановительный рост ВС стран—участниц НАТО, и без того небывший.

Согласие на военно-техническую поддержку Украины обуславливалось неготовностью стран—участниц Альянса допустить возможность ограничения пространства для расширения евроатлантических институтов. Подтверждением тому стал резко возросший интерес к вступлению Швеции и Финляндии в НАТО на фоне специальной военной операции Российской Федерации. *Перманентная* способность к расширению выступала одним из ключевых критериев дееспособности евроатлантического сообщества. Кроме того, без задействования масс личного состава регулярных ВС стран—участниц НАТО на Украине

наносились потери оборонному потенциалу России. ВСУ ускоренно переходили на стандарты блока, выступая весомым дополнением к системе сдерживания Москвы, но оставаясь вне зоны ответственности Альянса. Вместе с тем более масштабным направлением оставалось совершенствование многостороннего потенциала самой НАТО.

Обновлённая концепция сил быстрого реагирования

В середине 2010-х — начале 2020-х годов восприятие сил быстрого реагирования как наиболее мощной компоненты многостороннего потенциала НАТО лишь упрочилось. СБР стали именовать «копьем», остриём которого стали силы сверхповышенной боевой готовности (СПБГ, *VIJTF*). Они изначально задумывались как межвидовое соединение, включавшее не только наземную основу, но также военно-морскую, военно-воздушную компоненты, силы специальных операций⁴⁵. В 2014 г. численность *СПБГ* была определена в 5 тысяч солдат и офицеров, к концу 2010-х годов была увеличена до 20 тысяч военных⁴⁶ (без наращивания СБР в целом). Таким образом, она достигла 50% от общей численности сил быстрого реагирования.

СПБГ представляли эквивалент дивизии усиленного состава, а СБР в целом — корпуса. Комплектование основы сил быстрого реагирования, особенно сил повышенной боевой готовности, возлагалось на одну из крупных стран—участниц НАТО сроком на 12 месяцев. В течение этого срока ещё 2–4 малые страны—участницы помогали ей. Из девяти союзников, чьи вооружённые силы насчитывали 100 тысяч военнослужащих и более (см. табл. 1), в рота-

⁴³ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsidentin Jakobsdóttir am 25. Januar 2023 in Berlin. 25.01.2023. Bundeskanzleramt. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-ministerpraesidentin-jakobsdottir-am-25-januar-2023-2160572> (дата обращения: 25.01.2023).

⁴⁴ Remarks by President Biden on Continued Support for Ukraine. 25.01.2023. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/01/25/remarks-by-president-biden-on-continued-support-for-ukraine/> (дата обращения: 25.01.2023).

⁴⁵ NATO Response Force. 2022. NATO. ...

⁴⁶ Ibid.

ционном списке отсутствовали две — США и Греция. Вашингтон в принципе избегал масштабного участия в комплектовании СБР. Афины доказывали свою особость, подчёркивая напряжённые отношения с Турцией. В 2018 г. «рамочной нацией» при комплектовании *СПБГ* стала Италия, в 2019-м — ФРГ, в 2020-м — Польша, в 2021-м — Турция⁴⁷, а в 2022-м — Франция⁴⁸.

Основной задачей в ходе большинства значимых войсковых манёвров НАТО являлась отработка **выдвижения СБР к границам зоны ответственности Альянса**. Этой задаче были посвящены учения *Noble Jump 15* (июнь 2015, 2,1 тысячи военнослужащих)⁴⁹, одна из компонент намного более крупных манёвров *Anakonda 16* (июнь 2016). В результате был накоплен опыт выдвижения из ФРГ в Польшу группировки СБР, но в обоих случаях её состав был небольшим (менее бригады).

В октябре — ноябре 2015 г. на учениях *Trident Juncture 15* (36 тысяч задействованных военнослужащих), проводившихся на Пиренейском и Апеннинском полуостровах, аналогичная задача решалась для южноевропейских рубежей НАТО⁵⁰. Запланированные ещё на саммите 2014 года, манёвры *Trident Juncture 15* стали апробацией возможностей Альянса по борьбе с угрозами нестабильности из Ближнего Востока и Северной Африки, на практике показав ограниченность потенциала НАТО.

В конце 2010-х — начале 2020-х годов ключевым направлением стало скандинав-

ское. Отдельные элементы были отработаны США и Францией в ходе национальных манёвров шведских войск *Aurora 17* (сентябрь 2017)⁵¹. Выдвижение из глубины сильной межвидовой группировки СБР с соединением СПБГ в виде ударного конечника отработывалось в ходе манёвров *Trident Juncture 18* (50 тысяч военнослужащих, октябрь — ноябрь 2018)⁵² и *Cold Response 22* (30 тысяч задействованных солдат и офицеров, март — апрель 2022)⁵³. Страны-участницы НАТО стремились отладить функционирование крупных межвидовых сил в условиях поздней осени и ранней весны в природно-климатических условиях Севера.

В последовательности учений прослеживалась географическая логика. Сначала отработка выдвижения из глубины СБР шла в восточном направлении и параллельно — в южном, затем, с некоторым временным лагом, — северном. Причём на стратегических флангах, особенно скандинавском, масштаб группировок был намного больше. Это тем парадоксальнее, что субарктические пространства, в отличие от Восточной, Южной Европы, постсоветского пространства, не приспособлены для использования крупных масс войск, особенно наземных. Тем не менее на северном направлении НАТО проводила важнейших учений не 1–2 года, но как минимум пятилетие (2018–2022), причём уже после того, как восстановительный рост большинства национальных «военных машин» стартовал.

⁴⁷ Turkey takes charge of NATO high readiness force. 01.01.2021. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_180627.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 07.11.2022).

⁴⁸ France takes the lead of NATO's highest readiness force. 29.12.2021. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_190458.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 07.11.2022).

⁴⁹ NATO 'Spearhead' Force deploys for first time, Exercise Noble Jump underway. 09.06.2015. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_120512.htm (дата обращения: 07.11.2022).

⁵⁰ Exercise Trident Juncture 2015. October 2015. NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2015_10/20151008_1510-factsheet-tj15_EN.pdf (дата обращения: 07.11.2022).

⁵¹ AURORA 17. September 2017. Forsvarsmakten. URL: <https://www.forsvarsmakten.se/en/activities/exercises/aurora-17/> (дата обращения: 07.11.2022).

⁵² Trident Juncture 2018. 29.10.2018. NATO. URL: <https://www.nato.int/cps/en/natohq/157833.htm> (дата обращения: 07.11.2022).

⁵³ Exercise Cold Response 2022 — NATO and partner forces face the freeze in Norway. 07.03.2022. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_192351.htm (дата обращения: 07.11.2022).

В отличие от манёвров на юге Европы и в Польше в случае Скандинавии присутствовал сопоставимый уровень интереса к учениям всей тетрархии западных держав (США, Великобритания, Франция, ФРГ). Объяснение этой заинтересованности можно искать в том, что в Скандинавии не было многосторонних СПР, и, в отличие от стран Восточной Европы, Осло не ставил вопрос об их учреждении. Между тем США при поддержке Великобритании добивались развёртывания на севере Норвегии войскового присутствия (при Д. Трампе)⁵⁴, а затем доступа на ряд военных баз (при Дж. Байдене)⁵⁵. В свою очередь ФРГ предложила Норвегии привилегированное сотрудничество в военно-технической области⁵⁶.

Учения *Trident Juncture 18* и *Cold Response 22*, обеспечивая сближение «военных машин» НАТО, Швеции и Финляндии, содействовали утверждению в последних идеи вступления в Альянс. Соответствующие решения Стокгольмом и Хельсинки были принципиально согласованы с аппаратом блока 24 января 2022 года⁵⁷, то есть *за месяц до начала специальной военной операции Российской Федерации. Этим опровергаются утверждения, что она выступила причиной расширения НАТО в Северной Европе*. Вместе с тем в ходе военно-тренировочной деятельности Альянса на северном фланге основное внимание привлекала всё же не Швеция или Финляндия, а Норвегия.

Она существенна как партнёр для стратегического проникновения в Арктику. Для США ценность Норвегии повышают

противоречия с Канадой по арктическому вопросу (в том числе из-за идеи интернационализации Северо-Западного прохода), отчасти с Данией (после постановки Д. Трампом в 2019 г. вопроса о приобретении Гренландии). Как следствие, растёт стремление ФРГ, Великобритании, США наращивать присутствие в самой северной части передовой части зоны ответственности НАТО вне механизма СПР.

В конце 2010-х — начале 2020-х годов силы быстрого реагирования окончательно оформились как мощный оперативно-стратегический резерв НАТО. Развёртывание действующих СБР или войск, в рамках ротации предназначенных для их комплектования в прошлом и (или) дальнейшем, позволяло Альянсу быстро нарастить силы и средства на избранном направлении и тем создать основу для перехода к наступательным действиям.

Трансформация сил передового развёртывания Альянса

Первые элементы СПР появились в Восточной Европе сразу после расширения НАТО 2004 года. Тем не менее в первое десятилетие они были представлены лишь военно-воздушной и военно-морской компонентами. Требовалось время (5–10 лет), чтобы перевести «военные машины» новых стран-участниц на стандарты НАТО. Сдерживающее значение имело и стремление смягчить российскую обеспокоенность относительно продвижения Альянса на восток. Вместе с тем тезис о российской угрозе уже в странах-участницах НАТО предоставлял повод для создания войско-

⁵⁴ Some 330 U.S. Marines to be temporarily stationed in Norway in 2017. 24.10.2016. Arctic Today. URL: <https://www.arctictoday.com/some-330-u-s-marines-to-be-temporarily-stationed-in-norway-in-2017/> (дата обращения: 07.11.2022).

⁵⁵ New Norway — USA Defense Agreement Allows Extensive US Authority in the North. 08.06.2022. High North News. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/new-norway-usa-defense-agreement-allows-extensive-us-authority-north> (дата обращения: 07.11.2022).

⁵⁶ Neue U-Boote und Seeziel-Flugkörper für die Marine. 09.07.2021. BMVg. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/ausrustung-baainbw/aktuelles/deutsch-norwegische-u-boote-und-seeziel-flugkoerper-5109534> (дата обращения: 07.11.2022).

⁵⁷ Press conference with NATO Secretary General Jens Stoltenberg, the Minister for Foreign Affairs of Finland, Pekka Haavisto and the Minister for Foreign Affairs of Sweden, Ann Linde. 24.01.2022. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_191039.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 07.11.2022).

вых механизмов в регионе. В 2004 г. это были настоятельные просьбы государств Балтии, в 2008 году — взволнованность Запада в связи с операцией Москвы по принуждению к миру Грузии.

Изначально были учреждены миссия по патрулированию воздушного пространства стран Балтии (*Baltic Air Policing*), постоянные группы: 1-я морская (1-я ПМГ) и 1-я контрминная (1-я ПКМГ), оперирующие в Северном и Балтийском морях, прилежащих к ним заливах и проливах. В 2008 г. они были дополнены 2-й ПМГ и 2-й ПКМГ, действующими в черноморской и средиземноморской акваториях. Эпитет «постоянный» обозначал их непрерывное функционирование, но не состав: все морские группы, как и группировки СПР в целом, комплектовались на ротационной основе. Кроме того, всем элементам СПР НАТО придавался многосторонний характер с преобладающим вкладом европейских стран-участниц. В плане предоставления войск и техники США вносили меньший вклад, чем другие крупные страны-участницы Альянса в среднем. Иную роль они стали играть после обострения противоречий между Россией и Западом, стимулируя европейских партнёров решительнее наращивать СПР.

В 2014–2016 годах в Восточной Европе появились прецедентные наземные войсковые элементы СПР. Они были представлены силами США: шесть американских ротных тактических групп расположились в странах Балтии, Польше, Румынии и Болгарии (по одной в каждой стране). Контингенты были развёрнуты в национальном качестве в рамках миссии *Atlantic Resolve* («Атлантическая решимость») [Никитин 2016: 7–9]. Это положение определило будущую двусоставность СПР НАТО, в первую очередь сухопутных: параллельное наличие монациональных

(лишь США) и многосторонних (в которых Соединённые Штаты вносили ограниченный вклад) войсковых механизмов.

Неучастие европейских союзников в происходившем развёртывании обуславливалось стремлением не допустить в отношениях с Россией резкой неконтролируемой эскалации напряжённости в ситуации, когда только начиналась выработка новых либо реактивация старых правил поведения в условиях конфронтации. Из ведущих стран Запада в наибольшей мере эти опасения испытывала Германия. Это подтверждается минимизацией использования соединений бундесвера в военно-тренировочной деятельности НАТО в Восточной Европе весной — осенью 2014 года, с последующим ростом его вовлечённости.

В военном отношении «старым» странам-участницам НАТО требовалось время для проверки, отладки и расширения тыловой инфраструктуры. Не менее острой была потребность в штабной инфраструктуре: значимым в этой связи стала реорганизация в феврале 2015 г. штаба датско-германо-польского корпуса «Северо-Восток» в многостороннее управление с сохранением прежнего названия⁵⁸. Кроме того, после сокращений национальных «военных машин» на протяжении четверти века для «старых» стран-участниц НАТО оказалось проблематичным выделить необходимое количество войск для СПР в условиях резко возросшей нагрузки по линии СБР и сохранения миссий вне евроатлантического пространства.

Сами США не желали нести существенную нагрузку (суммарно более одной усиленной батальонной тактической группы) без европейских союзников. Пик усилий Вашингтона без соразмерной поддержки европейских партнёров пришёлся на учения *Anakonda 16* (7–17 июня 2016), проходившие в основном в Польше⁵⁹. Ключ-

⁵⁸ Trilateral Statement on HQ Multinational Corps Northeast at NATO Defence Ministers. Meeting 5 February 2015. Brussels: NATO, 2015. P. 1–2.

⁵⁹ NATO countries begin largest war game in eastern Europe since the Cold War. 06.06.2016. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/06/nato-launches-largest-war-game-in-eastern-europe-since-cold-war-anaconda-2016> (дата обращения: 07.11.2022).

чевой вклад внесли Соединённые Штаты, принимающая сторона и Великобритания: они выделили 14 тысяч, 12 тысяч и 800 военнослужащих соответственно⁶⁰, то есть 86,5 % от общего числа задействованных сил.

Положение стало меняться после Варшавского саммита НАТО (8–9 июля 2016), состоявшегося вскоре после *Anakonda 16*. Большинство стран-участниц НАТО согласилось с необходимостью развёртывания войсковых многосторонних механизмов СПР – батальонных тактических групп (БТГ) – из расчёта одна в каждой из стран Балтии и Польше⁶¹. Помимо этого, было решено расширить состав всех постоянных морских групп и миссии по патрулированию воздушного пространства стран Балтии⁶². Вопреки настоятельным требованиям Польши был принципиально подтверждён ротационный характер комплектования СПР⁶³. 4 БТГ, то есть эквивалент бригады, начали функционировать с января 2017 года. Параллельно непосредственно США (также на ротационной основе) развернули на территории Польши и балтийских государств «тяжелую» бригаду⁶⁴.

Таким образом, окончательно закрепились двуединая композиция наземных СПР НАТО. Причём вклад США в национальном статусе оказался примерно равен многостороннему вкладу других стран-участниц Альянса. С учётом компоненты Соединённых Штатов в многосторонней БТГ в Польше их удельный вес превышал половину от общего потенциала. Соединённые Штаты стимулировали континентальных западно-, северо- и южно-европейских партнёров к внесению вой-

сковой нагрузки в комплектование группировок в Восточной Европе. Одновременно Вашингтон обеспечивал своё преобладающее положение – над любым другим государством-членом, над ними в целом.

Примечателен список рамочных государств для многосторонних БТГ: Великобритания, Канада, ФРГ и США (табл. 4). Тем самым по линии СПР был определён круг игроков, наиболее заинтересованных в наращивании многостороннего потенциала НАТО. Более чем логично нахождение в этом списке США и Великобритании. Вашингтон укрепил и без того продвинутое сотрудничество с Польшей, сильным игроком в регионе; Лондон – с наиболее выдвинутой в сторону России страной Балтии – Эстонией. БТГ с направляющей ролью США и Великобритании окаймляли с флангов всю композицию боевых групп. Наличие в рассматриваемом списке Германии отражало постепенно, но неуклонно крепнувшее стремление Берлина принимать роль «рамочной нации» [Glatz, Zapfe 2017], подводя практическую основу под лидерские амбиции ФРГ.

Выбор Литвы как основного реципиента присутствия бундсвера был обусловлен рядом причин. Своё влияние оказал статусный спор между Берлином и Варшавой. Его проявлениями стали отказ от приглашения Польши к участию в «нормандском формате», снижение интереса к использованию «веймарского треугольника» и создание Варшавой препона для развития диалога Берлина с Вышеградской группой. Литва исторически воспринималась хотя и меньшим, но всё же сопоставимым по влиянию с Польшей

⁶⁰ NATO countries begin largest war game in eastern Europe since the Cold War. 06.06.2016. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/06/nato-launches-largest-war-game-in-eastern-europe-since-cold-war-anaconda-2016> (дата обращения: 07.11.2022).

⁶¹ Warsaw Summit Communiqué. 09.07.2016. NATO...

⁶² Ibid.

⁶³ Die wechselseitigen Beziehungen Deutschlands, Frankreichs und Polens seit Wegfall des „Eisernen Vorhangs“ unter besonderer Berücksichtigung der Initiative „Weimarer Dreieck“. Deutscher Bundestag, Wissenschaftliche Dienste. WD 2 - 3000 - 075/16. 17. Mai 2016. S. 16–17.

⁶⁴ American Armored Brigade Combat Team in Poland. 31.08.2017. The US Department of State. URL: <https://pl.usembassy.gov/abct/> (дата обращения: 07.11.2022).

Таблица 4

Схема участия государств—членов НАТО в комплектовании боевых многосторонних групп СПР (на 1 ноября 2022)

Государство-реципиент ⁶⁵	Дата (де-факто) учреждения группы	«Рамочное государство»	Остальные страны-участницы	Факт перехода к уровню бригады (+ или –) ⁶⁶
Эстония	Январь 2017 г.	Великобритания	Дания, Исландия, Франция	+
Латвия	Январь 2017 г.	Канада	Албания, Испания, Италия, Польша, Северная Македония, Словакия, Словения, Черногория, Чехия	+
Литва	Январь 2017 г.	Германия	Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Чехия	+
Польша	Январь 2017 г.	США	Великобритания, Румыния, Хорватия	–
Словакия	Март 2022 г.	Чехия	Германия, Нидерланды, Словения	–
Венгрия	Март 2022 г.	Венгрия	Италия, США, Турция, Хорватия, Черногория	–
Румыния	Март 2022 г.	Франция	Нидерланды, Польша, Португалия, Северная Македония, США	+
Болгария	Март 2022 г.	Италия (до октября 2022 г. – Болгария)	Албания, Греция, Северная Македония, США	+

Источник: составлено автором по данным NATO's military presence in the east of the Alliance. 2022. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (дата обращения: 7.11.2022).

игроком⁶⁷, являясь сильнейшей в триумвирате стран Балтии. Сотрудничество с ними относилось к числу ключевых направлений внешней политики ФРГ. Участием в комплектовании БТГ в Литве, причём вблизи дислокации элитной национальной бригады «Железный волк»⁶⁸, Германия подвигла дополнительную основу под сотрудничество со странами Балтии, действуя зеркально в отношении политики США на польском направлении.

Наиболее примечателен случай Канады как рамочного государства для БТГ в Латвии. Во второй половине XX века Оттава участвовала в комплектовании передового эшелона группировок НАТО по просьбе других англосаксонских держав, стремясь к оптимизации численности сил и, в случае

возникновения благоприятных условий, их скорейшему выводу. В 2010-х Канада в Латвии заняла то положение, которое потенциально отводилось Франции. Свою роль здесь сыграло жёсткое отношение Оттавы к Москве на фоне украинских событий⁶⁹, учёт пожеланий США и Великобритании. Тем не менее главной стала неготовность Парижа принять роль «рамочного государства» – вместо этого он стал рядовым участником БТГ в Эстонии, следуя в фарватере Соединённого Королевства.

Причины этой пассивности лежали в нежелании Франции подрывать диалог с Россией в преддверии смены президента (выборы в мае 2017). Ф. Олланд заранее отказался от борьбы, оставляя широкое по-

⁶⁵ Даны по расположению с севера на юг.

⁶⁶ С учётом данных: [Major, Swistek, 2022: 5–7].

⁶⁷ Уместно привести пример Речи Посполитой (1569–1795), основу которой составляли «корона» (Польское королевство) и «княжество» (Великое княжество Литовское).

⁶⁸ Iron Wolf: Höhepunkt jeder EFP-Rotation. 01.07.2019. BMVg. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkannte-missionen/efp-enhanced-forward-presence/iron-wolf--67288> (дата обращения: 07.11.2022).

⁶⁹ Канада после окончания Второй мировой войны стала ключевым реципиентом украинской эмиграции националистического толка, то есть активных членов ОУН-УПА (запрещена в России).

ле маневрирования для будущего победителя Э. Макрона. Кроме того, Париж, как и Рим, повышенное внимание уделял противодействию угрозам нестабильности, что проецировались с североафриканского и ближневосточного направлений. Значимой была активизация военного присутствия Франции в Мали и *G5 Sahel* в целом. На фоне общего снижения активности ведущих государств Запада вне зоны ответственности НАТО такое поведение было девиантным, показывая особость Франции не только в вопросе комплектования многосторонних СПР.

Как и в случае морских и воздушных элементов СПР, процесс развёртывания наземных сил стартовал на северо-восточном фланге, а также в центре, отставая на юго-востоке. СПР в Польше и странах Балтии обозначались как усиленное передовое присутствие (*enhanced Forward Presence, eFP*). В Болгарии, Венгрии, Румынии и Словакии они определялись как адаптированное передовое присутствие (*tailored Forward Presence, tFP*)⁷⁰. Причина такого разграничения лежала опять же в опасениях ряда европейских стран—участниц НАТО эскалации напряжённости с Россией. Создание наземных боевых групп выступало чувствительной мерой, подстёгивающей конфронтацию. Их создание в непосредственной близости от Украины (вооружённый конфликт на востоке которой перешёл в тлеющую фазу, не будучи урегулирован) и Молдовы (учитывая приднестровский вопрос) воспринималось как чрезмерно провокационный шаг в середине 2010-х.

Вместе с тем он перешёл лишь в категорию отложенных, но не отменённых.

Подтверждением тому выступала развёрнутая сеть многосторонних штабов и миссий связи. В дополнение к управлению корпуса «Северо-Восток» (в Шечине, Польша) на саммите НАТО (2016) было принято решение о создании штаба дивизии «Юго-Восток» с дислокацией в Бухаресте⁷¹. Таким образом, создавалось командование под будущие многонациональные боевые группы в южной части Восточной Европы.

Параллельно с подчинением управлению корпуса «Северо-Восток» создавался штаб одноимённой дивизии (в Эльблонге, Польша): он достиг боеготовности в декабре 2018 года. В октябре 2020 г. было завершено отлаживание штаба дивизии «Север» (в Адажи, Латвия)⁷². На рубеже десятилетий стало формироваться ещё одно многостороннее командование дивизионного уровня — «Центр» с дислокацией в Секешфехервар в Венгрии⁷³, которое также подчинялось корпусному управлению «Северо-Восток». Таким образом, пандемия COVID-19 не стала препятствием для наращивания СПР. Штабная структура опережала в своём развитии развёртывание войсковых единиц и указывала *предполагаемые направления и объёмы* будущих сил.

Учитывая, что стандартная дивизия большинства стран—участниц НАТО состоит из трёх бригад и частей прямого (дивизионного) подчинения, система штабов в начале 2020-х годов была готова обеспечить командование 12 бригадами СПР. Для сопоставления: бундесвер имел в своём составе всего 7,5 бригады⁷⁴. Причём формально к январю 2022 г. в подчинении штабов СПР НАТО оставались ротируемые

⁷⁰ NATO's military presence in the east of the Alliance. 2022. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm

⁷¹ Warsaw Summit Communiqué. 09.07.2016. NATO. ...

⁷² NATO's military presence in the east of the Alliance. NATO. 2022. ...

⁷³ Headquarters Multinational Corps Northeast forges bonds with allies during hands-on event in Hungary. NATO. 02.07.2021. Mode of access: <https://mncne.nato.int/newsroom/news/2021/headquarters-multinational-corps-northeast-forges-bonds-with-allies-across-hungary-during-hands-on-event> (дата обращения: 07.11.2022).

⁷⁴ Рассчитано автором на основе данных сайта Министерства обороны ФРГ: <https://www.bundeswehr.de/de>

силы масштаба 2017 года: бригада ВС США и 4 многосторонние БТГ⁷⁵. Например, в подчинении штаба дивизии «Север» оказались лишь БТГ в Латвии и Эстонии, передовые подразделения бригады США; «Северо-Восток» — БТГ в Польше и Литве, основные силы указанного соединения⁷⁶, а дивизии «Центр» и «Юго-Восток» в плане войскового наполнения были «бумажными».

Тем самым задолго до начала специальной военной операции России был подготовлен в плане управления очень значительный рост *eFP*. Его первые признаки появились уже в начале 2022 года. В частности, было принято решение о формировании многонациональной бригады в составе дивизии «Юго-Восток», а также усилении имевшихся боевых групп⁷⁷. США начали развёртывать вторую по счёту бригаду: будучи мотопехотной (в отличие от бронетанковой/бронекавалерийской с 2017), она должна была основные силы развернуть в Румынии, а передовые части — в Болгарии и Венгрии⁷⁸.

Данное наращивание стало возможным ввиду того, что прошло требуемое время для убеждения всех стран-участниц НАТО в заполнении войсками отстающего юго-восточного фланга СПР. Значимым индикатором стали учения *Sea Breeze 21* (28 июня — 10 июля 2021), проведённые с опорой на инфраструктуру Болгарии и Румынии. В них были вовлечены военно-морские силы большинства стран-участниц НАТО, сухопутный компонент

манёвров проходил в прибрежных районах Одесской и Николаевской областей Украины⁷⁹.

Начало специальной военной операции России было использовано как повод для ускоренного наращивания *eFP*. Уже 24 марта 2022 г. на специальном саммите НАТО было принято решение о формировании четырёх новых БТГ — по одной в Словакии, Венгрии, Румынии и Болгарии: юго-восточный фланг СПР получал многостороннее войсковое содержание. Тем не менее вскоре он вновь оказался отстающим по количественным параметрам от центра и северо-востока [Major, Swistek 2022: 5].

7 июня 2022 года, спустя примерно сто дней после начала специальной военной операции России, О. Шольц после встречи с лидерами стран Балтии заявил о решении перевести БТГ в Литве с батальонного на бригадный уровень⁸⁰. Не являясь «рамочным государством» для вновь учреждённой БТГ в Словакии (эти функции приняла Чехия), тем не менее ФРГ стала вносить наибольший вклад в деятельность данного войскового механизма (табл. 5). В итоге Германия летом 2022 г. вышла на первое место по весу в комплектовании многосторонних боевых групп СПР — 13,6%. Для США этот показатель составлял 12,1%, Великобритании — 11,6, Франции — менее 8, Италии — только 2,6%. Греция, а до осени 2022 г. также Португалия и Турция не выделяли наземных войск в состав СПР (см. табл. 4, 5).

⁷⁵ NATO's Enhanced Forward Presence. Factsheet. NATO. February 2022. URL: https://shape.nato.int/resources/site16187/General/factsheets/2022-factsheet_efp.pdf (дата обращения: 07.11.2022).

⁷⁶ NATO's military presence in the east of the Alliance. 2022. NATO...

⁷⁷ Boosting NATO's presence in the East and Southeast. 07.01.2022. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (дата обращения: 07.11.2022).

⁷⁸ FACT SHEET — U.S. Defense Contributions to Europe. The US Department of Defence. 29.06.2022. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (дата обращения: 07.11.2022).

⁷⁹ TACC: учения NATO Sea Breeze в Черном море носят плановый характер. 23.07.2022. Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5479670> (дата обращения: 07.11.2022).

⁸⁰ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz, dem Präsidenten von Litauen Nausėda, der Ministerpräsidentin von Estland Kallas und dem Ministerpräsidenten von Lettland Kariņš. 07.06.2022. Bundeskanzleramt. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-dem-praesidenten-von-litauen-nausėda-der-ministerpraesidentin-von-estland-kallas-und-dem-ministerpraesidenten-von-lettland-kariņš-am-7-juni-2022-in-wilna-2048428> (дата обращения: 07.11.2022).

ФРГ последовательно двигалась по пути утверждения в роли «рамочной нации» при комплектовании широкого спектра группировок НАТО, реализуя лидерские амбиции. Между тем США продолжали фоку-

сироваться на использовании войск под национальным командованием. Особую линию демонстрировала Анкара – её отход от либеральных демократий в том числе в ценностном отношении с декларирова-

Таблица 5
Состав многонациональных БТГ СПР НАТО (июнь 2022)

Государство-вкладчик/ страна размещения	Эстония	Латвия	Литва	Польша	Словакия	Венгрия	Румыния	Болгария	Всего
Державы НАТО									
США				780		130	120	135	1165
Великобритания	993 ⁸¹			129					1122
Германия			1031		284				1315
Франция	219						550		769
Иные страны–участницы НАТО из:									
<i>Северной Америки</i>									
Канада		639							639
<i>Северной Европы</i>									
Дания	217								217
Исландия	1	1	1						3
Норвегия			188						188
<i>Западной Европы</i>									
Бельгия			1				248		249
Люксембург			6						6
Нидерланды			270		125				395
<i>Южной Европы</i>									
Испания		504							504
Италия		250							250
<i>Балкан</i>									
Албания		21						30	51
Сев. Македония		9							9
Словения		42			101				143
Хорватия				4		60			64
Черногория		11							11
<i>Восточной Европы</i>									
Болгария								803	803
Венгрия						710			710
Польша		177					230		407
Румыния				120					120
Словакия		152							152
Чехия		81	135		133				349
Всего	1430	1887	1632	1033	643	900	1148	968	9641

Источник: составлено автором по данным NATO's Forward Presence, June 2022. NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/2206-factsheet_efp_en.pdf (дата обращения: 07.11.2022).

⁸¹ Выделены показатели для «рамочного государства» в случае каждой боевой группы.

нием принципов неоосманизма и пантюркизма [Шлыкков 2020: 114–120].

Весной–осенью 2022 г. принятие функций «рамочной нации» и участие в комплектовании многосторонних боевых групп СПР окончательно превратилось в военно-имиджевый атрибут для ведущих стран–участниц НАТО, учитывая рост внимания к СПР в целом. В рамках сил передового развёртывания ФРГ занимала второе место по вносимому вкладу, но примерно с кратным отставанием от лидера – США с учётом двух их бригад⁸². В марте 2022 г. Франция изъявила желание стать «рамочной нацией» для БТГ в Румынии, а в октябре аналогичную роль приняла Италия для БТГ в Болгарии⁸³. В результате к ноябрю 2022 г. США принимали участие в комплектовании четырёх боевых групп, Италия – трёх, Германия, Великобритания, Франция, а также Польша – двух (см. табл. 4). Это наглядно иллюстрировало соотношение потенциалов крупнейших игроков в НАТО, сложившееся на конец 2022 года.

Параллельно с фактическим усилением боевых групп в Польше и странах Балтии⁸⁴ стартовал процесс дальнейшего усиления боевых тактических групп к югу, особенно в Словакии, Румынии и Болгарии. Такое наращивание выступало не только дополнительной мерой сдерживания России, но и средством опосредованного давления на Сербию, которая не проявляла готовности присоединиться к рестриктивным мерам в отношении Москвы.

В конце 2010-х – начале 2020-х годов в Восточной Европе была в основе выстроена мощная система противодействия России. СПР представляли собой глубоко модернизированный вариант первого стратегического эшелона предшествующей «холодной войны», будучи намного более продвинутыми в плане отлаженности сотрудничества между контингентами широ-

кого круга стран–участниц НАТО. Возможности СПР, особенно учитывая возможность их оперативного дополнения СБР на важнейших направлениях, позволяют рассматривать их потенциал как достаточный не только для обороны, но и наступления.

К середине 2010-х годов для большинства стран–участниц НАТО назрела потребность в восстановительном наращивании национальных «военных машин» с приоритетным развитием сил общего назначения. Направленность данных процессов заметно корректировали США. Курс на ускоренное наращивание масштабных группировок Альянса (СПР, СБР, оперативно-тактические резервы) резко повысил уровень интегрированности ВС европейских союзников в НАТО. Сами Соединённые Штаты сохраняли свободу манёвра благодаря минимизации участия в комплектовании СБР и многосторонних СПР при мощном национальном компоненте в составе последних. Вместе с тем растущий вклад «старых» стран–участниц в деятельность НАТО создавал трудности на пути упрочения позиций США в Альянсе. Показателен пример ФРГ: она де-факто претендовала на роль «рамочного государства» в наибольшем числе многосторонних группировок и одновременно наименее активно наращивала военные расходы (в % от ВВП).

Асимметрия роста наблюдалась как между *силами быстрого развёртывания* и *силами передового развёртывания* (более раннее и масштабное усиление первых), так и в рамках СПР между северо-восточным и юго-восточным флангами. Притом до начала 2020-х годов СПР отсутствовали на скандинавском направлении ввиду борьбы за влияние на Норвегию среди западных держав, а также в Турции, что

⁸² См.: FACT SHEET – U.S. Defense Contributions to Europe... 29.06.2022...

⁸³ Italy takes command of NATO's multinational battlegroup in Bulgaria. 17.10.2022. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_208439.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 07.11.2022).

⁸⁴ First German NATO brigade troops arrive in Lithuania. 04.09.2022. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_207051.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 07.11.2022).

объяснялось растущим отдалением последней от либеральных демократий.

Ротационный и многонациональный характер комплектования СБР и СБР европейскими странами-участницами сочетался с принятием ими повышенных (800 тысяч военнослужащих, или свыше 40 % от численности их ВС на июнь 2022) обязательств по резервированию войск для применения по линии НАТО.

В середине 2010-х — начале 2020-х годов наблюдалось снижение возможностей (с учётом деградации обстановки в вооружённых конфликтах, в которых Альянс играл заметную роль в урегулировании), а также готовности использовать силы НАТО вне зоны её ответственности. Это изменение отражало позицию как европейских континентальных стран-участниц (их позиция по Сирии и Ираку), так и англосаксонских государств (что продемонстрировал Афганистан). Между тем альтернати-

вы доминировавшей до этого глобализации деятельности НАТО виделись союзникам по-разному. США и Великобритания выказывали интерес к большему включению Альянса в сдерживание КНР. В свою очередь, ФРГ и Франция фокусировались на наделении ЕС расширенным потенциалом в зонах нестабильности в Азии и Африке, то есть ревизии формулы «Берлин+».

Пунктом консенсуса выступало расширение функционала НАТО — вширь (новые предметные сферы невоенного характера), а также в плане интегрирования в единое целое всех военных группировок. В первую очередь это проявлялось во взаимопроникновении СБР и СБР, которому способствует то, что на разных временных промежутках в их комплектовании участвуют одни и те же бригады, дивизии, национальные «военные машины» в целом. Таким образом, получает развитие принцип продвинутого мультилатерализма в строительстве ВС.

Список литературы

- Арзаманова Т.В. Европейская оборона: Пазл со многими неизвестными // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 21–52. DOI: 10.31249/ape/2020.04.02.
- Бартош А.А. Что происходит в НАТО и с НАТО // Дипломатическая служба. 2020. № 1. С. 15–26. DOI: 10.33920/vne-01-2001-03.
- Васильев В.С. Англосаксонские сдерживали нарастающего глобального цивилизационного противостояния // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 234–257. DOI: 10.31249/ape/2022.04.10.
- Воротников В.В. Евроатлантическая интеграция стран Балтии: некоторые итоги // Современная Европа. 2019. № 7. С. 124–135. DOI: 10.15211/soveurope72019124135.
- Данилов Д.А. Глобальные горизонты атлантического альянса: «вакцина» Байдена // Современная Европа. 2021. № 5. С. 19–31. DOI: 10.15211/soveurope520211931.
- Зайцев А.А., Зайцева Н.В. О воинских контингентах США и НАТО в Европе // Труды БГТУ. Серия 6: история, философия. 2020. № 1. С. 82–85.
- Истомин И.А. Блеск и нищета концепции сдерживания // Россия в глобальной политике. 2022. № 2. С. 158–164. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-2-158-164.
- Истомин И.А. Современная западная теория военно-политических альянсов: достижения и лакуны // Международные процессы. 2017. № 4. С. 93–114. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.6.
- Истомин И.А., Болгова И.В., Сушенцов А.А., Ребро О. (2020). Логика эволюции НАТО: достижения и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 1. С. 26–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-26-34.
- Никитин А.И. Перспективы военно-политической интеграции в Азии. Быть ли “азиатской НАТО”? // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 8. С. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-8-5-15.
- Никитин А.И. Усиление НАТО на восточных границах альянса и перспективы расширения НАТО на север // Ежегодник ИМИ МГИМО (У) МИД РФ. 2016. № 1. С. 34–43.
- Останков В.И. Успешное решение проблем строительства Вооружённых Сил — важнейшее условие обеспечения национальной безопасности // Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке / Под ред. Ю.Н. Балувеского. М.: ЦВСИ, 2004. С. 210–226.
- Пронько В.А. Военная стратегия после Второй мировой войны // История военной стратегии России / Под ред. В.А. Золотарёва. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. С. 377–496.
- Сидоров А.С. «Европейская оборона» через призму французских интересов и возможностей // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 137–169. DOI: 10.31249/ape/2020.04.07.

- Торкунов А.В. Международные исследования: хаос или плюрализм? // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 7–18. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.02.
- Чернега В.Н. Подходы к созданию «европейской обороны» во Франции // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 114–136. DOI: 10.31249/ape/2020.04.06.
- Шлыков П.В. Между США, Европой и Евразией: трансформация внешнеполитических приоритетов Турции // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 110–135. DOI: 10.31249/ape/2020.01.06.
- Штоль В.В. НАТО: от регионального блока к глобальному доминированию // Обозреватель. 2015. № 10. С. 5–23.
- Энтина Е.Г. Евро-атлантическая интеграция республик бывшей Югославии и российский фактор // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 1. С. 192–208.
- Eichler J. NATO's expansion after the Cold War: geopolitics and impacts for international security (global power shift). London: Springer, 2021. 188 p.
- Fiott D. Defence industry, industrial cooperation and military mobility// The EU and NATO / Ed. by G. Lindstorm, T. Tardy. Luxembourg: EU Institute of security studies, 2019. P. 44–51.
- Fleckenstein B. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten // SOWI-Arbeitspapier. 1990. No. 44. 12 p.
- Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel. Berlin: German Institute for International and Security Affairs, SWP, 2018. 52 p.
- Glatz R., Kaim M. Der Wandel der amerikanischen Afghanistan-Politik // SWP-Aktuell. 2020. No. 11. 8 p. DOI: 10.18449/2019A11.
- Glatz R., Zapfe M. Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO // SWP-Aktuell. 2017. No. 62. 8 p.
- Major C. Die Rolle der NATO für Europas Verteidigung. Berlin: SWP, 2019. 42 p.
- Major C., Swistek S. Die NATO nach dem Gipfel von Madrid // SWP-Aktuell. 2022. No. 49. 8 p. DOI: 10.18449/2022A49.
- Mauil H.M. Multilateralism. Variants, potential, constraints and conditions for success // SWP-Comment. 2020. No. 9. 8 p. DOI: 10.18449/2020C09.
- Sayle T.A. Enduring Alliance: a history of NATO and the postwar global order. London: Cornell University Press, 2019. 360 p.
- Szewczyk B.M. Operational cooperation // The EU and NATO / ed. by G. Lindstorm, T. Tardy. Luxembourg: EU-Institute of security studies, 2019. P. 21–27.
- Varwick J. Nordatlantische Allianz // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / Ed. by S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/ GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 763–778.

NATO DEVELOPMENT BY THE EARLY 2020S

THE CASE OF MULTILATERAL MILITARY GROUPS IN THE ZONE OF RESPONSIBILITY

PHILIPP TRUNOV

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Moscow, 117997, Russia

Abstract

We can face the fact of huge military strengthening of NATO in the situation of the two confrontations. The first one is between the Euro-Atlantic community and Russian Federation, the second one is between the USA, the growing number of their partners and China. The article tries to explore the growing

of NATO's power, focusing on the case of its troops' groups, first of all multilateral. The methodical basis of the article is the theory of armed forces building. It perceives the armed forces as permanently evolving essence. The theory combines induction and deduction methods, can successfully answer the questions, which are difficult for some "big theories", also in the situation when the predicting the world order is rather problematic. The author shows the evolution of multilateralism (from non-advanced to advanced) in the sphere of creation of common military groups by member states on the example of NATO. The change in the degree of European continental member countries "military machines" integration in NATO is presented as well as the perception of the tendency by the USA. In its activity the Alliance turns around 150 degrees. The new old key tasks are the deterrence of Russia and also containment of China. It means that the real challenges which are the risks of instability now are purely secondary tasks. The article covers the process of NATO Response Force (as the key element of power) strengthening, also the creation of Forward Presence Force in Eastern Europe. The scientific paper stresses that the decisions of Madrid summit (2022) are aimed at not only growing of NATO's military potential, but also the ultimate integration of all types of military groups into a single whole. In this regard the factor of Russian special military operation in Ukraine has become the occasion, but not the reason of carefully planned and consistently implemented process of the return to the Alliance the role of the enormous collective power bearer for the Euro-Atlantic community.

Keywords:

North Atlantic Alliance; armed forces building; multilateralism; Western powers; NATO Response Force; Forward Presence Force; deterrence; Russia; China.

References

- Arzamanova T.V. (2020). Evropejskaja oborona: Pazl so mnogimi neizvestnymi [European Defence: a puzzle with many unknowns]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4. P. 21–52.
- Bartosh A.A. (2020). Chto proishodit v NATO i s NATO [What is happening in NATO and with NATO]. *Diplomaticheskaya sluzhba*. No. 1. P. 15–26.
- Chernega V.N. (2020). Podhody k sozdaniyu "evropejskoj oborony" vo Frantsii [Various approaches to building of European Defence in France]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4. P. 114–136.
- Danilov D.A. (2021). Global'nye gorizonty atlanticheskogo al'jansa: "vaccina" Bajdena [Global Horizons of the Atlantic Alliance: the Biden "Vaccine"]. *Sovremennaya Evropa*. No. 5. P. 19–31.
- Eichler J. (2021). *NATO's expansion after the Cold War: geopolitics and impacts for international security (global power shift)*. London: Springer. 188 p.
- Entina E.G. (2018). Evro-atlanticheskaja integratsiya respublik byvshej Jugoslavii i rossijskij faktor [Euro-Atlantic integration of the post-Yugoslav republics and the Russian factor]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 1. P. 192–208.
- Fiott D. (2019). Defence industry, industrial cooperation and military mobility. In: Lindstorm G., Tardy T. (eds) *The EU and NATO*. Luxembourg: EU Institute of security studies. P. 44–51.
- Fleckenstein B. (1990). *Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten*. SOWI-Arbeitspapier. No. 44. 12 S.
- Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. (2018). Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel. Berlin: *German Institute for International and Security Affairs, SWP*. 52 p.
- Glatz R., Kaim M. (2020). Der Wandel der amerikanischen Afghanistan-Politik. *SWP-Aktuell*. 2020. No. 11. 8 S.
- Glatz R., Zapfe M. (2017). Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO. *SWP-Aktuell*. No. 62. 8 S.
- Istomin I.A., Bolgova I.V., Sushentsov A.A., Rebro O. (2020). Logika evoljutsii NATO: dostizhenija i perspektivy [Patterns of NATO evolution: achievements and prospects]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. No. 1. P. 26–34.
- Istomin I.A. (2017). Sovremennaja zapadnaja teorija voenno-politicheskikh al'jansov dostizhenija i lakuny [Western theory of international military alliances the state of the discipline]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 4. P. 93–114.
- Istomin I.A. (2022). Blesk i nishheta koncepcii sderzhivaniya [Glitter and poverty containment concept]. *Rossija v global'noj politike*. No. 2. P. 158–164.
- Major C. (2019). *Die Rolle der NATO für Europas Verteidigung*. Berlin: SWP. 42 S.
- Major C., Swistek S. (2022). Die NATO nach dem Gipfel von Madrid. *SWP-Aktuell*. No. 49. 8 S.
- Maull H.M. (2020). Multilateralism. Variants, potential, constraints and conditions for success. *SWP-Comment*. 2020. No. 9. 8 p.

- Nikitin A.I. (2022). Perspektivy voenno-politicheskoy integracii v Azii. Byt' li "aziatskoj NATO"? [Prospects for military-political integration in Asia. Is an "Asian NATO" feasible?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 8. P. 5–15.
- Nikitin A.I. (2016). Usilenie NATO na vostochnyh granicah al'jansa i perspektivy rasshireniya NATO na sever [The reinforcement of NATO at the eastern borders of the alliance and prospects for its expansion northward]. *Ezhegodnik IMI MGIMO (U) MID RF*. No. 1. P. 33–43.
- Ostankov V.I. (2004). Uspeshnoe reshenie problem stroitel'stva Vooruzhennyh Sil – vazhnejshee uslovie obespecheniya nacional'noj bezopasnosti [Successful solution of the problems of the Armed Forces building is the most important condition for ensuring national security]. In: Baluevskij Ju.N. (ed.) *Voennaja bezopasnost' Rossijskoj Federacii v XXI veke*. Moscow: CVSI, 2004 (In Russian).
- Pron'ko V.A. (2000). Voennaya strategiya posle Vtoroj mirovoj vojny [The military strategy after World War II]. In: Zolotareva V.A. (ed.) *Istoriya voennoj strategii Rossii*. Moscow: Kuchkovo pole, Poligrafresursy. P. 377–496.
- Sayle T.A. (2019). *Enduring Alliance: a history of NATO and the postwar global order*. London: Cornell University Press. 360 p.
- Shlykov P.V. (2020). Mezhdz SShA, Evropoj i Evraziej: transformacija vneshnepoliticheskikh prioritetov Turcii [Between the US, the EU and Eurasia: transformation of foreign policy priorities of Turkey]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No 1. P. 110–135.
- Sidorov A.S. (2020). "Evropejskaya oborona" cherez prizmu francuzskih interesov i vozmozhnostej [European Defence through the prism of France's interests and capabilities]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4. P. 137–169.
- Stol' V.V. (2015). NATO: ot regional'nogo bloka k global'nomu dominirovaniju [NATO: from a regional bloc to global dominance]. *Obozrevatel'*. No. 10. P. 5–23.
- Szewczyk B.M. (2019). Operational cooperation // Lindstorm G., Tardy T. (eds) *The EU and NATO*. Luxemburg: EU Institute of security studies. P. 21–27.
- Torkunov A.V. (2019). Mezhdunarodnye issledovanija: kaos ili pljuralizm? [International studies: chaos or pluralism?]. *Polis. Politicheskie issledovanija*. No. 5. P. 7–18.
- Varwick J. (2007). Nordatlantische Allianz. In: Schmidt S., Hellmann G., Wolf R. (Hrsg.) *Handbuch zur deutschen Außenpolitik*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/ GWV Fachverlage GmbH. S. 763–778.
- Vasiliev V.S. (2022). Anglosaksonskie skrizhali narastayushhego global'nogo civilizacionnogo protivostojaniya [Anglo-saxon guidestones of growing global confrontation between civilizations]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4. P. 234–257.
- Vorotnikov V.V. (2019). Evroatlanticheskaya integratsiya stran Baltii: nekotorye itogi [Euro-Atlantic integration of the Baltic states: some results]. *Sovremennaja Evropa*. No. 7. P. 124–135.
- Zaytsev A.A., Zaytseva N.V. (2020). O voinskih kontingentah SShA i NATO v Evrope [About US and NATO military contingents in Europe]. *Trudy BGTU. Seriya 6: istoriya, filosofiya*. No. 1. P. 82–85.

POST-CONFLICT ECONOMIC RECOVERY IN KOSOVO

ELENA ARLYAPOVA

Institute of System–Strategic Analysis (ISSA), Moscow, 111398, Russia

ELENA PONOMAREVA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

MIROSLAV MLADENOVIC

University of Belgrade, Belgrade, 11040, Serbia

Abstract

Modern Kosovo faces many challenges in post-conflict economic recovery and development. The current international and regional agenda significantly complicate the recovery process. It is a combination of both chronic underdevelopment and post-conflict reconstruction. Such a mix produces limited state governance, a vast shadow economy and criminal networks, massive unemployment, and widespread poverty worsened by original Kosovo's problems such as gender disbalance in the labor force, ethnic discrimination, and unsettled rights of local property owners. The article highlights the current results of internal and external efforts to enhance the ability of Kosovo's authorities to provide economic and physical security for local households and businesses. It focuses on international support through direct financial aid and external investments and argues that this support challenges the political independence and viability of this self-declared polity. Kosovo is still on the list of Europe's poorest and most vulnerable regions. Reforms are proceeding slowly. A large share of state-owned enterprises is unprofitable. The private sector is fragmented, and microenterprises dominate. Kosovo's economy relies heavily on imports and excessively depends on the trade sector. Financial discipline, efficiency, and transparency of the resource's distribution, optimization of intersectoral interaction, fight against corruption — all these issues are still on the current economic and political agenda, as they were ten years ago, despite Kosovo's ranking as one of the top twenty most improved economies in the world. Financial dependence becomes a formidable barrier to Kosovo's membership in the European Union.

Keywords:

post-conflict regulation; economic recovery; Kosovo; Balkans; international aid; self-declared state; diaspora; Covid-19 pandemic.

The case of Kosovo is receiving increasing attention in international studies. Conflict zones around the world, sooner or later, get set on an economic recovery course. The article focuses on the economic recovery of Kosovo to draw conclusions applicable to other post-conflict cases. It underscores the question of economic and political sovereignty for such post-conflict polities.

Kosovo features among the six Western Balkans economies — along with Albania, Bosnia and Herzegovina, Montenegro, North Macedonia, and Serbia — showing "a better than expected" rebound from the recession caused by the COVID-19 pandemic. Despite that, the region in general and Kosovo in particular face multitude challenges, and the downside risks to local economies are

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.07.2022

Дата принятия к публикации: 10.01.2023

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: nastya304@mail.ru

daunting¹. The pandemic, with 2984 registered deaths in Kosovo by December 1, 2021, made an impact contracting the economy by 6.0 percent in 2020² (the summer months became landslide)³.

Kosovo has a distinct background compared to the other six Western Balkans economies. In the economic sense, traditionally, its condition has been deplorable. Large-scale investments in the autonomous region from the federal budget for 45 years of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia (SFRY) have not been able to radically change the overall socioeconomic picture. Population growth rates (during the socialist period population of the region doubled) nullified the Center's efforts to modernize the economy. Kosovo was no exception: the differences in the level of economic development were visible regardless of the identical institutional and economic systems in all the republics [Bacovic 2017: 161].

Despite rapid economic growth in the Socialist Federal Republic of Yugoslavia (SFRY) after World War II in general (in 1952–1979, per capita GDP increased five times [Gligorov 2017]), the per capita GDP growth in Kosovo and Metohija (KIM) was several times less than in the most developed regions of SFRY like Slovenia and Croatia, or Serbia. The disparity was glaring and growing. The economic stagnation of the 1980s, which are often named the “key” years for local economic development, has notably worsened the situation. The admission of the failure to raise the region's development to the average federal level has a complete consensus among adherents of different positions, evaluations, and strategies over the Kosovo political question.

The proclamation of independence by Pristina in 2008 did not contribute much to its economic growth. Currently, Kosovo is one of Europe's poorest and most troubled areas in

the social and (geo) political sense [Ponomareva 2020: 169]. Regardless of the favorable starting conditions, a theme that appeared in the rhetoric of the leaders of the independence movement in the form of an abundance of diverse natural resources and an industrial base, the words remained words for the most part. The region lacks necessary investments in the modernization of resource facilities and industrial enterprises inherited from the socialist period, as well as qualified personnel. The task of turning its advantages of having a young population into a workforce prepared for the jobs of the future is still at the top of Kosovo's “to-do” list. Its commendable rank as one of the top twenty most improved economies in the world, as per reports of 2020 (top ten reformers, business improvers, etc.), is questionable at best. Structural reforms are still needed to boost productivity, increase competition, investments in human capital, and to reinforce local governance.

Methods

The politicization of the Kosovo issue often shifts the analytical focus away from the region's socioeconomic development problems. For decades, researchers have been steadily interested in the political and legal analysis of the Kosovo conflict and (primarily) its ethno-political component, the effectiveness of the international presence, and the position of the Russian Federation regarding the settlement of the Kosovo problem. By contrast, the socioeconomic aspect of Kosovo studies looks meager, and “the conditions for the successful functioning of the economy of this new formation most often remain out of consideration” [Drynochkin 2014]. We attempt to fill this gap by studying the socioeconomic dynamics of post-conflict Kosovo. Besides, we believe that a clear picture of economic recovery con-

¹ Kosovo's Economic Growth to Decelerate in 2022 After a Strong Post-Pandemic Recovery [Electronic source] // The World Bank. Press Release No: 2022/ECA/92 URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/05/04/kosovo-s-economic-growth-to-decelerate-in-2022-after-a-strong-post-pandemic-recovery> (accessed: 02.06.2022).

² 2022 Index of Economic Freedom. Kosovo [Electronic source] // The Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/index/country/kosovo> (accessed: 28.05.2022).

³ Kosovo GDP Annual Growth Rate 2020–2022 [Electronic source] // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/kosovo/gdp-growth-annual> (accessed: 04.06.2022).

tributes much to a better understanding of who profits among all actors involved in the conflict.

The research data contains official statistics of Kosovo (with all reservations regarding reliability), materials of international organizations and specific resources, generalizing macroeconomic indicators, and evaluating investment attractiveness of a region (World Bank, Trading Economics, Foreignassistance.gov, etc.). Also, we widely used regional and international media materials, interviews, and authors' observations during numerous field trips to the Balkans. The only significant issue about empirical data sources is their scarcity and extreme lack of transparency of local statistics. Much data has not been updated for years. We assume data from international sources in general and European Commission to be the most reliable and informative.

Analysis

The economy of Kosovo's region plunged into recession in 2020, but this trend was reversed in the first half of 2021⁴. The most pressing issues of today's development remain pretty much the same as during previous years: ineffective and slow judicial system, corruption and organized crime, lack of economic diversification, substantial informal sector, and high dependence on financial support from the abroad diaspora. Pandemic times added temporary suspension of the fiscal rule and adoption of two fiscal packages. Plus, the substantial increase in public spending (a rise of 6.7% compared to 2019) and shrinking tax revenues (contracted by 9.6% compared to 2019) – all these together led to a large budget deficit in 2020 – up to 7%⁵.

The COVID-19 pandemic came with an unprecedented burden on the health and social protection systems. Therefore, the Kosovo government declared a public health emergency in March 2020. In April, an initial emergency package of EUR 180 million was adopted to mitigate the social and economic effects of the COVID crisis. This measure was to help entrepreneurs, farmers, and employees with additional social protection and financial assistance. Besides, the Kosovo Assembly passed an Economic Recovery Program in July, bringing another EUR 185 million of support. Finally, in August, the Assembly ratified the EU Macro-Financial Assistance loan agreement worth EUR 100 million to help Kosovo limit the economic fallout of the pandemic⁶. By September 2021, Kosovo had recorded about 159 000 COVID cases. Local authorities rolled out a vaccination campaign in March 2021. Around 24.6% of the population was covered, with a total of 1.2 million doses of vaccines received⁷.

The pandemic highlighted the problem of overwhelming dependence on external financial flows, in particular, on those from the diaspora. Thus, lockdown and travel restrictions had a tremendous negative impact on many income sources. First of all, it hit service exports, which are very tied to travel services (up to 65% of total)⁸ maintained mainly by diaspora visits. The latter differs much from more familiar foreign tourism: in its scale, function, and importance in the economy of Kosovo. It is essential. The initial pandemic-related deterioration in 2020 was driven by a fall in diaspora tourism from Western Europe – up to 25.7% compared to 2019⁹. Second, COVID-19 countermeasures made

⁴ The most recent report on Kosovo by the European Commission covers the period up to July 2021.

⁵ Kosovo* 2021 Report. Commission Staff Working Document [Electronic source] // The European Commission. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/kosovo-report-2021_en (accessed: 18.06.2022).

⁶ Kosovo* 2020 Report. [Electronic source] // The European Commission. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/system/files/2020-10/kosovo_report_2020.pdf (accessed: 28.09.2021).

⁷ Kosovo* 2021 Report. Commission Staff Working Document [Electronic source] // The European Commission. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/kosovo-report-2021_en (accessed: 18.06.2022).

⁸ Ibid. P. 108.

⁹ Ibid. P. 54.

informal ways of transferring money less viable. However, it brought a positive side effect in increasing remittances sent via official channels (14% of GDP in 2020)¹⁰, what later became the critical offsetting factor on the background of the overall goods and services deficit.

Drop in diaspora arrivals also affected the real estate and investment sectors. A strong fall in these areas followed the crisis in external financial flows. Years right before this went with strong growth in property lending. Beyond mortgages, it included: commercial and residential construction loans, consumer credit used for housing finance, and supplier's credit¹¹. However, in the second half of 2021, all instruments were restored and continued development in this market. Strong credit growth and record exports in 2021–2022 are linked to an excellent rebound in diaspora visits¹². In addition, the capacity to return to local economic "normality" with its specific features and relations (such as a robust informal sector, widely spread unofficial employment, and tremendous diaspora support) gave a push toward private and public investment increase. The restoration accelerated in the summer of 2021 with a peak season and a massive return of diaspora tourism. Despite the positive impact, the fact per se contributed to the conclusion that "the pandemic underlined the vulnerability of Kosovo stemming from low diversification, which was advancing at a slow pace despite robust GDP growth before the crisis"¹³.

Indeed, the overall economic situation in Kosovo proved challenging. Records demonstrated limited progress in the most critical areas of needed development – administrative reform, respect for fundamental rights, improvement of the judicial system, fight against corruption and organized crime, etc. In economic terms, a consistent increase in activity from 2015 to 2017 has been replaced with an equally consistent decline by 2020 (42.8% in 2017, 40.9 % – in 2018, and 40.5 % – in 2019)¹⁴. Kosovo's per capita GDP remains among the lowest in the region. Around 18% of the local population lives below the poverty line (EUR 45 per month as defined by the World Bank), with 5.1% – below the extreme poverty line¹⁵. In recent years the Kosovo economy has developed at the expense of public investment in infrastructure, private consumption, rising wages, and lending. Kosovo's private consumption merits a separate mention: it is inextricably linked to financial receipts from abroad through large money transfers. It comes from ethnic diaspora mainly located in Germany, Switzerland, and the Nordic countries; and all in all brings about 17% of GDP, and international donor assistance gets another 10%¹⁶.

External financing keeps being an essential part of general Kosovo's income. According to ActionAid, a year after self-declared "independence" – in 2009 – Kosovo entered the top twenty most aid-dependent countries, taking

¹⁰ Kosovo* 2021 Report. Commission Staff Working Document [Electronic source] // The European Commission. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/kosovo-report-2021_en (accessed: 18.06.2022).

¹¹ Housing Market in Kosovo [Electronic source] // The Unassuming Economist. December 2018. URL: <https://unassumingeconomist.com/2018/12/housing-market-in-kosovo/> (accessed: 11.06.2022).

¹² Kosovo's Economic Growth to Decelerate in 2022 After a Strong Post-Pandemic Recovery [Electronic source] // The World Bank. Press Release No: 2022/ECA/92. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/05/04/kosovo-s-economic-growth-to-decelerate-in-2022-after-a-strong-post-pandemic-recovery> (accessed: 02.06.2022).

¹³ Kosovo* 2021 Report. Commission Staff Working Document [Electronic source] // The European Commission. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/kosovo-report-2021_en (accessed: 18.06.2022).

¹⁴ Kosovo 2020 Report [Electronic source] // The European Commission. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/system/files/2020-10/kosovo_report_2020.pdf (accessed: 28.10.2021).

¹⁵ Kosovo* 2021 Report. Commission Staff Working Document [Electronic source] // The European Commission. P. 88–89. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/kosovo-report-2021_en (accessed: 18.06.2022).

¹⁶ Kosovo GDP 2000–2019 [Electronic source] // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/kosovo/gdp> (accessed: 21.10.2021).

the 18th place with a conditional indicator of 45.6% (programmed assistance to countries as a percentage of their state expenditures). It is noteworthy that Kosovo stands out of all existing categories: LDC1 – least developed country, SIDS 2 – small island developing state, LLDC3 – landlocked developing country¹⁷. In terms of foreign aid, it is necessary to remember that Kosovo's polity does not have a sovereign credit rating and access to the international bond market. Thus, foreign financing is normally provided by international donors.

Kosovo welcomes foreign direct investments (FDI). This line is continuous despite a recent change in the local government. The Prime Minister's Office, the Ministry of Economy, Employment, Trade, Industry, Entrepreneurship, and Strategic Investments (MEETIESI), and the Ministry of Finance and Transfers are named as caretakers of strategy to attract FDI implementation. Besides, there is a unique agency – Kosovo Investment Enterprise and Support Agency (KIESA) – with a mission to promote and support foreign investments.

The COVID-19 pandemic did not lead to significant permanent changes in local investment policy. All countermeasures taken by the authorities were temporary and did not affect the broader investment policy environment. In 2019, the net flow of FDI in Kosovo was close to the 10-year annual average (USD 292 and USD 296, respectively)¹⁸. Kosovo took the initial step towards implementing the Common Regional Market Action Plan 2021–2024, launched in November 2020 during the Western Balkans Summit in Sofia¹⁹. In conception, this

will further increase the economy's attractiveness for FDI in tradable sectors. Significant recent loans included: EUR 100 million – the E.U. macro-financial assistance, EUR 52 million – from the IMF Rapid Financing Instrument, and EUR 76 million – from World Bank loans²⁰. On the back of essential external loans, foreign debt increased by nearly 40% from the end of 2019 to the middle of 2021.

Traditional locomotives of financial assistance for Kosovo are the E.U., the USA, the World Bank, and the European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). In 2019, celebrating the 20th anniversary of its partnership with Kosovo, the World Bank stated that over the last twenty years, it had delivered about USD 500 million in one form or another: in investment and technical assistance projects, financed through grants and concessional lending to support Kosovo's economy. Plus, IFC has committed USD 139 million and mobilized USD 319 million to support private-sector development²¹. Before Kosovo joined the World Bank Group in 2009, all supported projects were funded by grants from various sources (mainly from the Bank's net income, the Kosovo Trust Fund, the Post-Conflict Reconstruction Fund, and the International Development Association). Currently, the Republic of Kosovo is still eligible for credit financing from the latter. As of October 2019, the Association's active credit portfolio amounted to approximately USD 204.3 million for energy, education, agriculture, health, competitiveness, water supply, ICT, and cadaster projects²².

¹⁷ Real Aid. Ending Aid Dependency [Electronic source] // Action Aid. P. 20. URL: https://www.actionaid.org.uk/sites/default/files/doc_lib/real_aid_3.pdf (accessed: 08.04.2023).

¹⁸ 2020 Investment Climate Statements: Kosovo [Electronic source] // The U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/reports/2020-investment-climate-statements/kosovo/> (accessed: 14.06.2022).

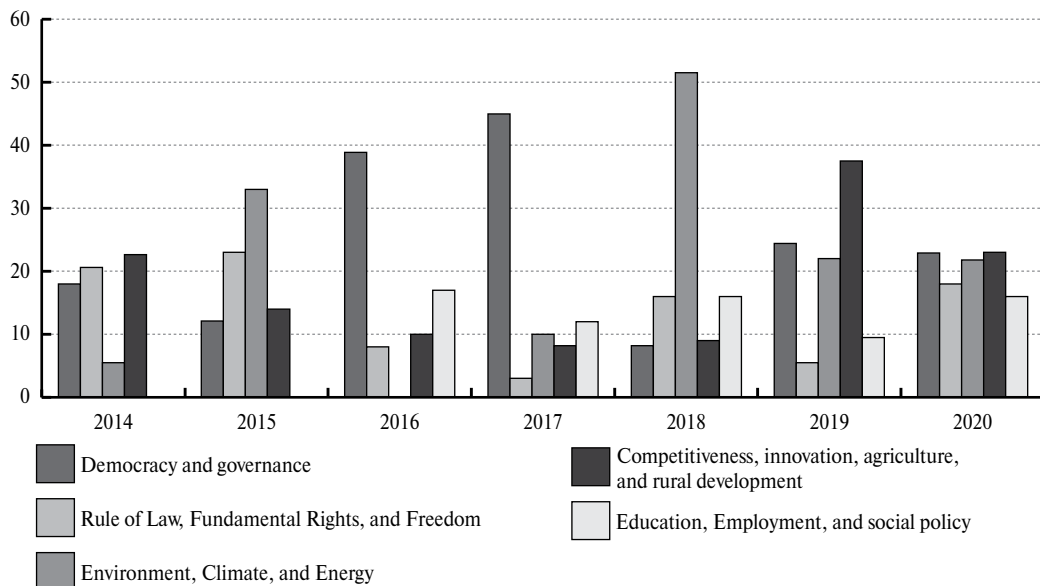
¹⁹ Kosovo* 2021 Report. Commission Staff Working Document [Electronic source] // The European Commission. P. 108. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/kosovo-report-2021_en (accessed: 18.06.2022).

²⁰ Ibid. P. 54.

²¹ World Bank Group Celebrates 20 Years of Partnership in Kosovo [Electronic source] // The World Bank. Press Release No: 2020/ECA/39. November 21, 2019. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2019/11/21/world-bank-group-celebrates-20-years-of-partnership-in-kosovo> (accessed: 20.06.2022).

²² World Development Indicators (Kosovo) [Electronic source] // The World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&country=XKX> (accessed: 03.10.2021).

Picture 1
Distribution of the E.U. funding, 2014–2020, million euros

Source: Annex to the Commission Implementing Decision amending Commission Decision C (2014) 5772 of 20.08.2014 adopting the Indicative Strategy Paper for Kosovo for 2014–2020 [Electronic source] // The European Commission. 10.08.2018. P. 52. URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/system/files/2018-12/20180817-revised-indicative-strategy-paper-2014-2020-for-kosovo.pdf> (accessed: 19.10.2021).

The large-scale Partnership Framework Program of the World Bank for Kosovo drew to a close in 2021. It had nine objectives clustered under three main rubrics: improving conditions for accelerated economic growth and employment in the private sector; strengthening the system of public services and macro-financial management; promoting energy supply and respect for the environment²³. The latter ones (environment, climate, energy) are also among the priorities funded by the European Union. Therefore, estimated funds coming from this party are distributed per the designated goals by the E.U. and are carried out as assistance to the

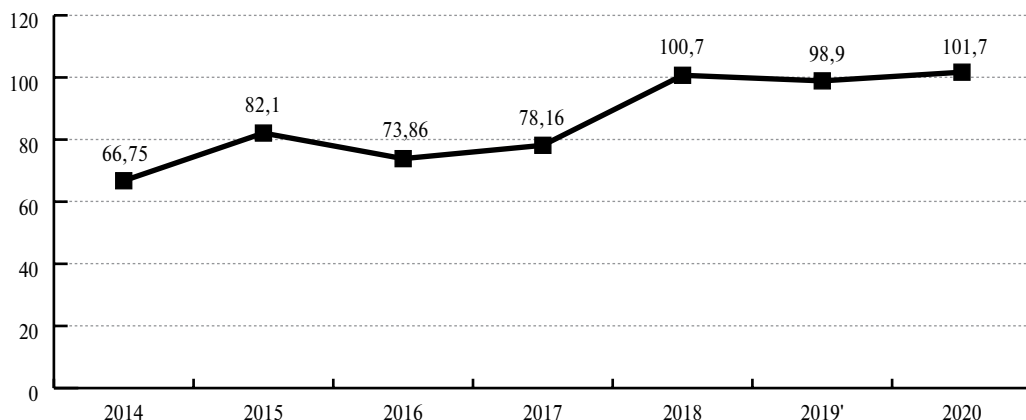
countries before they enter into the union. The primary goals are democracy and governance; the rule of law, fundamental rights, and freedom; environment, climate, and energy; competitiveness, innovation, agriculture, and rural development; education, employment, and social policy. The histogram below (Pic. 1) compares the distribution of E.U. funding from 2014 to 2020 by these categories:

The lowest spending comes for education, employment, and social policy – a total of EUR 75.5 million; the highest – is for democracy and governance, with EUR 169.42 million (Pic. 2)²⁴.

²³ Kosovo – Country partnership framework for the period FY17-FY21 (English) [Electronic source] // The World Bank Group. P. 19, 22–34. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/297951496160148830/Kosovo-Country-partnership-framework-for-the-period-FY17-FY21> (accessed: 05.10.2021).

²⁴ Annex to the Commission Implementing Decision amending Commission Decision C (2014) 5772 of 20.08.2014 adopting the Indicative Strategy Paper for Kosovo for 2014–2020 [Electronic source] // The European Commission. 10.08.2018. 56 p. URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/system/files/2018-12/20180817-revised-indicative-strategy-paper-2014-2020-for-kosovo.pdf> (accessed: 19.10.2021).

Picture 2
Total E.U. Funding for Kosovo, 2014–2020, million euros

Source: Annex to the Commission Implementing Decision amending Commission Decision C (2014) 5772 of 20.08.2014 adopting the Indicative Strategy Paper for Kosovo for 2014–2020 [Electronic source] // The European Commission. 10.08.2018. P. 52. URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/system/files/2018-12/20180817-revised-indicative-strategy-paper-2014-2020-for-kosovo.pdf> (accessed: 19.10.2021).

Since October 2012, the Republic of Kosovo has been a member of the European Bank for Reconstruction and Development. Despite the crumpled beginning (disagreement between EBRD and the European Parliament over constructing a new brown coal power station (Kosovo C) near Pristina), in total, according to the Bank's data, from 2013 to 2020 in Kosovo, 21 projects were launched in the areas of financial institutions (4), infrastructure (7), transport (4), energy (3), non-deposit credit (2), ICT (1) [Matoshi, Veseli 2018: 26]. The summary data for April 2022 shows that the EBRD has 86 projects in Kosovo, 45 of which form the current portfolio worth EUR 385 million. Cumulative EBRD investment in Kosovo is estimated at EUR 602 million (40% comes from the private sector share of the portfolio). The current portfolio composition consists of "Sustainable infrastructure" (72% – EUR 276

million), "Financial institutions" (18% – EUR 71 million), and "Industry, commerce, and agribusiness" (10% – EUR 38 million)²⁵. The "financial institutions" is the leading group for the most recent period: 5 of 6 EBRD projects added in 2022 fall into this category²⁶.

The United States remains the unquestionable non-regional leader among Kosovo's financial donors. American activity in Kosovo is strongly associated with the efforts of the Agency for International Development (USAID). From 1999 until 2019, it invested more than USD 920 million in "Kosovo's independence"²⁷. However, the area's list of working units is much broader than usually thought. For instance, the "Strategy for Development Cooperation" for 2020–2025 lists the following Agency's partners among governmental organizations: Department of State, Ministry of Defense, Ministry of Justice,

²⁵ Kosovo Data (2022) // [Electronic source] European Bank for Reconstruction and Development. URL: <https://www.ebrd.com/kosovo-data.html> (accessed: 12.06.2022).

²⁶ Project Summary Documents (2022) [Electronic source] // The European Bank for Reconstruction and Development. URL: <https://www.ebrd.com/work-with-us/project-finance/project-summary-documents.html?1=1&filterCountry=Kosovo> (accessed: 18.06.2022).

²⁷ U.S. Government Continues Its Commitment to Support Kosovo's Journey to Self-Reliance [Electronic source] // USAID. November 18, 2020. URL: <https://2017-2020.usaid.gov/kosovo/newsroom/press-releases> (accessed: 20.10.2021).

Table 1
U.S. external aid to Kosovo, 2018-2022, USD million

	USAID		All Agencies	
	Obligations	Disbursements	Obligations	Disbursements
2022	7,3	6,9	7,6	12,5
2021	29,2	27,6	32,9	38,9
2020	24,5	26,1	57,4	50,4
2019	28,5	30,1	72,9	63,4
2018	34	36,4	54,6	62,6
For 2022 – only up to June.				

Source: U.S. Foreign Assistance [Electronic source] // The U.S. Foreign Assistance. URL: <https://www.foreignassistance.gov/cd> (accessed: 12.06.2022).

Federal Trade Commission, Department of Agriculture, Department of Energy, etc²⁸. In addition, external assistance has also been transmitted through private firms. For the past five years, the summary data looks as follows (Tab. 1, rounded to tenths).

In all years, the "Democracy, human rights, and public administration" sector remained the leader in the amount of funding requested and received: from 37% to 62% of total funds in the respective period. The "Education and social services" became its antipode with an average of 2% yearly. In 2022 assistance for the "Economic Growth" and "Governance" sections were USD 2.2 million and USD 2.7 million accordingly. To compare: there is USD 190K earmarked for education; all money goes for the "Basic Education" sector (basic life skills for adults). Within the "Economic Growth" category, sectors are: "Business and Other Services" (USD 1.7 million) and "Trade Policy and Regulations" (USD 470K)²⁹.

It is worth noting that the American party is way more restrained in assessing the economic development of Kosovo, primarily referring to practical recommendations for U.S. business

and guidance for other U.S.-related stakeholders. Although the region is recognized as potentially attractive for FDI, its potential is considered constrained by failure to address several severe structural issues such as limited regional and global economic integration; political instability and interference in the economy; corruption; an unreliable energy supply; a large informal sector; difficulty establishing property rights, and the tenuous rule of law, including a glaring lack of contract enforcement³⁰; its ability, as mentioned above, to sustain growth relies heavily on foreign financial support and remittances.

Despite the risks, bilateral economic relations between the U.S. and Kosovo keep progressing. American investors in Kosovo are involved with projects in the construction, energy, real estate, health, and information technology development sectors. Over 15 companies registered in Kosovo with direct U.S. ties; the most active are Coca-Cola, General Electric, KFC, Marriott, Cisco, Famous Famiglia, Burger King, Domino's, TCI (a subsidiary of SPX Corporation), and Microsoft³¹. Other U.S. goods are regularly sold in Kosovo

²⁸ Country Development Cooperation Strategy. May 13, 2020 – May 13, 2025. Kosovo [Electronic source] // USAID. P. 16. URL: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PA00X79Q.pdf (accessed: 01.10.2021).

²⁹ U.S. Foreign Assistance. Kosovo. June 2022 [Electronic source] // The U.S. Foreign Assistance. URL: <https://foreignassistance.gov/cd/kosovo/2022/disbursements/1> (accessed: 21.06.2022).

³⁰ 2020 Investment Climate Statements: Kosovo [Electronic source] // The U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/reports/2020-investment-climate-statements/kosovo/> (accessed: 14.06.2022).

³¹ U.S. Relations with Kosovo. Bureau of European and Eurasian Affairs [Electronic source] // The U.S. Department of State. July 28, 2021. URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-kosovo/> (accessed: 20.04.2022).

through distributors and local UPS and FedEx offices. In turn, Kosovo benefits from the Generalized System of a Preferences program, which promotes economic development by eliminating duties on approximately 3500 products imported from the region³². However, in monetary terms, Kosovo's output in this program total is minimal: "U.S. business imported USD 19.9 billion worth of products under the GSP program in 2012, including USD 29 000 from Kosovo"³³.

The American Chamber of Commerce is one of Kosovo's most active and well-respected business organizations. Welcoming of American presence, gratitude for the support, and outstanding loyalty of the Kosovars to the U.S. usually refer more to politics than economics. For instance, in March 2022, Kosovo's President, during her interview on the sidelines of the Antalya Diplomacy Forum held in Turkey, emphasized that Kosovo had "joined sanctions immediately as the first country in the region, sanctions of the European Union and those from the United States"³⁴.

In public rhetoric, Kosovo's officials adhere to the concept that "the more international presence, the possible, the better." Indeed, not all international involvement is desired – the principled position on the denial of interaction with some of the World countries, including Russia, illustrates that well. The Russian position over the Kosovo issue is widely known – the country supports Serbia in whatever decision it makes toward the region. Formally, today it is still assumed that the finalization of Kosovo's status will work for attracting more assistance from international

financial organizations, as well as private investment; but in effect, established formal international protectorate over the province "sets the stage for granting it full independence" [Charnogursky 2007].

Within such a context, it is hard to imagine a more mutually advantageous position than the one between Kosovo and the U.S. Through the efforts of the U.S., Kosovo, even with partial recognition, has become a regional player. Kosovars pay back with loyalty and adherence to its significant partner. In turn, the U.S. has the outpost in the Balkans and larger Europe. External support from one of the great powers guarantees attention to the voice of Kosovo on the local and international scenes. As the head of Kosovo says, increasing cooperation with the U.S. and having permanent military bases are more critical now than ever, given that Kosovo is still not in NATO³⁵. When it comes to the question of real or imagined threats ("Russia and China work in tandem")³⁶ and Kosovo's need for "a steely-eyed response to the malign intentions of Russia and China" and cooperation with "like-minded neighbors," the U.S. name comes up no matter how far it is in order to be in this line of "neighbors."

Kosovo perceives the U.S. as the closest ally in every sense and behaves accordingly. The same issue of "geographical paradox" in the current local political narrative and practical geopolitics is very typical for all Western Balkan states when it comes to the public justification of their allies' choice or position on a certain issue on the international agenda [Arlyapova, Ponomareva, Proroković 2022].

³² Generalized System of Preferences (GSP) [Electronic source] // The Office of the United States Trade Representative. Executive Office of the President. URL: <https://ustr.gov/issue-areas/trade-development/preference-programs/generalized-system-preference-gsp> (accessed: 22.04.2022).

³³ Kosovo and the U.S. Generalized System Preferences (GSP) Program [Electronic source] // The Office of the United States Trade Representative. Executive Office of the President. URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/Weaver%20Kosovo%20GSP%20handout%20ENG.pdf> (accessed: 28.04.2022).

³⁴ Kosovo says it joins E.U. and U.S. sanctions against Russia as the first country from region [Electronic source] // Anadolu Agency. 16.03.2022. URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/kosovo-says-it-joins-eu-us-sanctions-against-russia-as-1st-country-from-region/2537253> (accessed: 20.06.2022).

³⁵ Ibid.

³⁶ Phillips D. China, not Russia, is the Greater Threat to Kosovo [Electronic source] // *Balkan Insight*. 2021. URL: <https://balkaninsight.com/2021/09/29/china-not-russia-is-the-greater-threat-to-kosovo/> (accessed: 22.06.2022).

The case of Kosovo is no exception. Local authorities (with the consensus of the public majority) prefer orientation towards a more distant ally – the United States – instead of a closer one – the European Union. Mostly, Kosovo puts its actions and interactions in the international arena in line with the U.S. requirements and expectations. However, there may be variations, depending on the pressure that the U.S. exerts not through Kosovo but on Kosovo if there is one (taking into consideration an official reaction and statement of the Quint members – France, Germany, Italy, United Kingdom, and the United States – over the negative decision by Kosovo in concern with Serbia's elections on April 3, 2022, and capacity of local Serbs to exercise their right to participate)³⁷.

Competition exists between "like-minded neighbors." Its traces are easily seen in statements, reports, and other informational materials. For instance, as mentioned above, the E.U. reported about 1.2 million doses of COVID-19 vaccines – "including through the COVAX initiative, *donations from the EU* and other partners, as well as via direct procurement"³⁸. At the same time, the U.S. reported that it "has shared 1054170 safe and effective COVID-10 vaccine doses with the people of Kosovo – free of cost...Of the 1 054 170 vaccine doses, 100% were donated in partnership with COVAX"³⁹. Rivalry takes place because no one likes to get less when he pays more, even speaking about immaterial outcomes in terms of political influence, loyalty, recognition, and

value of overall contribution to Kosovo's economic development.

The European Union remains a significant trade partner for Kosovo: in 2019 share of exports to EU-27 countries in the value of total exports was 33.2% and the share of imports from EU-27 countries (in the same value) was 49.1%⁴⁰. And the Central European Free Trade Agreement (CEFTA) area is still its primary export market, accounting for 43% of its total exports in 2020⁴¹. The basic raw materials and mineral products still dominate in commodity exports – up to 48%⁴², reflecting a limited and slow diversification of the production sector.

There have been changes on the list of main trading partners (by country). According to the most recent data by the Kosovo Agency of Statistics (taking into account its overall weakness and vulnerability), in 2019 top five E.U. countries for Kosovo's export were (in descending order): Germany and Netherlands – both with a slight increase of indicators (in EUR) from 2019 to 2020, then Great Britain with significant almost 2.5 times increase for the next year, Slovenia – with the most significant reduction of more than three times, and Italy – with almost two times growth. Here is a percentage of each of the 2019th top five in total Kosovo export (Tab. 2).

With existing trends, Slovenia left the list in 2020, and Sweden joined the list on the wave of a 15 times increase (in EUR). Italy and Netherlands switched their positions (Italy up, Netherlands down) at the top. Germany kept

³⁷ Joint Statement on Kosovo. Media note [Electronic source] // The Department of State. The Office of the spokesperson. March 23, 2022. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-kosovo/> (accessed: 23.06.2022).

³⁸ Kosovo* 2021 Report. Commission Staff Working Document [Electronic source] // The European Commission. P. 3. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/kosovo-report-2021_en (accessed: 18.06.2022).

³⁹ COVID-19 Vaccine Distribution. Kosovo [Electronic source] // The U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/countries-areas/kosovo/> (accessed: 21.06.2022).

Note: COVAX is the vaccines pillar of the Access to COVID-19 Tools (ACT) Accelerator. COVAX is co-led by the Coalition for Epidemic Preparedness Innovations (CEPI), GAVI (The Vaccine Alliance), and the World Health Organization (WHO), alongside key delivery partner UNICEF.

⁴⁰ Kosovo* 2021 Report. Commission Staff Working Document [Electronic source] // The European Commission. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/kosovo-report-2021_en (accessed: 18.06.2022). P. 112.

⁴¹ Ibid. P. 107.

⁴² Kosovo GDP 2000-2019 [Electronic source] // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/kosovo/gdp> (accessed: 21.10.2021).

Table 2
The 2019th top five of the E.U. countries for Kosovo's exports, in % of total

Country	2019	2020	Trend
Germany	8.3	7.9	-0.4
Netherlands	4.1	4.6	+0.5
Great Britain	2.8	6.0	+3.2
Slovenia	2.7	0.8	-1.9
Italy	2.7	4.9	+2.2

Source: Kosovo International Trade Statistics [Electronic source] // Kosovo Agency of Statistics. March 2020. P. 11–13. URL: <https://ask.rks-gov.net/media/5383/international-trade-statistics-march-2020.pdf> (accessed: 30.06.2022).

its leadership and headed the 2020 list. Great Britain (still in the E.U. data for March 2020⁴³) went right next to it (Tab. 3):

Distribution of the E.U. listed countries in the context of increasing/decreasing indicators in 2019–2020 looks as follows (Tab. 4).

Of course, the states of CEFTA, as mentioned before, are the first to be named as the Kosovo exports market. Albania is the absolute leader among them and the only one to build up growth. Then Macedonia, Montenegro, Serbia, Bosnia, and Hercegovina go in descending order. Moldavia ends up on the list with minimal participation. CEFTA plays a key role in Kosovo's export beating all other regional and non-regional players. However, in the context of import, its contribution is significantly less compared with the E.U., for instance, and keeps going down.

Another notable player is the European Free Trade Association (EFTA). The EFTA states – Iceland, the Principality of Liechtenstein, the Kingdom of Norway, and the Swiss Confederation – signed a “Joint Declaration on

Table 3
The 2020th top five of the E.U. countries for Kosovo's exports

Country	000 EUR	% of total exports
Germany	2.532	7.9
Great Britain*	1.933	6.0
Italy	1.568	4.9
Netherlands	1.492	4.6
Sweden	1.471	4.6

Source: Kosovo International Trade Statistics [Electronic source] // Kosovo Agency of Statistics. March 2020. 15 p. URL: <https://ask.rks-gov.net/media/5383/international-trade-statistics-march-2020.pdf> (accessed: 30.06.2022).

Table 4
The E.U. countries in Kosovo's exports, 2019–2020, in EUR

Increasing	Czech Republic, Belgium, France, Germany, Greece, Hungary, Italy, Netherlands, Spain, Sweden
Decreasing	Austria, Bulgaria, Croatia, Denmark, Luxembourg, Poland, Romania, Slovakia, Slovenia, Other of the E.U.

Source: Kosovo International Trade Statistics [Electronic source] // Kosovo Agency of Statistics. March 2020. 15 p. URL: <https://ask.rks-gov.net/media/5383/international-trade-statistics-march-2020.pdf> (accessed: 30.06.2022).

Cooperation”⁴⁴ with Kosovo in Geneva in November 2018. In 2019 the EFTA brought 7.5% of total Kosovo's exports⁴⁵. Next year, this indicator decreased both in monetary and percentage terms. Contribution to Kosovo's imports is relatively small – just around 1% of the total, and used to relate mainly to vehicles (not railway) and pharmaceuticals. However, in 2021 categories of “tobacco”, “machinery, mechanical appliances”, and “others” took an essential part⁴⁶.

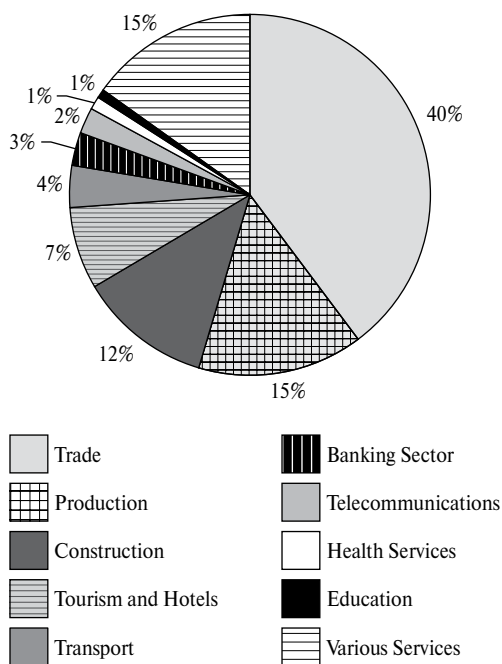
⁴³ Kosovo International Trade Statistics. [Electronic source] // Kosovo Agency of Statistics. March 2020. P. 13. URL: <https://ask.rks-gov.net/media/5383/international-trade-statistics-march-2020.pdf> (accessed: 30.06.2022).

⁴⁴ Joint Declaration on Cooperation between the EFTA States and the Republic of Kosovo [Electronic source] // EFTA. November 23, 2018. Geneva, Switzerland. URL: <https://www.efta.int/sites/default/files/documents/legal-texts/free-trade-relations/kosovo/EFTA-Kosovo-Joint-Declaration-on-Cooperation.pdf> (accessed: 11.05.2022).

⁴⁵ Kosovo International Trade Statistics [Electronic source] // Kosovo Agency of Statistics. March 2020. URL: <https://ask.rks-gov.net/media/5383/international-trade-statistics-march-2020.pdf> (accessed: 30.06.2022).

⁴⁶ Trade between EFTA and Kosovo [Electronic Source] // EFTA trade data. URL: <https://trade.efta.int/#/country-graph/EFTA/XK/2021/HS2> (accessed: 10.05.2022).

Picture 3
Foreign Companies by Sectors, % of total

Source: Investing in Kosovo [Electronic source] // The Republic of Kosovo. The Ministry of European Integration. URL: <https://www.mei-ks.net/en/kosovo/investing-in-kosovo> (accessed: 08.05.2022).

Among non-regional partners, Kosovo exports the most to Turkey and the U.S. – around 2% of the total⁴⁷. Kosovo's export to Asia countries – China, India, and Japan – decreased from 0.1% in 2019 to 0% in 2020, while imports from those countries remained

relatively stable – around 10%, with China's leading the group. Overall, Kosovo remains highly reliant on imports and suffers from a long-standing chronic trade deficit. Imports in Kosovo averaged 203 875 EUR thousand from 2003 until 2022, reaching an all-time high of 493 917 EUR thousand in March of 2022 and a record low of 48559 EUR thousand in January 2003⁴⁸. Against the background of slight improvement (in 2020, the trade deficit decreased by 10% compared to 2019)⁴⁹ the overall trade balance remains negative – -367 859 EUR Thousand as of May 2022⁵⁰. Kosovo mainly imports mineral products, machinery, appliances, electric materials, prepared food, beverages, tobacco, metals, and chemical goods. Collective Europe covers most of Kosovo's import needs. Among its non-regional partners, Turkey, China, and the U.S. stand out with 13.1%, 7.8%, and 2.7% in total imports per March 2020⁵¹. It is worth mentioning that in 2019 Brazil (1.3%) and Ukraine (1.2%) went ahead of the United States (1%) in this indicator. Brazil keeps its presence in the region (1.6%), while Ukraine went down to 0.5% in 2020. Two more non-regional countries – India and Mexico – had no changes in their percentage during the evaluated period (0.7% and 0.1%, respectively).

According to local Ministry of European Integration statements, foreign capital in Kosovo has as wide geographical distribution as more than 80 countries of the world, “where Albania ranks first in the number of registered businesses”⁵². With a total number of 4210, foreign companies by sectors look as follows (Pic. 3).

⁴⁷ Kosovo International Trade Statistics [Electronic source] // Kosovo Agency of Statistics. March 2020. URL: <https://ask.rks-gov.net/media/5383/international-trade-statistics-march-2020.pdf> (accessed: 30.06.2022).

⁴⁸ Kosovo imports [Electronic source] // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/kosovo/imports> (accessed: 11.06.2022).

⁴⁹ Kosovo* 2021 Report. Commission Staff Working Document [Electronic source] // The European Commission. P. 107. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/kosovo-report-2021_en (accessed: 18.06.2022).

⁵⁰ Kosovo imports [Electronic source] // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/kosovo/imports> (accessed: 11.06.2022).

⁵¹ Kosovo International Trade Statistics [Electronic source] // Kosovo Agency of Statistics. March 2020. URL: <https://ask.rks-gov.net/media/5383/international-trade-statistics-march-2020.pdf> (accessed: 30.06.2022).

⁵² Investing in Kosovo [Electronic source] // The Republic of Kosovo. The Ministry of European Integration. URL: <https://www.mei-ks.net/en/kosovo/investing-in-kosovo> (accessed: 08.05.2022).

Although the current legislation on foreign investment provides for treatment of foreign nationals and companies on an equal basis with local investors, in practice, foreign citizens and legal persons encounter difficulties registering property rights⁵³. In addition to that, local “minority communities are frequently unable to exercise their property rights fully”⁵⁴.

Another economy-related problem affecting all other areas is unemployment or, to be more specific – unemployment of Kosovo's youth and women. The situation in the local labor market has remained “challenging” for years. The significant underutilization of the local labor force heads up the to-do list in the current economic agenda. Usually, it is associated with the issues of existing employment structure and its optimization needs, as well as a pronounced gender imbalance. In 2015, with Kosovo's overall low rates of employment and activity characteristic, only one in five women of working age was active in the labor market, and only one in eight was employed⁵⁵. According to the results of the labor force study conducted in 2017, the working-age population amounted to 1.2 million people, with a gender distribution similar to last year. At the same time, an active workforce (aged 15–64 years) formed 513,678 people, of which only 119,027 were women. Consequently, the participation rate of women in the labor force was significantly lower than that of men (20% and 65.3%, respectively), although it showed a slight increase compared to 2016⁵⁶. In general, this

trend continues: in 2019, the difference between the employment indicators of women and men in Kosovo was 33% (12.3% and 45.3%, respectively)⁵⁷. In many ways, this is accounted for by the absence of preschool institutions.

Regarding the general unemployment figures appearing in recent reports, it should be considered that they do not reflect fully the real picture. For instance, the unemployed do not include those with seasonal earnings, employed once-twice a week, or involved in various illegal or “grey” schemes. Therefore, the real unemployment rate in Kosovo is much higher. By the way, American experts traditionally disagree with the official figures of Kosovo statistics and point out that youth unemployment is significantly higher than the declared figures⁵⁸. Unemployment among young people is a separate large-scale problem. Minor improvements took place, though: from 61% in 2015 to 55.4% in 2019. Unfortunately, the overall picture generally remains the same, exposing the inconsistency of the local educational system's work with the labor market's needs. Massimiliano Paolucci, World Bank Manager for Kosovo and North Macedonia, stated: “There is a pressing need to tackle constraints to higher productivity growth and to invest in human capital for Kosovo to utilize its advantage of having a young population.” And “if Kosovo does not strengthen its human capital, it will find it more difficult to achieve faster and more inclusive growth, it will not have a workforce prepared for the jobs of the

⁵³ Kosovo* 2021 Report. Commission Staff Working Document [Electronic source] // The European Commission. P. 90. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/kosovo-report-2021_en (accessed: 18.06.2022).

⁵⁴ 2020 Investment Climate Statements: Kosovo [Electronic source] // The U.S. Department of State. The Bureau of Economic and Business Affairs. URL: <https://www.state.gov/reports/2020-investment-climate-statements/kosovo/> (accessed: 13.06.2022).

⁵⁵ Kosovo 2015 Report [Electronic source] // The European Commission. P. 32. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/key_documents/2015/20151110_report_kosovo_pdf (accessed: 06.10.2021).

⁵⁶ Economic Reform Programme (ERP) 2019–2021. January 2019. 164 p. [Electronic source]. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/kosovo_erp_2019-2021.pdf (accessed: 21.10.2021).

⁵⁷ Kosovo 2019 Report [Electronic source] // European Commission. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/f43b4495-8220-11e9-9f05-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF/source-118517130> (accessed: 03.10.2021).

⁵⁸ Kosovo Balance of Trade (2020) [Electronic source] // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/kosovo/balance-of-trade> (accessed: 04.10.2021).

future, and it will not be able to compete in the global economy”⁵⁹.

The accompanying problem is hard disproportions in the distribution of people by employment sectors, which increases pressure on the budget and undermines the trust of people in the fairness of the social benefits system. The monitored constant increase in salaries of civil servants and employees of state-owned enterprises also creates risks for public finances. Besides, it hinders the development of the private sector, negatively affecting its overall attractiveness.

According to the study of the structure of enterprises for 2016, the most significant number of them belonged to the trade sector – 47.7%, followed by business and other services – 13.6%, and then the manufacturing industry – 13.5%. The total number of people employed in the private sector was 156,504. Of these were: in trade – 34.9%, manufacturing – 15.6%, and business services – 11.8%. Accordingly, the largest share in the total volume of trade turnover fell on the trade sector – 57.5%, followed by the manufacturing industry – 11.9% and construction – 10.5%⁶⁰. Among the significant structural changes is a marked tendency to reduce the share of agriculture (according to the latest data, 10.8%). Sector “Other” formally gives 9.3% of employment but, in fact, with illegal and criminal practices, significantly more⁶¹. The unemployment rate forecasts for 2022, 2023, and 2024 look somewhat optimistic – 24.3%, 23.8%, and 23.5%, respectively⁶².

All in all, Kosovo's economy has experienced a full recovery from the COVID pandemic. However, leaving aside the common World agenda, local economics keeps its essential features: slow structural changes, heavy dependence on external financial help and internal trade, widespread informal economy, inefficient judicial system, corruption, and the overall weakness of institutions. Priority tasks for Kosovo also remain the same: to guarantee budget compliance with the requirements of budget rules, especially in terms of wages; to improve financial supervision and accountability of state-owned enterprises and accelerate their privatization; to make financing of small and medium-sized enterprises more accessible and to develop and implement active measures to increase women's participation in the labor market⁶³.

The current political agenda adds lots of concerns for Kosovo. Like other Western Balkan polities, Kosovo is becoming increasingly vulnerable in the context of the energy crisis in Europe. Excessive reliance on imports makes it extremely sensitive for Kosovo: according to the World Bank, “the downside risks to the region's economic outlook are daunting”⁶⁴. Disruptions to global trade, the free ride of the energy and food prices – all this together may bring many disappointing corrections to, by and large, optimistic local forecasts of Kosovo's economic development in the nearest future.

Results

Kosovo's economy has not seen significant structural changes since the proclamation of

⁵⁹ Kosovo's Economic Growth to Decelerate in 2022 After a Strong Post-Pandemic Recovery [Electronic source] // The World Bank. Press Release No: 2022/ECA/92. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/05/04/kosovo-s-economic-growth-to-decelerate-in-2022-after-a-strong-post-pandemic-recovery> (accessed: 08.06.2022).

⁶⁰ Kosovo 2020 Report [Electronic source] // The European Commission. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/system/files/2020-10/kosovo_report_2020.pdf (accessed: 28.10.2021).

⁶¹ Economic Reform Programme (ERP) 2019-2021. January 2019. 164 p. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/kosovo_erp_2019-2021.pdf (accessed: 21.10.2021).

⁶² Kosovo. Overview [Electronic source] // The Vienna Institute of International Economic Studies. URL: <https://wiiw.ac.at/kosovo-overview-ce-23.html> (accessed: 22.06.2022).

⁶³ Kosovo 2019 Report [Electronic source] // The European Commission. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/f43b4495-8220-11e9-9f05-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF/source-118517130> (accessed: 03.10.2021).

⁶⁴ Kosovo's Economic Growth to Decelerate in 2022 After a Strong Post-Pandemic Recovery [Electronic source] // The World Bank. Press Release No: 2022/ECA/92. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/05/04/kosovo-s-economic-growth-to-decelerate-in-2022-after-a-strong-post-pandemic-recovery> (accessed: 29.06.2022).

the so-called "independence." The polity is still on the list of Europe's poorest and most vulnerable regions. Reforms are proceeding slowly and not without difficulty. A large share of state-owned enterprises is unprofitable. The private sector is fragmented. The economy relies heavily on imports and excessively depends on the trade sector. Unemployment, especially among young people, is soaring. The investment attractiveness remains low despite incessant efforts to improve the situation. External economic assistance (both legal and illegal) forms an essential part of the income, calling into question the region's ability to maintain self-sufficient economic existence. Unresolved property rights problems and lack of political will to solve them cause additional damage to the image of Kosovo.

The large informal sector and soaring unemployment make the former Serbian province one of the "gray zones" of the world economy. Its criminal component discourages potential investors and undermines the region's attempts to speed up integration into the E.U. As a result, Kosovo's financial dependence becomes one of the main obstacles to the European Union.

We can conclude that, first, external actors who intervened at the very beginning or during the conflict often become initiators, sponsors, and with luck, beneficiaries of forthcoming economic reconstruction. Primarily, they are transnational corporations, international financial institutes, and supranational bodies.

Second, post-conflict economic recovery is accompanied by pursuit of political interests. At this point, Kosovo is often much more about political loyalty and cooperation on several important issues of world politics than about economic recovery. Thus, economic

support results in "right" voting on a specific issue in the Council of Europe, the General Assembly, the IOC, etc.

Third, the military usually accompanies the economic presence of external actors in a post-conflict zone. Investments and schemes for restoring the socioeconomic sphere and communications require reliable protection. The deployment of military bases takes place either in advance or in parallel with the launch of economic subsidies and recovery projects. The most extensive U.S. military base in Southern Europe, "Camp Bondsteel," has been performing security functions in Kosovo since 1999.

Fourth, any conflict generates a complex of illegal issues. Among these are corruption at all levels, a vast shadow economy, criminal networks which cover different spheres of life, and their involvement in international terrorist structures. Mass unemployment, accompanied by a high birth rate (typical for Muslim polities) and gender misbalance in the labor force, seriously complicate matters.

Finally, in the context of the growing crisis of globalization and the current de-facto destruction of the system of international relations, the self-sustaining existence of polities that arose during the fragmentation of large state entities remains problematic. Even relatively developed countries (such as Croatia, Slovakia, and Slovenia) receive the E.U. subsidies and do not demonstrate a confident capacity for effective economic development without inclusion in regional programs. The economic future of post-conflict zones is strongly associated with continued financing support in the form of development programs, direct external help, or inclusion into larger entities.

References

- Arlyapova E., Ponomareva E. (2021). Ekonomika samoprovogzlashennogo Kosovo [The Economy of Self-Declared Kosovo]. *World Economy and International Relations*. Vol. 65. No. 4. P. 58–70. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-58-70.
- Arlyapova E., Ponomareva E., Proroković D. (2022). NATO's Capabilities in Global Governance: on the Balkan Scene. *International Organizations Research Journal*. Vol. 17. No. 2. P. 208–223. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-02-09.
- Bacovic M. (2017). Economies of the Former Yugoslav Republics, 25 Years after SFRY Dissolution. *Montenegrin Journal of Social Science*. Vol. 1. No. 2. P. 157–176.
- Charnogursky Y. (2007). Kosovo as the Test for Russia. *Russia in Global Affairs*. No. 3. P. 110–120.

- Chrzova B., Grabovac A., Hala M., Lalić J. (eds) (2019). *Western Balkans at the Crossroads: Assessing Influences of Non-Western External Actors*. Prague: Prague Security Institute. 92 p.
- Drynochkin A. (2014). Ekonomicheskie problemy realizatsii proekta "Kosovo" [Economic Problems of Implementing the "Kosovo" Project]. *Mirovye i natsionalnoye khoziaistvo*. No. 4. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2014/2014-04/ekonomicheskie-problemy-realizatsii-proekta-kosovo> (accessed: 02.10.2021).
- Gligerov V. (2017). *Yugoslavia and Development – Benefits and Costs*. In: *Yugoslavia from a Historical Perspective*. Belgrade: Helsinki Committee for Human Rights. P. 409–442.
- Matoshi R., Veseli B. (2018). Economic Growth in Kosovo as a Challenge to Environmental Preservation in the Republic of Kosovo. *European Journal of Marketing and Economics*. Vol. 1. No. 2. P. 26–34. DOI: 10.26417/ejme.vli2.
- Ponomareva E. (2020). Quo Vadis, Serbia? *Russia in Global Affairs*. No. 1. P. 158–179. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-1-158-179.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ ПОСТКОНФЛИКТНОГО КОСОВА

ЕЛЕНА АРЛЯПОВА

Институт системно-стратегического анализа (ИСАИ), Москва, Россия

ЕЛЕНА ПОНОМАРЁВА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

МИРОСЛАВ МЛАДЕНОВИЧ

Белградский университет, Белград, 11040, Республика Сербия

Резюме

Самопровозглашённая Республика Косово сталкивается со множеством проблем постконфликтного восстановления экономики. Текущие политические повестки глобального и регионального уровней значительно усложняют этот процесс. Трудности обусловлены сочетанием хронической социально-экономической отсталости политики и общими вызовами постконфликтного урегулирования. Такое сплетение приводит к ограничениям опций государственного управления, созданию обширной теневой экономики и криминальных сетей. Существующие проблемы дополняются массовой безработицей и широко распространённой в регионе бедностью, усугубляемой такими традиционными проблемами Косова, как гендерный дисбаланс рабочей силы, этническая дискриминация и неурегулированные права собственности. В статье освещаются результаты внутренних и внешних усилий по повышению способности косовских властей обеспечивать социально-экономическую безопасность местных домохозяйств и предприятий. Основное внимание уделено международной поддержке посредством прямой финансовой помощи и внешних инвестиций. Сделан вывод о том, что эта поддержка ставит под сомнение политическую независимость и жизнеспособность самопровозглашённого государства: Косово по-прежнему входит в список беднейших и наиболее уязвимых регионов Европы. Реформы продвигаются медленно. Большая доля государственных предприятий убыточна. Частный сектор фрагментирован, доминируют микропредприятия. Экономика Косова в значительной степени опирается на импорт и в целом чрезмерно зависит от торгового сектора. Финансовая дисциплина, эффективность и прозрачность распределения ресурсов, оптимизация межсекторального взаимодействия, борьба с коррупцией — все эти вопросы по-прежнему стоят в текущей экономической и политической повестке, как и десять лет назад. Финансовая зависимость от поддержки извне, общая экономическая несамостоятельность являются препятствием на пути членства Косова в ЕС.

Ключевые слова:

постконфликтное регулирование; экономика Косова; Балканы; самопровозглашённое государство; международная помощь; пандемия COVID-19.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА АВТОНОМИИ И РОЛИ ИНТЕГРАЦИИ

ЕКАТЕРИНА КОСЕВИЧ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Резюме

Автономия была и остаётся в центре внимания теоретических исследований в области международных отношений и внешней политики стран Латинской Америки. При этом углубление и укрепление сотрудничества с соседями по региону традиционно являлось непоколебимым приоритетом для латиноамериканских государств, вокруг которого строилась их внешняя политика. В статье рассмотрены ключевые этапы развития, которые прошёл концепт автономии в рамках теорий международных отношений, разработанных латиноамериканскими авторами. Параллельно исследуются меняющиеся роль и сущностные характеристики интеграции как процесса, модифицирующего свою направленность под давлением различных внешних и внутренних обстоятельств. В исследовании проанализированы ключевые теоретические подходы стран Латинской Америки к изучению международных отношений и внешней политики в период с середины XX столетия и до начала XXI века, а также рассмотрены основные факторы, влияющие на эволюцию внутрирегионального и внерегионального направлений внешней политики государств региона. Выявление системы элементов, формирующих основу современной внешней политики, и сочетания глобального и национального компонентов позволяет определить содержательные перемены парадигмального характера системы международных отношений в Латинской Америке. Эти процессы способствуют пониманию современной международной деятельности и сотрудничества стран региона, обосновывая актуальность и новизну данного исследования. В работе выделено пять ключевых этапов развития концепта автономии, ставших отражением реальных исторических событий, каждый из которых по-своему соотносится с понятием «интеграция»: первый этап характеризовался превалированием реалистского подхода; второй этап был отмечен стратегией «развитие, идущее изнутри»; в течение третьего этапа доминировал концепт относительной автономии; четвёртому этапу было присуще доминирование двух подходов: сепаратистского и относительного; пятый этап проходит под лозунгом концепта ограниченной автономии.

Ключевые слова:

Латинская Америка; теория международных отношений; автономия; интеграция; международные отношения; мир-система.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10014, <https://rscf.ru/project/22-78-10014/>

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.08.2022

Дата принятия к публикации: 27.12.2022

Для связи с автором / *Corresponding author:*

Email: ekaterina.kosevich@gmail.com

Внешнеполитические стратегии государств Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАК) на протяжении истории были направлены на достижение автономии от более сильных стран [Bernal-Meza 2005; Colacrai 1992]. Поиск путей повышения самостоятельности заметно активизировался во второй половине XX века. Импульс к такой активизации придало укрепление гегемонии США в Западном полушарии на фоне «холодной войны» и оппозиции Севера и Юга.

Как отмечал Маркос Каплан, с конца 1940-х годов ЛАК и большая часть государств «третьего мира» влились в новую международную систему, характеризующуюся ярко выраженной иерархией «господства-подчинения», формируемой, с одной стороны, развитыми странами, а с другой — слабо развитыми зависимыми государствами [Kaplan 1983]. Эта система, среди прочего, характеризовалась гегемонией США и СССР — двух противоборствующих сверхдержав, поддерживавших *имперский кондоминиум*. Как подчёркивает Каплан, страны ЛАК оказались встроенными в новую систему отношений, имеющую трёх-аспектную структуру *господство-зависимость-неравномерное развитие*, что привело к снижению их автономии в вопросах выбора моделей экономического и общественного развития, а также самостоятельного управления их внешней политикой.

Согласно М. Каплану, государства ЛАК участвовали в диалоге с Севером преимущественно для обсуждения трёх вопросов в рамках сформированного «*порядка допущений и условий*»: касательно мировой концентрации власти, нового глобального разделения труда, выбора моделей развития и модернизации [Kaplan 1983: 186]. Представители Севера обладали исключительными

полномочиями и привилегиями по отношению к ЛАК, внешняя политика которых выстраивалась под сильным влиянием торговых и экономических интересов «северных гегемонов». Вместе с тем модель гибких отношений с открытым обсуждением ключевых вопросов мировой и региональной повестки дня, включая принятие общих решений возникающих проблем, категорически исключалась¹. В результате происходило обострение проблем в межамериканских отношениях, подталкивавшее государства ЛАК к выстраиванию новых внешнеполитических стратегий, в которых значимое место занимал *концепт автономии* [Briceño Ruiz 2017]².

В настоящей работе проводится разграничение понятий «автономия» и «суверенитет». Последнее апеллирует, прежде всего, к господству конкретного политического образования над конкретной территорией, реализуясь в правовой плоскости [Agnew 2010]. Латиноамериканские авторы склоняются к пониманию суверенитета как репрезентации всего могущества государства, которая подчёркивает его превосходство над любой другой вариацией внутривластной власти. В этом определении заложена модальность недействительности любого врага государственной власти, которая и выступает гарантом суверенного государства.

Под автономией же следует понимать способность народа достичь независимости, самодостаточности, самоопределения, а также реализовывать самостоятельную внешнюю политику [Preciado 2010]. Именно это явление способствует формированию полноценно управляемых внутринациональных и межнациональных отношений, при этом позволяя эффективно контролировать их изнутри. В отличие от

¹ Эти наблюдения подтверждались, в частности, тем, что Организация американских государств (ОАГ), созданная в 1948 г. как политический форум для многостороннего диалога и интеграции Америки, во время «холодной войны» в большинстве конфликтных ситуаций неизменно поддерживала позицию, занятую Вашингтоном.

² Понятие «концепт» в этой работе рассматривается автором с точки зрения широкого теоретико-философского подхода. В этой связи «концепт автономии» — это идея, заключающая в себе конкретное смысловое наполнение на каждом отдельном этапе его развития, которое, в свою очередь, связано с понятием «интеграция».

суверенитета, автономия трактуется в терминах самостоятельности и следования правилам, являющимся принципиальными для конкретного общества.

В этой связи исследователи сходятся во мнении, что именно теория автономии стала базисом для становления всех современных латиноамериканских концепций международных отношений [Santana 2013; Simonoff 2019]. Ключевым фактором для достижения автономии традиционно выступала интеграция, под которой в широком смысле понимается особый процесс, состоящий из объединения частей в единое целое, которая также выступает дополнительным измерением автономии [Orantes 1981].

Изучению латиноамериканских теорий международных отношений (ТМО) посвящён ряд научных работ как зарубежных, так и российских специалистов. В них проблематика латиноамериканских ТМО рассматривалась либо в разрезе одного теоретического направления [Садченко 2021; Gordy 2020; Long 2021; Пятаков 2018], либо акцент был сделан на обзорном анализе ключевых латиноамериканских ТМО [Эльмурадов 2021; Thompson 2018]. При этом эволюция концепта автономии и роль интеграции с точки зрения степени их влияния на характер и содержание внешней политики стран ЛАК не освещались ранее в научных трудах. Настоящая статья призвана частично восполнить этот пробел.

Автор анализирует ключевые латиноамериканские теоретические подходы к изучению международных отношений и внешней политики в период с середины XX столетия и до начала XXI века, рассматривая параллельно факторы, воздействовавшие на внутрирегиональные и внерегиональные направления внешней политики государств региона. В статье делается вывод, что процесс формирования концепта автономии в Латинской Америке включает в себя пять основных этапов. На каждом

из них понятие наполнялось несколькими содержанием, но при этом неизменно сохраняло высокую корреляцию со стремлением к развитию интеграции.

1950–1970-е годы — реалистский подход к автономии и интеграции

Осознание необходимости расширения автономии в ЛАК укреплялось во второй половине XX века под влиянием эндогенных моделей экономического роста³. С конца 1940-х годов внешняя политика государств региона вынуждена была сосредоточиться на поиске ответа на очередной подъём североамериканской гегемонии, а также механизмов внутрирегионального диалога в рамках меняющегося идеологического ландшафта [Hofman 2000]. Система международных отношений, сформировавшаяся во второй половине XX века, предопределила ярко выраженную асимметрию во взаимодействии государств ЛАК с развитыми странами. Это обусловило то, что приоритетами внешней политики латиноамериканских стран стали три направления: расширение автономии, экономическое развитие, а также включённость в актуальные процессы в мировой экономике и политике на правах более заметных игроков.

Всё это предопределило становление *содержательного наполнения* концепта автономии. Она могла быть достигнута в ЛАК только за счёт структурных преобразований, преимущественно внутривнутриполитического характера, что коррелировало с преобладающей в ЛАК в этот отрезок времени моделью экономического роста эндогенного типа. Исходя из того, что выбор модели управления экономикой относится к внутренней политике органов государственной власти, страны региона склонялись к отказу от капитализма в пользу другой модели экономической системы производства и распределения с иной иерархией силы и власти.

³ В рамках эндогенных моделей экономического роста ВВП на душу населения зависит прежде всего от внутренних факторов, таких как запасы и производительность капитала, эффективность инноваций, качество управленческой системы и уровень образования.

В 1960–1970-х годах латиноамериканские страны синхронно придали концепту автономии опорную (центральная задача международной политики отдельного государства) и стимулирующую функции (способность направлять интересы всех субъектов внешней политики на достижение требуемых результатов) в своей внешней политике. На повышение значимости увеличения автономии в системе приоритетов внешней политики повлияли активизация процессов деколонизации, а также усиление внимания мировой общественности к важности мирного сосуществования государств. Заметную роль сыграла и Лусакская конференция (1970), в рамках которой государства Латинской Америки совместно со странами Азии, Африки и Европы подвергли острой критике политику империализма, подчеркнув важность борьбы за экономическую независимость, а также установление взаимовыгодного и равноправного сотрудничества между государствами [Bansart 2007].

После начала «холодной войны» внимание латиноамериканских теоретиков было приковано к объяснению функционирования мировой экономической системы и её влияния на политику ключевых игроков в регионе, исследуемых с позиций теории зависимости⁴ [Marini, 1973; Calduch 1981]. Теория автономии, в свою очередь, была традиционно связана с последней: периферийные страны способны добиться выхода из замкнутого круга отношений центр-периферия за счёт большей автономии от мировых центров. Вместе с тем в отличие от теории зависимости теория автономии была призвана покончить с процессом ухудшения условий торговли, порождае-

мым моделью асимметричных отношений центр-периферия, изменив саму структуру международных отношений [Lechini 2009].

Именно в контексте усиливающихся антигегемонистских настроений была опубликована знаковая работа Гильермо О’Доннелла «Модернизация и авторитаризм», ставшая классикой латиноамериканской политической мысли. Исследователь утверждал, что достижение автономии, уровни которой варьируются, возможно лишь путём радикального преобразования внутривластной иерархии господства-подчинения [O’Donnell 1972]. Обращаясь к опыту Аргентины 1960-х и 1970-х годов, в частности «аргентинской революции» (1966)⁵ и периоду «Органиато» (1966–1970), он рассматривал автономию сквозь призму системы властных отношений внутри государства в вопросах господства и подчинения, где большое значение придавалось «фактору силы» механизма государства и «фактору неравенства» социальных групп в разрезе одной нации. В предложенной логике государство с достаточной степенью автономии должно пытаться утвердиться в качестве проводника инклюзивного и стабильного капитализма. Эта стратегия позволила ему со временем предстать в глазах других субъектов мировой политики в качестве значимого партнёра, способного представлять свои решения как справедливые и независимые от внешних интересов. В этом контексте автор выдвигает концепт *специфической автономии*.

Специфическая автономия (autonomía específica) – это иное видение автономии, в котором особое внимание уделено попыткам частичного удовлетворения интересов са-

⁴ Теория зависимости, или теория зависимого развития, основывается на тезисе о том, что периферийные страны не способны побороть свою экономическую отсталость и политическую нестабильность из-за систематического давления, оказываемого на них развитыми государствами центра, а также оттока их ресурсов и капиталов в более богатые страны.

⁵ «Аргентинская революция» – общепринятое название военно-гражданской диктатуры, в результате государственного переворота 28 июня 1966 г. свергнувшей законно избранного президента Артуро Ильяна (1963–1966). В отличие от других успешных государственных переворотов, потрясших Аргентину в предыдущие годы (1930, 1943, 1955 и 1962 годы), «аргентинская революция» не позиционировала себя в качестве «временной силы». Она, наоборот, стремилась утвердиться в качестве новой диктаторской системы постоянного типа, впоследствии связанной с концепцией «авторитарно-бюрократического государства» (*estado burocrático-autoritario*).

мых низших социальных страт, что позволяет обеспечить сохранение внутринациональной иерархии господства-подчинения (понимаемой как гегемонистское господство правящих классов). Эти компоненты структуры социальной установки, рассматриваемые как новые аппаратные механизмы автономии, наделялись способностью повысить уровень самостоятельности государства на мировой арене [O'Donnell, 1982].

Начало 1970-х годов для ЛАК стало периодом зарождения надежд на самостоятельное возвышение региона. После столетий зависимых отношений латиноамериканские страны впервые увидели возможности для получения большей автономии, а также достижения устойчивого развития и обретения более заметной роли в мировой политике. Перед государствами ЛАК встала дилемма, касавшаяся выбора политического курса, способного приблизить их к этим целям: через революцию или же через реформы?

Символом *революционного пути* стала кубинская революция (1953–1959), а также деятельность вооружённых антиправительственных образований, таких как партизанская борьба Че Гевары в Боливии. Эталоном *реформистского пути* стала «Революция в условиях свободы» (*Revolución en libertad*), которую Эдуардо Фрей (1964–1970) пытался осуществить в Чили в период с 1964 по 1969 посредством закона об аграрной реформе (1967), «чиленизации» меди (1965–1966)⁶, «согласованной национализации»⁷ (1969) и других социальных преобразований (1968)⁸.

Сама сущность *межамериканской системы*, характеризующейся, с одной стороны, противоречивыми, а с другой стороны, дополняющими друг друга взаимоотношениями «двух Америк» — развитых Соединённых Штатов и государств Латинской Америки, заметно уступающих северному соседу в части технико-экономических и финансовых показателей — стала катализатором интеграционных устремлений ЛАК во второй половине XX века [Сударев 2004]. В этом контексте ведущие латиноамериканские государства начали выстраивать собственные геополитические оси, пересекающие весь регион и даже в некоторых случаях перекрещивающиеся между собой. Вместе с тем некоторые страны (главным образом Бразилия и Аргентина) открыто соперничали друг с другом. Интервенционистская политика Вашингтона⁹ ещё больше усилила центробежные тенденции, в результате которых уже несбалансированная асимметричная система распалась на отдельные, малосвязанные между собой региональные коалиции [Глинкин 1999; Сударев 2000].

В итоге в ЛАК начали превалировать политэкономические взгляды, базирующиеся на идее «новой внешней политики», менее зависящей от интересов США как гегемонистской державы. Доминирующим стал реалистский подход, видными представителями которого выступили Элио Ягуарибе и Хуан Пуиг. В своих исследованиях они подчёркивали наступление момента для включения Латинской Америки в международную систему в качестве равноправно-

⁶ «Чиленизация» состояла в присвоении государством 51% акций всех медных компаний.

⁷ «Согласованная национализация» как кульминация процесса «чиленизации» заключалась в покупке большинства компаний горнодобывающей промышленности, за счёт чего был обеспечен полный контроль над ними со стороны государства Чили.

⁸ Здесь, прежде всего, речь идёт о программе «Народное продвижение» (закон № 16880 от 1968 года), которая изменила формы коллективной организации чилийского общества. Благодаря этой программе были созданы новые социальные организации, направленные на улучшение жизни маргинальных слоёв населения.

⁹ Иллюстрацией усиления интервенционистских настроений Вашингтона по отношению к ЛАК выступают проведение интенсивных военных учений 82-й воздушно-десантной дивизии Армии США, проводимые в 1950-х и 1960-х годах в Панаме; военное вторжение США в Доминиканскую Республику (1965), предпринятое для свержения пришедшего к власти в результате гражданской войны левого правительства; а также неоднократные секретные интервенции ЦРУ в латиноамериканские страны, произошедшие в конце 1960-х годов.

го участника, а также для устранения уязвимостей слабых государств. При этом оба автора, пусть каждый и по-своему, давали определение автономии и связывали её с интеграцией.

Согласно Э. Ягуарибе, доступ к автономии зависит от соблюдения двух условий: *национальной жизнеспособности государства и международной допустимости*. Первая «в конкретный исторический момент зависит от того, в какой степени страна имеет критический минимум человеческих и природных ресурсов, включая способность к международному обмену». Вторая относится к тому, «в какой степени, учитывая геополитическое положение страны и её международные отношения, она имеет условия для нейтрализации риска, исходящего от третьих стран, а также имеет достаточные ресурсы для оказания на третьи страны эффективного принуждения» [Jaguaribe 1979: 96–97].

Э. Ягуарибе ещё в конце 1960-х годов утверждал, что в Латинской Америке не было создано необходимых и достаточных условий для достижения автономии через революционный путь. В его работах отмечалось, что для региона наиболее перспективной является модель автономии через развитие. Фактически он приравнивал её к термину *автономное развитие* (*desarrollo autónomo*), которое необходимо сочетать с региональной интеграцией [Jaguaribe 1969].

Таким образом, в рамках подхода Ягуарибе автономия — это способность принимать решения, отвечающие национальным интересам и направленные на преодоление объективных условий международной действительности, таких как могущество и влияние лидирующих держав и транснациональных компаний, формирующих *международную олигополию*. Важная роль отводилась стремлению элит в странах ЛАК свободно выбирать экономические и политические модели, которые они

считают наиболее подходящими, чтобы вести свои общества по пути всестороннего развития. В этой связи латиноамериканские правительства должны точно знать, каково их истинное положение, измеряемое с точки зрения индивидуальной национальной жизнеспособности, и каким путем для манёвров в мировой политике и экономике они располагают.

Интеграция рассматривается как необходимая поддержка процесса автономного развития и как инструмент, укрепляющий национальную жизнеспособность, за счёт усиления позиций латиноамериканских государств как по отношению к промышленно развитым странам, так и в рамках Западного полушария. Она добавляет последней региональное или коллективное измерения. Процесс интеграции должен быть постепенным и оставаться открытым для включения всех латиноамериканских стран, если они обладают национальной жизнеспособностью и продвигаются в сторону автономного развития.

В своих работах Х. Пуиг предложил переосмыслить концепт автономии также через призму реалистского подхода, в рамках которого мир воспринимается как площадка для конфликтующих интересов между сильными и слабыми государствами [Puig 1986]. Межгосударственное взаимодействие развивается по правилам *игры с нулевой суммой*, ведущейся между доминирующими и подчинёнными. В результате выигрыш одного неизбежно становится проигрышем другого:

«стратегический манёвр, который этот — бывший комитент¹⁰ — должен привести в движение, будет успешным только в той мере, в какой политический диагноз, относящийся к противнику — доминирующей силе — верен и, как следствие, мобилизует ресурсы власти, достаточные для подавления воли оппонента» [Puig 1984: 44].

Устранение жёсткой иерархической структуры, характеризующейся неравно-

¹⁰ Для описания отношений центр—периферия исследователь оперирует терминами «комиссионер» — как сторона, которая берёт на себя определённые обязательства перед другой стороной — «КОМИТЕНТОМ».

правными отношениями, возможно лишь через смену политики периферийных стран, проводимой их элитами. Государства же априори наделены способностью самостоятельно выйти на путь автономии. Этот переход возможен только тогда, когда периферийные элиты окажутся готовы принимать решения, которые приводят к достижению национальных целей. Важным подспорьем выступает устойчивость экономической системы, рассматриваемая как *жизнеспособность государства*, что коррелирует с подходом Э. Ягуарибе.

В ходе исследования миропорядка, автономии и возможностей изменения положения периферийных стран в международных процессах Х. Пуиг выделил четыре модели внешней политики: *параколониальная зависимость, национальная зависимость, неортодоксальная автономия и сепаратистская автономия* [Puig 1984]. *Параколониальная зависимость* поддерживается в тех случаях, когда государство формально обладает суверенитетом и не является колонией, но в действительности группы, имеющие реальную власть, представляют собой придаток государственного аппарата другой страны. *Национальная зависимость* присуща тем странам, в которых группы, обладающие реальной властью, рационализируют зависимость. Следовательно, они ставят свои собственные цели, которые способны привести к формированию национального проекта, а также готовы распространить его на весь мир. Именно наличие национального проекта отличает эту внешнеполитическую модель от параколониальной зависимости. *Неортодоксальная автономия* характеризуется волатильными отношениями между центром и периферией. Внутренняя модель развития последней может не совпадать с ожиданиями центра. Периферийная страна способна принимать участие в международных отношениях, если они не носят глобального стратегического характера, что в первую очередь предполагало неучастие в различных военно-политических союзах и коалициях. Более того, национальные интересы доминирующей державы являются

отправной точкой для выстраивания отношений центр-периферия. В то же время подчёркивается, что не всякая политика, навязываемая лидирующей державой, обязательно должна быть вредной для подчинённой страны. *Сепаратистская автономия* же означает глобальный вызов: периферийная страна перерезает «пуповину», соединявшую её с метрополией. Руководство периферийного государства решает больше не принимать во внимание интересы доминирующей державы. Сам Пуиг подчёркивал, что подобный подход к внешней политике — очень рискованный, поскольку истощает национальные ресурсы, и утопический, поскольку способен привести к результату, противоположному ожиданиям.

Пуиг воспринимает автономию как процесс развития национальных интересов, непосредственно связанный с рациональным использованием имеющегося поля для манёвров. Подобный подход может привести к построению полноценного *национального государства*. При этом интеграция может иметь неоднозначные последствия — то есть оценка её значения зависит от цели конкретного государства.

Для Пуига интеграция носит инструментальный характер, её значение зависит от цели конкретного государства, а также имеет три основные характеристики: (1) это социальное явление; (2) в нём участвуют не только государства, но и любая социальная группа, как микроуровня (такие как организации, союзы и компании), так и макроуровня (например, международное сообщество); (3) главная цель интеграции состоит в том, чтобы «гарантировать, что эти «социальные группы» отказывались от индивидуальных действий в определенных вопросах в пользу совместных с чувством коллективной причастности» [Puig 1986: 41]. Исследователь убеждён, что интеграция должна быть продуктом обществ, стремящихся к ней. В этом аспекте он предвосхитил многие работы 1990-х годов, когда учёные приступили к анализу гражданского общества как субъекта глобальной политики [Cox 1999].

Таким образом, в 1950-х – 1970-х годах латиноамериканские авторы рассматривали автономию, понимаемую как автономное развитие, и интеграцию, как главные задачи для внешней политики стран ЛАК – региона, стремившегося найти собственный путь в мировой политике. Это привело к тому, что латиноамериканские страны начали увязывать разную степень автономии государств перед лицом гегемонизма в мировой политике и диспропорции мировой экономики с изменениями в соотношении сил в мировой политике и экономике. При этом подчёркивалось, что периферийные латиноамериканские страны должны стремиться к переходу от государства-нации к государству-региону, что стало центральной идеей в построении интеграционной инициативы, основанной на идее солидарности и потому выходящей за рамки продвигающих его элит.

Автономия и интеграция в 1980-х годах: развитие, идущее изнутри

Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), взявшая на себя роль лидера в формировании концепций развития региона, в середине XX века активно продвигала модель «*развития, идущего вовнутрь*», разработанную ещё в 1950–1960-х годах и ориентированную на внутренний рынок¹¹. «Потерянное десятилетие» 1980-х вошло в историю ЛАК под знаками острого долгового кризиса, стагнации интеграционных процессов, авторитарных настроений и институциональной слабости государств. Эти процессы стали причиной разочарования в модели «развития, идущего вовнутрь» и привели к поиску нового концептуального подхода, способного предоставить решения насущных проблем региона. Именно в этом контексте в ЛАК приобретает всё большую популярность *практический подход* к формированию политики периферийных стран, базирующийся на

стремлении извлекать из всего непосредственную материальную выгоду и ориентированный прежде всего на удовлетворение текущих нужд и потребностей [Tomassini 1989].

Имя аргентинского исследователя Рауля Пребиша напрямую связано с латиноамериканской экономической мыслью, а также идеями об объединении усилий стран ЛАК. В своих работах он подчёркивал, что центры никогда не интересовали социальные эффекты развития периферий. Отмечалось, что политика сильных не направлена на то, чтобы слабые перестали быть таковыми. Р. Пребиш акцентировал, что трансформация никогда не придёт извне ни как идея, ни как конкретные события. По его мнению, страны Латинской Америки своими коллективными действиями способны привести к положительным изменениям в сторону улучшения положения развивающихся стран в социально-экономических аспектах.

Его работы затрагивали четыре направления: анализ и изучение экономической реальности государств Латинской Америки; создание системы институтов, способных помочь разрешить главные проблемы региона и не допустить их усугубления, что впоследствии вылилось в самостоятельную *концепцию латиноамериканского структурализма*; подготовка конкретных предложений экономической политики и внутренних реформ; создание теоретической базы к концепции развития периферийных стран. Последнее, как самое главное направление исследований Пребиша, привело к созданию *теории периферийного капитализма* [Prebish 1981]. Согласно этому подходу, центростремительный характер развитого капитализма является первопричиной задержки развития, экономической и технологической неполноценности, а также раздробленности периферии. Сильные центры инициируют технический прогресс, при этом забирая себе все плоды

¹¹ CEPAL (1951): Estudio económico de América Latina, Nueva York, Naciones Unidas. Publicación de las Naciones Unidas, N° de venta: 195 1.11.G. 1; CEPAL (1966). Estudio económico de América Latina. (documento E/CN. 12/752/Rev. I). Nueva York: ONU.

растущей производительности. В итоге развитие периферии происходит только в меру индивидуалистических интересов более сильных держав.

Центральное место в теории Пребиша занял тезис: периферийное развитие является составной частью мировой системы капитализма, но при этом оно формируется и осуществляется в условиях, весьма отличных от тех, в которых существуют центры. Допускается, что периферийный капитализм вдохновляется центрами и имеет тенденцию развиваться по их образу и подобию. Запоздалое и строго контролируемое гегемонами развитие периферий подражательного образца усугубляется асимметричным характером внешнеэкономических отношений. Оно представляет собой корень конфликтов и противоречий периферийного капитализма, что приводит к неравномерной и скачкообразной динамике экономического роста слабых государств.

Для выхода из этого зависимого положения периферийным странам необходимо при помощи коллективного мышления выработать модель «динамического перераспределения, сопровождающегося другими формами социального улучшения в ответ на насущные потребности» [Prebish 1981: 48]. При этом достижение автономии непосредственно связывается с высоким уровнем демократии, без чего автономия не может быть достигнута. Краеугольным камнем развития, а также средством повышения автономии Пребиш считал индустриализацию. По его мнению, она характеризуется *промышленной интеграцией*, понимаемой как объединение широкого круга отраслей и увеличение оборотов взаимной торговли.

Виднейшим представителем течения, активно критикующего подходы ЭКЛАК и выявившего пределы автономного национального проекта развития, стал бразильский исследователь Фернанду Кардозу [Cardoso 1977]. В своих работах он поставил под сомнение подход, согласно которому капиталистическое развитие периферии невозможно, а её недоразвитость есть

неизбежный результат развития центра, благодаря чему периферия априори обречена на недоразвитие. Исследователь выдвинул собственный вариант *теории зависимости* как аналитический конструкт для объяснения капиталистической экспансии в странах «третьего мира». В рамках этого теоретического обоснования экспансия капитализма в периферийных странах неравномерна, но вполне достижима. Теория зависимости Кардозу стремилась продемонстрировать широкий диапазон международных экономических процессов и их включённость в социальную структуру латиноамериканских стран с точки зрения существующих систем союзов между правящими элитами: исследователь считал господствующими социальными группами в Латинской Америке те, которые устанавливали союзы с внешним миром и которые благодаря этому сотрудничеству смогли эффективно приспособиться к экономическим изменениям. Согласно этому подходу, преодоление барьеров на пути развития государств, прежде всего, зависит от расстановки основных политических сил, а также их интересов и международных амбиций, нежели от сугубо экономических условий [Cardoso 1973].

Одним из ключевых аргументов исследователя, использованных для построения своей версии теории зависимости, был веберовский тезис о том, какой класс должен возглавить социальные изменения. Кардозу придавал большое значение циркуляции элит, их качеству и особенностям. По его мнению, главными врагами развития периферий выступают корпоративизм и консервативная бюрократическая буржуазия. Они среди прочего существенно ограничивают способность страны к участию в международных переговорах в рамках нового уровня зависимости, порождённого техническим прогрессом и новой системой международного разделения труда. Последняя обозначилась в 1970-х годах, став результатом глобального распределения промышленного производства.

Последствия «потерянного десятилетия» стали очевидны к середине 1980-х годов,

когда ЛАК захлестнул тяжелейший социально-экономический кризис. Реальные темпы роста в регионе составляли менее 2,3%, а уровень бедности увеличился на 20% по отношению к концу предыдущего десятилетия. Всё это проходило на фоне бегства капитала и девальвации валюты¹². Необходимость преодоления экономических и социальных последствий кризиса, а также отсталости региона в целом привела к формированию нового теоретического подхода. Он охватывал макро- и микро-экономический уровни и был нацелен на достижение быстрых результатов в краткосрочной перспективе.

Середина 1980-х годов прошла под знаком исследований чилийских авторов Фернандо Файнзильбера и Освальдо Сункеля. Их работы ознаменовали региональный пересмотр структуралистской парадигмы и получили название *латиноамериканского неоструктурализма*. Этот подход подчёркивал несостоятельность постулатов классического структурализма для ЛАК, отражая попытки преодоления дифференциации регионального развития.

Работы Ф. Файнзильбера, опубликованные в 1980-х, внесли наибольший вклад в теоретическое понимание развития ЛАК с точки зрения неоструктурализма. Исследователь анализировал традиционные проблемы Латинской Америки с критического ракурса ограничений, с которыми сталкивался процесс индустриализации в этой части света по сравнению с другими регионами мира. Он делал вывод, что модель латиноамериканской индустриализации так и не смогла совместить достижение двух ключевых задач развития: обеспечение экономического роста и перераспределение доходов.

Насущные проблемы региона рассматривались как «пустой ящик» (исп. *casillero vacío*), возникший из-за отсутствия устойчивого роста и несправедливого, неравномерного распределения национальных доходов. Решение проблем Файнзильбер видел в новой стратегии индустриализа-

ции, в центре которой находились бы ускоренный научно-технический прогресс, ряд реформ (прежде всего в системе образования), обеспечение социальной стабильности за счёт активной перераспределительной политики и расширение международного участия [Fajnzylber 1988]. В основе его подхода лежал процесс интеграции стран ЛАК в глобальную экономику, а также укрепление ресурсного потенциала ядра развития научно-технического прогресса и его ускорение — главные условия для конкурентоспособного и устойчивого выхода на мировые рынки.

Исследование Освальдо Сункеля с говорящим названием «Развитие, идущее изнутри» предложило всесторонний анализ стратегий развития латиноамериканских стран, охватывая три пересекающихся аспекта: ресурсы и производственные секторы, международный контекст и роль государства [Sunkel 1991]. Соглашаясь с выводами Файнзильбера, Сункель отмечал, что Латинской Америке необходимо перейти от стратегии развития, которой следовал регион в период 1945–1973 годов «развитие, идущее вовнутрь», к новой стратегии — «развитие, идущее изнутри». Исследователь критиковал ту модель псевдосовременных обществ, которую имплементировало большинство стран Латинской Америки в 1945–1973 годах, когда проблема экономического развития была ключевой темой для обсуждения в этом регионе, активно отказывающегося от традиционного преобладания сельского населения в пользу увеличения городского. В этой связи Сункель отмечал, что в 1970-х — 1980-х годах в регионе продолжил развиваться процесс импортозамещающей индустриализации, начавшийся ещё в 1930-х и активизировавшийся во время Второй мировой войны, который страны региона пытались сочетать с ориентацией на экспортное развитие. В итоге к 1980-м годам созревшая потребность в достижении устойчивого развития во многих случаях трансформировалась в необходимость структур-

¹² CEPAL. Panorama Económico de América Latina. Santiago, 1985.

ных преобразований, нацеленных на то, чтобы оставить позади десятилетия отсталости и зависимости. Важность увеличения автономии в политике акцентировалась новыми формами североамериканской интервенции во внутренние дела стран Латинской Америки: во время морских конфликтов между США и Эквадором (1961–1963, 1966–1974), США и Перу (1960-х), а также и во время вторжения в Панаму армии США в 1989 г.

В своих работах Сункель развивал идеи, разработанные Пребишом, в частности по анализу импортозамещающей индустриализации, которая рассматривалась как фактор, способный дать импульс развитию, идущему изнутри. В этой связи Пребиш акцентировал важность увеличения спроса, расширения внутреннего рынка и замещения импорта товарами местного производства [Prebisch 1970]. Сункель же утверждал, что для стратегии «развития, идущего изнутри» критически важным является не спрос, а предложение. Оно формируется посредством ряда факторов: накопления капитала и повышения качества продукции; стимулирования научно-технического прогресса и социальной дисциплины; умеренности и расчётливости в потреблении; динамичной интеграции в глобальную экономику.

Интеграция рассматривалась в терминах глобальной взаимозависимой и взаимосвязанной экономики, в которой задействованы сегменты рынка всех стран: интеграция международных финансовых рынков стала задавать возможности, связи и ограничения экономической политики каждой отдельной страны. При этом действует принцип сообщающихся сосудов: интеграционные процессы одних стран ведут к дезинтеграции других [Sunkel 1987].

Таким образом, дополняя рассуждения Файнзильбера, Сункель подчёркивал важность формирования «эндогенного ядра технологического возрождения», способного подтолкнуть страны ЛАК к созданию

эффективной структуры национальной экономики. Последняя должна помочь им успешно интегрироваться в систему мирового хозяйства. В отличие от концепций ЭКЛАК, международный контекст рассматривался не как непреодолимый фактор, а как сложный фактор, влияющий на траектории развития периферий. Этот подход отражал новую тенденцию политической мысли в Латинской Америке.

Теоретические идеи, сформулированные в регионе в 1980-х годах, впервые начали характеризоваться утратой радикальных настроений и большей степенью прагматизма в предложении структурных реформ по сравнению с предыдущими десятилетиями. Политическая и экономическая силы конкретной страны и региона переплетаются и оцениваются исходя из их конкурентоспособности в рыночной среде. Уровень автономии определяется исходя из издержек процесса оспаривания гегемонистского порядка.

1990-е годы: примат относительности

Окончание «холодной войны» привело к формированию новой системы международных отношений, в которой гетерономия определяла положение, пространство для манёвров и политику второстепенных игроков мировой системы. Периферийные государства стали более прагматично подходить к достижению большей автономии, стремясь максимально эффективно использовать ограниченные и, как правило, временно полученные возможности. К началу 1990-х годов ЛАК уже восстанавливалась после кризиса «потерянного десятилетия», существенно изменившего экономический ландшафт региона.

Те страны, которые ранее имели огромный вес в региональной подсистеме, такие как Аргентина, Мексика и Венесуэла, всё ещё не до конца преодолели негативные последствия кризиса. На первый план вышли прежде отстававшие страны, например Чили, Перу, Колумбия и Бразилия¹³.

¹³ CEPAL. (1990). Panorama económico de América Latina 1990 = Economic panorama of Latin America 1990. LC/G.1638. NU. CEPAL. División de Desarrollo Económico.

Они отличались быстрым экономическим ростом, а также ощутимым повышением благосостояния и качества жизни своих граждан.

В этом контексте аргентинский исследователь Карлос Эскуде предложил теорию *периферийного реализма*. В рамках этого подхода отмечалось, что внешняя политика периферийных стран обычно выстраивается и реализуется таким образом, что национальные интересы определяются в терминах развития. Более того, необходимо любой ценой избежать конфронтации с великими державами. Автономия же понимается с точки зрения «возможных негативных последствий от использования почти неограниченной «свободы маневра» в сфере внутренней и внешней политики [Escudé 1992: 8].

Внешняя политика, базирующаяся на периферийном реализме, должна свести на нет все формы внешних столкновений. При этом разногласия могут возникать лишь по поводу материальных вопросов, которые напрямую связаны с благосостоянием и властным фундаментом периферийной страны. Таким образом, внешнеполитическую стратегию стоит выстраивать в *утилитарном ключе*. Она должна опираться на учёт пределов материальных затрат и выгод. Практическим применением этого подхода во внешней политике стала стратегия Буэнос-Айреса, приведшая к формированию особых отношений Аргентины с США при администрации Карлоса Менема (1989–1999).

Сторонники этого утилитарного подхода к автономии, которые в своём большинстве представляли страны Южного конуса¹⁴, обращали внимание на тот факт, что государствам необходимо перестать подвергаться давлению со стороны великих держав. Этого возможно добиться путём выработки прагматичных позиций, позволяющих слабым периферийным странам продвигаться в формировании собственных ценностей. Становые риски можно

снизить с помощью расчётливых и уравновешенных действий, а также терпеливого ведения диалога с более сильными государствами.

В 1990-х годах автономия также рассматривалась с позиций транснационализма, вошедшего в широкий научный оборот. Транснационалистский подход подчёркивал важность увеличения взаимозависимости стран и сокращения автономии лидирующих держав в части использования ими силовых ресурсов [Portes, Guarnizo, Landolt 1999]. Именно в контексте повышения значимости взаимосвязанности между национальными государствами при уменьшении экономического и социального значения официально установленных границ и происходил подъём латиноамериканской интеграции, обусловленный основанием Общего рынка стран Южной Америки (*Mercosur*), а также активизацией субрегионального сотрудничества в рамках Андского сообщества наций (CAN).

Основные предпосылки создания *Mercosur* были сформированы ещё в предыдущем десятилетии. Провал инициативы Латиноамериканской ассоциации свободной торговли, которую сменила в 1980 г. Латиноамериканская ассоциация интеграции, а также создание других региональных объединений заложили основу для формулирования новых подходов к интеграции Латинской Америки. Радикальные трансформации, произошедшие в глобальной политике (в первую очередь отход от конфронтации «холодной войны»), постепенно привели к тому, что негативное отношение к коммунизму в Латинской Америке ослабло. Это изменение, в свою очередь, способствовало замене военных правительств в двух крупнейших странах региона — Аргентине и Бразилии — новыми, демократическими режимами.

Внутриполитические изменения способствовали преодолению напряжённости в двусторонних отношениях и развитию межгосударственного сотрудничества. В на-

¹⁴ В состав Южного конуса входят Чили, Аргентина, Уругвай, а также Парагвай и южные штаты Бразилии.

вых региональных и международных условиях в 1985 г. Аргентина и Бразилия подписали Декларацию Фос-де-Игуасу (также называемую Актом Фос-де-Игуасу)¹⁵. Их интеграционные договорённости заложили основы того, что шесть лет спустя станет *Mercosur*. Главными задачами Декларации стали ликвидация всех форм экономического, политического и военного соперничества между двумя странами; постепенное и сбалансированное открытие двусторонней торговли; активизация промышленного и технологического развития. Благодаря этому документу были намечены очертания будущего проекта общего рынка, характеризующегося более тесным сотрудничеством и постепенно охватившего все страны Южного конуса. С него начался новый этап латиноамериканской интеграции, отличительной чертой которого можно назвать *слияние политического и экономического аспектов*, играющих взаимодополняющие роли в развитии интеграционных процессов.

В то же время последнее десятилетие XX века в странах ЛАК было отмечено медленными темпами роста экономик, полной дискредитацией моделей развития, продвигаемых ЭКЛАК, и демократическим транзитом, начавшимся ещё в предыдущем десятилетии. На этом фоне рецепты «вашингтонского консенсуса»¹⁶ сумели так пленить новую политическую элиту региона, что привело к возникновению *неолиберальной конвергенции*, выразившейся в реформах, направленных на разгосударствление и открытие экономик [Delgado 2011]. В итоге 1990-е годы в ЛАК проходили под знамёнами «вашингтонского консенсуса», неолиберализма, представительной демократии и привлечения внимания к правам человека [Aranda 2011].

Активное включение региона в транснационализированную неолиберальную

экономику, что стало одним из следствий выполнения рекомендаций, закреплённых в «вашингтонском консенсусе», позволяло государствам, которые сами не являлись гегемонами, постепенно приобретать зарождающуюся и пока что ограниченную автономию в мировой политике. Важным подспорьем для ряда латиноамериканских стран, в первую очередь для Бразилии, Венесуэлы, Эквадора, Чили, Аргентины, Мексики и Перу, стали увеличивающееся субрегиональное влияние, принятие внешнеполитических стратегий, основанных на открытом регионализме, а также наличие минеральных ресурсов, пользующихся устойчивым спросом со стороны крупнейших экономик мира.

На рубеже тысячелетий наибольшую популярность получила концепция *относительной автономии*, авторами которой стали аргентинцы Хуан Токатлян и Роберто Рассел. Этот подход обосновывал актуальность внешнеполитической стратегии, которая отказывается от идеи автономии Эскуде как конфронтации или изоляции в пользу обеспечения более регулярного и систематического взаимодействия между латиноамериканскими государствами. Смена подхода по отношению к концепту автономии была осуществлена с целью внесения регионального вклада в формирование международной системы на основе принципов открытого регионализма, демократизации, гарантии прав и свобод человека. Автономия рассматривалась уже не как инструмент достижения конкретных материальных благ и выгоды, а как:

«способность и умения отдельной страны действовать независимо в мировой политике, а также развивать внешние связи с другими государствами вдумчиво, относиться ответственно и добросовестно к взятым на себя обязательствам (...) Внешнеполитическая практика, международные организации и те-

¹⁵ Declaración de Iguazú, 1985. <https://www.cancilleria.gob.ar/es/actualidad/noticias/declaracion-de-iguazu-1985>

¹⁶ «Вашингтонский консенсус» представляет собой ряд мер экономического характера, которые были направлены на усиление роли рыночных сил и снижение роли государственного сектора. Данные меры были рекомендованы в 1989 г. руководством МВФ и Всемирным банком к применению в странах ЛАК.

оретические подходы создаются и развиваются в рамках отношений, в которых “другой” вместо того, чтобы быть противоположностью, начинает быть неотъемлемой частью общей и единой системы» [Tokatlian 2002: 179].

Внешняя политика, базирующаяся на относительной автономии, направлена на расширение межгосударственного взаимодействия и активное участие в разработке международных норм и правил, особенно в области конститутивных элементов международного права. Имеются в виду те нормы права, которые определяют основные принципы и которыми должны руководствоваться любые международные действия. Таким образом, автономия определяется уже не способностью страны контролировать внешние процессы и события, а возможностью оказывать влияние на мировые события, международные организации и механизмы сотрудничества.

В случае стран ЛАК важная роль отводилась построению *коллективной латиноамериканской идентичности* вокруг согласованной вовлечённости стран региона в формирующуюся систему международных отношений. К этому следует добавить активизацию региональных интеграционных процессов, которые традиционно протекают в регионе крайне разрозненно:

«Латинская Америка должна рассматривать интеграцию как региональную стратегию, которую можно использовать в качестве политического инструмента для укрепления своих позиций на переговорах с другими внешними игроками» [Tokatlian 2002: 182].

Популярность этого подхода в Латинской Америке быстро дала результаты. Уже в конце 1990-х годов заметно усилились обсуждения и консультации как на внутрирегиональном, так и на внерегиональном уровнях. Де-факто они представляли собой практическую реализацию латиноамериканской внешней политики, базирующейся на концепте относительной автономии.

Для Латиноамериканского региона последнее десятилетие XX века прошло под эгидой концепта относительной автономии, определяемой в терминах возрастающей взаимозависимости государств, которая приводит к необходимости распределения издержек глобализации между всеми элементами мозаики современной мир-системы. Результатом становилось понижение автономий всех участников системы международных отношений. Данное изменение структуры мировой системы способствовало повышению значимости международных институтов в достижении государствами как устойчивого развития, так и стабильного сотрудничества в краткосрочной и среднесрочной перспективе. В этой связи относительная автономия характеризовалась, с одной стороны, активным участием латиноамериканских стран в международных организациях, а с другой — ограничением односторонней политики, выгодной только индивидуалистичным интересам отдельной страны.

Начало XXI века: столкновение двух направлений

В начале 2000-х годов страны ЛАК захлестнула мощная волна перемен, подготовившая благодатную почву для идеологем экономической самодостаточности и политического своеобразия региона. Происходящим изменениям поспособствовали сразу несколько факторов. В первую очередь, результаты «потерянного десятилетия» для Латинской Америки, охватившего период 1999–2003 годов¹⁷, привели к разочарованию неолиберальной моделью, продвигаемой Соединёнными Штатами [Neoliberalismo 2015]. Важным фактором стало и то обстоятельство, что после 2001 г. США начали терять союзников в Латинской Америке в связи с инициированием «глобальной войны против терроризма». Она сопровождалась такими неприемлемыми для государств региона действиями, как

¹⁷ Период 1999–2003 годов ознаменовался нулевым приростом ВВП на душу населения в разрезе всего региона ЛАК.

вторжение на территории других стран и нарушение их суверенитета.

Как только в странах ЛАК был достигнут консенсус в отношении углубления региональной интеграции в XXI веке, общей задачей стран региона стало создание институционализированных политических механизмов. Они понимались как общие принципы и ценности, направляющие поведение латиноамериканского сообщества в рамках различных интеграционных площадок, особенно в рамках *Mercosur* и *CAN*. Выполнение этой задачи позволяло определить предел автономии в этом регионе по отношению к инициативе создания Американской зоны свободной торговли (ALCA). Последняя продвигалась Вашингтоном и быстро стала синонимом «ограничительных рамок» для действий государств Латинской Америки в их внутренней и внешней политике [Neoliberalismo 2015: 59].

Провал инициативы ALCA в 2005 г. привёл к корректировке Соединёнными Штатами подхода к взаимодействию со странами региона в пользу двустороннего торгового сотрудничества. В короткие сроки США подписали серию соглашений о свободной торговле с Чили (2003), Перу (2006) и Колумбией (2006). Последствием этой точечной политики стало разрушение ядра латиноамериканской интеграции и размывание видения автономии как ориентира внешней политики стран Латинской Америки. Внимание ЛАК оказалось прикованным к концепту автономии, базирующемуся на *интеграции вокруг общих ценностей*, проявлением которой было формирование постоянно действующих региональных блоков.

Таким образом, в 2000-х годах в регионе конкурировали две тенденции. Первая сводилась к сохранению неолиберальных вариантов международной интеграции, как это было в случае Чили, Перу и Колумбии. Вторая относилась к многомерной форме интеграции, характеризующейся сильными социальной, геополитической и антиимпериалистической ориентациями. В этом плане показательны примеры Венесуэлы, Боливии и Эквадора. Отдельные страны

находились на пересечении этих тенденций. В частности, Бразилия активно содействовала возникновению сильных альтернатив ALCA сначала посредством формирования Южноамериканского сообщества наций, а затем Союза южноамериканских наций (UNASUR). Появление этих инициатив было взаимосвязано с нацеленностью Бразилии стать региональным лидером ЛАК, что достигалось за счет усиления бразильского влияния в сфере региональной торговли, как результат увеличения объемов ее экспорта и инвестиций. Подобная манёвренная стратегия также помогала Бразилии повысить ее рейтинги в мировой политике, как нового заметного игрока, поддерживать свой статус конкурентоспособного промышленного центра, присвоенный ей ещё в 1960-х годах, а также увеличивать присутствие бразильских корпораций в рамках всей Латинской Америки.

Хотя инициативы Бразилии имели более скромный географический охват, нежели проект ALCA, продвигаемый Вашингтоном, они решали схожие задачи. Речь идёт о торговле и партнёрстве, которые выступают ключами к достижению статуса лидера в регионе. Данная стратегия охватывала все латиноамериканские страны вне зависимости от их политической идеологии, но приоритет отдавался южноамериканским государствам. В этой связи бразильские исследователи Тулло Виджевани и Габриэль Чепалуни представили собственную классификацию подтипов автономии периферийного государства, способную объяснить эволюцию внешней политики Бразилии в начале XXI века.

Автономия на расстоянии — страна противостоит великим державам, стремясь к изоляции и самодостаточному развитию. *Автономия участия* — внешняя политика основана на приверженности глобальному управлению и многосторонним институтам. *Автономия через диверсификацию* — внешняя политика ориентирована на развитие отношений с глобальным Югом [Vigevani, Cepaluni 2007]. При этом авторы подчёркивают, что именно концепт автономии через диверсификацию в большей

степени применим для объяснения основных изменений, произошедших во внешней политике Бразилии в период с 1980-х до середины 2000-х годов, по сравнению с концептами автономии на расстоянии и автономии участия.

Тенденцию в сторону многомерной формы интеграции, охватывающей не только экономику и торговлю, но и широкий спектр других аспектов сотрудничества¹⁸, задавала Венесуэла. В этой стране государство и общество стали коренным образом меняться в 1999 г. с приходом к власти Уго Чавеса. Новая стратегия Каракаса базировалась на стремлении уменьшить влияние США. Причём, начав на своей территории, венесуэльское правительство рассчитывало затем распространить этот процесс и на остальную Латинскую Америку. Ключевую роль оно отводило поиску новых форм экономической интеграции ЛАК — важному шагу к построению многополярного мира.

С 2001 г. началось активное обсуждение создания Боливарианского альянса для народов нашей Америки (ALBA), проходившее на фоне постнеолиберальных процессов, которые набирали силу в регионе. ALBA пропагандировал ценности, методы и форматы региональных организаций, заложившие основы нового механизма межгосударственного взаимодействия с более широким региональным охватом. В этот процесс включалась не только Южная Америка, но и страны Центральной Америки и Карибского бассейна.

Это интеграционное объединение было ориентировано на углубление сотрудничества между странами-участницами, особенно в финансовой, энергетической и телекоммуникационной сферах. Его главная задача заключалась в повышении уровня социальной справедливости с сохранением традиционной экономической и политической автономии. Постепенно государ-

ства, образующие ALBA, начали всё более открыто расходиться с США по ряду вопросов. Например, возникли разногласия касательно внутренней модели развития; охвата международных связей; необходимости разграничения интересов Вашингтона и стратегических интересов стран региона.

Обновлённая внешняя политика, а также новые варианты «альтернативного развития» в разных сферах (экономика, экология, коренные народы), принятые отдельными странами, дали понять, что государства ЛАК начали осуждать категорическое навязывание им решений, отвечающих интересам Вашингтона. Именно в этом контексте происходило переформатирование внешней политики Латинской Америки. За основу был взят концепт *senapratistской автономии*. Наиболее явно последняя проявлялась в политике, проводимой Венесуэлой и Боливией, которые напрямую противостояли США в таких вопросах, как безопасность, военное сотрудничество, экономика и торговля.

Важное место в новых внешнеполитических стратегиях уделялось интеграции. На первый план выступила идея создания централизованной республики, выдвинутая ещё Симоном Боливаром. Она получила название «Нация Республик» (исп. *Nación de Repúblicas*) [Carta 1815]. В рамках этого подхода именно латиноамериканская глубокая интеграция, а также активная диверсификация международных отношений определяли процветающее будущее ЛАК. Вместе с тем предполагалось развивать так называемую *солидарную интеграцию*.

Под *солидарной интеграцией* понимается инструмент обеспечения устойчивости социально-экономического развития региона Латинской Америки¹⁹. В основе этого концепта находится идея создания плацдарма кооперативной, социальной и солидарной

¹⁸ Например, экологию, здравоохранение, энергетику, продовольствие, спорт и др.

¹⁹ BID. Integración solidaria para la competitividad global: Hacia el fortalecimiento de la asociación Unión Europea-América Latina y Caribe (UE-ALC). Mar 2006. <https://publications.iadb.org/es/publicacion/16489/integracion-solidaria-para-la-competitividad-global-hacia-el-fortalecimiento-de>

экономики, призванной заменить собой систему отношений, которая строится исходя из того, что страновое, региональное, субрегиональное и континентальное пространство выполняет функции рынка, переданного в руки транснациональных корпораций и частных инвесторов. В этом плане особенно важное значение придаётся сохранению национального своеобразия.

Основополагающую роль в разработке данного подхода сыграли Латиноамериканские и карибские встречи по солидарной экономике и справедливой торговле (исп. *Encuentro Latinoamericano y Caribe de Economía Solidaria y Comercio Justo*). С 2005 г. их проводила Межконтинентальная сеть по продвижению экономики социальной солидарности Латинской Америки и Карибского бассейна (исп. *Red Intercontinental de Promoción de la Economía Social Solidaria – Latinoamérica y Caribe*, RIPESS LAC)²⁰.

Таким образом, солидарная интеграция должна была вытеснить интеграцию, центральным объединяющим фактором которой были экономико-торговые отношения. Для её стимулирования в ЛАК были сформированы «Южное энергетическое кольцо» (2005)²¹ и «Банк Юга», которые совместно продвигали формат независимых энергетической и финансовой повесток региона.

Таким образом, в 2000-х годах в Латинской Америке начал активно развиваться *альтернативный национальный постнеолиберализм*, который опирался на автономную интеграцию. Она была выстроена благодаря активизации процессов по восстановлению народного, национального, энергетического и территориального суверенитета. Этот подход отличался также многоаспектным охватом и отказом стран ЛАК от модели отношений с США, характерной для конца XX века [Сесеña 2008].

В результате сформировалось новое *постнеолиберальное направление*, вобравшее в себя латиноамериканские страны, во внешней политике которых всё более явно проявлялась тенденция к *автономии сепаратистского типа*. Она подчёркивала необходимость быстрых изменений в регионе, способных обеспечить более высокий уровень независимости по отношению к центрам мирового экономического и политического влияния. Появился общественный запрос на новую социальную модель развития, отвечающую требованиям справедливого общества, с большим участием граждан, а также отстранением от власти традиционных политических элит. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в Венесуэле, Боливии, Эквадоре, Никарагуа и на Кубе. Происходящие в 2000-х годах в этих странах трансформации проходили под девизом *Социализма XXI века*:

«главная задача Социализма XXI века состояла в том, чтобы «построить новую культуру и новый тип общества, характеризующиеся упразднением всех форм угнетения и эксплуатации, приматом солидарности (...)» [Вогон 2009: 103].

Происходящие в странах ЛАК сложные трансформации отражали попытки создать в регионе новую систему отношений, с одной стороны, самостоятельную и независимую от внешних сил, с другой стороны, не противостоящую существующим институтам. На этом фоне возникали новые региональные механизмы координации, сотрудничества и идейного сближения стран, такие как *Petrocaribe*. Появление ALBA, UNASUR и Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC) представляло собой важную веху в построении нового миропорядка, не приемлющего отношения господства и подчинения.

²⁰ Всего с момента создания формата Латиноамериканских и карибских встреч по солидарной экономике и справедливой торговле было организовано семь подобных мероприятий, которые проходили в разных городах ЛАК. Ссылки на итоговые документы по прошедшим встречам доступны здесь: <http://www.ripest.org/redes-continentales/america-latina-y-caribe/?lang=es>

²¹ Проект Южного энергетического кольца включает в себя газопровод, который начинается в районе Камисеа, на севере Перу, с целью подачи газа на север Чили. Поставки, хотя и в гораздо меньших количествах, также ведутся в Аргентину, Бразилию и Уругвай.

К началу XXI века большое значение в обновлённой трактовке концепта автономии вновь принадлежало региональной интеграции, которая воспринималась латиноамериканскими исследователями как центральный элемент автономии ЛАК:

«интеграция рассматривается, с одной стороны, как этап всеобъемлющего и солидарного развития народов, признавших общее происхождение и предназначение; с другой — как системный инструмент для преодоления факторов поддержания зависимого положения, которые мешают странам достичь полной политической автономии» [Bernal-Meza 2013].

В этих условиях латиноамериканские авторы особенно отмечали важность создания новых региональных интеграционных инициатив, базирующихся на основах солидарности и социального начала. Эти элементы, вытесняющие капиталистическую логику, рассматривались как предпосылки достижения *мирового равновесия* (исп. *el equilibrio del mundo*). Данный подход стал прямой отсылкой к концепту *мирового равновесия*, выдвинутого Хосе Марти как одного из способов обеспечения равноправия государств. Идея, предложенная кубинским публицистом, способна учитывать интересы всех стран ЛАК, рассматриваемой как «Наша Америка»²². Именно совместными усилиями Латинская Америка прокладывает себе дорогу в светлое будущее [Martí 1894].

Важность создания *многополярного мира* красной нитью проходила через весь латиноамериканский внешнеполитический дискурс, в рамках которого подчёркивалось, что глобальный порядок после окончания «холодной войны», характеризовавшийся гегемонизмом США, в итоге привёл к дисбалансу в международных отношениях. Создание «альтернативных полюсов силы» позволило бы восстановить утраченное мировое равновесие. Согласно концепции Чавеса, именно Южная Америка способна стать новым полюсом силы для

противостояния однополярному миру, возглавляемому Вашингтоном [Ellner 2009].

Появление в 2011 г. Тихоокеанского альянса (ТА) — нового интеграционного проекта по созданию зоны свободной торговли — вновь подпитало неолиберальные инварианты международной интеграции, в которых господствовал относительный подход к автономии. В то же время ТА вносил лепту в создание «регионального равновесия» посредством развития отношений с двумя соперничающими силами — США и Китаем [Correa 2016], что постепенно привело к очередному пересмотру концепта автономии.

Таким образом, в течение первых двух десятилетий XXI века в ЛАК превалировало мнение, согласно которому интеграция, основанная на общих ценностях и предполагающая формирование новых региональных альянсов и блоков, является двигателем автономии. Автономия ЛАК достигалась, с одной стороны, за счёт сильной включённости в мировую экономику, а с другой — экономической самодостаточности и своеобразия политической культуры. При этом важной отличительной чертой этой новой формы интеграции стал её многоаспектный охват — помимо экономической сферы она включала в себя такие важные стороны общественной жизни, как культура, образование, спорт, здравоохранение, социальные коммуникации и права человека в широком смысле.

Мировой порядок 2.0: ограниченная автономия и нишевая интеграция

К концу второго десятилетия XXI века ЛАК оказалась между двух огней. С одной стороны, наблюдался относительный упадок влияния США в Западном полушарии, при этом был замечен возврат Вашингтона к политике навязывания своего господства странам региона. С другой стороны, нельзя не отметить обострение соперничества между Китаем и Соединёнными Штатами.

²² Хосе Марти сформулировал концепцию «Нашей Америки», ставшую одной из ключевых в его политических учениях, в которую он включил все государства, находящиеся к югу от р. Рио-Гранде.

Последнее стало характерной чертой именно XXI века по сравнению с предшествующими циклами активизации американского гегемонизма.

Противоборство двух держав усиливалось на фоне *противостояния двух глобальных тенденций*, определявших нормативные контуры системы международных отношений. Взаимодействие на уровне *государств*, где акцентировалось значение именно охраны его границ, территорий, суверенитета, вступало в противоречие с *локализованным, транснациональным взаимодействием*, где понятие границ размыто, а важная роль отведена новым субъектам мировой политики. Это породило геополитическую конкуренцию, усиление международной напряжённости и, как следствие, появление новых вызовов для автономии государств.

С конца 2010-х годов регион оказался политически фрагментированным, что подтверждалось стагнацией и разрушением главных региональных интеграционных инициатив — Mercosur, CAN, AP, ALBA, CELAC и UNASUR. В этой связи показательно создание в 2019 г. по инициативе президентов Колумбии и Чили нового интеграционного блока — Форума за прогресс Южной Америки (исп. *Foro para el Progreso de América del Sur, PROSUR*), призванного заменить собой парализованный внутренними противоречиями UNASUR. Это объединение было представлено как южноамериканский координационный механизм государственной политики в защиту демократии, политической независимости во внешней и внутренней политике, рыночной экономики и социальной повестки.

Главной задачей PROSUR стало формирование нового переговорного пространства без какой-либо идеологии. Практически же этот интеграционный проект преследовал цель наложения ограничений на правительство Венесуэлы, возглавляемое Николасом Мадуро. Последнее стремительно теряло региональную поддержку. Более того, предпринимались усилия по содействию венесуэльской оппозиции в её

борьбе с официальными властями [Пятаков 2020]. В результате деятельность нового объединения скорее разделяла, нежели объединяла Южную Америку.

Начало 2020-х годов было отмечено крупнейшим экономическим спадом в новейшей истории региона, вызванным пандемией COVID-19, а также хозяйственной и идеологической дезинтеграцией ЛАК [Ивановский 2022; Косевич 2020]. При этом произошла резкая смена идеологической карты Латинской Америки, в которой начали доминировать «новые левые» правительства. Хотя эти силы признают важность многополярного мира, им несвойственны ни антиамериканизм, ни погоня за коренной трансформацией межамериканской системы. Вместе с тем у них наблюдается чёткая ориентация на решение насущных практических задач — региональное и национальное развитие, сближение с международными валютно-финансовыми организациями [Косевич 2020].

Как следствие, страны ЛАК постепенно отошли от предсказуемой, относительно постоянной модели внутрирегиональных отношений с конкретными принципами межгосударственного взаимодействия. Ей на смену пришла неустойчивая, фрагментарная и лишённая поведенческой регулярности форма взаимоотношений. Эти процессы контрастировали с идеями об объединении сил всех латиноамериканских стран, превалирующими в предыдущие исторические периоды. По мере того как очередное падение экономики региона становилось всё более очевидным, возрастал уровень его уязвимости к внешнему вмешательству.

Как итог, произошло формирование в ЛАК нового концепта — *ограниченной автономии*. Он базировался на идее сохранения *равноудалённого положения* по отношению к США и Китаю — двум противоборствующим державам, от которых зависело устойчивое развитие региона. Появление свободы и самостоятельности внешнеполитических действий связывалось как с хрупкостью глобальных и региональных сценариев, так и со способ-

ностью государств предвидеть проблемы и быть устойчивыми перед лицом неожиданных событий, что позволяет им снижать риски.

«Ограниченная автономия» (autonomía líquida) — автономия, предполагающая про-активность, вариативность и гибкость перед лицом новых вызовов и возможностей, создаваемых сценариями «Вестфалия» и «Глобализация». Это понятие также означает определённый тип оборонительного прагматизма, заключающийся в том, чтобы предлагать уступки по конкретным вопросам, которые функциональны для получения пространства для манёвра в других будущих противостояниях. Сегодня речь идёт не об «автономии в сопротивлении», а об «автономии в стойкости» [Actis, Malacalza 2021].

Интеграция же приняла форму *нишевого сотрудничества* с исторически родственными странами, которое рассматривается как инструмент, способный повысить переговорный потенциал и усилить возможности противостояния глобальным рискам.

Термин *«нишевое сотрудничество»* (исп. *agenda de nicho*) используется аргентинскими специалистами по международным отношениям Эстебаном Актисом и Бернабе Малакальза для описания концепта ограниченной автономии [Actis, Malacalza 2021]. Исследователи намеренно прибегают к неоднократному использованию термина «нишевый» для акцентирования особой природы новой системы международных отношений, где возможности её субъектов ограничены их адресованностью на определённый круг субъектов, рассматриваемых преимущественно как потребители.

Стратегический альянс Мексики и Аргентины по производству вакцины против COVID-19 (2020)²³ и аргентино-бра-

зильский центр биотехнологии (2019), к которому позже присоединился Уругвай (2021)²⁴, являются примерами региональных нишевых программ.

Таким образом, для сохранения автономии и максимального ограничения вмешательства извне внешняя политика латиноамериканских стран должна дополнять участие в интеграционных объединениях формированием перечня новых стратегических партнёрств с разными странами, воплощённых в различных совместных программах. *Анклавы автономии* должны быть сформированы на основе общих приоритетов и с помощью нишевой дипломатии. Речь идёт об обновлённой *дипломатии 3-М* (многомерной, многосторонней и многоуровневой), в которой участвуют не только правительства, но и местные органы власти, субъекты гражданского общества, учёные, бизнесмены и простые граждане²⁵.

* * *

Автономия была и остаётся в центре внимания теоретических исследований в области международных отношений и внешней политики стран Латинской Америки. При этом углубление и укрепление сотрудничества с соседями по региону традиционно являлись приоритетом для латиноамериканских государств, вокруг которых строилась их внешняя политика. Если значение региональной интеграции как ядра международных отношений ЛАК оставалось незыблемым, лишь незначительно меняя свои формы и уклоны, то концепт автономии никогда не был неизменным и статичным. Он приобретал новое звучание и характеристики, трансформируясь согласно преобладающим тенденциям и процессам, которые доминировали в регионе в конкретный исторический

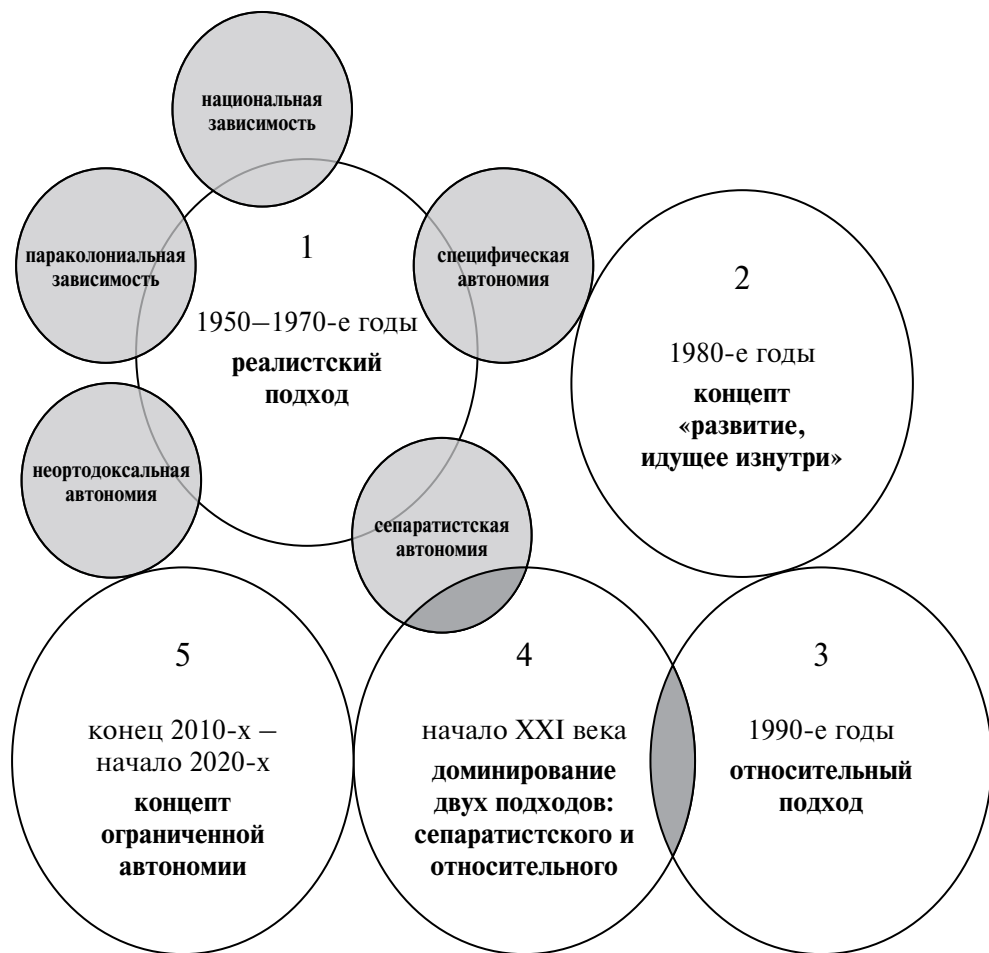
²³ Gobierno de México. México anuncia alianza estratégica para la producción de la vacuna contra COVID-19. <https://www.gob.mx/sre/articulos/mexico-anuncia-alianza-estrategica-para-la-produccion-de-la-vacuna-contra-covid-19-250178?idiom=es#:~:text=En%20este%20acuerdo%20participan%20un,incluye%20una%20transferencia%20de%20tecnolog%C3%ADa.>

²⁴ CABBIO — Centro Latinoamericano de Biotecnología. <https://www.cabbio.uy/>

²⁵ Hacia una gobernanza regional 3M: multilateral, multinivel y multiactoral. working paper durante el "Foro Global Colabora. 2021 Gobernando la pandemia", organizado por Asuntos del Sur, en alianza con universidades y think tanks de 6 países latinoamericanos.

Рисунок

Теоретические основания внешней политики стран Латинской Америки: основные этапы

Источник: составлено автором.

период. Трактовка автономии пересматривалась под давлением комбинации взаимосвязанных факторов, включающих преобладающие модели мышления и дискурсы, текущие материальные условия, происходящие трансформации общества, а также конкретных политических деятелей.

По результатам проведённого исследования автор выделяет пять основных этапов развития концептов автономии и интеграции во внешней политике стран Латинской Америки (рис.).

Первый этап пришёлся на период 1950–1970-х годов, который характеризовался преобладанием реалистского подхода. Второй этап, охвативший 1980-е годы, был отмечен возвышением стратегии «развитие, идущее изнутри». Третий этап затронул 1990-е годы, в течение которых доминировал концепт относительной автономии. Четвёртому этапу (начало XXI века) было присуще доминирование двух подходов: сепаратистского и относительного. Пятый этап (конец 2010-х — на-

чало 2020-х годов) стал для ЛАК очередным испытанием кризисом. Он привёл к формированию нового подхода к автономии и интеграции, фактически завершив историю классической непоколебимо прочной автономии. В итоге третье десятилетие XXI века проходит под лозунгом *концепта ограниченной автономии* — подвижной автономии, находящейся в состоянии конъюнктурного дрейфа.

В то же время следует подчеркнуть, что для ЛАК характерно резкое и скачкообразное, но одновременно циклическое развитие. Это даёт основание полагать, что концепт автономии и роль интеграции будут продолжать не только меняться, но и вновь возвышать традиционные подходы к этим понятиям, наделяя их эвристическим потенциалом для анализа региональной и глобальной динамики.

Список литературы

- Ивановский З.В. «Правый дрейф» в Латинской Америке: причины, итоги и перспективы // Латиноамериканский исторический альманах Института всеобщей истории РАН. 2022. Т. 1. № 35. С. 133–160.
- Интеграция в Западном полушарии на пороге XXI века / Отв. ред. А.Н. Глинкин. М.: ИЛА, 1999. 300 с.
- Косевич Е.Ю. Иерархия мотивов латиноамериканского протеста // Международные процессы. 2020а. Т. 18. № 2. С. 92–109.
- Косевич Е.Ю. Латинская Америка: коронавирус и новый политический ландшафт // Латинская Америка. 2020. № 10. С. 39–53.
- Пятаков А.Н. Латиноамериканские подходы к проблеме глобализации: взгляд сквозь XXI век // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 85–93.
- Пятаков А.Н. PROSUR — новый механизм южноамериканской (дез)интеграции? // Латинская Америка. 2020. № 7. С. 15–36.
- Садченко В.Н. Политика малых и средних государств в рамках теории «периферийного реализма» К. Эксуде // Вестник Воронежского государственного университета. 2021. №. 2. С. 56–63.
- Сударев В.П. Взаимозависимость и конфликт интересов. США и Латинская Америка (вторая половина XX века). М.: ИЛА, 2000. 360 с.
- Сударев В.П. Две Америки после окончания «холодной войны». М.: Наука, 2004. 205 с.
- Эльмурадов А. Постколониальная/деколониальная критика и теория международных отношений // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 3. С. 23–38.
- Actis E., Malacalza B. Las Políticas Exteriores de América Latina en Tiempos de Autonomía Líquida // Nueva Sociedad. URL: <https://nuso.org/articulo/las-politicas-exteriores-de-america-latina-en-tiempos-de-autonomia-liquida/#footnote-17> (accessed: 23.08.2022).
- Agnew J., Oslender U. Territorialidades superpuestas, soberanía en disputa: lecciones empíricas desde América Latina. Bogotá — Colombia: Tabula Rasa. 2010. No. 13. P. 191–213.
- Aranda G., Morandé J. Los Derechos Humanos en la Política Exterior de Chile. Pragmatismo y Énfasis multilateral // Derechos Humanos en Política Exterior. Seis Casos Latinoamericanos / Ed. by N. Saltalamacchia, A. Covarrubias. México: Editorial Porrúa, 2011. P. 87–121.
- Bansart A. Los cambios sociales y políticos en América Latina. En Orbis incognitus // Avisos y legajos del Nuevo Mundo: homenaje al profesor Luis Navarro García / ed. by F.N. Antolín, L.N. García (hom.). 2007. Vol. 2. P. 627–632.
- Bernal-Meza R. Heterodox Autonomy Doctrine: Realism and Purposes, and its Relevance // Revista Brasileira de Política Internacional. 2013. No. 56. P. 45–62.
- Bernal-Meza R. América Latina en el Mundo. El Pensamiento Latinoamericano y la Teoría de las Relaciones Internacionales. Buenos Aires : Sociedad Global, Servicios Académicos Intercontinentales SL, 2005. 395 p.
- Boron A.A. Socialismo Siglo XXI: ¿Hay Vida después del Neoliberalismo? Buenos Aires: Luxemburg, 2009. 144 p.
- Briceño Ruiz J., Simonoff A. La Escuela de la Autonomía, América Latina y la teoría de las relaciones internacionales. // Estudios internacionales (Santiago). 2017. No. 49(186). P. 39–89.
- Calduch R. Las relaciones internacionales en la obra de los dirigentes soviéticos: Una reflexión teórica // Revista de Estudios Internacionales. 1981. Vol. 2. No. 3. P. 543–597.
- Cardoso F.H. Problemas del Subdesarrollo Latinoamericano. México: Nuestro Tiempo, 1973. 195 p.
- Cardoso F.H. La originalidad de la copia: la CEPAL y la idea de desarrollo // Revista de la CEPAL. 1977. No. 4. P. 7–40.

- Ceceña A.E.* El Posneoliberalismo y sus Bifurcaciones // Observatorio Latinoamericano de Geopolítica. 2008. No. 10. P. 1–12.
- Colacrai M., Lorenzini M.E.* La Política Exterior de Chile: ¿Excepcionalidad o Continuidad? Una Lectura Combinada de 'Fuerzas Profundas' y 'Tendencias' // Confinés. 2005. No. 2. P. 45–63.
- Correa Serrano M.A., Salgado E.C.* La Alianza del Pacífico: Entre la Geopolítica de China y de Estados Unidos // México y la Cuenca del Pacífico. 2016. No. 14. P. 19–52.
- Cox R.* Civil Society at the Turn of the Millennium: Prospects of an Alternative World Order // Review of International Studies. 1999. No. 25. P. 3–28.
- Delgado G.R.* Neoliberalismo y Convergencia Contable. Orígenes, Características y Propuestas // Lúmina. 2010. No. 11. P. 264–278.
- Ellner S.* La Política Exterior del Gobierno de Chávez: La Retórica Chavista y los Asuntos Sustanciales // Revista Venezolana de Economía y Ciencias Sociales. 2009. No. 15. P. 115–132.
- Escudé C.* Realismo Periférico: fundamentos para la nueva política exterior argentina. Buenos Aires: Planeta. 1992. 292 p.
- Fajnzylber F.* Competitividad Internacional: Evolución y Lecciones // Revista de la CEPAL. 1988. No. 36. P. 7–24.
- Gordy K.A.* Situated Political Theory in Latin America // The Oxford Handbook of Comparative Political Theory / ed. by L.K. Jenco, M. Idris, M.C. Thomas. New York: Oxford University Press, 2020. P. 544–548.
- Hofman A.A.* The economic development of Latin America in the twentieth century. ECLAC: Edward Elgar Publishing, 2000. 322 p.
- Jaguaribe H.* Dependencia y Autonomía en América Latina // La Dependencia Político-económica de América Latina / Ed. by H. Jaguaribe. México: CLASCO, 1969. P. 1–8.
- Jaguaribe H.* Hegemonía Céntrica y Autonomía Periférica // Estudios Internacionales. 1979. No. 46. P. 91–180.
- Kaplan M.* Aspectos Políticos del Dialogo Norte-Sur // Revista de estudios políticos. 1983. No. 33. P. 187–206.
- Kosevich E.* Russian Foreign Policy in Latin America and the Caribbean in the Twenty-first Century. Latin American Perspectives. 2022a. <https://doi.org/10.1177/0094582X221138285>.
- Kosevich E.* Russia's Relations with the Countries of Latin America at the Beginning of the 21st Century: Four Levels of Interstate Interaction. Russian Politics. 2022. Vol. 7. No. 3. P. 450–484. <https://doi.org/10.30965/24518921-00604027>.
- Lechini G.* La Cooperación Sur-Sur y la Búsqueda de Autonomía en América Latina: ¿Mito o Realidad? // Relaciones Internacionales. 2009. No. 12. P. 55–81.
- Long T., Schulz C.A.* Republican Internationalism: The Nineteenth-Century Roots of Latin American Contributions to International Order // Cambridge Review of International Affairs. 2021. Vol. 35. No. 5. P. 639–661. DOI: 10.1080/09557571.2021.1944983.
- Marini R.M.* Dialéctica de la dependencia. En: América Latina, dependencia y globalización. Fundamentos conceptuales Ruy Mauro Marini. Antología y presentación Carlos Eduardo Martins. Bogotá: Siglo del Hombre – CLACSO, 1973. P. 9–77.
- Martí J.* El Tercer Año del Partido Revolucionario Cubano. Tomo 3. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1894. 304 p.
- Neoliberalismo en América Latina. Crisis, tendencias y Alternativas // Ed. by L.R. Villagra. Asunción: CLACSO. 2015. 316 p.
- O'Donnell G.* El Estado Burocrático Autoritario. Buenos Aires: Prometeo libros, 1982. 90 p.
- O'Donnell G.* Modernización y Autoritarismo. Buenos Aires: Paidós, 1972. 180 p.
- Orantes I.C.* El concepto de integración // Revista CEPAL. E/CEPAL/G.1187. 1981. No. 15. P. 1–19.
- Portes A., L. Guarnizo y P. Landolt.* "The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promise of an Emergent Research Field" // Ethnic and Racial Studies. 1999. 40(9). P. 1486–1491.
- Prebisch R.* Capitalismo Periférico: Crisis y Transformación. Santiago: Fondo de cultura económica, 1981. 344 p.
- Prebisch R.* Las Fuerzas Espontáneas y la Estrategia del Desarrollo en el Sistema Económico // Transformaciones y Desarrollo. La Gran Tarea de América Latina. ed. by E. V. Iglesias. México: Fondo de Cultura Económica, 1970. P. 227–246.
- Preciado J., Uc P.* La(s) autonomía(s) en América Latina // L'Ordinaire des Amériques. 2010. No. 214. P. 199–220.
- Puig J.C.* América Latina: Políticas Exteriores Comparadas. Buenos Aires: Grupo Editor Latinoamericano, 1984. 556 p.
- Puig J.C.* Integración y Autonomía en América Latina en las Postrimerías Siglo XX // Integración Latinoamericana. 1986. No. 109. P. 40–62.

- Santana C.D., Bustamante G.A.* La Autonomía en la Política Exterior Latinoamericana: Evolución y Debates Actuales // *Papel político*. 2013. No. 2. P. 719–742.
- Simonoff A.C., Lorenzini M.E.* Autonomía e Integración en las Teorías del Sur: Desentrañando el Pensamiento de Hélio Jaguaribe y Juan Carlos Puig // *Iberoamericana*. 2019. No. 48. P. 96–106.
- Sunkel O.* El Desarrollo desde adentro: Un Enfoque Neoestructuralista para la América Latina. México: Fondo de Cultura Económica, 1991. 507 p.
- Sunkel O.* Las Relaciones Centro-periferia y la Transnacionalización // *Pensamiento Iberoamericano*. 1987. No. 11. P. 31–52.
- Tokatlian J., Russel R.* De la Autonomía Antagónica a la Autonomía Relacional: Una Mirada Teórica desde el Cono Sur // *Perfiles Latinoamericanos*. 2002. No. 21. P. 159–194.
- Tomassini L.* Teoría y Práctica de la Política Internacional. Santiago: Universidad Católica de Chile, 1989. 342 p.
- Vigevani T., Cepaluni G.* A Política Externa de Lula da Silva: A Estratégia da Autonomia pela Diversificação // *Contexto Internacional*. 2007. No. 2. P. 273–335.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE FOREIGN POLICY OF LATIN AMERICAN NATIONS

THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF AUTONOMY AND THE ROLE OF INTEGRATION*

EKATERINA KOSEVICH

HSE University, 101000, Moscow, Russia

Abstract

Autonomy has always been the focus of theoretical research in the field of international relations and foreign policy of Latin American countries. At the same time, deepening and strengthening cooperation with neighbors in the region has traditionally been an unshakable priority for all Latin American states, around which their entire foreign policy was built. The article considers the crucial stages of development that the concept of autonomy has gone through in the framework of international relations theories developed by Latin American scholars. Simultaneously, the changing role and essential characteristics of integration are studied as a process that modifies its direction under the pressure of various external and internal forces. The author analyzes the key theoretical approaches of Latin American countries to the study of international relations and foreign policy in the period from the middle of the 20th century to the beginning of the 21st century. The research also considers the determining factors influencing the evolution of the intra-regional and extra-regional directions as regards the foreign policy of the states in the region. Identifying the system of elements that form the core of modern Latin American foreign policy and combining global and national components allow us to determine the substantial changes in the paradigmatic nature of international relations, which is the key to understanding the modern activities of Latin American countries in the international arena, substantiating the relevance and novelty of this study. The author examines five main stages in the evolution of the concept of autonomy, which have become a reflection of real historical events. Each of them is interconnected with the concept of integration in its

* This work has been supported by the grants from the Russian Science Foundation, RSF 22-78-10014, <https://rscf.ru/project/22-78-10014/>

own way: the first stage was characterized by the prevalence of a realistic approach; the second stage was marked by the strategy of "development coming from within"; during the third stage, the concept of relative autonomy dominated; the fourth stage was characterized by the dominance of two approaches: separatist and relative; the fifth stage takes place under the slogan of the concept of «liquid autonomy».

Keywords:

Latin America; theory of international relations; autonomy; integration; international relationships; world-system.

References

- Actis E., Malacalza B. (2021). Las Políticas Exteriores de América Latina en Tiempos de Autonomía Líquida. *Nueva Sociedad*. URL: <https://nuso.org/articulo/las-politicas-exteriores-de-america-latina-en-tiempos-de-autonomia-liquida/#footnote-17> (accessed: 23.08.2022).
- Agnew J., Oslender U. (2010) *Territorialidades superpuestas, soberanía en disputa: lecciones empíricas desde América Latina*. Bogotá — Colombia : Tabula Rasa. No. 13. P. 191–213.
- Aranda G., Morandé J. (2011). Los Derechos Humanos en la Política Exterior de Chile. Pragmatismo y Énfasis multilateral. In *Derechos Humanos en Política Exterior. Seis Casos Latinoamericanos*. México: Editorial Porrúa. P. 87–121.
- Bansart A. (2007) *Los cambios sociales y políticos en América Latina*. En *Orbis incognitus. Avisos y legajos del Nuevo Mundo: homenaje al profesor Luis Navarro García / coord. por Fernando Navarro Antolín; Luis Navarro García (hom.)*. Vol. 2. P. 627–632.
- Bernal-Meza R. (2013). Heterodox Autonomy Doctrine: Realism and Purposes, and its Relevance. *Revista Brasileira de Política Internacional*. No. 56. P. 45–62.
- Bernal-Meza, R. (2005). *América Latina en el Mundo. El Pensamiento Latinoamericano y la Teoría de las Relaciones Internacionales*. Buenos Aires: Nuevohacer. 395 p.
- Boron A.A. (2009). *Socialismo Siglo XXI: ¿Hay Vida después del Neoliberalismo?* Buenos Aires: Luxemburg, 1.ª edición, 144 p.
- Briceño Ruiz, J., Simonoff, A. (2017). La Escuela de la Autonomía, América Latina y la teoría de las relaciones internacionales. *Estudios internacionales (Santiago)*. No. 49(186). P. 39–89.
- Calduch R. (1981). Las relaciones internacionales en la obra de los dirigentes soviéticos: Una reflexión teórica. *Revista de Estudios Internacionales*. Vol. 2. No. 3. P. 543–597.
- Cardoso F.H. (1973). *Problemas del Subdesarrollo Latinoamericano*, México. México: Nuestro Tiempo. 195 p.
- Cardoso F.H. (1977). La originalidad de la copia: la CEPAL y la idea de desarrollo. *Revista de la CEPAL*. No. 4. P. 7–40.
- Cecea A.E. (2008). El Posneoliberalismo y sus Bifurcaciones. *Observatorio Latinoamericano de Geopolítica*. No. 10. P. 1–12.
- Cox R. (1999) Civil Society at the Turn of the Millennium: Prospects of an Alternative World Order. *Review of International Studies*. No. 25. P. 3–28.
- Colacrai M., Lorenzini M. E. (2005). La Política Exterior de Chile: ¿Excepcionalidad o Continuidad? Una Lectura Combinada de 'Fuerzas Profundas' y 'Tendencias'. *Confines*. Vol. 1. No. 2. P. 45–63.
- Correa Serrano M. A., Salgado E. C. La Alianza del Pacífico: Entre la Geopolítica de China y de Estados Unidos. *México y la Cuenca del Pacífico*. No. 14. P. 19–52.
- Delgado G.R. (2010). Neoliberalismo y Convergencia Contable. Orígenes, Características y Propuestas. *Lúmina*. No. 11. P. 264–278.
- El'muradov A. (2021). Postkolonial'naya/dokolonial'naya Kritika i Teoriya Mezhdunarodnykh Otnoshenij [Postcolonial/decolonial critique and international relations theory]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. Vol. 14. No. 3. P. 23–38.
- Ellner S. (2009). La Política Exterior del Gobierno de Chávez: La Retórica Chavista y los Asuntos Sustanciales. *Revista Venezolana de Economía y Ciencias Sociales*. No. 15. P. 115–132.
- Escudé C. (1992). *Realismo Periférico. Fundamentos para la nueva política exterior argentina*. Buenos Aires: Planeta. 292 p.
- Fajnzylber F. (1988). Competitividad Internacional: Evolución y Lecciones. *Revista de la CEPAL*. No. 36. P. 7–24.
- Glinkin A.N. (ed.) (1999). *Integratsiya v Zapadnom polusharii na poroge XXI veka* [Integration in the Western Hemisphere on the Threshold of the 21st Century]. Moscow: ILA RAS. 300 p.
- Gordy K.A. (2020). Situated Political Theory in Latin America. In *The Oxford Handbook of Comparative Political Theory*. New York: Oxford University Press. P. 544–548.

- Hofman A.A. (2000). *The economic development of Latin America in the twentieth century*. ECLAC: Edward Elgar Publishing. P. 322.
- Jaguaribe H. (1969). Dependencia y Autonomía en América Latina. In *La Dependencia Político-económica de América Latina*. México: CLASCO. P. 1–8.
- Jaguaribe H. (1979). Hegemonía Céntrica y Autonomía Periférica. *Estudios Internacionales*. No. 46. P. 91–180.
- Ivanovskiy Z.W. (2022). «Pravyy drejff» v Latinskoj Amerike: prichiny, itogi i perspektivy [“Right Drift” in Latin America: Causes, Outcomes, and Prospects] *Latino-Amerikanskij istoricheskij almanakh*. Vol. 1. No. 35. P. 133–160.
- Kaplan M. (1983). Aspectos Políticos del Dialogo Norte-Sur. *Revista de estudios políticos*. No. 33. P. 187–206.
- Kosevich E.Yu. (2020). Ierarkhiya Motivov Latinoamerikanskogo Protesta [Hierarchy of Latin American protest]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 18. No. 2. P. 92–109.
- Kosevich E.Yu. (2020). Latinskaya Amerika: koronavirus i novyj politicheskij landshaft. [Latin America: Coronavirus and the New Political Landscape]. *Latinskaya Amerika*. No. 10. P. 39–53.
- Kosevich E. (2022). Russian Foreign Policy in Latin America and the Caribbean in the Twenty-first Century. *Latin American Perspectives*. <https://doi.org/10.1177/0094582X221138285>.
- Kosevich E. (2022). Russia's Relations with the Countries of Latin America at the Beginning of the 21st Century: Four Levels of Interstate Interaction. *Russian Politics*. Vol. 7. No. 3. P. 450–484. <https://doi.org/10.30965/24518921-00604027>.
- Lechini G. (2009). La Cooperación Sur-Sur y la Búsqueda de Autonomía en América Latina: ¿Mito o Realidad? *Relaciones Internacionales*. No. 12. P. 55–81.
- Long T., Schulz C.A. (2021). Republican Internationalism: The Nineteenth-Century Roots of Latin American Contributions to International Order. *Cambridge Review of International Affairs*. 35:5. P. 639–661, DOI: 10.1080/09557571.2021.1944983
- Marini, R. M. (1973). *Dialéctica de la dependencia*. En: América Latina, dependencia y globalización. Fundamentos conceptuales Ruy Mauro Marini. Antología y presentación Carlos Eduardo Martins. Bogotá: Siglo del Hombre – CLASCO. P. 9–77.
- Martí J. (1894). *El Tercer Año del Partido Revolucionario Cubano*. Tomo 3. La Habana.: Editorial de Ciencias Sociales, 1894. P.304 p.
- O'Donnel G. (1972). *Modernización y Autoritarismo*. Buenos Aires: Paidós. 180 p.
- O'Donnel G. (1982). *El Estado Burocrático Autoritario*. Buenos Aires: Prometeo libros. P. 90.
- Orantes I.C. (1981). *El concepto de integración*. *Revista CEPAL*. E/CEPAL/G.1187. No. 15. 19 p.
- Portes A., L. Guarnizo y P. Landolt (1999). The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promise of an Emergent Research Field. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 40. No. 9. P. 1486–1491.
- Prebisch R. (1981). *Capitalismo periférico: Crisis y Transformación*. Santiago: Fondo de cultura económica. 344 p.
- Prebisch R. (1970). Las Fuerzas Espontáneas y la Estrategia del Desarrollo en el Sistema Económico. In *Transformaciones y Desarrollo. La Gran Tarea de América Latina*. México: Fondo de Cultura Económica. P. 227–246.
- Preciado J., Uc P. (2010). La(s) autonomía(s) en América Latina. *L'Ordinaire des Amériques*. No. 214. P. 199–220.
- Puig J.C. (1984). *América Latina: Políticas Exteriores Comparadas*. Buenos Aires: Grupo Editor Latinoamericano. 556 p.
- Puig J.C. (1986). Integración y Autonomía en América Latina en las Postrimerías Siglo XX. *Integración Latinoamericana*. Vol. 11. No. 109. P. 40–62.
- Pyatakov A.N. (2018). Latinoamerikanskije Podkhody k Probleme Globalizatsii: Vzgl'yad Skvoz' XXI vek [Latin American approaches to the problem of globalization: a look through the 21st century]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 62. No. 1. P. 85–93.
- Pyatakov A. (2020). PROSUR – novyj mekhanizm yuzhnoamerikanskoj (dez)integracii? [PROSUR – a new South American (des)integration mechanism?]. *Latinskaya Amerika*. No. 7. P. 15–36 DOI: 10.31857/S0044748X0009859-3.
- Sadchenko V.N. (2021). Politika Malykh y Srednikh Gosudarstv v Ramkakh Teorii “Periferijnogo Realizma” K. Eskude [The policy of small and medium-sized states within the framework of the theory of “peripheral realism” by K. Exude]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2. P. 56–63.
- Santana C.O., Bustamante G.A. (2013). La Autonomía en la Política Exterior Latinoamericana: Evolución y Debates Actuales. *Papel político*. Vol. 18. No. 2. P. 719–742.
- Simonoff A.C., Lorenzini M.E. (2019). Autonomía e Integración en las Teorías del Sur: Desentrañando el Pensamiento de Hélio Jaguaribe y Juan Carlos Puig. *Iberoamericana*. No. 48. P. 96–106.

- Sudarev V.P. (2000). *Vzaimozavisimost' i konflikt interesov. SSHA i Latinskaya Amerika (vtoraya polovina XX veka)* [Interdependence and conflict of interest. USA and Latin America (second half of the 20th century)]. Moscow: ILA. 360 p.
- Sudarev V. P. (2004). Dve Ameriki posle okonchaniya «kholodnoj vojny». [Two Americas after the end of the Cold War]. Moscow: Nauka. 205 p.
- Sunkel O. (1987). Las Relaciones Centro-periferia y la Transnacionalización. *Pensamiento Iberoamericano*. No. 11. Madrid. P. 31–52
- Sunkel O. (1991). *El Desarrollo desde adentro: Un Enfoque Neoestructuralista para la América Latina*. México: Fondo de Cultura Económica. 507 p.
- Tokatlian J., Russel R. (2002). De la Autonomía Antagónica a la Autonomía Relacional: Una Mirada Teórica desde el Cono Sur. *Perfiles Latinoamericanos*. Vol. 10. No. 21. P. 159–194.
- Tomassini L. (1989). *Teoría y Práctica de la Política Internacional*. Santiago: Universidad Católica de Chile. 342 p.
- Vigevani T., Cepaluni G. (2007). A Política Externa de Lula da Silva: A Estratégia da Autonomia pela Diversificação. *Contexto Internacional*. Vol. 29 No. 2. P. 273–335.
- Villagra L.R. (ed.) (2015). *Neoliberalismo en América Latina. Crisis, tendencias y Alternativas*. Asunción: CLACSO. 316 p.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ЧЕМ ДВИЖИМ ЗАПАД В СВОЕЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ?

ЮРИЙ БОРОВСКИЙ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В 2022 г. после начала специальной военной операции Российской Федерации на Украине государства, составляющие «коллективный Запад», ввели беспрецедентные энергетические санкции против Москвы. Настоящая статья выявляет мотивы энергетической политики «коллективного Запада». Первая часть представляет утилитарное видение проблемы. Автор приходит к выводу, что, несмотря на сланцевую революцию в США и развитие возобновляемой энергетики, западные государства продолжают сильно зависеть от импорта нефти и газа и, значит, в энергетической политике главным образом движимы желанием нивелировать критическую значимость углеводородов во избежание политических и экономических последствий. Во второй части статьи западная энергетическая политика рассмотрена на тактическом уровне, на котором она может иметь либо оборонительный, либо наступательный характер, а также на стратегическом уровне, где «коллективный Запад» в основном нацелен на осуществление энергоперехода. Статья показывает, что с точки зрения теории международных отношений энергетическая политика Запада в её тактическом и стратегическом измерении в наибольшей степени вписывается в реалистскую концепцию. Базовые либеральные императивы влияют на неё в недостаточной степени, а конструктивизм не способен выявить объективные закономерности в действиях Запада в энергетической сфере. Дополнительные теоретические точки опоры для понимания мотивов «коллективного Запада» в области энергоснабжения дают концепции либерального интервенционизма и неоконсерватизма, а также неомарксизм. Последний видит энергетическую политику Запада в контексте противоборства государств «центра», «периферии» и «полупериферии».

Ключевые слова:

энергетическая политика; США; ЕС; санкции; энергетический кризис; Россия; Иран; Венесуэла.

После начала специальной военной операции (СВО) России на Украине в феврале 2022 г. государства, составляющие «Запад»¹, в беспрецедентном масштабе использовали

«энергетическое оружие». Цели этих действий декларировались открыто – лишить Москву возможности экспортировать углеводородные энергоносители, особенно по вы-

¹ В настоящей статье под странами Запада, или западными государствами, предлагается понимать США, Канаду и страны Европы, объединённые в рамках НАТО и ЕС (ранее ЕЭС), а также ближайших союзников США и Великобритании в АТР – Японию, Республику Корея, Австралию и Новую Зеландию. Страны Запада в полном составе представлены в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), исключение – Мексика, Колумбия и Коста-Рика, которые при проамериканских правительствах также вполне могут считаться западными. Консолидированная позиция западных государств в рамках Украинского кризиса, начавшегося в 2014 г., привела к появлению понятия «коллективный Запад», которое применяется в том числе в Концепции внешней политики РФ, утверждённой Президентом РФ В.В. Путиным 31 марта 2023 г. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 10.05.2023).

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.09.2022

Дата принятия к публикации: 21.12.2022

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: yuribor@mail.ru

соким ценам и тем самым вынудить её изменить свою политику в украинском вопросе. Тем не менее введённые против Российской Федерации жёсткие санкции в энергетическом секторе бумерангом ударили по самим западным государствам, поставив многих из них в сложное, даже критическое положение.

В таких условиях на второй план отошёл, по крайней мере временно, четвёртый энергопереход², который до февраля 2022 г. считался главным и неоспоримым приоритетом. Даже возврат к потреблению угля, самого пагубного для экологии и климата энергоносителя, перестал вызывать решительное противодействие в западном мире³, хотя ещё в 2021 г. такая мера казалась недопустимой. Подобная ревизия ставит вопрос: чем, в сущности, движим «коллективный Запад» в своей энергетической политике⁴? Политическим соперничеством, экономическими стимулами, экологическими озабоченностями? Цель настоящей статьи – выявить основополагающие мотивы энергетической политики западных государств.

В научной литературе присутствуют публикации, посвящённые энергетической политике США, Европейского Союза или Японии [Касем 2017; Yergin 2020; Голунов 2021; Подоба 2021; Старкин и др. 2022], но об энергетической политике Запада в целом (так называемого «коллективного Запада») пишут на удивление редко [Evans 1978; Сидорова 2016; Муслимов 2022].

При исследовании энергетической политики «коллективного Запада» важно сделать существенные оговорки о границах такой коллективности. Справедливым является довод, что различные западные госу-

дарства в области энергоснабжения занимают неодинаковое положение и, как следствие, они могут быть движимыми разными, в том числе противоположными, интересами в энергетической сфере. Например, США после сланцевой революции способны сами обеспечить свои энергетические потребности. К тому же им доступен мощный энергетический потенциал соседней Канады, которая, как и Норвегия, не испытывает особых проблем с энергоснабжением. Эти три страны обладают существенными экспортными объёмами нефти и газа.

Государства–члены ЕС или Япония, напротив, сильно зависят от импорта углеводородов. Не случайно до 2022 г. между Вашингтоном и Брюсселем существовали серьёзные противоречия, связанные с трубопроводом «Северный поток-2».

Кроме того, энергетические интересы отдельных стран Запада, в первую очередь ЕС, имеют ярко выраженную национальную специфику. Наглядной иллюстрацией является Германия, которая считалась критически зависимой от трубопроводных поставок российского газа. В случае с Венгрией нефтяные поставки из России важны в большей степени, чем для ФРГ. Между тем для Парижа недопустим отказ от атомной энергии, хотя Берлин, например, решился пойти по этому пути.

Вместе с тем в западных странах ведутся принципиальные внутривнутриполитические дискуссии по поводу приоритетов энергетической политики, которые нередко становятся предметом жарких споров в рамках ЕС или в более представительных форматах западного мира («Группа семи», НАТО). Явные противоречия вызывают сроки и

² Четвёртый «энергетический переход», начавшийся в 2000-х годах, заключается в отказе международного сообщества от ископаемого топлива и его переходе на возобновляемые и иные низкоуглеродные / безуглеродные источники энергии в целях противодействия изменению климата и сохранения окружающей среды.

³ Угольный дым: почему в Европе открывают закрытые шахты и надолго ли это [Электронный ресурс] // Forbes.ru. 2022. 18 мая. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/465693-ugol-nyj-dym-pocemu-v-evrope-otkryvaut-zakrytye-sahty-i-nadolgo-li-eto> (дата обращения: 10.11.2022).

⁴ В статье под энергетической политикой понимается комплекс усилий (мер) государства или группы государств, связанных с гарантированным, приемлемым по цене и экологически чистым энергоснабжением. Вместе с тем государства или группы государств могут стремиться достигать в рамках своей энергетической политики как сугубо энергетические, так и экономические и политические цели.

методы осуществления четвёртого энергоперехода, оправданность поддержки ближневосточных режимов и другие сюжеты.

Между тем на стратегическом уровне государства Запада способны проявлять солидарность в энергетической сфере и даже идти на весьма чувствительные для себя жертвы, когда на кону оказываются интересы так называемого западного мира. Единодушное введение масштабных санкций в области энергетики против России с 2014 г. и особенно с 2022 года, а также в конечном счёте солидарная блокировка проекта «Северный поток-2» тому наглядное свидетельство.

Государства-члены ЕС и Япония, критически зависимые от российских углеводородов, вполне могли поставить во главу угла свои приоритеты в сфере энергетики и в существенной мере смягчить тот пакет антироссийских санкционных мер, который впоследствии был принят⁵. Существующие локальные расхождения, связанные, допустим, с глубиной и скоростью введения энергетических санкций против России или планом Брюсселя по снижению потребления газа в ЕС⁶ на 15% зимой 2022/23⁷, не отменяют наличия общего стратегического согласия.

Консолидированный курс стран Запада на четвёртый энергопереход является ещё одним доказательством их единодушной

позиции. США после сланцевой революции, а также Канада и Норвегия, обладающие огромным долгосрочным нефтегазоэкспортным потенциалом, вполне могли попытаться его отсрочить, если не свести на нет. Таким образом, у стран Запада есть общие интересы, которые делают их энергетическую политику более сплочённой, несмотря на противоречия.

Не следует также забывать, что в 1974 г. страны Запада — в ответ на первый мировой нефтяной кризис — создали Международное энергетическое агентство (МЭА), связав себя в рамках организации узами коллективной энергетической безопасности. Доводы относительно того, что вследствие сланцевой революции США и их энергетические корпорации увидели в европейских и азиатско-тихоокеанских союзниках источник экспортной выручки, отчасти верны [Подоба, Лаврова 2021]. Тем не менее Вашингтон не намерен снимать с себя ответственность за энергетическую безопасность западного мира, что чётко зафиксировано в Стратегии национальной безопасности (СНБ) США 2022 года⁸, а также отмечено в практических шагах президента Дж. Байдена, поддержавшего в марте 2022 г. создание Целевой группы европейской энергетической безопасности при участии Соединённых Штатов и Европейской комиссии⁹.

⁵ В начале 1980-х годов ведущие страны Европейского экономического сообщества (будущего ЕС), а именно ФРГ, Великобритания, Франция и Италия выступили решительно против санкционных усилий администрации Р. Рейгана по запрету участия западных компаний в проекте сооружения трансконтинентального газопровода «Уренгой—Помары—Ужгород». Тем самым они поставили на первое место свои энергетические и экономические интересы. См.: *Боровский Ю.В.* Советский и российский ТЭК как объекты западных санкций: политическое соперничество или экономическая конкуренция? // Вестник МГИМО-Университета. 2019. №3. С. 42—60.

⁶ Council adopts regulation on reducing gas demand by 15% this winter; press release of the Council of the EU, 5 August 2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/08/05/council-adopts-regulation-on-reducing-gas-demand-by-15-this-winter/> (accessed: 10.05.2023).

⁷ План был принят большинством государств-членов ЕС, несмотря на несогласие Венгрии и Польши. См.: План ЕС по снижению потребления газа на 15% отказались поддержать Венгрия и Польша [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2022. 5 августа. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5501415> (дата обращения: 10.11.2022).

⁸ The National Security Strategy of the United States of America. October 2022. [электронный ресурс] URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 16.11.2022).

⁹ Joint Statement by President Biden and President von der Leyen on European Energy Security. June 27, 2022. [электронный ресурс] URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/27/joint-statement-by-president-biden-and-president-von-der-leyen-on-european-energy-security/> (accessed: 16.11.2022).

В ряде научных работ уже предпринимались попытки анализировать энергетическую политику государств, в том числе западных, сквозь призму теории международных отношений (ТМО) [Трачук 2013; Хлопов 2016; Райнхардт, Проничкин 2018; Heinrich, Szulecki 2019; Лебедев 2021; Боровский, Шишкина 2022]. Примечательно, что внимание учёных главным образом привлекали реалистский и конструктивистский подходы. Содержащиеся в этих работах гипотезы, оценки и результаты весьма интересны, но в связи с обстоятельствами текущей геополитики требуют дальнейших проверок, уточнения и обсуждения.

Утилитарный взгляд на энергетическую политику Запада

Исходной точкой для теоретических и эмпирических изысканий в сфере международных энергетических отношений служит констатация двух обстоятельств: с XIX века мировая система энергоснабжения опирается главным образом на ископаемые углеродные энергоресурсы¹⁰, а их запасы распределены на планете крайне неравномерно¹¹. Следовательно, одни страны вынуждены экспортировать нефть, газ или уголь, а другие — их импортировать. Четвёртый энергопереход, начавшийся в 2000-х годах, должен в будущем привести к ситуации, когда человечество перейдёт на потребление преимущественно возобновляемой и иной чистой неуглеродной энергии и непреодолимая взаимозависи-

мость между экспортёрами и импортёрами нефти, газа и угля уйдёт в прошлое [Smith 2010, 2017].

Тем не менее этот переход произойдёт, при самом благоприятном сценарии, не раньше середины текущего столетия¹². Вместе с тем нельзя исключать, что на смену углеродным энергоносителям придут другие дефицитные и по-разному доступные редкие металлы (литий, кобальт и др.) и водород, без которых сегодня сложно представить новую неуглеродную энергетику [Борисов 2020; Гулиев, Соловова 2021].

Страны, объединённые понятием «Запад», не являются исключением из общих тенденций. Наряду с остальным миром они продолжают удовлетворять свои потребности в энергии преимущественно за счёт углеродного топлива — импортного или собственного. В 2021 г. доля нефти, газа и угля в консолидированном энергобалансе западных государств составляла около 77%. Она меньше, чем полвека назад — в 1970 году (93%), но по-прежнему велика. Если взять эти три энергоносителя по отдельности, в 1970–2021 годах доля нефти снизилась в энергопотреблении стран Запада с 50 до 36%, угля — с 25 до 13%, а доля природного газа, напротив, выросла с 18 до 28%¹³.

Получается, что в 1970–2021 годах роль нефти и угля сокращалась в совокупном энергобалансе западных государств, что отчасти компенсировалось ростом в нём доли природного газа. Примечательно, что в указанные годы, несмотря на политические,

¹⁰ В 2021 г. доля нефти, газа и угля составляла 82% в мировом энергобалансе, в 1965 г. куда больше — 94%. См.: BP Statistical Review of World Energy. June 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (accessed: 11.11.2022).

¹¹ Например, в 2020–2021 годах на страны ОПЕК+ (13 стран ОПЕК и 11 сторонних экспортёров, включая Россию, Азербайджан, Казахстан и Мексику) приходилось ~80% мировых доказанных запасов нефти; свыше 55% мировой добычи нефти и только ~15% мирового потребления нефти. См.: BP Statistical Review of world energy — all data, 1965–2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy/downloads.html> (accessed: 11.11.2022).

¹² World Energy Outlook 2021: report of the International Energy Agency, October 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2021>; BP Energy Outlook 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2022.pdf> (accessed: 11.11.2022).

¹³ BP Statistical Review of World Energy. June 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed: 11.11.2022).

экономические и экологические вызовы, нефть сохранила на Западе статус крупнейшего источника энергии, а природный газ вышел на второе место. В 2021 г. на них приходилось в совокупном энергобалансе западных стран внушительные 64%, в то время как на все вместе взятые возобновляемые источники энергии (ВИЭ) — только 15%, на атомную энергию — лишь 8%¹⁴.

Поддавливающее большинство стран Запада не может обойтись без импорта углеродных энергоносителей, что является главной проблемой их энергетической безопасности. Тем не менее такая зависимость при её более детальном рассмотрении обретает дополнительные немаловажные черты. За период, прошедший после окончания Второй мировой войны, западные государства кардинально снизили долю угля или твёрдого топлива в энергобалансах, руководствуясь экономическими, а также экологическими и климатическими мотивами¹⁵. К 2021 г. совокупно эта доля сократилась до 13%, тогда как в 1965 г. составляла 34%¹⁶. В 1940 г. уголь обеспечивал 84% энергетических потребностей стран Западной Европы и 47% — Северной Америки¹⁷.

Исторически добыча и потребление угля в западных государствах, взятых в совокупности, находились примерно на одном уровне. Вместе с тем с 1980-х годов благо-

даря росту угледобычи в Австралии стал образовываться существенный профицит. В 2021 г. в странах Запада добыча угля оказалась больше его потребления¹⁸. Эти государства различаются, и многие из них выступают нетто-импортёрами угля, но наличие таких излишков у идеологических партнёров снижает критическую значимость твёрдого топлива во всём западном мире. Кроме того, США и ряд европейских государств, включая Германию, располагают значительными неразработанными угольными запасами¹⁹. При необходимости они могут нарастить добычу в ущерб экологии и климату. Применительно к уязвимости стран Запада, связанной с импортом углеродного топлива, уголь утратил стратегический статус, если не брать в расчёт его роль в качестве резервного топлива во время энергетических кризисов²⁰.

До свершения сланцевой революции в США совокупная зависимость западных государств от импортной нефти и газа была критической. В 2005 г. за счёт собственной добычи они удовлетворяли потребности в нефти лишь на 41%, в природном газе — на 75%. Для сравнения: в 1970 г. страны Запада обеспечивали себя нефтью только на 40%, а газа добывали на 2% больше своих нужд. В 2021 году, благодаря активизации сланцевых разработок в США, обеспе-

¹⁴ BP Statistical Review of World Energy. June 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed: 11.11.2022).

¹⁵ Уголь является не только самым грязным углеродным источником энергии, но и в наибольшей степени (в сравнении с нефтепродуктами и газом) пагубно влияет на климат. См.: Carbon Dioxide Emissions Coefficients. [Электронный ресурс] URL: https://www.eia.gov/environment/emissions/co2_vol_mass.php (accessed: 12.11.2022).

¹⁶ BP Statistical Review of World Energy. June 2022. [Электронный ресурс] ...

¹⁷ World Energy Consumption 1800–2000: The RESU / Encyclopédie de l'énergie. [Электронный ресурс] URL: <https://www.encyclopedie-energie.org/en/world-energy-consumption-1800-2000-results/> (accessed: 12.11.2022).

¹⁸ BP Statistical Review of World Energy. June 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed: 11.11.2022).

¹⁹ По состоянию на конец 2021 г. на США приходилось 23,2% мировых доказанных запасов угля, Германию — 3,3%. См.: BP Statistical Review of World Energy. June 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed: 11.11.2022).

²⁰ Germany to reactivate coal power plants as Russia curbs gas flow [Электронный ресурс] // The Guardian. 2022. 8 July. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/jul/08/germany-reactivate-coal-power-plants-russia-curbs-gas-flow> (accessed: 12.11.2022).

ченность «коллективного Запада» собственной нефтью достигла 65%, природным газом — 84%²¹. Это стало приращением с точки зрения энергетической безопасности, но совокупная зависимость западных государств от углеводородного импорта по-прежнему осталась критической.

Таким образом, в современную эпоху именно вопрос доступа к углеводородам составляет стратегический вызов объединённому Западу в области энергоснабжения. Нефти и газа — при неблагоприятном развитии событий — может не хватить этим странам (как промышленным предприятиям, так и населению), или их рыночная стоимость будет настолько высокой, что она вызовет негативные экономические и социальные последствия (остановка предприятий, общественные волнения). Эта тенденция стала наблюдаться в 2022 г. после начала СВО России на Украине. В течение года спотовые мировые цены на нефть превышали 120 долларов за баррель (Brent), европейские цены на газ (TTF) — 3500 евро за тыс. куб. м²². При таком уровне цен только импортные углеводороды могли обходиться государствам Запада более чем в 1,5 трлн долларов в годовом выражении²³.

В условиях, описанных выше, объединённый Запад движим в своей энергетической политике первостепенным желанием снизить критическую значимость нефти и газа, учитывая не только риск столкнуться с острым дефицитом, но и с ценовыми шоками, чреватými серьёзными экономическими и политическими потрясениями для западного сообщества, его ценностей и доминирующих позиций в мире. Иные вызовы, включая экологические и климатические, также по-своему важны, но на начало 2020-х годов не имеют столь же

высокой критичности с экономической и политической точек зрения даже на фоне наблюдаемых засух, лесных пожаров и наводнений.

Теоретическая трактовка международных энергетических отношений

Различные направления ТМО предлагают неодинаковое понимание международных энергетических отношений. **Реалистская** школа трактует энергетику сугубо как фактор, усиливающий или ослабляющий позиции государств в их политическом соперничестве [Luft, Korin 2009]. В понимании реалистов, любому государству, рассчитывающему быть полноценным игроком на международной арене, необходимо нивелировать риски, связанные с зависимостью от импорта энергоносителей, если таковые есть; в идеале — обладать энергетической независимостью или суверенитетом [Schellyetal 2020]. Многостороннее сотрудничество как в целом, так и в энергетической сфере не противоречит реалистским установкам, но при условии существования общей угрозы [Luft, Korin 2009].

Если переложить видение, присущее сторонникам оборонительного и наступательного реализма [Mearsheimer 2001; Lobell 2010], на область энергоснабжения, получится, что первые готовы балансировать и довольствоваться защитными мерами в рамках текущего, в том числе невыгодного им, статус-кво. Вторые — наступать, пользуясь доступным энергетическим оружием, а если существующее положение невыгодно, пытаться в корне его изменить [Хлопов 2016].

Либеральная школа ставит во главу угла свободные экономические отношения в мире и видит энергетику их неотъемле-

²¹ BP Statistical Review of World Energy. June 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed: 11.11.2022).

²² Trading Economics. [Электронный ресурс]. URL: <https://tradingeconomics.com/commodity/brent-crude-oil>; URL: <https://tradingeconomics.com/commodity/eu-natural-gas> (accessed: 12.11.2022).

²³ Расчёты произведены на основе показателей стран Запада по экспорту и импорту углеводородов в 2021 г. Данные: BP Statistical Review of World Energy. June 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed: 11.11.2022).

мой частью. Взаимозависимость, возникающую между импортёрами и экспортёрами энергоносителей, либералы склонны считать в большей мере благом. С их точки зрения, зависимые друг от друга государства меньше стремятся к применению силы и нарушению стабильности [Keohane, Nye 2000; Harsen, Claes 2013]. Для купирования всевозможных рисков, мешающих рыночным отношениям, а также максимизации выгод всех сторон либералы выступают за коллективное взаимодействие государств, особенно институционализированное и основанное на международном праве [Luft, Korin 2009].

В политическом плане либерализм ратует за распространение демократии, повсеместное уважение прав и свобод человека, беспрекословное соблюдение принципов международного права [Shirayev, Zubok 2019]. В то же время либеральный интервенционизм как современная форма либерального интернационализма оправдывает активное, включая силовое, вмешательство в суверенные дела «несвободных» стран с целью их трансформации на основе либерально-демократических принципов, а также продвижения свободы и демократии в глобальном масштабе [Lipsev 2016; Oleetal 2019].

Близок к либеральному интервенционизму американский неоконсерватизм, являющийся особым идеологическим течением в политических кругах США. Он выражается в поддержке активной, в том числе силовой, борьбы США с нелиберальными режимами и силами, поскольку они угрожают американскому глобальному лидерству и ценностям, на которых первое основывается [Сушенцов 2016]. Стоит помнить, что приоритетом для американских неоконсерваторов остаются национальные интересы Соединённых Штатов. Между тем либеральные интервенционисты в первую очередь добиваются построения глобального либерального миропоряд-

ка. В нём Вашингтону отведена роль гаранта или консолидирующего центра, а американские национальные интересы либо имеют вторичное значение, либо приравниваются к интересам глобального либерального мира [Шаклеина 2019]²⁴.

Представители этих двух течений не могут не видеть, что целый круг нелиберальных, на их взгляд, стран зависит в своём экономическом развитии и проецировании геополитической мощи от экспорта углеродных энергоносителей. Значит, их нефтегазовая и угольная индустрии подлежат, по мнению западных стратегов, сдерживанию или, если того требуют обстоятельства, разрушению. С некоторой долей условности американский неоконсерватизм можно отождествлять с наступательным реализмом, а либеральный интервенционизм (по аналогии с дихотомией в реализме) — с наступательным либерализмом.

Согласно **конструктивистскому** ответвлению ТМО, характеристики международных отношений, касающиеся среди прочего энергетики, формируются в ходе непрерывных социальных процессов и зависят от взглядов конкретных групп, например правящей элиты или населения той или иной страны [Ozcan 2013]. Такие группы в силу своих убеждений и сложившихся обстоятельств могут стоять на реалистских, либеральных или иных позициях. Существует вероятность, что последние со временем претерпевают изменения. Согласно конструктивистскому подходу, угрозы безопасности государств существуют не сами по себе, а возникают в восприятии конкретных групп и политизируются ими в ходе процесса секьюритизации. Необходимо отметить, что проблемные рамки безопасности могут охватывать самые разные области, включая экономику, энергетику или экологию [Heinrich, Szulecki 2019; Гайдаев 2021; Grantetal 2015].

Наконец, **неомарксистский** подход постулирует, что именно капиталистическая

²⁴ Bosco D. What divides neocons and liberal interventionists // Foreign Policy. 2012. 9 April. URL: <https://foreignpolicy.com/2012/04/09/what-divides-neocons-and-liberal-interventionists/> (accessed: 10.05.2023).

мир-экономика, возникшая примерно к 1500 году, формирует систему международных отношений, или мир-систему. В такой мир-системе государства уподобляются социальным классам, обслуживающим национальный и глобальный капитал. «Государства-эксплуататоры» в лице развитых стран Запада формируют центр, или ядро, мир-системы.

Менее развитые страны мира образуют периферию и эксплуатируются центром на основе неэквивалентного обмена. Ряд государств наделен полупериферийным статусом. В их число входит, например, Россия, которая за всё время не смогла стать частью центра, но благодаря своей геополитической мощи и военной силе избежала участи периферийных стран. Неомарксизм допускает вхождение отдельных стран периферии и полупериферии в состав центра, однако для подавляющего большинства остальных государств этот переход невозможен [Wallerstein 2004; Amin 1977; Hardt, Negri 2001; Дробот 2014].

Как писал В.И. Ленин, капитализм в своём развитии движется от стадии первоначального накопления капитала к стадии монополистического капитализма или империализма [Ленин 2022]. Согласно неомарксистам, в современную эпоху мировой центр зиждется на пяти монополиях: (1) новые технологии; (2) глобальные финансы; (3) доступ к природным ресурсам; (4) международные коммуникации и СМИ; (5) военные средства массового уничтожения [Amin 1997; Ghosh 2021].

Исходя из вышесказанного, страны Запада, формирующие мировой центр, вместе со стоящим за ними западным (либеральным) капитализмом нуждаются в доступе к базовым энергоресурсам для поддержания доминирующего статуса. В существующей системе энергоснабжения — это нефть, газ и уголь. Если такого доступа у них нет, а неэквивалентный обмен с периферией или полупериферией, где такие ресурсы имеются, невозможен, государства центра будут стремиться к корректировке или коренному слому такого положения дел.

Таким образом, процессы, происходящие в мировой энергетике, могут по-разному интерпретироваться в различных школах ТМО. В реалистской — через призму политической силы; в либеральной — под углом зрения свободных рыночных отношений и продвижения либеральной идеологии, в конструктивистской — с опорой на восприятие среды и угроз безопасности конкретными аудиториями в определённые периоды и, наконец, в неомарксистской — в контексте противостояния государств «центра», «периферии» и «полупериферии».

Тактический срез энергетической политики Запада

Актуализация проблематики энергоснабжения произошла в западных государствах в 1970-х годах. В контексте мировых нефтяных кризисов стало ясно, что дефицит углеродных энергоносителей и чрезмерный рост их стоимости, в том числе по политическим причинам, вполне могут материализовываться, бросая вызов не только экономической, но и политической стабильности западных обществ [Скороходова 2013; 2015]. С тех пор на тактическом уровне страны Запада выстраивают свою энергетическую политику либо в оборонительном, либо наступательном ключе. Более того, их тактические действия встроены в текущую, опирающуюся на углеродное топливо модель мирового энергопотребления и не предполагают её слом.

Оборонительная тактика Запада

В ходе первого мирового нефтяного кризиса 1973–1974 годов арабские страны-участницы ОПЕК ввели эмбарго на поставку нефти «странам-пособникам» Израиля в Октябрьской войне, известной также как Война Судного дня (США, Великобритания, Нидерланды и др.). Кроме того, они стали снижать добычу нефти на 5% ежемесячно с целью добиться от Тель-Авива возврата захваченных арабских земель [Yergin 2008: 570–595]. В ответ на эти действия западные государства приняли комплекс мер защитного характера. В ноябре 1974 года — в немалой степени

благодаря усилиям государственного секретаря США Генри Киссинджера — они учредили в рамках ОЭСР Международное энергетическое агентство (МЭА) и договорились о создании стратегических нефтяных резервов, подлежащих перераспределению в случае энергетических кризисов.

Страны Запада стали обмениваться информацией и координировать действия в энергетической сфере. Они поставили целью диверсифицировать источники и маршруты поставок углеводородов, найти доступную им альтернативу (например, в виде атомной и возобновляемой энергии), повысить энергоэффективность и энергосбережение [Скорородова 2013].

С оборонительной точки зрения можно смотреть на идейную приверженность Соединённых Штатов и других стран Запада принципам свободной торговли в мировой экономике и энергетике. В частности, речь идёт об их неприятии монополизации рынка энергоносителей и одностороннего (по примеру практики ОПЕК) регулирования цен на нефть и газ. В этой связи в 1980-х годах они сделали ставку на биржевую торговлю нефтью (позже другими энергоносителями), а после первых мировых нефтяных кризисов 1970-х годов стали стимулировать мировое предложение нефти во избежание дефицита и высоких цен, от которых могли серьёзно пострадать потребители западных стран [Yergin 2008].

Наибольшего и беспрецедентного размаха защитная тактика в области энергоснабжения достигла в практике Европейского Союза. В 2009 году — в целях недопущения монополизации внутреннего газового рынка ЕС внешними поставщиками (прежде всего российской компанией «Газпром») — объединение приняло газовую директиву в рамках так называемого Третьего энергетического пакета. В ней содержался запрет на использование маги-

стральных газопроводов, функционирующих на территории ЕС, одним производителем. Более того, документ гарантировал недискриминационный доступ к ним любой третьей стороне. Директива предписала всем вертикально интегрированным компаниям, поставляющим газ европейским потребителям, отделить транспортные активы, которыми они владели в странах ЕС, а также провозгласила главным приоритетом ЕС биржевую торговлю газом [Боровский, Шишкина 2021]²⁵.

С точки зрения ТМО защитные действия стран Запада в большей мере укладываются в реалистскую логику оборонительного толка. Не случайно у истоков западной системы совместной энергетической безопасности, в центре которой находится МЭА, стоял Г. Киссинджер — один из наиболее известных и уважаемых реалистов-прагматиков [Киссинджер 2018]. При таком подходе США и их союзники не меняют сложившийся и во многом невыгодный им статус-кво в сфере энергоснабжения, но пытаются добиться того, чтобы уязвимости, с которыми они сталкиваются, в первую очередь в форме эмбарго на поставки нефти и газа, шантажа и других политизированных действий экспортёров, были нивелированы.

Между тем осенью 1973 г. нефтяное эмбарго, на которое пошли арабские страны-участницы ОПЕК, поставило Соединённые Штаты на грань применения силы. В депеше, поступившей премьер-министру Великобритании из Вашингтона в октябре 1973 года, говорилось о рассматриваемой возможности захвата нефтесодержащих областей на Ближнем Востоке. «США могут посчитать недопустимой ситуацией, при которой они и их союзники зависят от милости маленькой группы неразумных стран», — гласил документ²⁶. В итоге США не пошли по силовому пути.

²⁵ Directive 2009/73/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 concerning common rules for the internal market in natural gas and repealing Directive 2003/55/EC (Text with EEA relevance). [Электронный ресурс] URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009L0073&from=EN> (accessed: 12.11.2022).

²⁶ Цит. по: Luft G., Korin A. Energy Security: In the Eyes of the Beholder/Energy Security Challenges for the 21st Century: ed. G. Luft, A. Korin. Santa Barbara: Praeger, 2009. P. 8.

Возникшее у западных стран желание наладить многостороннее взаимодействие в рамках МЭА может соответствовать как реалистской, так и либеральной концепции. В первом случае допускается многостороннее, в том числе институализированное, объединение государств при возникновении общей угрозы [Luft, Korin 2009]. Такая угроза в лице арабских стран ОПЕК появилась в 1973 году.

Либерализм в принципе выступает за коллективное, институализированное решение проблем безопасности, в том числе в сфере энергетики. О либеральном подходе можно также говорить применительно к усилиям Брюсселя и государств-членов ЕС, направленных на предотвращение монополизации внутреннего рынка интеграционного объединения со стороны внешних игроков. Он также объясняет приверженность стран Запада принципам свободной торговли в сфере энергетики, их борьбу с монополизацией энергетических рынков и нерыночным регулированием цен на углеводороды [Luft, Korin 2009].

Учитывая, что конструктивизм делает акцент на восприятии конкретной ситуации конкретными группами, можно допустить, что защитная тактика западных государств в сфере энергоснабжения стала результатом успешной секьюритизации, или осознания элитами и населением стран Запада того факта, что их зависимость от импорта углеродных энергоносителей представляет серьёзную политическую и экономическую угрозу [Crowley-Vigneau et al. 2022]. На уровне ЕС (ранее ЕЭС) факт успешной секьюритизации проблем энергоснабжения был отражён в научной публикации [Боровский, Шишкина 2021]. В ней выделяется две волны секьюритизации энергоснабжения в ЕЭС/ЕС. Первая охватила 1970–1990-е годы, вторая – 2000–2010-е годы, которые оформились под воз-

действием ряда триггеров. В первом случае ими стали нефтяное эмбарго арабских стран ОПЕК и в целом мировой нефтяной кризис 1973–1974 годов, несколько позже – очередной мировой нефтяной кризис 1979–1980 годов, случившийся из-за Исламской революции в Иране. Во втором случае триггерами послужили российско-украинские газовые споры 2006 и 2009 года, а также резкое ухудшение российско-украинских отношений с 2014 года.

Наступательная тактика Запада

Распад СССР и Восточного блока в 1991 г. создал условия для глобального доминирования Запада во главе с Вашингтоном. В таких условиях США и их союзники могли позволить себе действовать более решительно и наступательно, в том числе в области энергоснабжения. В 1990-е годы мировому рынку нефти были свойственны изобильное предложение и относительно низкие цены. В начале XXI века в мире, напротив, наметился тренд на дефицит и удорожание углеводородов, что могло подвигнуть страны Запада, не располагающие достаточными запасами нефти и газа, к более решительным действиям. «Первой ласточкой» стало военное вторжение Соединённых Штатов и Великобритании в Ирак в 2003 году.

На протяжении этого года США добывали всего 7,4 млн баррелей нефти в сутки, а потребляли 19,9 млн. Страна обеспечивала себя лишь на 37%, неся расходы в десятки миллиардов долларов (свыше 120 млрд в ценах 2003 года), которые шли на импорт жидких углеводородов²⁷. Запасы конвенциональной нефти²⁸ в американской экономике неумолимо сокращались, а о «сланцевой революции», совершенно неожиданно случившейся в конце 2000-х годов, в американском истеблишменте в начале века даже не помышляли [Yergin 2020: 14–31].

²⁷ BP Statistical Review of World Energy. June 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed: 11.11.2022).

²⁸ Конвенциональная нефть – нефть, залегающая в традиционных, более доступных пластах. К неконвенциональной нефти относится нефть, находящаяся в сланцевых породах и других низкопроницаемых (труднодоступных) коллекторах.

В таком контексте контроль над Ираком, который по состоянию на конец 2002 г. располагал вторыми по величине доказанными запасами нефти (10,7% от общемирового объёма)²⁹, мог казаться Вашингтону и Лондону самой желанной целью³⁰. Масштабная разработка иракских месторождений не только сулила бесперебойное снабжение нефтью западного мира в долгосрочной перспективе, но и давала в руки США и их союзников мощный инструмент по воздействию на мировые нефтяные цены, в том числе с целью либеральной трансформации экспортирующих нефть стран Ближнего Востока и других регионов [Голунов 2021].

Свержение американско-британскими войсками режима Саддама Хусейна в 2003 г. и последующие попытки западных корпораций (Halliburton, ExxonMobil, Chevron, BP, и др.)³¹ обосноваться в Ираке и радикально увеличить там добычу нефти в наибольшей мере коррелируют с наступательным реализмом, неоконсерватизмом и либеральным интервенционизмом. Таким образом, налицо попытка Вашингтона и Лондона, главных инициаторов этой силовой акции, покончить с нелиберальным режимом, устранить критическую зависимость Запада от импорта углеводородов, а также за счёт контроля над иракской ресурсной базой получить рычаги влияния на другие нелиберальные режимы, зависящие от экспорта нефти и газа [Klage 2005; Боровский 2008].

Вторжение США и Великобритании в Ирак в 2003 г. может также трактоваться в неомарксистской логике – в свете стремления западных государств, формирующих мировой центр, получить беспрепятственный доступ к огромным и недорогим углеводородам периферийной страны. Западный (либеральный) капитализм, видимо,

не хотел мириться с ситуацией, при которой нехватка и высокая стоимость нефти сильно сдерживала и даже дестабилизировала его поступательное развитие, что укладывается в логику неомарксизма [Amin 2014; Ghosh 2021].

После окончания «холодной войны» односторонние энергетические санкции стали основным внешнеполитическим инструментом западных государств, хотя к желаемым результатам они не приводили, а зачастую негативно сказывались на самих их инициаторах [Vaganova 2022]. В итоге наблюдалась как переоценка собственных сил и возможностей, так и определённая иррациональность. Тем не менее «коллективный Запад» упорно следовал заданной политической линии, что указывает на существование целей, к которым он готов стремиться вопреки порой весьма чувствительным издержкам.

В наибольшей степени западные энергетические санкции применялись в отношении Ирана, Венесуэлы и России. Вероятно, неудачный иракский опыт в немалой степени отрезвил «коллективный Запад» относительно прямой военной интервенции против Ирана и Венесуэлы, которым оказывали поддержку Китай и Россия. Для последней сценарий иностранной интервенции был исключён в силу обладания ею ядерным оружием.

Ещё в 1987 г. Вашингтон запретил импорт товаров из Ирана, включая и нефть. В 1995 г. США ввели запрет на американские инвестиции в Исламскую Республику Иран (ИРИ), в том числе в нефтяной сектор, а также на экспорт любых американских товаров в ИРИ. В 1996 г. Соединённые Штаты ввели санкции для всех компаний, инвестирующих в иранскую нефтяную промышленность свыше 20 млн долларов. В первой половине 2010-х годов американ-

²⁹ BP Statistical Review of World Energy. June 2003. [Электронный ресурс] URL: http://mazamasience.com/OilExport/BP_2003.xls (accessed: 11.11.2022).

³⁰ Ahmed N. Iraq invasion was about oil. [Электронный ресурс] // The Guardian. 2014. 20 March. URL: <https://www.theguardian.com/environment/earth-insight/2014/mar/20/iraq-war-oil-resources-energy-peak-scarcity-economy> (accessed: 12.11.2022).

³¹ Why the war in Iraq was fought for Big Oil // CNN. 2013. 15 April. URL: <https://edition.cnn.com/2013/03/19/opinion/iraq-war-oil-juhasz/index.html> (accessed: 10.05.2023).

ские санкции стали налагаться на всех, кто продавал Ирану бензин и содействовал этой стране в производстве бензина. Ограничения распространялись и на тех, кто участвовал как в крупных сделках с иранской нефтью, так и проектах на территории ИРИ по строительству нефтяных танкеров. Официальным поводом для применения таких мер служили реализация Тегераном ядерной программы, финансирование им террористических организаций (Хезболла и др.), нарушение иранскими властями прав человека [Golmohammadi, Imani 2016].

После того как участники группы «5+1» (Россия, КНР, США, Франция, Великобритания, Германия) подписали с Ираном Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) в 2015 году, администрация Барака Обамы пошла на послабление санкционного режима в отношении ИРИ, в том числе в энергетическом секторе. Тем не менее в мае 2018 г. следующий американский президент Дональд Трамп объявил о выходе Соединённых Штатов из СВПД, и в ноябре того же года американские энергетические санкции были восстановлены в полном объёме [Мамедова 2021]³². Намерение Джозефа Байдена, сменившего Д. Трампа в Белом доме в 2021 году, вернуть США в ядерную сделку с ИРИ³³, в последующие годы не материализовалось на практике.

Реагируя на прогресс ядерной программы Ирана, в 2000-х — первой половине 2010-х годов Европейский Союз тоже ввёл односторонние энергетические санкции в отношении Тегерана. Они касались запрета на импорт в ЕС иранской нефти, природного газа, продуктов нефтепереработки и нефтехимии. Помимо этого,

запрещалось продавать или поставлять в Иран оборудование, используемое в энергетическом секторе. В ответ на подписание в 2014 г. сначала временного соглашения по иранской ядерной программе, а потом — СВПД в 2015 г. ЕС приостановил действие своих энергетических санкций³⁴. Тем не менее решение Вашингтона восстановить американские энергетические санкции в отношении Ирана в 2018 г. стало серьёзным сдерживающим фактором для европейских компаний, готовых сотрудничать с ИРИ в энергетической сфере.

С односторонними энергетическими санкциями западных государств *Венесуэла* впервые столкнулась в 2007 году. Они были спровоцированы решением президента страны Уго Чавеса национализировать филиалы западных нефтяных компаний (американских *ExxonMobil*, *Chevron* и *ConocoPhillips*, британской *BP*, французской *Total* и норвежской *Statoil*), успешно работавших в нефтяном секторе Венесуэлы. В качестве наказания Вашингтон запретил экспортировать в Боливарианскую Республику современные технологии, необходимые для ведения добычи нефти. Таким образом США попытались помешать Каракасу модернизировать нефтяное оборудование и увеличивать добычу.

Более мощный удар по венесуэльской нефтяной промышленности был нанесён странами Запада в 2018 г. после очередных президентских выборов, прошедших в стране [Семёнов 2022]. Согласно официальным данным, победу на них одержал действующий глава государства Николас Мадуро, но США и другие западные страны с этим не согласились и ввели запрет на

³² Factbox: The ebb and flow of sanctions on Iranian oil. [Электронный ресурс] // Reuters. 2021. 22 April. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/ebb-flow-sanctions-iranian-oil-2021-04-22/> (accessed: 05.11.2022).

³³ Байден заявил о намерении вернуть США в ядерную сделку с Ираном // Ведомости. 2020. 2 декабря. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2020/12/02/849113-baiden-zayavil-o-namerenii-vernut-ssha-v-yadernuyu-sdelku-s-iranom> (дата обращения: 11.05.2023).

³⁴ EU restrictive measures against Iran. [Электронный ресурс] // Official website of the Council of the EU and the European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/iran/> (accessed: 05.11.2022).

ведение бизнеса с *Petroleos de Venezuela (PdVSA)* — государственной нефтяной компанией, через которую проводились все топливные сделки латиноамериканской страны. В силу такого решения Венесуэла фактически лишилась возможности напрямую продавать нефть на мировых рынках³⁵. Кроме того, Вашингтон заблокировал американские активы *PDVSA* в США на 7 млрд долларов³⁶.

К односторонним энергетическим санкциям против *России* Запад стал прибегать с 2014 года, реагируя таким образом на действия Москвы в контексте конфликта на Украине [Сидорова 2016; Vaganova 2022]. В 2022 году — в связи с началом СВО — западное санкционное давление на российский ТЭК усилилось, достигнув беспрецедентных масштабов. В итоге с 2014 г. Соединённые Штаты, государства-члены ЕС и их союзники ввели запреты на экспорт в Российскую Федерацию передовых нефтегазовых технологий и новые инвестиции в российскую энергетику; перекрыли или ограничили каналы финансирования российского ТЭК со стороны западных банков; создали условия, существенно затрудняющие, если не блокирующие, реализацию российских нефтегазо-экспортных проектов («Северный поток-2», «Турецкий поток» и др.); предприняли репрессивные действия в отношении ведущих энергетических компаний России и их руководителей. Апогеем санкционного давления стал полный или частичный отказ западных стран от импорта российских нефти, газа и угля; уход западных корпораций с российского энергетическо-

го рынка или ограничение их деятельности на нём; усилия «коллективного Запада» по введению потолка цен при покупке российских нефти, нефтепродуктов и газа, а также давление Вашингтона на Индию, КНР и другие незападные страны с тем, чтобы они отказались от импорта российских углеродных энергоносителей³⁷.

Если совокупно посмотреть на энергетические санкции Запада в отношении Ирана, Венесуэлы и России, можно прийти к выводу, что они главным образом вводились по политическим причинам (единственное исключение — национализация венесуэльскими властями активов западных нефтяных компаний в 2007 году) и к тому же могли причинять существенный ущерб энергетическим и экономическим интересам самих западных государств, провоцируя дефицит и рост цен на углеводороды. Значит, Запад не отделяет энергетику от политического контекста и, следовательно, мыслит и действует в рамках реалистской парадигмы наступательного направления, демонстрируя готовность идти на жертвы в энергетической и экономической областях ради политических целей. СВО, начавшаяся в феврале 2022 года, окончательно вывела на первый план политические мотивы западных стран в процессе принятия решений в области энергетики, доказав также несостоятельность либеральных экономических стимулов [Crowley-Vigneau et al. 2022].

Вместе с тем в глазах Запада Иран, Венесуэла и Россия — недемократические режимы, благосостояние и геополитическая мощь которых в большой степени

³⁵ Нефтяное проклятие. США лишили Венесуэлу доходов от крупнейших запасов нефти в мире. Как страна выживает под санкциями? [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2022. 24 июня. URL: <https://lenta.ru/articles/2022/06/24/venezuela/> (дата обращения: 09.11.2022).

³⁶ США ввели санкции против венесуэльской *PDVSA*. [Электронный ресурс] // Gazeta.ru. 2019. 28 января. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2019/01/28/n_12571573.shtml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&updated (дата обращения: 09.11.2022).

³⁷ См., в частности: Fact sheet: United States bans imports of Russian oil, liquefied natural gas, and coal. The White House. March 08, 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/03/08/fact-sheet-united-states-bans-imports-of-russian-oil-liquefied-natural-gas-and-coal/>; EU sanctions against Russia explained. [Электронный ресурс] // Official website of the Council of the EU and the European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/sanctions-against-russia-explained/> (accessed: 05.09.2022).

зависят от экспорта углеродных энергоносителей. В таком контексте введение западных санкций против иранского, венесуэльского и российского ТЭК вполне укладывается в либерально-интервенционистскую или неоконсервативную концепции, то есть может трактоваться в качестве попытки США и их союзников нанести удар по энергетике трёх рассматриваемых стран под любым предлогом и тем самым добиться в них либеральных преобразований.

Энергетические санкции Запада в отношении этих трёх стран и других богатых углеводородами незападных игроков могут одновременно трактоваться в неомарксистском ключе. Не случайно в научной литературе подобное санкционное давление Запада зачастую рассматривается через призму борьбы за глобальное лидерство между «евро-атлантическими либерально-демократическими государствами» и набирающими силу странами незападного мира [Телегина, Халова, Иллерицкий 2018].

Показательно также, что администрация Д. Трампа, при которой Иран, Венесуэла и Россия столкнулись с ужесточением энергетических санкций, заявила в Стратегии национальной безопасности США о намерении добиться американского энергетического доминирования³⁸. Администрация Дж. Байдена, хотя и не делала столь амбициозных заявлений, на практике пыталась следовать курсу Д. Трампа, что, в частности, выражалось в политическом давлении на нефтегазовых экспортёров Ближнего Востока (правда, не возымевшем успеха)³⁹,

а также в усилиях Вашингтона по вытеснению российских энергоносителей с европейского и глобальных рынков. Подобные действия вполне могут рассматриваться в неомарксистском ключе.

Энергетические санкции Запада против Ирана, Венесуэлы и России аналогичным образом могут находить объяснения в конструктивистской концепции, предлагающей исследовать социальный процесс, в котором принимаются решения (в том числе по энергетическим санкциям) с акцентом на восприятии и поведении отдельных групп или лиц. Тем не менее главная ценность конструктивистского подхода заключается в выявлении иррациональных, девиантных шагов тех или иных стран. Если таковых нет, конструктивизм способен лишь подтвердить или опровергнуть приверженность господствующих групп или лиц к некой теоретической концепции, основанной на рациональном подходе.

Подрыв ниток газопроводов «Северный поток-1, 2», случившийся в сентябре 2022 года, стал ещё одним важнейшим примером энергетического противостояния «коллективного Запада» и России. Если допустить, что за этой диверсией стоят западные страны⁴⁰, на чём настаивает российская сторона, включая президента В.В. Путина⁴¹, вновь будет подтверждён тезис о том, что оппоненты России на Западе больше движимы политическими мотивами — в трактовке наступательного реализма, либерального интервенционизма или неоконсерватизма. Несмотря на явную экономическую выгоду США, их

³⁸ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 11.11.2022).

³⁹ Саудовская Аравия обманула Байдена с секретной сделкой, пишет NYT. [Электронный ресурс] // РИА «Новости». 2022. 26 октября. URL: <https://ria.ru/20221026/ssha-1826932857.html> (дата обращения: 16.11.2022).

⁴⁰ Известный американский журналист Сеймур Херш обвинил власти США в подрыве «Северных потоков» // Коммерсант. 2023. 8 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5812416> (дата обращения: 11.05.2023).

⁴¹ Путин обвинил «англосаксов» во взрывах на «Северных потоках». [Электронный ресурс] // РБК. 2022. 30 сентября. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/09/2022/6336e4559a7947ec9f11d995> (дата обращения: 10.11.2022).

газоэкспортные компании не могут в короткие сроки заменить российский трубопроводный газ на европейском рынке (174 млрд куб. м в 2021 году)⁴². К началу 2023 г. американские мощности по экспорту СПГ должны были увеличиться до 128 млрд куб. м (до почти 150 млрд куб. м в 2025 г.)⁴³, причём значительные потоки газа из этого объёма будут идти на азиатский рынок в соответствии с заключёнными контрактами.

Таким образом, в тактическом плане энергетическая политика Запада может видаться как оборонительной, так и наступательной. При этом оборонительные устремления западных стран могут находить объяснения в реалистской, либеральной и конструктивистской концепциях. Наступательные — в реалистских, либеральных и конструктивистских, а также неомарксистских взглядах.

Изменение «правил игры» в энергетике — стратегический вектор Запада

Если тактически страны Запада могут придерживаться либо наступательной, либо оборонительной линии поведения, то в стратегическом плане они явно нацелены на энергетическую независимость. Вместе с тем достичь её при неизменно скудных (за исключением США, Канады и Норвегии) нефтегазовых запасах можно только одним путём — совершить четвёртый энергопереход [Crowley-Vigneau et al. 2022]. По совпадению или нет, движение стран Запада в этом направлении началось в 1970-х годах, когда на международной повестке дня — с подачи их представителей — появилась проблематика устойчивого раз-

вития и изменения климата [Meadows et al. 1972; Sawyer 1972]⁴⁴.

В её основе лежал отказ от ископаемого углеродного топлива и переход на чистую возобновляемую энергию. Впоследствии западные игроки, в первую очередь США и ЕС, больше других лоббировали подписание Киотского протокола и Парижского соглашения по климату. Более того, декарбонизация благодаря Западу стала с начала 2020-х годов центральной темой в глобальном политическом дискурсе [Crowley-Vigneau et al. 2022].

Сланцевая революция, превратившая Соединённые Штаты в ведущих экспортёров нефти и газа, оказалась неожиданностью для Вашингтона и, по идее, могла побудить американский истеблишмент придать забвению четвёртый энергопереход. Тем не менее, несмотря на упорное сопротивление сторонников традиционной энергетики, включая 45-го президента США Д. Трампа, ориентация США на декарбонизацию энергетики и экономики сохранилась.

Ярким свидетельством выступает политика 46-го президента США Дж. Байдена, который пошёл даже на провозглашение борьбы с климатическим кризисом. Соответственно, он объявил энергопереход задачей национальной безопасности страны. К тому же американский лидер призвал прислушиваться к научным и экспертным оценкам, касающимся климатических изменений⁴⁵.

Многие американские «мозговые центры» (*Center for American Progress, Center for Strategic and International Studies, Center for Climate and Security, Center for a New Ame-*

⁴² ПАО «Газпром». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazprom.ru/about/marketing/europe/> (дата обращения: 10.11.2022).

⁴³ IGU World LNG report. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.igu.org/resources/world-lng-report-2022/> (accessed: 10.11.2022).

⁴⁴ В июне 1972 года (то есть ещё до первого мирового нефтяного кризиса) в Стокгольме состоялась Конференция ООН по проблемам окружающей среды, на которой вопрос о связи между экстенсивным, ресурсоёмким экономическим развитием и ухудшением состояния окружающей среды был впервые включён в международную повестку дня.

⁴⁵ U.S. President's Executive Order on Tackling the Climate Crisis at Home and Abroad: published January 27, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/01/27/executive-order-on-tackling-the-climate-crisis-at-home-and-abroad/> (accessed: 06.09.2022).

rican Security и др.)⁴⁶ и СМИ⁴⁷ дают алармистские прогнозы относительно влияния глобального потепления на мир и в особенности на США (засуха, дефицит пресной воды, деградация сельского хозяйства, продовольственный кризис, затопление прибрежных территорий, климатическая миграция, стихийные бедствия). Кроме того, американский истеблишмент уверен, что «изменение климата является важнейшим компонентом соперничества Соединённых Штатов с Китаем и Россией»⁴⁸. Примечательно, что Россия, по мнению американских стратегов, может сильно выиграть от глобального потепления (таяние вечной мерзлоты и расширение пахотных земель, рост урожайности растительных культур, изобилие пресной воды, приток мигрантов, освоение Арктики и использование Северного морского пути)⁴⁹.

В декабре 2019 г. Европейская комиссия провозгласила «Европейский зелёный курс», в котором излагалось алармистское восприятие изменения климата и деградации окружающей среды. В нём страны ЕС и весь мир призывались к активным действиям⁵⁰.

Стратегическая линия стран Запада на четвёртый энергопереход или опору на собственные возобновляемые и иные альтернативные низкоуглеродные источники

энергии находит объяснение сразу в нескольких теоретических концепциях. *Во-первых*, с точки зрения политического реализма главная цель любого государства — энергетическая независимость или суверенитет [Schelly et al. 2020]. Только с таким статусом оно может быть относительно автономным игроком на международной арене, способным противостоять политическим оппонентам в лице ведущих экспортеров углеводородов (Россия, Иран, Венесуэла) без оглядки на их болезненные ответные меры [Luft, Korin, Gupta 2011; Голунов 2021]. В ряде исследований на примере проекта «Северный поток-2» и не только указывается на политизацию энергетической политики ЕС и отход интеграционного объединения от преимущественно либерального, рыночно ориентированного курса [Siddi, Kustova 2021; Crowley-Vigneau et al. 2022].

Другое убедительное объяснение усилий Запада по переходу с углеродных на неуглеродные источники энергии может быть найдено в неомарксистской школе. История показывает, что в результате волны национализаций в нефтегазоносных странах «третьего мира», начавшейся в 1950-х годах и продолжившейся в последующие десятилетия [Yergin 2008], западные государства, составляющие ядро мир-системы, утратили контроль над нефтега-

⁴⁶ A Climate Security Plan for America. [Электронный ресурс] // The Center for Climate and Security. September, 2019. URL: https://climateandsecurity.org/wp-content/uploads/2019/09/a-climate-security-plan-for-america-2019_9_24-1.pdf (accessed: 14.11.2022); Rickett S., Goldfuss C., Barnes A. The Biden Administration Brings State Climate Leadership to the White House. [Электронный ресурс] // Center for American Progress. January 19, 2021. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/green/reports/2021/01/19/494753/biden-administration-brings-stateclimate-leadership-white-house/> (accessed: 14.11.2022).

⁴⁷ Wallace-Wells D. Beyond Catastrophe. A New Climate Reality Is Coming Into View. [Электронный ресурс] // New York Times. 2022. October 26. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2022/10/26/magazine/climate-change-warming-world.html> (accessed: 14.11.2022).

⁴⁸ Vinci A. Biden's Intelligence Community Must Focus on Climate Crisis. [Электронный ресурс] // Breaking Defense. December 15, 2020. URL: <https://breakingdefense.com/2020/12/bidens-intelligence-community-must-focus-on-climatecrisis/> (accessed: 14.11.2021).

⁴⁹ Lustgarten A. How Russia Wins the Climate Crisis. [Электронный ресурс] // New York Times. December 16, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/12/16/magazine/russia-climate-migration-crisis.html> (accessed: 14.11.2022).

⁵⁰ The European Green Deal. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council of December 11, 2019. COM (2019). Brussels. [Электронный ресурс] // European Commission. December 11, 2019. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/european-greendeal-communication_en.pdf (accessed: 14.11.2022).

зовыми запасами периферии. Мировые нефтяные кризисы 1970-х годов и последующих десятилетий показали, что эра дешёвых углеводородов осталась в прошлом.

В XXI столетии – в силу процессов виртуализации и финансиализации⁵¹ мировые цены на нефть и газ стали угрожающе волатильными. В таких условиях классический алгоритм, при котором центр опирается на дешёвые энергоресурсы периферии, перестал работать. Как следствие, страны Запада и стоящие за ними капиталистические силы вполне могли поставить цель перестроить существующие правила игры, сделав так, чтобы мировая система энергоснабжения опиралась в большей степени на источники энергии, которые им более доступны.

Эта формула также позволяет перенаправить финансовые потоки из углеродной энергетики в возобновляемую, что выгодно западному капиталу. Подобные шаги фактически направлены на восстановление монополии западных стран в сфере энергоснабжения⁵² за счёт их контроля технологий, необходимых для выработки новой неуглеродной энергии [Борисов 2020]. Осознавая эти намерения, полупериферийные КНР и Россия стали прилагать усилия для недопущения получения Западом монополии в области новой энергетики.

В этом смысле впечатляющие успехи КНР в области возобновляемой энергетики как с точки зрения технологий, так и темпов внедрения и экспорта комплектую-

щих могут обескураживать западные страны. Китай уже стал крупнейшим производителем солнечной и ветряной энергии в мире. Соответственно, по состоянию на 2021 г. доля Китая составляла 32 и 35%. Для сравнения: у идущих на втором месте США – 16 и 21%⁵³.

Пекин также захватил ключевые позиции в мировом производстве оборудования для ВИЭ, которое среди прочего активно поставляется в западные государства. Например, в мировом производстве солнечных панелей КНР контролирует по меньшей мере 75% каждого ключевого этапа производства, а также располагает 84% производственных мощностей. Для сравнения: у Европы и стран Северной Америки – меньше 8%⁵⁴.

Реализм и неомарксизм может рассматривать экологическую и климатическую проблематику в качестве удобного предложения Запада для осуществления четвёртого энергоперехода. Вместе с тем существует риск, что экологический и климатический кризисы Земли действительно произойдут. Различные группы по всему миру их секьюритизируют, что подтверждается в конструктивистских исследованиях [Боровский, Шишкина 2022]. Весьма примечательно, что в Стратегии национальной безопасности США от 2022 г. было сначала отмечено, что «климатический кризис – это экзистенциальный вызов нашего времени», затем сказано, что «такие события, как агрессивная война России против Украины, ясно показали настоящую

⁵¹ Процесс виртуализации заключается в подмене реального положения дел на рынках нефти и газа (спрос и предложение, ситуация в ключевых регионах и странах добычи, др.) виртуальным или искусственным главным образом за счёт информационных ресурсов. Процесс финансиализации подразумевает под собой превращение нефти и газа преимущественно в финансовые инструменты, в объекты для спекулятивной биржевой торговли с использованием различных деривативов (фьючерсы, опционы, др.), что, помимо прочего, может приводить к высокой ценовой волатильности.

⁵² С середины 1940-х до 1970-х годов в мировой нефтяной индустрии доминировали семь западных корпораций, часто называемых «мейджорами» или «семью сестрами»: *British Petroleum, Exxon, Gulf Oil, Mobil, Shell, Chevron* и *Texaco*.

⁵³ BP Statistical Review of World Energy. June 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed: 11.11.2022).

⁵⁴ Conte M. Visualizing China's Dominance in the Solar Panel Supply Chain. [Электронный ресурс] // Visual Capitalist. 2022. 30 August. URL: <https://www.visualcapitalist.com/visualizing-chinas-dominance-in-the-solar-panel-supply-chain/> (accessed: 14.11.2022).

необходимость ускорить переход от ископаемого топлива»⁵⁵.

Конструктивистский подход предполагает изучение конкретных групп. Интервьюирование экспертов в западноевропейских странах, проведённое после начала военного противостояния России и Украины в феврале 2022 года, показало, что «зелёный» энергопереход ЕС мотивирован одновременно политическими и экологическими соображениями. В центре целеполагания Западной Европы находится проблема энергетической независимости, в то время как экономическая взаимозависимость, на которую в немалой степени опирается либеральная теория, всё чаще подвергается сомнению [Crowley-Vigneau et al. 2022].

* * *

Отвечая на вопрос, чем движим Запад в своей энергетической политике, мы можем сделать следующие выводы. С утилитарной точки зрения западные государства, взятые воедино, критически зависимы от импорта углеводородов. Во избежание серьёзных политических, экономических и социальных последствий они должны быть движимы естественной целью — сгладить или в принципе изменить подобное положение дел.

В тактическом плане энергетическая политика западных стран носит либо оборонительный, либо наступательный характер. На стратегическом уровне она нацелена на энергопереход и формирование новой системы мирового энергоснабжения без определяющей роли углеродного топлива. С точки зрения ТМО тактическая и стратегическая линии в энергетической политике объединённого Запада, включая

санкционные инструменты, в наибольшей степени вписывается в реалистскую концепцию. В рамках последней энергетика рассматривается сквозь призму политической силы или слабости государств.

Конструктивизм, в свою очередь, не способен выявлять объективные закономерности энергетической политики западных государств. Он лишь фиксирует сложившийся статус-кво в определённых социальных группах, тогда как базовые императивы либерального подхода оказывают на неё заметное влияние, но далеко не определяющее. Эти тенденции стали особенно заметными, когда в 2022 г. Запад решил установить потолок цен для закупок российской нефти, нефтепродуктов и газа, что идет вразрез со всей либеральной экономической логикой. Вместе с тем в концепциях либерального интервенционизма и неоконсерватизма постулируется, что объектом деструктивных действий США и их западных союзников могут быть ТЭК стран, причисляемых ими к авторитарным и подлежащих либеральной трансформации.

Ещё одной теоретической точкой опоры в поиске мотивов в энергетической политике западных государств может быть неомарксизм. В рамках этого течения любые тактические и стратегические действия объединённого Запада трактуются в плоскости неравных отношений стран центра и периферии, борьбы за монополии капиталистических сил.

В целом у исследователя при анализе энергетической политики Запада и её мотивов есть выбор: остаться в рамках утилитарного видения или опереться на один или несколько теоретических подходов.

Список литературы

- Борисов М.Г. Энергетический переход и геополитика // Восточная аналитика. 2020. №1. С. 7–16.
Боровский Ю.В. Политизация мировой энергетики // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 1 (16). С. 19–28.
Боровский Ю.В., Шишкина О.В. Секьюритизация энергоснабжения в рамках Евросоюза // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. №3. С. 57–81.

⁵⁵ The National Security Strategy of the United States of America. October 2022. P. 27–28. [Электронный ресурс] URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 16.11.2021).

- Боровский Ю.В., Шишкина О.В. Энергетическая политика ЕС и её движущие силы // Полис. Политические исследования. 2022. №3. С. 67–79.
- Гайдаев О.С. Теория секьюритизации, или хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. №1. С. 20–32.
- Голунов С.В. Энергетические рычаги внешней политики: опыт России и США // Международные процессы. 2021. № 1 (64). С. 56–73.
- Гулиев И.А., Соловова Ю.В. Энергетический переход: понятие и исторический анализ. Особенности текущего энергетического перехода // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. №10–2. С. 98–105.
- Дробот Г.А. Марксизм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 6. С. 61–83.
- Касем М. Энергетическая безопасность Европы: противоборство США и России // Politbook. 2017. №2. С. 147–159.
- Киссинджер Г. Дипломатия. М.: АСТ, 2018. 896 с.
- Лебедев Е.П. Феномен энергетической дипломатии с позиции ведущих школ теории международных отношений // Инновации. Наука. Образование. 2021. №42. С. 1035–1041.
- Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. М.: Эксмо-Пресс, 2022. 192 с.
- Мамедова Н.М. Иран в условиях американских санкций и коронавируса // Свободная мысль. 2021. № 2 (1686). С. 185–198.
- Муслимов Р.Х. К чему приведёт предлагаемая Западом «климатическая повестка» по декарбонизации и глобальному энергопереходу // Бурение и нефть. 2022. №1. С. 18–25.
- Подоба З.С., Лаврова А.В. Сланцевая революция в США и её влияние на международные торговые потоки нефти и газа // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2021. №2. С. 3–32.
- Подоба З.С. Энергетическая стратегия и переход к зеленой энергетике в Японии // Японские исследования. 2021. № 1. С. 6–24.
- Райнхардт Р.О., Проничкин С.В. Реалистская парадигма энергетической дипломатии в российской научной традиции и её практическая применимость // Вестник МГИМО-Университета. 2018. №1(58). С. 94–109.
- Семёнов В.Л. Влияние санкций США на экономику Венесуэлы // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 1. С. 53–66.
- Сидорова Е.А. Энергетика России под санкциями Запада // Международные процессы. 2016. №1 (44). С. 143–155.
- Скороходова О.Н. Европа и энергетический кризис 1979–1980-х годов: поучительные уроки // Современная Европа. 2015. №1 (16). С. 104–115.
- Скороходова О.Н. США и Западная Европа в условиях нефтяного кризиса 1973–1974 гг. // Новая и новейшая история. 2013. № 1. С. 37–53.
- Старкин С.В., Приписнова Е.С., Кривов С.В. Вопросы энергетической безопасности во внешней политике США и ЕС: сравнительный анализ // Международные отношения. 2022. №1. С. 75–89.
- Сушенцов А.А. Внешнеполитические платформы Республиканской партии США: изоляционисты, реалисты, неоконсерваторы // Тетради по консерватизму. 2016. №1. С. 47–55.
- Телегина Е.А., Халова Г.О., Иллерицкий Н.И. Топливо-энергетический комплекс Исламской Республики Иран. Перспективы энергетического сотрудничества Ирана с Россией // Энергетическая политика. 2018. № 6. С. 91–97.
- Трачук К.В. Современные исследования проблем энергетической безопасности: теоретические аспекты // Вестник МГИМО-Университета. 2013. №4(31). С. 219–226.
- Хлопов О.А. Анализ подходов к изучению энергетической безопасности в политическом реализме // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. №5. С. 7–20.
- Шаклеина Т.А. «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка // Международные процессы. 2019. №4. С. 36–48.
- Amin S. Capitalism in the age of globalization: the management of contemporary society. London, New York: Zed books, 2014. 158 p.
- Amin S. Die Zukunft des Weltsystems. Hamburg: VSA, 1997. 152 p.
- Amin S. Imperialism and Unequal Development. New York: Monthly Review Press, 1977. 267 p.
- Crowley-Vigneau A., Kalyuzhnova Y., Ketencic N. What motivates the 'green' transition: Russian and European perspectives // Resources Policy. 2022. 17 November. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0301420722005712>
- Evans D. Western Energy Policy: The Case For Competition. Macmillan, 1978. 198 p.
- Ghosh J. Interpreting contemporary imperialism: lessons from Samir Amin // Review of African Political Economy. 2021. Vol. 48. No.167. P. 8–14.

- Golmohammadi V., Imani P.* The Legitimacy of Economic Sanctions against Islamic Republic of Iran in the Light of International Economic Law: Legal Effects and Economics Consequences // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2016. Vol. 7. No. 3. P. 60–71.
- Grant S., Crim C.C., Jensen P.K.M.* Climatization: A critical perspective of framing disasters as climate change events // *Climate Risk Management*. 2015. Vol. 10. P. 27–34.
- Hardt M., Negri A.* *Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. 496 p.
- Harsem Ø., Claes D.H.* The interdependence of European–Russian energy relations // *Energy Policy*. 2013. Vol. 59. P. 784–791.
- Heinrich A., Szulecki K.* “Energy Securitization: Applying the Copenhagen School’s Framework to Energy” in K. Szulecki, ed., *Energy Security in Europe. Divergent Perceptions and Policy Challenges*. Palgrave Macmillan, 2019. P. 33–61.
- Keohane R., Nye J.* *Power and interdependence*. London: Longman, 2000. 334 p.
- Klare M.* *Blood and Oil: The Dangers and Consequences of America’s Growing Dependency on Imported Petroleum*. Holt Paperbacks, 2005. 304 p.
- Lipsey D.* Liberal Interventionism // *The Political Quarterly*. 2016. Vol. 87. Iss. 3. P.415–423.
- Lobell S.E.* Structural realism. Offensive and defensive realism // *International studies encyclopedia*; ed. by R.A. Denemark, R. Marlin-Bennett. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. P. 6651–6669. DOI: 10.1093/acref/9780191842665.001.0001.
- Luft G., Korin A.* “Realism and Idealism in the Energy Security Debate” in G. Luft, A. Korin, eds., *Energy Security Challenges for the 21st Century: A Reference Handbook*. Santa Barbara: Praeger, 2009. P. 335–349.
- Mearsheimer J.J.* *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W.Norton & Company, 2001. 592 p.
- Meadows D.L., Meadows D.H., Randers J., Behrens W.W.* *The Limits to Growth*. NY: Universe Books, 1972. 381 p.
- Ole J., Abrahamsen R., Riis Andersen L.* Introduction: Making Liberal Internationalism Great Again // *International Journal*. 2019. Vol. 74. P. 5–14.
- Ozcan S.* Securitization of Energy through the Lenses of Copenhagen School // *West East Journal of Social Sciences*. 2013. Vol. 2. No. 2. P. 57–72.
- Sawyer J.S.* Man-made Carbon Dioxide and the “Greenhouse” Effect // *Nature*. 1972. Vol. 239. P. 23–26.
- Shelly C., Bessette D.* et al. Energy policy for energy sovereignty: Can policy tools enhance energy sovereignty? // *Solar Energy*. 2020. Vol. 205. P. 109–112.
- Shirae E., Zubok V.* *International Relations*. Oxford University Press, 2019. 464 p.
- Siddi V., Kustova I.* From a liberal to a strategic actor: the evolution of the EU’s approach to international energy governance // *Journal of European Public Policy*. 2021. No. 28 (7). P. 1076–1094.
- Smil V.* *Energy Transitions: History, Requirements, Prospects*. Oxford: Praeger, 2010. 178 p.
- Smil V.* *Energy and Civilization: A History*. Cambridge: MIT Press, 2017. 568 p.
- Vaganova O.V.* Russia and sanctions // *Research Result. Economic Research*. 2022. Vol. 8. No. 1. P. 4–11.
- Wallerstein I.* *World-systems Analysis: An Introduction*. Duke University Press, 2004. 109 p.
- Yergin D.* *The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations*. Penguin Press, 2020. 512 p.
- Yergin D.* *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money & Power*. Free Press, 2008. 928 p.

WHAT DRIVES THE WEST IN ITS ENERGY POLICY?

YURY BOROVSKY

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

In 2022, the countries united by the concept of “the West” imposed unprecedented energy sanctions on Russia, thereby reacting to Moscow’s special military operation in Ukraine launched in February. This article presents a comprehensive study aimed at identifying the essential motives of the “collective West’s” energy policy. The first part of the paper gives an utilitarian vision of the problem in question. The author

comes to the conclusion that, despite the U.S. shale revolution and the development of renewable energy sources, Western states, taken together, continue to depend heavily on oil and gas imports and, therefore, they are mostly driven in their energy policy by the need to neutralize the critical importance of hydrocarbons with a view to avoiding political and economic ramifications. The paper, in its second part, considers the Western energy policy at the tactical level where it can be either defensive or offensive as well as at the strategic level where the united West seeks mostly to effect energy transition. The article demonstrates that, from the perspective of international relations theory, the West's energy policy in its tactical and strategic dimensions fits most into the realist concept. Basic liberal imperatives define it as a relatively feeble one whereas constructivism is not able to identify its objective patterns. Additional theoretical footholds in understanding the West's motives in the field of energy supply are provided by the concepts of liberal interventionism and neoconservatism as well as by neo-Marxism. The latter sees the energy policy of the West through the prism of the struggle of states forming the "center", "periphery" and "semi-periphery" of the world.

Keywords:

Energy policy; USA; EU; theory of international relations; sanctions; energy crisis; Russia; Iran; Venezuela.

References

- Amin S. (2014) *Capitalism in the age of globalization: the management of contemporary society*. London, New York: Zed books. 158 p.
- Amin S. (1997) *Die Zukunft des Weltsystems* [The Future of the World System]. Hamburg: VSA. 152 p.
- Amin S. (1977) *Imperialism and Unequal Development*. NY: Monthly Review Press. 267 p.
- Borison M. G. (2020). Energeticheski Perekhod i Geopolitika [Energy Transition and Geopolitics]. *Vostochnaya analytica*. No.1. P. 7–16.
- Borovsky Yu.V. (2008) Politizatsiya Mirovoi Energetiki [Politicization of Global Energy]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 6. No. 1 (16). P. 19–28.
- Borovsky Yu. V., Shishkina O. V. (2021). Sekuritizatsiya Energosnabzhenia v Ramkakh Evrosoyuz [Securitization of Energy Supply Within the European Integration]. *Vestnik MIGMO Universiteta*. Vol. 14. No. 3. P. 57–81.
- Borovsky Yu. V., Shishkina O. V. (2022). Energeticheskaya Politika ES i evo Dvizhushchie Sily [The EU energy policy and its driving forces]. *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 67–79.
- Crowley-Vigneau A., Kalyuzhnova Y., Ketencic N. (2022) What motivates the 'green' transition: Russian and European perspectives. *Resources Policy*. 2022. 17 November. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0301420722005712>
- Drobot G. A. (2014). Marksizm v Teorii Mezhdunarodnykh Otnoshenii: Istoriya, Zarubezhnaya i Otechestvennaya Shkoly [Marxism in the Theory of International Relations: History, Foreign and Domestic Schools]. *Social and humanitarian knowledge magazine*. No. 6. P. 61–83.
- Evans D. (1978). *Western Energy Policy: The Case for Competition*. Macmillan. 198 p.
- Gaidaev O.S. (2021). Teoria Sekuritizatsii, ili Khorosho Zabytoe Staroe: K Voprosu o Teoretiko-filosofskikh Istokakh i Zarozhdenii Teorii [Securitization Theory or a Well Overlooked Old: On the Philosophical and Theoretical Premises and Origins of the Theory]. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 21. No. 1. P. 20–32.
- Ghosh J. (2021). Interpreting Contemporary Imperialism: Lessons from Samir Amin. *Review of African Political Economy*. Vol. 48. No. 167. P. 8–14.
- Golmohammadi V., Imani P. (2016). The Legitimacy of Economic Sanctions Against Islamic Republic of Iran in the Light of International Economic Law: Legal Effects and Economics Consequences. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 7. No. 3. P. 60–71.
- Grant S., Crim C. C., Jensen P. K. M. (2015). Climatization: A critical perspective of framing disasters as climate change events. *Climate Risk Management*. Vol. 10. P. 27–34.
- Golunov S. V. (2021). Energeticheskie Rychagi Vneshnei Politiki: Opyt Rossii i SShA [The Energy Toolkit of Statecraft]. *International Trends*. No. 1 (64). P. 56–73.
- Guliev I. A., Solovova Yu. V. (2021). Energeticheskii Perekhod: Ponyatie i Istoricheskii Analiz. Osobennosti Tekushego Energeticheskogo Perekhoda [Energy Transition: Concept and Historical Analysis. Features of the Current Energy Transition]. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*. No. 10–2. P. 98–105.
- Hardt M., Negri A. (2000). *Empire*. Harvard University Press. 496 p.

- Harsem Ø., Claes D. H. (2013). The Interdependence of European–Russian Energy Relations. *Energy Policy*. Vol. 59. P. 784–791.
- Heinrich A., Szulecki K. (2019). Energy Securitization: Applying the Copenhagen School's Framework to Energy. In *Energy Security in Europe. Divergent Perceptions and Policy Challenges*. Palgrave Macmillan. P. 33–61.
- Kasem M. (2017). Energeticheskaya Bezopasnost Evropy: Protivoborstvo SShA i Rossii [The Energy Security of Europe: Clash Between the U.S. and Russia]. *Politbook*. No. 2. P. 147–159.
- Keohane R., Nye J. (2000). *Power and interdependence*. London: Longman. 334 p.
- Khlopov O.A. (2016). Analiz Podhodov k Izucheniyu Energeticheskoi Bezopasnosti v Politicheskom Realizme [Analysis of Approaches to Energy Security Studies in Political Realism]. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. No. 5. P. 7–20.
- Kissinger G. (2018). *Diplomatia* [Diplomacy]. Moscow: AST. 896 p.
- Klare M. (2005). *Blood and Oil: The Dangers and Consequences of America's Growing Dependency on Imported Petroleum*. Holt Paperbacks. 304 p.
- Lebedev E.L. (2021). Fenomen Energeticheskoi Diplomatii s Pozitsii Veduschikh Shkol Teorii Mezhdunarodnykh Otnoshenii [The Phenomenon of Energy Diplomacy from the Perspective of the Leading Schools of the Theory of International Relations]. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*. No. 42. P. 1035–1041.
- Lenin V. I. (2022). *Imperialism kak Vysshaya Stadiya Kapitalizma* [Imperialism as the Highest Stage of Capitalism]. Moscow: Eksmo-Press. 192 p.
- Lipsey D. (2016). Liberal Interventionism. *The Political Quarterly*. Vol. 87. Iss. 3. P. 415–423.
- Lobell S.E. (2010). Structural realism. Offensive and defensive realism. In R.A. Denemark, R. Marlin-Bennett., eds. *International studies encyclopedia*. Oxford: Wiley-Blackwell. P. 6651–6669. DOI: 10.1093/acref/9780191842665.001.0001.
- Luft G., Korin A. (2009). Realism and Idealism in the Energy Security Debate. In G. Luft, A. Korin., eds. *Energy Security Challenges for the 21st Century: A Reference Handbook*. Santa Barbara: Praeger. P. 335–349.
- Mamedova N.M. (2021). Iran v Usloviakh Amerikanskikh Sanktsii i Koronavirusa [Iran amid Sanctions and Coronavirus]. *Svobodnaya mysl*. No. 2 (1686). P. 185–198.
- Meadows D. L., Meadows D., Randers J., Behrens W. W. (1972). *The Limits to Growth*. NY: Universe Books. 381 p.
- Mearsheimer J. J. (2001). *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W.Norton & Company. 592 p.
- Muslimov R. Kh. (2022). K Chemu Privedet Predlagaemaya Zapadom "Klimaticheskaya Povestka" po Dekarbonizatsii i Globalnomu Energoperekhodu [What Will the West's 'Climate Agenda' on Decarbonization and Global Energy Transition Lead to?]. *Burenie i neft*. No. 1. P. 18–25.
- Ole J., Abrahamsen R., Andersen L. R. (2019). Introduction: Making Liberal Internationalism Great Again. *International Journal*. Vol. 74. P. 5–14.
- Ozcan S. (2013). Securitization of Energy Through the Lenses of Copenhagen School. *West East Journal of Social Sciences*. Vol. 2. No. 2. P. 57–72.
- Podoba Z.S., Lavrova A.V. (2021) Slantsevaya revolyutsia v SShA i eyo vliyaniye na mezhdunarodnye torgovye potoki nefti i gaza [The shale revolution in the United States and its impact on international oil and gas trade flows]. *Moscow University Economic Bulletin*. No. 2. P. 3–32.
- Poboda Z.S. (2021). Energeticheskaya Strategiya i Perekhod k Zelenoi Energetike v Yaponii [Energy Strategy and Transition to Green Energy in Japan]. *Japanese studies in Russia*. No. 1. P. 6–24.
- Reinhardt R. O., Pronichkin S. V. (2018) Realistskaya Paradigma Energeticheskoi Diplomatii v Rossiiskoi Nauchnoi Traditsii i ee Prakticheskaya Primenimost [The Realist Paradigm of Energy Diplomacy in the Russian Scientific Tradition and its Practical Applicability]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 1 (58). P. 94–109.
- Sawyer J. S. (1972). Man-made Carbon Dioxide and the "Greenhouse" Effect. *Nature*. Vol. 239. P. 23–26.
- Schelly C., Bessette D. et al. (2020). Energy Policy for Energy Sovereignty: Can Policy Tools Enhance Energy Sovereignty? *Solar Energy*. Vol. 205. P. 109–112.
- Sevenov V. L. (2022). Vliyaniye Sanktsii SShA na Ekonomiku Venesuely [The Impact of the US Sanctions on the Venezuelan Economy]. *SSHA-Kanada: ekonomika, politika, kultura*. No. 1. P. 53–66.
- Shakleina T.A. (2019) "Dilemma Ameriki" v formirovaniy sovremennogo mirovogo poriyadka ["American dilemma" in the forging of a new world order]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 4. P. 36–48.
- Shirayev E., Zubok V. (2019). *International Relations*. Oxford University Press. 464 p.
- Siddi V., Kustova I. From a Liberal to a Strategic Actor: the Evolution of the EU's Approach to International Energy Governance. *Journal of European Public Policy*. No. 28 (7). P. 1076–1094.

- Sidorova E. A. (2016). Energetika Rossii pod Sanktsiyami Zapada [The Russian Energy Industry Under Western Sanctions]. *International Trends*. No. 1 (44). P. 143–155.
- Skorokhodova O. N. (2015). Evropa i Energeticheskii Krizis 1979–1980-kh Godov: Pouchitelnye Uroki [Europe and Energy Crisis of 1979-1980: Instructive Lessons]. *Sovremennaya Evropa*. No. 1(16). P. 104–115.
- Skorokhodova O. N. (2013). SShA i Zapadnaya Evropa v Usloviyakh Neftyanogo Krizisa 1973–1974 gg. [The USA and Western Europe During the Energy Crisis of 1973–1974]. *Novaia i noveishaia istoriia*. No. 1. P. 37–53.
- Smil V. (2010). *Energy Transitions: History, Requirements, Prospects*. Oxford: Praeger. 178 p.
- Smil V. (2017). *Energy and Civilization: A History*. Cambridge: MIT Press. 568 p.
- Starkin S. V., Pripisnova E. S., Krivov S. V. (2022). Voprosy Energeticheskoi Bezopasnosti vo Vneshnei Politike SShA i ES: Sravnitelnyi Analiz [Energy Security Issues in US and EU Foreign Policy: Comparative Analysis]. *Mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 1. P. 75–89.
- Sushentsov A. A. (2016). Vneshnopoliticheskie Platformy Respublikanskoi Partii SShA: Izolyatsionisty, Realisty, Neokonservatory [Foreign Policy Platforms of the United States Republican Party: Isolationists, Realists, Neo-Conservatives]. *Tetradi po konservatizmu*. No.1. P. 47–55.
- Telegina E. A., Khalova G. O., Illeritskiy N. I. (2018). Toplivno-energeticheskii Kompleks Islamskoi Respubliki Iran. Perspektivy Energeticheskogo Sotrudnichestva Irana s Rossiei [Fuel and Energy Complex of the Islamic Republic of Iran. Prospects of Energy Cooperation of Iran with Russia]. *Energeticheskaya politika*. No. 6. P. 91–97.
- Trachuk K. V. (2013) Sovremennyye Issledovaniya Problem Energeticheskoi Bezopasnosti: Teoreticheskie Aspekty [Contemporary Energy Security Studies: Theoretical Aspects]. *Vesnik MGIMO Universiteta*. No. 4(31). P. 219–226.
- Vaganova O. V. (2022). Russia and Sanctions. *Research Result. Economic Research*. Vol. 8. No. 1. P. 4–11.
- Wallerstein I. (2004). *World-systems Analysis: An Introduction*. Duke University Press. 109 p.
- Yergin D. (2020). *The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations*. Penguin Press. 512 p.
- Yergin D. (2008). *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money & Power*. Free Press. 928 p.

ЛИДЕР НА ФОНЕ ЭПОХИ

Лидер на фоне эпохи. Традиции и новации современного политического лидерства в странах Запада: Монография: к 80-летию факультета международных отношений / Л.С. Окунева, В.О. Печатнов, Н.К. Капитонова [и др.]; под ред. Л.С. Окуновой; Москва: МГИМО-Университет, 2022. – 660 с.

Современная академическая и общественная дискуссия в России близка к формированию консенсуса вокруг тезиса о кризисе политического лидерства в странах Запада¹. Множество поводов для скептических оценок состояния института политического лидерства создаётся противоречивыми заявлениями представителей элит самих западных государств, сделанными по значимым вопросам мировой политики. Уместно вспомнить резонансные эскапады главы МИД ФРГ Анналены Бербок², президента США Джо Байдена³, высокопоставленных политиков восточноевропейских государств⁴.

Между тем политическая реальность демонстрирует относительную устойчивость руководителей Запада перед лицом разносторонней критики, разнообразных внешних и внутренних вызовов. Несмотря на массовые протесты, низкие рейтинги под-

держки и давление со стороны политических оппонентов, лидеры США, ФРГ и Франции удержались на своих постах в турбулентный для них период конца 2010-х – начала 2020-х годов. Частая смена правительств в Великобритании и Италии не привела к радикальному обновлению констант их политики и выглядит едва ли не как устоявшаяся норма циркуляции элит в этих государствах.

Таким образом, проблема лидерства в западных странах получает новое смысловое измерение, обусловленное, с одной стороны, трансформацией международных отношений в направлении формирования многополярного мироустройства, а с другой – восприятием этого лидерства электоратом и экспертным сообществом в условиях роста конфликтности информационной среды. При этом западные общества по-прежнему обнаруживают потребность

¹ Напр.: Лапина Н.Ю. Контуры нового политического лидерства // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 2, С. 8–20; Крылов С.Б. Что же случилось с немцами? Россия в глобальной политике. 02.06.2023. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/chto-zhe-sluchilos-s-nemczami/> (дата обращения: 19.06.2023); Сучков М.А. Закат Pax Americana: миф или реальность? // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 1. С. 170–181; Караганов С.А. Очистительный кризис? // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 1. С. 50–67.

² Baumstieger M. Geometriestunde mit Trampolin. Sueddeutsche Zeitung. 01.03.2023. URL: <https://www.sueddeutsche.de/medien/baerbock-maischberger-tv-kritik-1.5759850> (дата обращения: 10.06.2023).

³ If Russia invades Ukraine, there will be no Nord Stream 2, Biden says. Reuters. 08.02.2022. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/if-russia-invades-ukraine-there-will-be-no-nord-stream-2-biden-says-2022-02-07/> (дата обращения: 11.06.2023).

⁴ Camut N. We should monitor all Russians living in the West, Czech leader says. Politico. 15.06.2023. URL: <https://www.politico.eu/article/petr-pavel-russia-czech-republic-surveillance/> (дата обращения: 15.06.2023).

в сильных объединяющих фигурах, на которые возлагаются большие надежды.

Проблеме лидерства в странах Запада посвящена коллективная монография «Лидер на фоне эпохи. Традиции и новации современного политического лидерства в странах Запада», изданная Кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (отв. ред. Л.С. Окунева). Выход книги был приурочен к 80-летию Факультета международных отношений этого университета.

В поле внимания авторов книги попали большинство стран европейского региона, а также два государства, представляющих Западное полушарие, – США и Бразилия. В монографии присутствуют главы, посвящённые проблеме политического лидерства не только крупных держав, но и тех, которые обычно не испытывают избытка исследовательского внимания. В числе последних, например, Румыния и Албания. На этом фоне несколько удивительно отсутствие анализа опыта таких государств, как Канада, Польша и Венгрия, в которых вопрос лидерства имеет очевидную специфику. Портреты Джастина Трюдо, Анджее Дуды, Виктора Орбана могли бы удачно дополнить представленные в монографии описания.

Авторский коллектив сознательно отказался от единой структуры текста для каждой из глав. Данный подход представляется логичным, поскольку позволяет адаптировать изложение к разнообразному страноведческому материалу. С учётом того, что в монографии рассматриваются примеры столь непохожих стран, как США и Румыния, Албания и Бразилия, гибкость в структуре работы выглядит оправданной.

Признавая во вводной части книги измелчение лидеров современного Запада, авторы размышляют о причинах данной тенденции и усматривают её в формировании и развитии «массового общества» (С. 10). Благодаря процессу вовлечения в общественно-политическую жизнь широких слоёв населения, начавшемуся ещё в начале XX века, эмоциональное измерение публичной политики стало преобладать

над требованиями профессиональной компетентности для лиц, принимающих решения. Развитие информационных технологий в XXI веке усугубило эту тенденцию.

Пожалуй, именно США, как убедительно отображено в соответствующей главе (авторы – В.О. Печатнов и В.Т. Юнгблуд), стали наиболее показательным примером трансформации политического лидерства в сторону «упрощения» характерных черт самой фигуры политического лидера. Биографические очерки о трёх наиболее ярких президентах США последних ста лет: Франклине Делано Рузвельте, Рональде Рейгане и Дональде Трампе – дают представление об изменении границ приемлемого для руководителя из высшего эшелона власти. Три американских лидера мастерски владели техническими достижениями публичной коммуникации своего времени: радио, телевидением и интернетом. За вдумчивыми «беседами у камина» по радио последовали запоминающиеся выступления по лучшим канонам актёрского мастерства, сменившись эмоциональными речами с площадными ругательствами, которые стремительно распространились в социальных сетях.

Налицо и снижение образовательного уровня первых лиц государства: за блестяще образованным Рузвельтом, выпускником Гарвардского и Колумбийского университетов, следует не отличавшийся успехами в провинциальном колледже Рейган и, наконец, Трамп, ограничившийся получением диплома бакалавра. При этом для двух последних лидеров дефицит образования не создал карьерных уязвимостей. Оба политика успешно компенсировали его богатым организаторским или профессиональным опытом, ораторскими способностями. Более того, подчеркнутая неотёсанность Трампа позволила ему завоевать голоса избирателей американской глубинки, увидевших в миллиардере близкого себе лидера, в противовес отстранённой ставленницы элит Хиллари Клинтон.

В случае с Германией (автор главы – Н.В. Павлов) тренд на упрощение образа лидера на Западе на первый взгляд даёт

сбой. Опыт национал-социалистической диктатуры с её «культом фюрера» сформировал в послевоенной ФРГ устойчивую антипатию к харизматичному типу руководства, поставив во главу угла опыт и профессиональные качества первых лиц государства. Не все федеральные канцлеры представляли собой высокообразованных интеллектуалов, но среди них сложно найти фигуры тех, кто активно использовал бы инструментарий демагога и популиста. Сложно считать одной лишь работой на общественное мнение знаменитое коленопреклонение Вилли Брандта в Варшаве, выходящее за рамки сиюминутных политических интересов канцлера — социал-демократа.

В воссоединённой ФРГ классический тип немецкого руководителя воплотился в канцлере Ангеле Меркель, управлявшей Германией на протяжении 16 лет. Можно согласиться с тезисом о том, что в основе её политического успеха лежали такие качества, как скромность и отсутствие харизмы в общепринятом понимании этого слова (С. 304). Этому образу стремится по мере возможностей соответствовать и её преемник, канцлер Олаф Шольц.

Вместе с тем немецкая политика последних лет также оказывается не чуждой трансформации института лидерства. Идеальный политический деятель ФРГ по своим характеристикам постепенно приближается к другим западным популистским моделям. Наиболее рельефно эта тенденция находит воплощение в партии «Союз 90/Зелёные», где стремление привлечь представителей молодого поколения оборачивается быстрым продвижением по партийной иерархии идеологизированных политиков с дефицитом профессиональных компетенций (Анналена Бербок, Рикарда Ланг). На другом фланге политической жизни ФРГ идейных харизматиков пытаются продвигать правые популисты (Бьорн Хёке).

Разнообразные типы политического лидерства демонстрируют Великобритания (авторы соответствующих глав — Н.К. Капитонова, К.А. Годованюк), Франция (И.Э. Магадеев), Италия (М.О. Шибкова), Испания (Н.Е. Аникеева), Румыния

(В.Б. Кириллов и И.С. Путинцев), Албания (Ю.А. Буланникова).

Особую картину института лидерства показывает пример Бразилии как крупнейшей страны латиноамериканского региона. Как убедительно показано в соответствующей главе работы (автор — Л.С. Окунева), бразильская политика на современном этапе характеризуется многовариантностью моделей политического лидерства (С. 574–575), которая, в свою очередь, определяет разнообразие предлагаемых бразильскому обществу модернизационных моделей правого и левого толка.

Таким образом, монография «Лидер на фоне эпохи. Традиции и новации современного политического лидерства в странах Запада» представляет читателю объёмный материал для размышления об актуальном состоянии института лидерства на Западе. Сочетание широты географии рассматриваемых стран и исторической глубины работы придаёт исследованию универсальный характер, делает его интересным для специалистов разных направлений политологии, истории и международных отношений.

Можно было бы предположить, что в работе напрашивается финальный раздел, обобщающий страновые главы с точки зрения концептуализации представленных в них выводов и, таким образом, замыкающий вводную часть. Вместе с тем отсутствие такого раздела, скорее, служит свидетельством позиции авторского коллектива в отношении вопроса о пропорции общих и частных тенденций в развитии института политического лидерства в странах Запада. Формирование лидерских качеств политика обусловлено прежде всего сложившейся национальной традицией и только затем — тенденциями более широкого уровня. В этом смысле гипотетическое появление на политическом горизонте ФРГ «немецкого Трампа» или «немецкого Макрона» возможно в той же степени, как и появление «американской Меркель».

Артём Соколов
кандидат исторических наук

Наши авторы

- Арляпова Елена Сергеевна** – кандидат политических наук, научный сотрудник Института системно-стратегического анализа
- Богданов Алексей Николаевич** – кандидат политических наук, доцент Кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета
- Боровский Юрий Викторович** – доктор исторических наук, профессор Кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России
- Ильин Дмитрий Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент Кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета
- Косевич Екатерина Юрьевна** – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; редактор блог-журнала «Наукозация»
- Младенович Мирослав** – доктор исторических наук, профессор Факультета безопасности Белградского университета (Сербия)
- Пономарёва Елена Георгиевна** – доктор политических наук, профессор Кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России
- Соколов Артём Павлович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра европейских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России
- Степанова Екатерина Андреевна** – доктор политических наук, профессор РАН, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
- Трунов Филипп Олегович** – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам РАН
- Фененко Алексей Валерьевич** – доктор политических наук, профессор Кафедры международной безопасности Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- Юнгблуд Валерий Теодорович** – доктор исторических наук, профессор, президент Вятского государственного университета

Our authors

- Dr Elena Arlyapova** – Research Fellow, Institute of System-Strategic Analysis
- Dr Alexey Bogdanov** – Associate Professor, Department of American Studies, St. Petersburg State University
- Prof. Dr Yuri Borovsky** – Professor, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University
- Prof. Dr Alexey Fenenko** – Professor, Department for International Security, Lomonosov Moscow State University
- Dr Dmitriy Ilyin** – Associate Professor, Department of History and Political Sciences, Vyatka State University
- Dr Ekaterina Kosevich** – Senior Research Fellow, International Laboratory on World Order Studies and the New Regionalism, HSE University; Editor, Naukozaciya Internet Journal
- Prof. Dr Miroslav Mladenovic** – Professor, School of Security Studies, University of Belgrade (Serbia)
- Prof. Dr Elena Ponomareva** – Professor, Department of Comparative Politics, MGIMO University
- Dr Artyom Sokolov** – Research Fellow, Center for European Studies, Institute for International Studies, MGIMO University
- Prof. Dr Ekaterina Stepanova** – Professor of the Russian Academy of Sciences; Head, Group for the Study of the Issues of Peace and Conflicts, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences
- Dr Philipp Trunov** – Lead Research Fellow, Department for Europe and America, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
- Prof. Dr Valery Yungblyud** – President, Vyatka State University

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФОРУМА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.

Сушенцов А.А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2014. 272 с.

Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке [Учебник (гриф УМО)] / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2013. 448 с.

Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013. 573 с.

Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.

Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.

Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М.: НОФМО, 2010. 173 с.

Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009, 2010. 588 с.

Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008. 330 с.

Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. 230 с.

Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОФМО, 2008. 363 с.

Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: НОФМО, 2007. 240 с.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России. М.: НОФМО, 2007. 328 с.

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьёв. М.: НОФМО, 2005. 204 с.

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х годов / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: НОФМО, 2005. 345 с.

Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: НОФМО, 2005. 224 с.

Системная история международных отношений в четырёх томах. 1918–2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатунова. Т. I (520 с.), т. II (247 с.). М.: Московский рабочий, 2000. Т. III (720 с.), т. IV (600 с.). М.: НОФМО, 2003–2004.

Троицкий М.А. Трансатлантический союз 1991–2004. Модернизация системы американско-европейского партнёрства после распада биполярности. М.: НОФМО; Институт США и Канады РАН, 2004. 250 с.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 382 с.

Галенович Ю.М. Китай и сентябрьская трагедия Америки. М.: НОФМО, 2002. 170 с.

Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Под ред. С.В. Голунова, Л.Б. Вардомского. М.: НОФМО, 2002. 572 с.

Серия докладов. Очерки текущей политики

Балуев Д.Г., Новосёлов А.А. «Серые зоны» мировой политики / Отв. ред. М.А. Троицкий // Очерки текущей политики. Вып. 3. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. 40 с.

Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах // Очерки текущей политики. Вып. 4. М.: НОФМО, 2010. 104 с.

Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американско-российских отношениях: семиотический анализ // Очерки текущей политики. Вып. 2. М.: НОФМО, 2006. 72 с.

Примаков Е.М., Хрусталёв М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения // Очерки текущей политики. Вып. 1. М.: НОФМО; МГИМО (У) МИД России, 2006. 28 с.

Международные процессы

Журнал теории международных отношений и мировой политики

Главный редактор **Андрей Байков**

«Международные процессы» – первый российский научный журнал, посвящённый теории международных отношений и мировой политике. В журнале публикуются статьи, анализирующие новые тенденции в развитии международных отношений и мировой экономики, а также освещающие современные теоретические дискуссии по конфликтологии, международным организациям, этическому измерению внешней политики и международного права, международной безопасности, геополитике.

Журнал является независимым изданием, созданным в целях содействия научному общению между русскоязычными исследователями и преподавателями международных отношений и смежных дисциплин. Мы также стремимся помочь становлению и развитию в России школ теоретического осмысления международных отношений и мировой политики.

Среди наших авторов – сотрудники образовательных и исследовательских учреждений России, стран СНГ, Западной Европы и Северной Америки. Помимо академической аудитории, журнал распространяется среди представителей российских федеральных и региональных органов власти, включая Министерство иностранных дел и Федеральное Собрание Российской Федерации.

«Международные процессы» приглашают к сотрудничеству авторов. Объём рукописей, представляемых на рассмотрение Редакционного совета, не должен превышать 60 тысяч знаков с пробелами. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы, не представленные одновременно к публикации в других периодических изданиях или в составе коллективных работ.

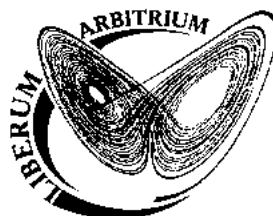
Журнал выпускается четыре раза в год Научно-образовательным форумом по международным отношениям.

ISSN 1728-2756

E-ISSN 1811-2773

Индекс журнала по каталогу «Роспечать» – 46768.

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

На эмблеме Форума изображён «аттрактор Лоренца» – фигура, воплощающая вариантность движения потоков частиц в неравновесных системах. Эмблема зарегистрирована как товарный знак.

International Trends (Mezhdunarodnye protsessy)
Journal of International Relations Theory and World Politics

Edited by **Andrey Baykov**
MGIMO University

International Trends is the first Russian academic journal dedicated to international relations theory and methodology of world-political studies.

The journal features first-class articles on new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics and international political economy. Having no direct affiliation with any state or private university or think-tank, the journal seeks to facilitate communication among all Russian-reading scholars and educators and to foster their concerted effort focused on developing theoretical approaches to international relations and world politics.

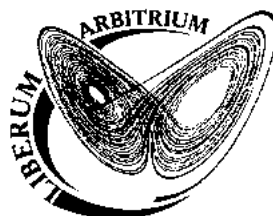
Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts and university faculty, the journal circulates among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Russian Federal Assembly.

International Trends welcomes manuscripts in Russian. Their length should not exceed 60,000 characters. Submitted manuscripts should be original and should not be considered simultaneously for publication in full or in part in any other journal or collective monograph.

International Trends is published four times a year by the Academic Educational Forum on International Relations.

ISSN 1728-2756
E-ISSN 1811-2773

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

ТЕМАТИКА РАНЕЕ ВЫШЕДШИХ НОМЕРОВ

Том двадцатый. 2022	No 1	Конструирование институтов и институализация конструкторов
	No 2	Согласование смыслов
	No 3	Нормативность фактического
	No 4	Производство согласия
Том девятнадцатый. 2021	No 1	Внешнелитературные ресурсы и образы действия
	No 2	Глобальные вызовы и национальные приоритеты
	No 3	Угрозы среды
	No 4	Цифровые опасности
Том восемнадцатый. 2020	No 1	Национальные задачи и международный опыт
	No 2	Нормы и конструкторы в поведении государств
	No 3	Сценарии соперничества и издержки конфликта
	No 4	Дилеммы мультилатерализма в мировой политике
Том семнадцатый. 2019	No 1	Глобальные технологические развилки
	No 2	Международные отношения. <i>К столетию дисциплины</i>
	No 3	Экономический инструментарий политики
	No 4	Форма vs. содержание в международной политике
Том шестнадцатый. 2018	No 1	Стратегии мироуправления
	No 2	Соотношение мощи и власти в международной политике
	No 3	Динамика порядка и логика протеста
	No 4	Новое в решении извечных проблем
Том пятнадцатый. 2017	No 1	Вызовы изменений
	No 2	Эволюция субъектности в глобальной политике
	No 3	К 50-летию АСЕАН
	No 4	Опыт и идентичность
Том четырнадцатый. 2016	No 1	Динамика и инерция
	No 2	Конкуренция в мировой политике
	No 3	Военная сила и асимметрия мощи
	No 4	Вызовы всемирности
Том тринадцатый. 2015	No 1	История в политике и политика в истории
	No 2	Методы и наука
	No 3	Экономические трудности политической системы
	No 4	Ресурсы влияния и инструменты регулирования
Том двенадцатый. 2014	No 1-2	Глобальная политика и информационная война
	No 3	«Новые старые» правила мировой политики?
	No 4	Независимость и предел ответственности

Том одиннадцатый. 2013	No 1	Общество, дискурс, политика
	No 2	Сотрудничество и противоборство в мировой политике
	No 3-4	К 10-летию журнала «Международные процессы»
Том десятый. 2012	No 1	Идея и структура в миросистемной эволюции
	No 2	Среда международной безопасности
	No 3-4	Теория в условиях неопределённости
Том девятый. 2011	No 1	Неуверенная экономика и напряжённое общество
	No 2	Дробление пространства политики
	No 3	Источники глобальной опасности
Том восьмой. 2010	No 1	Политические измерения глобального пространства
	No 2	Конфликт и право
	No 3	Социальная фаза глобального кризиса
Том седьмой. 2009	No 1	Контурсы мирового беспорядка
	No 2	Запрос на перемены
	No 3	Политическая демократия и мировое государство
Том шестой. 2008	No 1	Цикл расхождений в мировой системе
	No 2	Кризис и перспектива
	No 3	Сила и иерархия в мировой политике
Том пятый. 2007	No 1	Контроль и влияние в мировой политике
	No 2	Сопредельные пространства в мировой политике
	No 3	Интеграция и национальный интерес
Том четвёртый. 2006	No 1	Единство и разнородность
	No 2	Хронические конфликты в мировой политике
	No 3	Глобальная конкуренция в мировом государстве
Том третий. 2005	No 1	Регулирование и саморегулирование в мировой политике
	No 2	Антропология мировой политики
	No 3	Нефть и безопасность
Том второй. 2004	No 1	Философия международных отношений
	No 2	Лидерство и контрлидерство
	No 3	Свобода и несвобода
Том первый. 2003	No 1	Порядок и право
	No 2	Мир и война
	No 3	Пространство мира и международная безопасность

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ»

(Редакционная политика)

Редколлегия рассматривает материалы только при условии выполнения всех нижеперечисленных требований!

Общие правила

1. Редакция принимает к публикации статьи объёмом от 0,5 до 1,5 авторского листа. Они должны представлять собой изложение результатов самостоятельного, оригинального научного исследования, соответствующего тематическому профилю журнала и отражающего умение автора свободно ориентироваться в существующем библиографическом контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2. Наряду со статьями редакция публикует аналитические обзоры современных работ (объёмом около 1 авторского листа) и рецензии на новейшую научную литературу (0,25 авторского листа). До 1 июля каждого текущего года рассматриваются тексты рецензий на книги, изданные в предшествующем году. После 1 июля — только на работы текущего года.

3. Принятие материала к рассмотрению не является гарантией его публикации. Все материалы направляются на анонимное экспертное рецензирование.

4. Имена рецензентов (как правило, не менее двух) не разглашаются. В случае отказа в публикации принятого к рассмотрению материала редакция направляет автору мотивированное заключение с изложением оснований для отказа.

Все тексты должны быть написаны литературным языком и отредактированы в соответствии с нормами научного стиля речи.

5. В журнале могут быть размещены только ранее не опубликованные материалы, которые в момент представления их в редакцию не рассматриваются на предмет публикации в других журналах.

6. Плата за публикацию материалов не взимается. Единственными основаниями для решения о публикации являются качество материалов и их соответствие тематике журнала.

7. Направлять статьи необходимо только по электронному адресу submissions@intertrends.ru в файлах типа Word с форматированием текста по левому краю, 12 кеглем через полуторный интервал, шрифт “Times New Roman”.

Убедительная просьба не применять в тексте автоматические нумерацию и списки.

Просим потенциальных авторов с пониманием отнестись к тому, что редакция журнала не вступает в переписку и тем более содержательную полемику с потенциальными авторами по электронной или обычной почте и не принимает на себя какие-либо предварительные обязательства, касающиеся публикации подаваемых авторами материалов.

8. Титульный лист с указанием: фамилии, имени, отчества автора, учёной степени и учёного звания, должности и места работы, а также почтового индекса места работы — должен быть сохранён в отдельном файле. Информация в нём должна дублироваться на русском и английском языках. Основной файл статьи должен содержать её название, соб-

ственно текст произведения, постраничные примечания и затекстовый список литературы в кириллической и романской транскрипции. Данное требование связано с соблюдением условий анонимного рецензирования всех направляемых в редакцию рукописей.

9. Авторы должны снабдить представляемые на рассмотрение статьи списком ключевых слов, кратким содержанием работы (резюме) на русском и английском языках объемом не менее 250 слов и пристатейной библиографией в формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования (см. ниже).

Оформление ссылок

1. Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях должны быть оформлены в виде внутритекстовых библиографических ссылок с указанием фамилии авторов, года издания, страниц. В случае отсутствия указания авторства в библиографическом описании издания необходимо указать его название.

Например: [Huntington 1993: 68]; [Хелд и др. 2004: 33]; [Мир вокруг России 2007: 21].

2. Остальные ссылки должны быть оформлены в виде постраничных сносок-примечаний.

Например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Совет безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 12.10.2013).

Резюме

1. Статьи и аналитические обзоры, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться резюме на русском и английском языках. Оно должно быть выполнено в форме краткого текста, объемом от 250 до 350 слов, который раскрывает цель и задачи работы, её структуру и основные полученные выводы. **Резюме представляет собой самостоятельный аналитический текст и должен давать адекватное представление о проведённом исследовании без необходимости обращения к статье.**

2. Резюме на английском (Abstract) должно быть написано грамотным академическим языком. **Оно не может быть дословным переводом с русского, не может содержать неперево-
данных русскоязычных конструкций и идиом.**

Список литературы (References)

1. Статьи, аналитические обзоры и резюме, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться списком литературы на русском и английском языках. Оба списка должны быть составлены по алфавитному принципу (в согласии с русским и латинским алфавитами соответственно). **В список литературы должны быть включены научная литература, аналитические доклады и статьи в научных периодических изданиях (он должен отражать совокупность работ, на которые в статье содержатся внутритекстовые библиографические ссылки).**

2. В списке литературы на русском языке при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы авторов, название работы, место издания, название издательства, год издания, количество страниц. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, сборника или серии, место издания, издательство и год издания для сборников / год издания, том и номер для журнала, номера страниц, для интернет-публикаций также электронный адрес

и дату обращения (при наличии). Название статьи и журнала, а также название сборника и сведения о редакторах должны разделяться двумя косыми чертами. *Фамилия и инициалы автора должны быть выделены курсивом.*

Например: Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 208 p.

Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего // *Метаморфозы мировой политики* / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 148–178.

Стрелец И. Информационная экономика как общемировой социальный феномен // *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 25–37.

Салтыков Б. Высшее образование в России: между наследием прошлого и современными вызовами / IFRI. *Russie. Nei.Vision*. 2008. 23 с. URL: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (дата обращения: 24.05.2013).

3. В списке литературы на английском языке (References) при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы автора, год издания, название работы, место издания, название издательства, количество страниц. *Название книги должно быть выделено курсивом.*

4. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, год издания, название статьи, название журнала или серии, том и номер для журнала / место издания и издательство для сборника, количество или номера страниц, электронный адрес и дату обращения (при наличии). *Название журнала, сборника или серии должно быть выделено курсивом.*

Вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации. Место издания должно быть указано полностью. **Название книги, доклада или статьи должно быть транслитерировано и переведено (перевод приводится в квадратных скобках).**

Например: Nye J. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 208 p.

Dolinskiy A. 2011. Diskurs o publichnoy diplomatii [Discourse on Public Diplomacy] // *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. № 1 (25): 45–55.

Risse Th. 2002. Transnational Actors and World Politics. In: Carsnaes W., Risse Th., Simmons B.A. (eds) *Handbook of International Relations*. Sage: 255–274.

Saltykov B. 2008. Vysshee obrazovanie v Rossii: mezhdru naslediem proshlogo i sovremennymi vyzovami [Russian Higher Education: Between the Past and the Future]. *IFRI. Russie. Nei.Vision*: 18. 23 p. Available at: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (accessed: 24.05.2013).